

1918

КАКЪ ВОЗНИКЪ,
ОСНОВАЛСЯ
И РОСЪ
САНКТ-ПЕТЕРБУРХЪ

ОЧЕРКЪ
П.Н.СТОЛПЯНСКАГО

ИЗД. Т-ВО „КОЛОСЪ“

1918

17.149.3.58 а

П. Н. Столпянскій.

17.149

ПЕТЕРБУРГЪ

КАКЪ ВОЗНИКЪ, ОСНОВАЛСЯ И РОСЪ
САНКТЪ-ПИТЕРБУРХЪ.

17.149.3.58a

Богатырь его устроилъ,
Топь костями забутилъ.

(Изъ старой русской пѣсни).

181
165

ПЕТРОГРАДЪ.

Издательское Товарищество «КОЛОСЪ», Литейный, 21.

1918.

ОТЪ ИЗДАТЕЛЬСТВА.

Издание книги по истории Петербурга было задумано книгоиздательствомъ „Революціонная Мысль“ въ февралѣ 1918 года, въ то время, когда брестскіе переговоры поставили Россію въ такое положеніе, что оккупация ея сѣверной столицы была вполне вѣроятна, и дальнѣйшія судьбы Петербурга глубоко волновали все русское общество. Но и послѣ заключенія брестскаго договора, при эвакуации Петербурга, когда городъ все болѣе и болѣе разрушался и пустѣлъ, тревога за судьбу Петербурга, находящагося подъ постоянной угрозой занятія его нѣмецкими войсками, нисколько не уменьшилась. Именно въ это время стала проявляться та любовь къ своему городу, которая до того времени въ широкихъ массахъ населенія не замѣчалась. Пробудившееся національное чувство подсказывало, что Петербургъ росъ и строился не только волею царей и правящей бюрократіи, но и трудами всего русскаго народа, за счетъ всего богатства Россіи. Естественно, что въ связи съ опасеніями за будущее города, у петербуржцевъ явился большой интересъ и къ прошлому города, и къ его исторіи.

Идя навстрѣчу этому, издательство рѣшило въ живой и популярной формѣ дать книгу по исторіи Петербурга. Къ счастью, издательству удалось сговориться по выполненію этой работы съ такимъ знаткомъ исторіи Петербурга, какъ П. Н. Столпянскій; онъ согласился въ спѣшномъ порядкѣ приготовить эту книгу, что и выполнилъ почти въ двухмѣсячный срокъ.

Поэтому, пусть читатель не посѣтуетъ на автора и издательство за неполноту и нѣкоторую сжатость характера работы. Съ одной стороны, крайняя необходимость своевременнаго выпуска такой книги, а съ другой—ограниченность въ срокѣ и размѣрахъ работы, не позволили дать болѣе обстоятельную и подробную исторію нашей столицы.

Изданіе, начатое „Революціонной Мыслью“, закончено книгоиздательскимъ товариществомъ „Колось“.

ВВЕДЕНИЕ.

Сравнительная молодость С.-Петербурга и отсутствіе поэтому какихъ-либо особенныхъ легендъ, объясняющихъ возникновеніе Петербурга.—Поэма Пушкина „Мѣдный Всадникъ“.—Стремленіе представить Петербургъ, какъ Петрово дѣтище и какъ окно въ Европу.—Истинная причина zaloженія Петропавловской крѣпости.—Удобное положеніе острова Енисари.—Краткая справка изъ исторіи дельты Невы.—Когда стали образовываться острова, находящіеся въ устьѣ Невы.—Былыя землетрясенія.—Вѣковое поднятіе почвы Финскаго залива.—Переписная книга Вотьской пятины 1500 года.—Неправильность взгляда—„на берегу пустынныхъ водъ“.—Что играло главную роль въ основаніи и первоначальномъ развитіи Петербурга.—Юбилейная дата для Петербурга.—Планы Петра Великаго объ устройствѣ Петербурга.

Петербургъ, или, какъ его нынѣ именуютъ, Петроградъ, является вполне малолѣткомъ среди столицъ міра—ему всего на всего 200 лѣтъ: онъ основанъ въ 1703 году. Весьма понятно, что такое позднее возникновеніе Петербурга не позволяетъ объяснить его происхожденіе какимъ-нибудь сверхъестественнымъ способомъ, помощью болѣе или менѣе остроумно выдуманной легенды. Конечно, нельзя къ основанію Петербурга присочинить новую волчицу, которая, какъ извѣстно, играла главную роль при основаніи Рима;—волчица эта, по преданію, кормила Ромула и Рема своимъ молокомъ и тѣмъ спасла ихъ отъ голодной смерти; нельзя утверждать, что на мѣстѣ Петербурга былъ апостолъ Андрей Первозванный, которому обязанъ своимъ воз-

никновениемъ Кіевъ;—Андрей Первозванный, по преданію, на мѣстѣ будущаго Кіева воздвигъ крестъ и тѣмъ самымъ показалъ, что здѣсь будетъ православный городъ. Повторяемъ, такими легендами нельзя изукрасить основаніе Петербурга.

Но все же появилась легенда, которую мы, петербуржцы, всасываемъ чуть ли не съ молокомъ матери и которой мы вѣримъ всю нашу жизнь. Происходитъ такая упорная вѣра потому, что этою легендою воспользовался нашъ величайшій поэтъ Пушкинъ и такъ поэтически изложилъ ее, что, разъ прочитавъ поэму Пушкина „Мѣдный Всадникъ“, навсегда запечатлѣешь эту легенду въ своемъ умѣ. Въ самомъ дѣлѣ, вспомнимъ:

„На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ онъ думъ великихъ полнъ
И вдаль глядѣлъ; предъ нимъ широко
Рѣка неслась...
И думалъ онъ: отсель грозить мы будемъ шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложенъ
На зло надменному сосѣду,
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно...“

Поэтъ этими строками связалъ неразрывно имя Петербурга съ именемъ преобразователя Россіи, съ именемъ Петра Великаго,—Петръ, какъ даютъ объясненіе, стремился къ устью Невы, чтобы здѣсь заложить свою столицу, „прорубить окно въ Европу“.

И, гласитъ легенда или преданіе, — „осматривая островъ Енисари, Петръ I взялъ у солдата башнетъ, вырѣзалъ два дерна и, положивъ ихъ крестообразно, сказалъ: „здѣсь быть городу“; затѣмъ, взявъ заступъ, первый началъ копать ровъ; въ это время въ воздухѣ появился орелъ и сталъ парить надъ царемъ. Когда ровъ былъ выкопанъ около двухъ аршинъ, въ него—

16 мая 1703 года — въ день святой Троицы поставили ящикъ, высѣченный изъ камня; духовенство окропило этотъ ящикъ святою водою, государь поставилъ въ него золотой ковчегъ съ частью мощей святого апостола Андрея Первозванного; послѣ того царь прикрылъ ящикъ каменной доскою, на которой была вырѣзана слѣдующая надпись: „отъ воплощенія Иисуса Христа 1703 года мая 16, основанъ царствующій градъ Санктъ-Петербургъ великимъ государемъ царемъ и великимъ княземъ Петромъ Алексѣевичемъ, самодержцемъ все-россійскимъ“.

Къ 200-лѣтію существованія Петербурга одинъ изъ художниковъ воспользовался этимъ сказаніемъ и сочинилъ иллюстрацію, на которой изобразилъ сцену основанія Петропавловской крѣпости: Петръ Великій, окруженный свитою своихъ приближенныхъ, стоитъ съ заступомъ въ рукахъ на какомъ-то возвышеніи; рабочіе копаютъ рвы, начинаютъ сыпать валы, нѣсколько въ боку картины виднѣются двѣ связанные верхушками березки — онѣ должны представлять будущія ворота Петропавловской твердыни, наконецъ, надъ Петромъ рѣшетъ орелъ, вѣстникъ славы и побѣды.

Художникъ, какъ мы видимъ, буквально слѣдовалъ вышеприведенному преданію, но если въ послѣднемъ недостоверность не такъ рѣзко бросается въ глаза, то она вполне ярко проявляется въ иллюстраціи. Иллюстрація прежде всего страдаетъ излишнею театральностью; еще болѣе скептически заставляеть отнестись къ картинѣ „орелъ“; — какъ извѣстно, орлы — болѣе южные жители, къ Петербургу они залетаютъ очень и очень рѣдко: вмѣсто орловъ здѣсь водятся вороны, копчики да ястреба.

И, дѣйствительно, если отъ фантазіи поэта, написавшаго вышеприведенныя строчки, отъ легенды, съ

замѣчательною точностью передающей всѣ детали событія, наконецъ, отъ иллюстраціи художника, мы перейдемъ къ историческимъ документамъ, то окажется, что 16 мая 1703 года Петра Великаго даже не было на мѣстѣ нынѣшняго Петербурга, онъ былъ на Ладожскомъ озерѣ: изъ Сяьскаго устья онъ поѣхалъ дальше осматривать строящійся флотъ.

Такимъ образомъ, Петръ не накладывалъ крестообразно дернъ, не копалъ рва, не опускалъ въ него ковчегъ съ мощами св. Андрея Первозваннаго, надъ Петромъ не парилъ орелъ,—крѣпость на островкѣ Енисари заложилъ въ отсутствіи Петра его любимецъ Меншиковъ. Фантазіи поэта и художника не было, на самомъ дѣлѣ все происходило гораздо проще и естественнѣе. Передъ нами схематическій планъ устья Невы. (Смотри въ концѣ книги планъ № 1). Въ концѣ апрѣля мѣсяца—26 апрѣля 1703 года—русскія войска обложили шведскую крѣпость Ніеншанцъ, которая была на мѣстѣ нынѣшней Охты и на нашемъ планѣ указана подъ № 1. Пока войска готовились къ осадѣ, Петръ Великій, взявъ съ собою 7 ротъ гвардейцевъ, отправился внизъ по Невѣ, на рекогносцировку. Какъ только лодки повернули изъ той луки, которую Нева дѣлаетъ около нынѣшняго Смольнаго монастыря (на планѣ эта лука обозначена буквою А), сейчасъ же долженъ былъ кинуться въ глаза небольшой островокъ (на планѣ подъ № 2). Шведы и финны звали его Енисари, что значитъ Заячій островъ. Узкимъ проливомъ онъ былъ отдѣленъ отъ Петербургской Стороны, тогда носившей названіе Койвусари, что значитъ Березовый островъ,—очевидно, на этомъ островѣ было много березы, въ противоположность слѣдующему, нынѣ Аптекарскому, а тогда Карписари, что означаетъ еловый, т. е., заросшій елкою.

Этотъ островокъ Енисари стоялъ и стоитъ при раздѣленіи Невы на Большую и Малую Неву. Петръ Великій долженъ былъ пристать къ этому островку, чтобы выяснитъ, по какому же рукаву идетъ фарватеръ, и оказалось, что Малая Нева не судоходна, а фарватеръ идетъ по Большой Невѣ, близко берега нынѣшняго Васильевскаго Острова, тогда Хирвисари, что значитъ Лосиный островъ,—въ изобиліи водились лоси,—а затѣмъ отъ конца этого острова, отъ такъ называемой стрѣлки, круто переходитъ на противоположную сторону, къ будущему Адмиралтейскому острову, тогда къ острову „Усадбица“, — фарватеръ на нашемъ планѣ обозначенъ пунктирной линіей.

Такое направленіе фарватера показало Петру,—не забудемъ, что Петръ обладалъ замѣчательнымъ глазо-мѣромъ, свойствомъ, необходимымъ каждому хорошему инженеру,—что если на островкѣ Енисари поставить батарею или еще лучше устроить крѣпость, то эта крѣпость закроетъ шведамъ входъ въ Неву, и русскій флотъ на Ладожскомъ озерѣ можно будетъ строить съ большею безопасностью, да и Ніеншанцъ и Нотенбургъ (т. е. Шлиссельбургъ) шведы не смогутъ взять обратно.

И какъ только палъ Ніеншанцъ, нынѣшняя Охта, Петръ и отдаетъ приказаніе заложить на Енисари Петропавловскую крѣпость, быть можетъ, первое время и не носящую этого названія. И эта крѣпость закладывается вовсе не какъ основаніе будущей столицы,—о столицѣ здѣсь, на устьѣ Невы, Петръ сталъ думать, какъ увидитъ читатель, гораздо позже. Такимъ образомъ, причиною основанія Петербурга было вовсе не стремленіе Петра Великаго „прорубить окно въ Европу“,—прорубать окно онъ сталъ гораздо позже,—а нахожденіе въ устьѣ Невы незначительнаго островка, который какимъ-

то неизвѣстнымъ для насъ геологическимъ переворотомъ былъ оторванъ отъ нынѣшней Петербургской Стороны.

Для большей ясности намъ необходимо сдѣлать небольшую геологическую и историческую справку изъ эпохи, предшествовавшей заселенію Петербурга. Мы уже указали, что Петербургъ долженъ считаться малолѣткомъ среди другихъ столицъ міра, точно также и та самая мѣстность, гдѣ расположенъ Петербургъ, устье или дельта красавицы Невы, тоже не слишкомъ ранняго происхожденія. Во всякомъ случаѣ, образованіе рѣки Невы изъ довольно широкаго пролива, достигающаго мѣстами 8—20 верстъ, произошло уже тогда, когда на побережьѣ Ладожскаго озера поселился человѣкъ. Въ нашей, такъ называемой, Несторовой лѣтописи очень подробно описанъ водный путь „изъ варягъ въ греки“, т. е., изъ Балтійскаго моря въ Черное. Но въ этомъ описаніи еще не упоминается рѣка Нева, какъ рѣка, есть только указаніе „на великое озеро Нево“, т. е., нынѣшнее Ладожское озеро, и „того озера вышло въ устье моря Варяжскаго (т. е. Балтійскаго).“

Конечно, нельзя вполне убѣжденно утверждать, что выраженіе Несторовой лѣтописи показываетъ, что и во времена лѣтописца Ладожское озеро непосредственно соединялось съ Балтійскимъ моремъ и вмѣсто Невы былъ только широкій проливъ. Надо полагать въ этомъ выраженіи лѣтописца отголосокъ старинныхъ уже и для эпохи Нестора преданій, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что и во времена Нестора Нева была несравненно короче и шире настоящей, а потому еще и не получила настоящаго прозвища, а именовалась просто на просто устьемъ великаго озера Нево, тѣмъ она, безъ сомнѣнія, и была въ самомъ тѣсномъ смыслѣ этого слова при первомъ появленіи человека на берегахъ

Ладожскаго и Финскаго бассейновъ. Не забудемъ, что, по шведскимъ источникамъ, а шведы уже со второй половины VII или съ первой половины VIII вѣковъ господствовали по сю сторону Балтійскаго моря, рѣка Нева носить названіе Ny (Нью), что значить „Новая рѣка“, — этимъ названіемъ какъ бы подчеркивается сравнительно новое происхожденіе Невы.

Тѣ же лѣтописи сохранили намъ извѣстія о какихъ то страшныхъ геологическихъ катастрофахъ, происходившихъ на берегахъ Балтійскаго моря въ VIII—XII вѣкахъ.

„Въ лѣто 6738 (отъ сотворенія міра, конечно, или по нынѣшнему лѣтосчисленію, въ 1230 году) тресеся земля по Велице дни (т. е., послѣ пасхи) въ пятокъ на 5 недѣли въ обѣдъ, а иные тобоѣдали“, — такъ заносить лѣтописецъ во 2-ой новгородской лѣтописи. Въ той же лѣтописи подъ 1176 годомъ отмѣчено, что „рѣка Волховъ въ это лѣто въ теченіе пяти дней шла „на взводъ“, т. е., имѣла обратное теченіе. Землетрясеніе отмѣчалось лѣтописцами нѣсколько раньше, напримѣръ въ 1107 году читаемъ: „стресеся земля мѣсяца февраля въ 5 день“.

Конечно, какъ-то странно читать въ настоящее время о землетрясеніяхъ въ Петербургѣ и Петербургскомъ краѣ. Но, съ одной стороны, точность, съ которой лѣтописецъ означаетъ время землетрясенія, не позволяетъ усомниться въ правильности его извѣстій, а, съ другой стороны, у насъ имѣются свѣдѣнія о землетрясеніи, бывшемъ въ С.-Петербургѣ гораздо позднѣе. Это землетрясеніе — 14 октября 1802 года — отмѣчаетъ и Пушкинъ въ своихъ замѣткахъ. Правда, это землетрясеніе было едва замѣтно въ Петербургѣ, но если землетрясеніе наблюдалось въ Петербургѣ въ началѣ XIX вѣка то оно могло быть настолько значительнымъ въ VIII—XII вѣкахъ, что вызвало не только громадное навод-

неніе, но и общій подъемъ данной мѣстности, вслѣдствіе чего должно было произойти нѣкоторое спаденіе водъ Ладожскаго озера и образованіе нынѣшняго русла Невы.

Если лѣтописцы и другіе писанные источники говорятъ намъ, что происхожденіе и нынѣшняго русла, и нынѣшняго устья Невы нужно отнести къ VIII—X вѣку, то точно такіе же результаты получаются и отъ географическихъ и геологическихъ наблюденій.

Площадь острововъ, составляющихъ Невскую дельту, постепенно увеличивается, какъ это показываютъ топографическія съемки. Сравнивая годовой приростъ острововъ Невской дельты по съемкамъ 1718, 1828 и 1864 годовъ, составляющій отъ 9643 кв. саж. (если сравнивать 1828 и 1864 годы) до 9410 кв. саж. (если сравнивать 1718 и 1864 годы), оказывается, что для образованія этихъ острововъ необходимо было около 900 лѣтъ, а отсюда видно, что острова, образующіе дельту Невы, начали возникать приблизительно въ X вѣкѣ по Р. Х. Тотъ же результатъ получимъ и изъ наблюденій надъ вѣковымъ поднятіемъ береговъ Финскаго залива, которое въ Петербургѣ составляетъ отъ 0,93 до 1,16 фута въ 100 лѣтъ. Изъ этихъ данныхъ видно, что въ X вѣкѣ по Р. Х. вся дельта Невы была приблизительно на 10—11 футовъ ниже нынѣшней. А между тѣмъ, при наводненіяхъ въ С.-Петербургѣ, несмотря на значительное искусственное возвышеніе города со времени Петра Великаго, повышеніе воды до 10¹/₂ футовъ (наводненіе 1777 года) и даже до 9¹/₂ футовъ (наводненіе 1752 года) выше ординара заливаеъ всѣ петербургскіе острова. При наводненіи 1824 года, когда вода поднялась выше 13¹/₂ футовъ, залить былъ почти весь городъ, кромѣ Литейной, Рождественской и Каретной частей. Зная все это, должны заключить то же самое, къ чему приходимъ

и изъ другихъ источниковъ: образованіе Невской дельты началось въ VIII—X вѣкѣ по Р. Х.

При возникновеніи изъ подъ уровня Финскаго залива дельта рѣки Невы въ нынѣшнемъ ея районѣ представляла изъ себя, вѣроятно, одинъ сплошной, сперва еще небольшой островъ. Дальнѣйшее поднятіе береговъ залива, сужая устье рѣки,—тогда какъ количество воды, протекавшее изъ Ладожскаго озера черезъ Неву, оставалось то же самое, а сила теченія отъ подъема береговъ даже увеличивалась,—повело къ постепенному размыванію означеннаго острова на нѣсколько меньшихъ. Вообще же число острововъ Невской дельты постепенно увеличивается и довольно быстро, что можно ясно видѣть изъ сравненія числа острововъ по извѣстнымъ въ настоящее время картамъ Невской дельты. Въ 1676—1700 годахъ Невская дельта состояла всего изъ 24 острововъ, въ 1705—1706 годахъ—изъ 31, въ 1777 году—изъ 48, въ 1848 году—изъ 80, а въ 1808—1881 годахъ—уже болѣе чѣмъ изъ 100 острововъ. Такимъ образомъ, на каждое изъ послѣднихъ двухъ столѣтій число острововъ Невской дельты удваивалось, по этому расчету дельта Невы могла состоять изъ одного острова еще и въ XII вѣкѣ,—новое подтвержденіе, что дельта Невы стала образовываться въ VIII—X вѣкѣ.

Если физическая исторія Невской дельты начинается съ VIII—X вѣка по Р. Х., то, оставляя безъ вниманія лѣтописныя сказанія (въ связи съ именемъ Александра Невскаго упоминается „мужъ старшина въ землѣ Ижорской, именемъ Пельчусій“, который „стоявше у края моря и стерегуще обои пути“), шведскія извѣстія (о постройкѣ Ландскрона, что по переводу русскихъ лѣтописей значило „Вѣнецъ земли“), можемъ сказать, что гражданская и политическая исторія этой же дельты для насъ становится болѣе или менѣе ясной съ самаго

начала XVI вѣка. Къ этому времени относится документъ чрезвычайной важности, извѣстный подъ названіемъ „переписная окладная книга Вотьской Пятинны 6008 года“. Вся Новгородская область 6008 года (съ сотворенія міра или 1500 ж. по Р. Х.), уже утратившая свою самостоятельность и подпавшая подъ владычество Москвы, дѣлилась на пять пятинъ, которыя въ свою очередь раздѣлялись на уѣзды, послѣдніе—на погосты. Приведя „Великій Новгородъ во всю волю свою“, Іоаннъ III потребовалъ (въ январѣ 1478 года) отъ новгородцевъ дани. Для опредѣленія размѣровъ этой дани необходимо было сдѣлать „переписи“, и вотъ на наше счастье сохранилась такая вторая по времени переписная окладная книга. Эта книга позволяетъ намъ восстановить точное первоначальное названіе той мѣстности, въ которой находится С.-Петербургъ или, какъ его любили называть, Сѣверная Пальмира:

„Санктъ Петербургъ основанъ въ Вотьской Пятинѣ, въ Ижорскомъ погостѣ“.

Интересно, что, несмотря на всю подробность, съ какою переписная книга 1500 года отмѣчаетъ мельчайшія селенія, даже „мхи“, т. е., болота, которыя сдавались подъ охоту и приносили, такимъ образомъ, извѣстный доходъ, въ ней изъ острововъ Невской дельты указывается только три острова:

1) Васильевъ островъ — нынѣшній Васильевскій островъ,

2) Өоминъ островъ—нынѣшняя Петербургская Сто-
рона,

3) неизвѣстный нынѣ островъ Сандуй,
остальные же острова (Петровскій, Крестовскій, Елагинъ, не говоря уже о мелкихъ, вродѣ Голодая, Гутуевского и т. п.), вовсе не упоминаются.

Этотъ пропускъ можно объяснить двояко: или про-

пущенные острова были такъ низменны, что на нихъ не было даже ни сѣнокосовъ, ни охотничьихъ промысловъ—на упомянутомъ островѣ Сандуѣ тоже не было жилья, но были сѣнокосы—и потому они не могли служить какой-нибудь арендной статьею и, слѣдовательно, не подлежали никакимъ сборамъ, или ко времени переписной книги 1500 года вообще не было рѣкъ Средней Невки, Малой Невки, Крестовки, Карповки и Ждановки, и дельта Невы состояла, дѣйствительно, изъ трехъ острововъ:

1) Сандуй—соединенные острова Крестовскій, Елагинъ, Каменный,

2) Ооминъ островъ—соединенные Аптекарскій, Петровскій острова и нынѣшняя Петербургская Сторона и

3) Васильевъ островъ—нынѣшній Васильевскій съ Голодаемъ.

Всѣ эти факты изъ исторіи самой дельты Невы подтверждаютъ нашу догадку, что маленькій Заячій островъ, Енисари могъ, дѣйствительно, быть оторваннымъ какимъ-то геологическимъ переворотомъ отъ своей матери—Оомина острова.

Еще нѣсколько словъ о тѣхъ поэтическихъ строкахъ, которыя Пушкинъ посвятилъ описанію возникновенія Петербурга. Поэтъ сказалъ: „на берегу пустынныхъ волнъ“—и это утвержденіе, какъ ясно видно изъ приложенной карты (см. планъ № 1), вообще не соотвѣтствуетъ дѣйствительности: ко времени основанія Петербурга его острова были въ достаточной степени заселены. На главныхъ изъ нихъ мы можемъ указать 6 селеній. На истокахъ Фонтанки находилось имѣніе шведскаго майора Канау; приблизительно тамъ, гдѣ теперь Инженерный замокъ, стояла самая усадьба майора, а на мѣстѣ нынѣшняго Лѣтняго сада майоромъ былъ уже разбитъ по голландскому образцу довольно большой садъ (на приложенномъ

планѣ усадьба майора означена № 3). Далѣе, на мѣстѣ нынѣшняго адмиралтейства была довольно большая безымянная деревня, въ ней заключалось „пять дворовъ и семь душъ мужскаго пола, сѣна косили 90 копенъ, а хлѣба сѣяли 18 коробей“ (на планѣ № 4); деревня Гавгуева была приблизительно на мѣстѣ нынѣшней Благовѣщенской площади—при Петрѣ здѣсь былъ каторжный дворъ (на планѣ № 5); на Васильевскомъ Островѣ были охотничій домикъ Якова Делагарди, на самой стрѣлкѣ Острова (на планѣ № 6), и селеніе лопмановъ (на планѣ № 8), наконецъ, на Томиномъ островѣ при владѣніи шведовъ находилось большое,—подчеркиваемъ это опредѣленіе,—помѣстіе Биркенгольмъ, здѣсь, по всему вѣроятію, король Густавъ Адольфъ хотѣлъ основать городъ Ніень, а въ новгородское время здѣсь было большое село въ 36 дворовъ, что соотвѣтствуетъ населенію около 180 душъ, это село было самымъ крупнымъ изъ поселеній въ устьяхъ Невы и въ немъ находился „дворъ тіунъ на пріѣздѣ, безъ пашни“, т. е. домъ для пріѣзда велико-княжескаго судьи (на планѣ № 7). Значительное количество деревушекъ было раскинуто и по другимъ островамъ (на планѣ мы привели характерныя финскія названія этихъ острововъ), такъ что назвать эту мѣстность „пустынною“ ни въ коемъ случаѣ нельзя. Большая Новгородская дорога шла приблизительно по нынѣшней Лиговской улицѣ и въ концѣ современной Кирочной дѣлилась на нѣсколько тропъ, одна изъ нихъ, около Пантелеймоновскаго моста, переходила черезъ Фонтанку, огибала садъ майора Канау, и вдоль берега Невы шла на взморье, другая черезъ настоящіе Пески направлялась къ Охтенскому перевозу, тогда перевозу къ Ніеншанцу.

И интересно отмѣтить слѣдующую любопытную подробность, къ которой болѣе обстоятельно мы вернемся

впослѣдствіи: почти всѣ большія сооруженія Петербурга Петровскаго времени сооружались на мѣстѣ этихъ первоначальныхъ финскихъ деревушекъ — понятно, почему: на мѣстѣ этихъ деревушекъ почва была болѣе или менѣе обработана, укрѣплена, слѣдовательно, требовалось менѣе подготовительной работы — а Петръ Великій, несмотря на всю его жестокость, былъ очень экономенъ въ средствахъ и щадилъ, насколько было возможно, и людскую, живую силу.

На маленькомъ островкѣ Енисари возникла Петропавловская крѣпость и весьма естественно, что рядомъ съ этой крѣпостью, на быломъ Оминомъ островѣ, тамъ, гдѣ со времени Іоанна III существовало большое село — возникъ первоначальный старый Петербургъ. Здѣсь Петръ Великій расположился какъ бы на бивуакѣ, построилъ для себя маленькій домикъ, срубилъ небольшую деревянную церковь и велѣлъ строиться приближеннымъ. Но всѣ эти постройки были наспѣхъ, носили временный характеръ, не было увѣренности, что не явится шведъ, и русскимъ не придется удирать. Можетъ быть, все дѣло и ограничилось бы крѣпостью на Енисари и небольшимъ поселкомъ на Оминомъ островѣ, если бы на сцену не появился главный факторъ въ исторіи Петербурга — случайность.

Осенью того же года, когда произошла закладка Петропавловской крѣпости, Петръ Великій сталъ выводить изъ Ладожскаго озера только что построенный первый флотъ — сердитая Ладога сильно потрепала флотъ, много кораблей потерпѣло аварію. Для Петра стало яснымъ, что строить флотъ на Ладожскомъ озерѣ неудобно, нужно было отыскать для верфи другое мѣсто. Самымъ подходящимъ мѣстомъ было устье рѣки Охты, гдѣ былъ Ніеншанцъ, а впослѣдствіи возникла Охтенская верфь — мѣсто это находилось подъ защитой

Петропавловской крѣпости, было удобно для построекъ... Но... но Петръ Великій уже облюбовалъ для себя садъ маіора Конау, а верфь должна быть подъ непосредственнымъ, постояннымъ надзоромъ царя. Вотъ почему онъ рѣшается устроить верфь, свое адмиралтейство, тамъ же, на томъ же островѣ, на которомъ находится и полюбившійся ему садъ. Мѣстоположеніе бывшей безыменной деревни на берегу Невы (на планѣ № 4) какъ бы подсказываетъ, гдѣ должна основаться верфь, — кругомъ лѣсъ, болото, надо предварительно укрѣплять почву, а здѣсь можно воспользоваться готовымъ, прежнею работою финновъ. И несмотря на то, что Нева здѣсь дѣлаетъ отмель, и что, слѣдовательно, мѣсто неудобно для верфи, верфь закладывается. И при первомъ налетѣ шведовъ Адмиралтейство оказывается незащищеннымъ — издается новое распоряженіе: вмѣсто прежней неукрѣпленной верфи построить новую крѣпость Адмиралтейскую.

Полтавская битва укрѣпляетъ положеніе Петербурга или, какъ пишетъ Петръ Великій Апраксину 27 іюня 1709 года: „нынѣ уже совершенно камень въ основаніе Санктъ-Питербурха положенъ съ помощью Божіей“, проходитъ немного времени, удачное сраженіе при Переволоцкѣ, позволяетъ Петру I обрадовать своего кесаря, замѣстителя Петра, вслѣдствіе его частыхъ отлучекъ, князя Ѳ. Ю. Ромодановскаго слѣдующею вѣсточкою: „Нынѣ уже безъ сумлѣнія желаніе вашего высочества еже резиденціи вамъ имѣть въ Питербурхѣ, совершилось чрезъ сей упадокъ конечной непріятеля“ — какъ видимъ рѣчь идетъ уже о резиденціи страны, т. е. о столицѣ. Но только послѣ взятія Выборга — „устройства крѣпкой подушки“ для Петербурга по мѣткому образному выраженію Петра — положеніе С.-Петербурга стало вполне устойчивымъ и онъ, съ 1712 года, становится постоянною резиденціею не только царя, но и царскаго семей-

ства, которое съ этого года переселяется на постоянное пребываніе, а съ 1714 года начинаются дѣйствительныя, регулярныя заботы по устройству Петербурга.

Такимъ образомъ, если намъ хочется отыскать юбилейную дату для былого Петербурга, какъ столицы Россійскаго государства, то таковой безусловно долженъ считаться 1712 годъ, съ этого года Петербургъ становится резиденціею.

При взглядѣ на дальнѣйшее устройство Петербурга въ царствованіе Петра Великаго мы сталкиваемся со слѣдующимъ интереснымъ обстоятельствомъ: основною задачею при строителствѣ Петербурга было стремленіе устроить его такъ, чтобы онъ не походилъ на Москву.

Москва была деревяннымъ городомъ, Петербургъ долженъ быть каменнымъ и 20 сентября 1714 года появляется указъ: „о воспрещеніи на нѣсколько лѣтъ возводить во всемъ государствѣ каменное строеніе, такъ какъ въ Петербургѣ трудно достать каменщиковъ и мастеровъ каменнаго дѣла“. Для того, чтобы Петербургъ могъ застроиться каменными постройками прекращается на рядъ лѣтъ, причемъ не указывается на сколько же лѣтъ, каменное строительство во всемъ государствѣ — принимается мѣра небывалая; но она все-таки не вполнѣ достигаетъ своей цѣли, въ Петербургѣ много деревянныхъ построекъ — тогда издаются два взаимно дополняющія распоряженія — первое о томъ, чтобы строились мазанки, т. е. особыя постройки изъ глины, постройки, если и не каменные, то походящія на каменные, но мазанковыя постройки пригодны къ южному климату, а никакъ не къ сырому петербургскому, это обстоятельство не принимается въ расчетъ, важно сохранить руководящую идею — идею каменнаго строительства; далѣе приказывается деревянныя постройки обшивать тесомъ, а послѣдній раскрашивать

подъ кирпичъ. Пусть хоть внѣшній видъ будетъ каменный, пусть это будетъ маскарадъ, но все же не походить на старозавѣтную, узкую, съ тысячами переулочковъ, закоулочковъ, бревенчатую Москву..

Какъ видимъ, стремленіе къ новому строительству было сильно у Петра Великаго, но въ то же время были сильны и традиціи прошлаго. По этимъ традиціямъ городъ составлялся изъ слободокъ, въ которыхъ жили люди, соединенные или по національностямъ, или по роду занятій. Этотъ принципъ Петръ отчасти положилъ и въ основаніе своего устройства Петербурга. Въ самомъ дѣлѣ—гдѣ же должно было устроить Петербургъ?

Петербургская сторона для этого не годилась—она была низка, низменна, да и кромѣ того—пусть взять Выборгъ, пусть положена крѣпкая подушка въ основаніе Петербурга, все же шведы, если они возобновятъ свои нападенія на Петербургъ, легко смогутъ подойти къ Петербургской сторонѣ—здѣсь нѣтъ широкой Невы, естественными преградами служатъ лишь менѣ широкія, менѣ глубокія Невки. Адмиралтейскій островъ, нынѣшняя Адмиралтейская часть, нынѣшній центръ Петербурга, уже занятъ Адмиралтействомъ, около котораго могутъ и должны жить люди морского дѣла, здѣсь не мѣсто купцамъ, разночинцамъ, служилому люду, тутъ должна быть Морская Слободка. За рѣчкою Мойкою, тогда сохранявшей еще финское названіе Мья, уже начиналось предмѣстье, отводились участки подъ дачи богатыхъ и знатныхъ особъ. Литейная сторона? Но она также была уже занята, здѣсь на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь начинается вѣздъ на Литейный мостъ, предприимчивый Яковъ Вилимовичъ Брюсъ, черно книжникъ, могущій по звѣздамъ и другимъ знакамъ небеснымъ узнавать грядущія событія, построилъ деревянный Литейный амбаръ со шпиремъ, на верху котораго красовался

двуглавый орелъ, около этого амбара должны были расположиться артиллерійская и литейная слободки.

Такимъ образомъ, къ 1714—16 годамъ, когда Петръ Великій задумалъ серьезно и дѣйствительно заняться устройствомъ своего парадиза, оказалось, что для этого „парадиза“ имѣется лишь одинъ Васильевскій островъ, да и тотъ съ 1707 года числится во владѣніи князя Меншикова, герцога ингерманландскаго, „либеръ-киндеръ-Саша“, какъ звалъ въ хорошія минуты своего приближеннаго Петръ. Но частная собственность не признавалась Петромъ, когда дѣло касалось государства, и дается приказъ французскому архитектору Леблону, „разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“, составить планъ устройства Петербурга такимъ образомъ, чтобы центръ Петербурга, и главнымъ образомъ торговый центръ, былъ устроенъ на Васильевскомъ островѣ.

Мы говоримъ—„разсудку вопреки, наперекоръ стихіямъ“. Безусловно такъ. Не забудемъ, что постояннаго моста, соединявшаго Васильевскій островъ съ Адмиралтейскимъ и вообще съ Московскою стороною, не было и, слѣдовательно, на все время ледохода и ледостава прекращалось всякое сообщеніе Петербурга, т. е. Васильевскаго Острова со всею Россіею. Нормально ли было это явленіе, когда столица должна была быть отрѣзанной отъ территоріи государства? Конечно, не нормально. Но Петръ Великій, всю оставшуюся жизнь, цѣлыя девять лѣтъ, боролся за то, чтобы устроить центръ своей столицы на Васильевскомъ Островѣ, принимая всевозможныя крутыя мѣры, которыя въ конечномъ результатѣ не привели ни къ чему, и центръ Петербурга, наперекоръ предначертаніямъ, образовался на Адмиралтейскомъ Островѣ, тамъ, гдѣ должна была быть всего на всего Морская Слобода.

Чуть мы развернули страницы интереснѣйшей книги,

называемой „Городъ С.-Петербургъ“, какъ мы столкнулись съ обычными для русской дѣйствительности обстоятельствами.

Не какой-либо продуманный, прочувствованный планъ былъ положенъ при основаніи россійской столицы, нѣтъ и здѣсь игралъ первенствующую роль—случай, всесильный, всемогущій факторъ россійской жизни. Онъ же являлся главнѣйшимъ основаніемъ и въ дальнѣйшей исторіи сѣверной Пальмиры, какъ любили называть Петербургъ въ XVIII вѣкѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Петропавловская крѣпость.—Общія условія постройки Петербурга.—Какъ получалась рабочая сила.—Узаконенія и дѣйствительность.—Положеніе первоначальныхъ работниковъ Петербурга.—Заложеніе, вмѣсто земляной, каменной крѣпости.—Названіе бастионовъ.—Медленность каменной работы.—Курьезъ съ Петропавловской крѣпостью.—Таковой она осталась лишь по названію, не будучи крѣпостью на самомъ дѣлѣ.—Проектъ Ганнибала.—Гранитныя стѣны крѣпости.—Заложеніе деревяннаго Петропавловскаго собора.—Грозы и пожары.—Петропавловская колокольня.—Исторія ея постройки.—Исторія съ часами для Петропавловской колокольни.—Когда появилось правило стрѣлять изъ пушки въ 12 часовъ дня.—Замѣчанія объ архитектурномъ стилѣ.—Трезини. Растрелли.—Чевакинскій.—Усыпальница царей.—Вѣтряныя мельницы на стѣнахъ крѣпости.—Монетный дворъ.—Домикъ для ботика Петра Великаго.—Тайная канцелярія.—Петропавловская крѣпость — государственная тюрьма.—Трубецкой бастионъ и Алексѣевскій равелинъ.—Общее заключеніе.

Въ свѣтлый ликующій май, произошла закладка мрачной, ненавистой, печальной памяти Петропавловской твердыни. Работа должна была идти усиленнымъ темпомъ, нужно было закончить крѣпость какъ можно скорѣе — время этому способствовало: стояли дивныя бѣлыя ночи, тѣ ночи, когда, по выраженію поэта,

Одна заря смѣнитъ другую

Спѣшитъ, давъ ночи полчасы...

Но въ какихъ условіяхъ велась эта работа? Что представляла изъ себя застройка Петербурга? Строеніе Петербурга въ началѣ своемъ было всеобщимъ, пого-

ловнымъ налогомъ, а жизнь въ новой столицѣ—почти государственною службою: обязанные селиться въ столицѣ не только не могли жить въ другихъ городахъ, но даже и отлучаться изъ города на долгое время было воспрещено. Этотъ налогъ, эта повинность должна была быть разложена между всѣмъ тягловымъ населеніемъ Россіи. Вся тогдашняя Русь была привлечена къ этой новой тяготѣ. Съ опредѣленнаго количества дворовъ надо было или послать опредѣленное количество работниковъ, или опредѣленное количество рублей. Повинность эта не была одинаковой, наоборотъ,—она мѣнялась изъ года въ годъ въ зависимости отъ тѣхъ работъ, которыя предполагались къ выполнению, или отъ другихъ обстоятельствъ. „Нынѣшнее лѣто“ — писалось въ указѣ 7 Ноября 1711 года — „за Турскою (т. е. турецкою, извѣстнымъ Прутскимъ походомъ, когда Петръ Великій чуть-чуть не былъ взятъ въ плѣнъ турками) войною зѣло мало въ высылкѣ было работныхъ людей въ Петербургѣ, чего для потщитесь къ будущему лѣту и къ зимѣ указное число сполна выслать“.

Вотъ одинъ изъ расчетовъ за 1705 годъ: нарядъ былъ сдѣланъ „съ 35 городовъ, посадовъ, дворцовыхъ волостей, помѣстьевъ, вотчинъ, всякихъ чиновъ людей, съ крестьянскихъ и бобыльныхъ дворовъ“ — отовсюду велѣно было взять съ 9 дворовъ человѣка. Этихъ собранныхъ людей, въ зависимости отъ разстоянія отъ Петербурга, подѣлили на три очереди: первая съ Благовѣщенія до 25 мая, вторая съ 25 мая до 25 іюля и третья съ 25 іюля до 25 сентября. Люди должны были приходить „съ плотничными снастями, съ топорами, а у всякаго-бъ десятника было по долоту, по бураву, по познику, по скобелю... а хлѣбу и запасу тѣмъ работнымъ людямъ взять собою чѣмъ мочно (т. е. чѣмъ можно было бы) въ дорогѣ сытнымъ быть до указнаго мѣста и до Санктне-

тербурга, а больше того хлѣбныхъ запасовъ не имать для того, что въ Санктпетербургѣ дано будетъ имъ Его Великого Государя хлѣбное жалованіе и денегъ по 50 копеекъ на мѣсяцъ каждому“.

Но одно дѣло—указы, другое—дѣйствительность. По указамъ количество рабочихъ было очень большимъ, выражалось десятками тысячъ людей. Но считаемъ нужнымъ оговориться съ самаго начала, что мы смотримъ очень скептически на тѣ документы, которые находятся въ Полномъ собраніи законовъ. Вообразимъ то, чего не было и не могло быть,—воображеніе всемогуще, для него нѣтъ ни границъ, ни предѣловъ,—такъ вотъ вообразимъ, что исчезли съ земли всѣ документы: дѣла многочисленныхъ архивовъ, книги, мемуары, дневники, записки и т. п. и передъ нами неподвижно красуются только томы Полнаго собранія законовъ Россійскаго Государства. И если бы на основаніи этого матеріала попробовать нарисовать картину Россіи, то всякій призналъ бы, что картина могла выйти блестящей, что она была бы написана въ самыхъ радужныхъ, яркихъ тонахъ, и Россія нарисовалась бы какимъ-то Эльдorado, второй „счастливой Аркадіей“. Но... но при чтеніи благодѣтельныхъ мѣропріятій, различныхъ начальственныхъ распоряженій, запечатлѣнныхъ въ громадныхъ томахъ Полнаго собранія законовъ, приходятъ на память факты дѣйствительности... Они совершенно иные и совсѣмъ не соотвѣтствуютъ той бумажной, указной Руси, которая запечатлѣна въ Полномъ собраніи законовъ. Такъ и въ нашемъ случаѣ. Цѣлый рядъ очень стройныхъ, какъ будто разумныхъ, прочувствованныхъ, продуманныхъ распоряженій относительно присылки рабочихъ въ Петербургъ, предусмотрѣно—все, какіе инструменты, сколько хлѣба брать съ собою, въ какой послѣдовательности являться,—а непривлекательная дѣй-

ствительность, письма современниковъ, живыхъ людей, дѣйствующихъ въ то время, сообщаютъ совсѣмъ иное.

„Работныхъ людей у насъ въ С.-Петербургѣ малое число, а взять гдѣ, не вѣдаемъ, въ приписныхъ городахъ нынѣ остановилась высылка людямъ за сборомъ солдатскимъ“,—или такая выписка: „а которые работные люди были на Тоснѣ рѣкѣ, нынѣ всѣ разбѣжались, а Невую лѣсовъ гонять невозможно и работа остановилась“, и такихъ свидѣтельствъ очевидцевъ мы можемъ привести очень много, всѣ они гласятъ, что число рабочихъ было далеко недостаточно и что тѣмъ, которые были на работахъ, приходилось очень тяжело, и эти работники при первой же возможности старались бѣжать. Но, кромѣ этой причины, была и другая; о ней мы находимъ вполне опредѣленное указаніе въ распоряженіи отъ 1713 года. Этимъ распоряженіемъ губернаторы подѣ личною отвѣтственностью должны были слѣдить, чтобы „неправдъ и коварствъ и негодныхъ не было“. Мѣстные люди, которымъ были тяжелы, не подѣ силу тяготы, накладывавшіяся Петромъ Великимъ, стремились всѣми правдами и неправдами облегчить себѣ эти тяготы, и, конечно, при распредѣленіи рабочихъ не только играли большую роль взятки — „коварства“—какъ гласитъ Петровский указъ, но и злоупотребленія еще большія—подѣ видомъ рабочихъ сплавливали стариковъ, увѣчныхъ, больныхъ... Съ 1713 года губернаторы должны были наблюдать за этимъ, повторяемъ, подѣ личной отвѣтственностью.

Точно такія же неисправности были и со сборами денегъ на содержаніе петербургскихъ рабочихъ. Вотъ что писалъ самъ Петръ 15 апрѣля 1712 года: „съ Казанской губерніи не дослано сюда за прошлый годъ положенныхъ денегъ больше 20 т. рублей, чему удивляемся мы, что такія дѣла у насъ забвенію преданы“.

Очевидно, что всѣ эти неудобства съ присылкою людей, съ натуральною повинностью, какъ теперь говорятъ, были настолько велики, что въ 1717 году появилось „высочайшее утвержденіе доношенія князя Алексѣя Черкаскаго (главнаго производителя работъ) о наймѣ работниковъ для городского строенія вмѣсто высылки рабочихъ людей изъ губерній“. Князь Алексѣй Черкасскій въ своемъ доношеніи подчеркиваетъ неудобства присылки рабочихъ и говоритъ: „а нынѣ на многія дѣла являются подрядчики и наемщики, которыми нѣкоторыя работы исправляются удобнѣе и скорѣе, нежели государственными работниками. И ежели Ваше Царское Величество повелитъ работѣ управлять наймомъ, то надлежитъ работниковъ убавить, а за нихъ положить деньгами“. Такимъ образомъ, натуральная повинность превращалась въ денежную. Но, конечно, эта замѣна произошла не сразу, и первое время заставляли присылать рабочихъ, которыхъ уже въ 1719 году замѣняли солдатами, находя, что солдатъ, обязанный воинскою повинностью, обязанъ работать и при земляныхъ работахъ Петербурга.

Находились эти первоначальные рабочіе Петербурга въ страшно тяжелыхъ условіяхъ работы. Эти условія ярко характеризуются отрывкомъ изъ одной народной пѣсни, который мы поставили эпиграфомъ къ нашей работѣ:

Богатырь его устроилъ,
Топь костями забутилъ.

Точно такія же указанія мы находимъ и у современниковъ. Такъ, Берхгольцъ, камеръ-юнкеръ герцога Гольштинскаго, который пріѣхалъ въ Россію, чтобы жениться на одной изъ дочерей Петра Великаго, занесъ въ свой дневникъ слѣдующія строчки о построеніи Петропавловской крѣпости:

„Говорять, что сооруженіе ея, которымъ очень спѣшили, стоило множество народа, что при тогдашней необыкновенной дороговизнѣ припасовъ и недостаткѣ въ одеждѣ, люди, какъ мухи, умирали отъ голода и холода“.

„Принимались, конечно, мѣры: аптекарь Леевкенсъ изобрѣлъ особую лекарственную водку изъ сосновыхъ шишекъ и этой водки въ 1705 году было продано 231½ ведра, что при довольно дорогой цѣнѣ, по 4 р. 32 к. за ведро, указываетъ, конечно, на вѣру въ цѣлебность этой водки. Но водка мало помогала. Работать людямъ приходилось въ болотѣ, въ водѣ, спать тутъ же въ наскоро устроенныхъ шалашахъ, не доставало носилокъ для земли, носили ее въ подолахъ рубахъ, словомъ, условія работы были невѣроятныя.

И въ наши дни нерѣдко при постройкѣ новыхъ домовъ въ районахъ около Александровскаго парка, Сытнаго рынка, при рытьѣ фундаментовъ, находятъ скелеты — значитъ, наткнулись на первоначальныя кладбища — въ то время не особенно церемонились: рабочій умиралъ, его и хоронили здѣсь же у того жалкаго шалаша или хибарки, въ которой приходилось человѣку, пригнанному на работы изъ-за Москвы, съ Калуги, Рязани, Смоленска или другого какого-нибудь уголка русской земли отдавать Богу душу. Если сохранились легенды, что въ доисторическія времена, при закладкѣ новаго города, считали нужнымъ приносить богамъ жертвы, зарывать ихъ подъ фундаментъ стѣнъ новаго города, а жертвенной кровью окроплять воздвигаемыя стѣны, — то такихъ не въ переносномъ, не въ фигуральномъ смыслѣ этого слова жертвъ было достаточно при работѣ Петропавловской твердыни и только вслѣдствіе этой безумной траты людей и возможно было къ октябрю мѣсяцу закончить земляные

валы, а 4 апрѣля 1704 года, когда вскрылась Нева, зажечь и маячный фонарь на царскомъ, государевомъ ваятѣ или бастіонѣ. Всего черезъ два года — 3 мая 1706 года — вмѣсто земляной крѣпости рѣшили устроить каменную и заложили первый каменный бастіонъ. Церемонія закладки его до нашего времени не сохранилась, но зато мы знаемъ, какъ былъ заложенъ 2-ой каменный бастіонъ 13 мая 1708 года: при заложении его, носившаго названіе Трубецкаго, первый камень въ основаніе положилъ прибывшій въ Петербургъ мѣстоблюститель патріаршества, митрополитъ Рязанскій Стефанъ (Яворскій), произнесъ замѣчательное слово на текстъ „Гласъ Господень на водахъ“. Государь въ письмѣ къ Меншикову отозвался, что митрополитъ сказалъ „зѣло изрядный предикъ“. Второй камень положилъ Петръ, третій и четвертый — царицы, затѣмъ царевны и всѣ присутствовавшіе при торжествѣ, которое закончилось обѣдомъ въ домѣ генерала-провіантмейстера кн. Шаховскаго.

И въ каменномъ строеніи крѣпости бастіоны сохранили имена наблюдателей за постройкою земляныхъ валовъ — Царскій былъ на Неву, направо отъ воротъ съ Троицкой площади. По лѣвую сторону воротъ и моста — Меншиковъ, потомъ Петра II. Бастіонъ въ серединѣ къ Невѣ, гдѣ при Екатеринѣ II устроены Невскія ворота и пристань, носилъ имя строителя Кирилла Алексѣевича Нарышкина, противоположный ему, обращенный къ Кронверку бастіонъ Г. И. Головкина. Къ Зимнему нынѣшнему дворцу былъ обращенъ на Неву бастіонъ Трубецкаго, а къ Мытному двору Петербургской Стороны — Никиты Моисеевича Зотова.

Каменная работа шла не такъ успѣшно, хотя строители ея всѣми способами старались показывать царю, что они очень и очень стараются: „Работы здѣшнія отправляются по возможности, подъ куртину, которая между

вашимъ и нарышкинымъ больварками, свай, надѣюсь, съ сего числа, недѣли въ 2 всѣ будутъ подбиты“.

Причины этой медленности въ работѣ были слѣдующія. Прежде всего Петропавловская крѣпость, съ постройкою Кронштадта, потеряла свое значеніе крѣпости—въ самомъ дѣлѣ, что она могла защищать? И логически рассуждая, совершенно не нужно было устраивать эту крѣпость, но Петръ и послѣдующіе россійскіе самодержцы рѣшили оставить крѣпость, какъ декорацію; понятно, что съ декорацией не особенно спѣшили. Затѣмъ очень сильно мѣшали наводненія, которыя случались внезапно; при этихъ наводненіяхъ гибло значительное количество заготовленнаго матеріала; наконецъ, извѣстную роль играли и такія случайности, какъ, напримѣръ, большой пожаръ 18 іюля 1706 г., сопровождавшійся взрывомъ порохового погреба.

Но все же съ работою очень медлили и 27 сентября 1727 года послѣдовало высочайшее повелѣніе закончить каменные бастіоны къ 1728 году, но приказаніе такъ и осталось приказаніемъ, пришлось его повторить 7 февраля 1728 года. Въ этомъ году и въ два слѣдующіе были заложены остальные каменные бастіоны. Только-что было закончена эта работа, какъ нашли, что нужно улучшить Петропавловскую крѣпость, надо ее сдѣлать соотвѣтствующей послѣднему слову крѣпостной науки—и въ 1753 году началась перестройка крѣпостныхъ верковъ, по проекту Ганнибала,—это имя намъ напоминаетъ плѣннаго арапа, пращура Пушкина, про котораго онъ такъ энергично и смѣло выразился въ своей родословной:

...дѣдъ мой Ганнибалъ

Былъ купленъ за бутылку рома

И въ руки шкиперу попалъ.

Сей шкиперъ былъ тотъ шкиперъ славный,

Кѣмъ наша двинулась земля,
Кто придалъ мощно бѣгъ державный
Кормѣ родного корабля,
Сей шкиперъ дѣду былъ доступенъ,
И сходно купленный арапъ
Возросъ усерденъ, неподкупенъ,
Царю наперсникъ, а не рабъ.
И былъ отецъ онъ Ганнибала,
Предъ кѣмъ, средь гибельныхъ пучинъ,
Громада кораблей всплывала
И палъ впервые Наваринъ...

Въ 1756 году начата была одежда крѣпости плитнымъ камнемъ, т. е. кирпичныя стѣны снаружи одѣли, обложили путиловской плитой; съ теченіемъ времени, вслѣдствіе отсутствія ремонта, вслѣдствіе атмосферическихъ вліяній, плиты повысыпались, вывѣтрились, и снова крѣпость приняла неказистый видъ. А дни настали Семирамиды Сѣвера, Екатерины II. Конечно, царица не могла допустить, чтобы крѣпость была не въ образцовомъ порядкѣ и въ 1778 году на ремонтъ крѣпости было пожаловано 100.000 рублей, по тому времени громадная сумма, и съ 1780 года крѣпость стала одѣваться — или обкладываться — гранитнымъ камнемъ; закончилась эта облицовка въ 1785—86 строительномъ году, потребовавъ дополнительнаго ассигнованія въ 117.875 руб. 66 к. Это былъ, видимо, послѣдній значительный ремонтъ.

Теперь обратимся къ внутренности крѣпости; еще далеко не были готовы земляные валы, какъ Петръ, видимо, самъ лично, хотя объ этомъ личномъ участіи осталось лишь преданіе и не имѣется никакихъ фактическихъ указаній, 29 іюня 1703 года заложилъ первоначальную деревянную церковь, будущій Петропавловскій соборъ. Построилась эта церковь довольно быстро: менѣе чѣмъ черезъ годъ, въ вербное воскре-

сеніе 31 марта 1704 года, послѣдовало освященіе этой церкви, а 23 іюня 1710 года и первое торжество: въ соборъ внесли 38 шведскихъ знаменъ, взятыхъ у Выборга. Положеніе Петербурга къ этому времени упрочивается, и черезъ два года закладывается уже каменный Петропавловскій соборъ. Постройка собора велась почти-что отдѣльно отъ колокольни, или какъ ее въ то время звали,—городской башни. Это видно изъ наказа, который былъ данъ Петромъ Великимъ князю Алексѣю Черкасскому, первому начальнику первоначальной комиссіи строеній: „на колокольнѣ, которая въ городѣ, какъ возможно скорѣе, отдѣлывать, дабы въ будущемъ 1716 году возможно на оной часы поставить, а церковь дѣлать исподволь“. Этотъ наказъ былъ данъ 24 января 1715 года, но только въ 1719 году былъ разобранъ старый деревянный Петропавловскій соборъ, т. е., къ работамъ самой церкви, значить еще почти не приступали, за то въ томъ же году шло золоченіе 198-футового шпица соборной башни, имѣвшей отъ подошвы высоты 345 футовъ. Шпицъ былъ обить листами мѣди, вѣсомъ въ 744 пуда 26 фунтовъ,—такимъ образомъ, работа шпица, „городской башни“, велась успѣшно, и 21 августа 1720 г. Петръ Великій любовался съ вершины только-что оконченной Петропавловской колокольни видомъ Петербурга. Любоваться этимъ видомъ, кажется, въ Петровское время было одной изъ необходимѣйшихъ обязанностей каждаго посѣщавшаго Петербургъ. По крайней мѣрѣ, упоминаемый нами Берхгольцъ рассказываетъ, что „7 августа 1721 года, въ 12 часовъ утра, всѣ мы, цѣлымъ обществомъ, всходили на колокольню въ крѣпости, чтобы послушать игру курантовъ, положенную въ это время, и посмотрѣть на панораму Петербурга. Колокольня эта—самая высокая въ городѣ. Чрезвычайно интересно поглядѣть тамъ на игру музыканта, особенно тому, кто

не видывалъ ничего подобнаго. Я, впрочемъ, не избралъ бы себѣ его ремесла, потому что для него нужны твердыя и сильныя тѣлодвиженія. Не успѣлъ онъ исполнить одну пьесу, какъ уже потъ градомъ катился съ его лица. Онъ заставляетъ также играть двухъ русскихъ учениковъ, занимающихся у него не больше нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но игравшихъ уже сносно. Большіе часы играютъ сами собою каждые четверть часа и полчаса“.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что въ Петровское время на Петровской колокольнѣ, кромѣ часовъ, былъ еще органъ, на которомъ особый органистъ игралъ пьесы каждый день въ 12 часовъ. Столь знакомая и обычная для петербуржцевъ пушка еще не возвѣщала петербуржцу, что наступилъ полдень, „адмиралтейскій часъ“, и рассказы, что этотъ обычай заведенъ Петромъ Великимъ, есть одна изъ тѣхъ немногочисленныхъ легендъ, которыя сохранились о Петербургѣ. Гораздо позже, въ 1735 году, астрономъ Делиль, академикъ Императорской Академіи Наукъ, вошелъ въ конференцію (общее засѣданіе) Академіи Наукъ съ „полезнымъ проектомъ, чтобы дать каждому санкт-петербургскому обывателю способъ, какъ заводить по солнцу стѣнные и карманные часы“.

Въ этомъ полезномъ проектѣ Делиль указывалъ, что въ Академіи „также находятся исправные меридіаны въ обсерваторіи, черезъ которые всегда можно знать, когда солнце придетъ на полдень, то того ради надлежало бы однажды выстрѣливать изъ пушекъ точно въ самый полдень“;—услыхавъ этотъ выстрѣлъ, обыватель сталъ бы провѣрять свои часы.

Управители Петербурга того времени не сразу согласились на разрѣшеніе стрѣльбы изъ пушки, имъ казалось, что достаточно звонить изъ большого коло-

кола, — но неудобство такого звона, который могъ бы напоминать собою пожарный набатъ, заставило въ концѣ концовъ согласиться на пушку. И съ 1735 года пушка регулярно изо дня въ день извѣщала и извѣщаетъ петербуржцамъ 12 часовъ.

Если Петропавловскій шпицъ былъ готовъ уже въ 1720 году, то Петръ Великій не дождался окончанія самого собора; послѣдній былъ освященъ лишь 28 іюня 1731 года. 21 апрѣля 1735 года ударила молнія въ колокольню и соборъ загорѣлся; пожаръ, положимъ, на этотъ разъ не принялъ значительныхъ размѣровъ. Но 30 апрѣля 1756 года молнія вторично ударила въ соборъ, соборъ опять загорѣлся, бѣдствіе приняло большіе размѣры, и 22 мая 1756 года послѣдовало высочайшее повелѣніе „о немедленномъ возобновленіи погорѣвшей въ Санктъ-Петербургѣ соборной церкви во имя Петра и Павла и о порученіи надзора за означенной перестройкой генералу аншефу Фермору“, самая же перестройка другимъ высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ черезъ 3 дня, 25 мая того же года, была поручена двумъ выдающимся архитекторамъ — Растрелли и Чевакинскому.

Первоначальнымъ строителемъ Петропавловскаго собора былъ Джузеппо Трезини, одинъ изъ первыхъ инженеръ-архитекторовъ, пріѣхавшихъ въ Петербургъ. Трезини, собственно говоря, былъ не архитекторъ, а инженеръ, но въ русской дѣйствительности, которая дала ему чинъ полковника и переверкала его итальянское имя „Джузеппо Трезини“ въ Андрея Ивановича Дрезина, ему пришлось сдѣлаться и архитекторомъ. И вотъ, приступая къ изученію его архитектурнаго стиля, — приводятъ, какъ примѣръ его стиля, — Петропавловскій соборъ въ настоящемъ его видѣ. Между тѣмъ, какъ мы указали, послѣ пожара 1756 года соборъ

перестраивали Растрелли и Чевакинскій, и, кромѣ того, въ 1858 году была еще одна перестройка шпица, металлическія стропила для котораго были выдѣланы на Воткинскомъ заводѣ.

Растрелли и Чевакинскій — прямая противоположность Трезини. Если Трезини надо считать творцомъ самыхъ простыхъ примитивныхъ построекъ, то Растрелли — выразитель російскаго бароко, Чевакинскій одной ногою уже стоитъ въ преддверіи классицизма. Тѣ, кто перестраивали первоначальный соборъ, были прямою противоположностью первоначальному строителю. Если это такъ, то возникаетъ вопросъ — могли ли они, эти послѣдующіе зодчіе, перестраивая, сохранить тѣ детали, которыя характерны для первоначальнаго творца? Единственный отвѣтъ допустимъ — нѣтъ, не могли. Даже наоборотъ, только то, что подходило къ ихъ стилю, могло быть сохранено, все же остальное казалось варварствомъ, вандализмомъ и должно было подлежать передѣлкѣ, улучшенію. И на основаніи того, что сохранилось до нашего времени, совершенно нельзя судить о Петровской эпохѣ. Эти сужденія будутъ неправильны. А, къ сожалѣнію, историки-архитекторы именно такъ и поступаютъ.

Конечно, идея Петра — шпиць — сохранена. Но только идея, а выполненіе этой идеи, а тѣ мелкія детали, которыя и составляютъ самую суть, самую душу художника, форма того лантернина, который былъ на шпиць, — такъ тогда звали фонарики, — незначительная пилястра, колонка, завитокъ капителя — все это пропало, все это передѣлано послѣдующими мастерами... Чертежей не сохранилось, и мы не въ правѣ по современному состоянію говорить о прошломъ.

Увы, прошлое для насъ остается невыясненнымъ и нѣтъ возможности это прошлое возстановить!

Послѣ пожара, только-что указаннаго, соборъ поправили довольно быстро и его освятили 23 Іюня 1761 года, но вопросъ о колокольномъ, о шпицѣ поднялся 10 Апрѣля 1759 года: этимъ числомъ датируется первое распоряженіе о ремонтѣ, смѣта же на этотъ ремонтъ была утверждена сенатомъ лишь въ октябрѣ мѣсяцѣ. Такимъ образомъ, фактически къ перестройкѣ могли приступить не ранѣ весны 1760 года; работа затянулась, еще въ 1764 году осенью вызывали желающихъ сдѣлать шатерь изъ досокъ на зиму, чтобы предохранить выстроенную часть. Только въ 1768 г. приступаютъ къ усиленной заготовкѣ матеріала, въ 1769 г. вызывается подрядчикъ для устройства подвязныхъ лѣсовъ и въ этомъ же году приступаютъ къ золоченію. „За строеніе и постановленіе на Петропавловскую колокольню деревяннаго шпица съ лантерниномъ (т. е. фонарикомъ) и куполами и за все исправленіе плотничной, столярной и рѣзною работою“ требовали въ 1769 году всего на всего 10.900 рублей; цѣна на золоченіе видна изъ слѣдующаго извѣщенія: „мѣдныхъ листовъ, сколько ихъ пойдетъ съ позолотою, ихъ запарнымъ червоннымъ золотомъ, полагая того золота на каждый квадратный футъ не менѣе полновѣснаго одного червонца, взять ниже 4 р. 84 к. за каждый листъ“. Въ 1772 году было приступлено къ ремонту ангела; черезъ 5 лѣтъ послѣ того, какъ новый ангелъ сталъ украшать шпицъ, 10 сентября 1777 года произошла сильная буря съ наводненіемъ, ангелъ погнулся, и его пришлось снова исправлять. Съ этимъ ангеломъ связана исторія о крестьянинѣ Телушкинѣ, который уже въ Николаевскіе дни за сравнительно незначительную сумму (тогда какъ инженерами была представлена громадная смѣта на устройство лѣсовъ) взялся ремонтировать этого ангела. Крестьянинъ взобрался

внутри шпика какъ можно выше, затѣмъ пропилилъ небольшое окошечко въ шпигъ и изъ него забросилъ за шпигъ крѣпкій канатъ мертвою петлею. Ухватясь за этотъ канатъ и перебирая ногами по поверхности шпика, крестьянинъ такимъ образомъ добрался до вершины шпика, гдѣ и укрѣпилъ сначала веревочную лѣстницу, а затѣмъ и другія нужныя для ремонта приспособленія. Надо признать, что Телушкинъ не страдалъ головокруженіемъ. Конечно, его поступокъ признался за подвигъ, который прежде всего долженъ былъ быть по царски вознагражденъ, а затѣмъ долженъ послужить примѣромъ и образцомъ смѣливости природнаго русскаго мужичка!

Въ 1857 году обратили вниманіе, что шпигъ сталъ нѣсколько сгибаться, оказалось,—деревянное основаніе погнило, и вотъ тогда-то, во избѣжаніе дальнѣйшихъ затрудненій рѣшено было заказать металлическое основаніе, металлическія стропила для шпика, какъ мы уже и указали выше. Проектъ этого основанія составлялъ инженеръ Паукеръ, а самую постройку производилъ инженеръ Журавскій.

Не меньше злоключеній было и съ часами.

15 февраля 1704 года князь Меншиковъ, Петровскій любимецъ и губернаторъ опять возвращенной въ русское владѣніе Ингерманландской области, писалъ одному изъ своихъ подчиненныхъ, нѣкому Яковлеву, слѣдующее письмо:

„Каргопольца Никифора Архипова, который строилъ у Троицы въ Сергіевѣ Монастырѣ часы, сыскавъ, вели прислать въ Петербургъ“.

Такимъ образомъ, уже при первой постройкѣ шпика была забота устроить на немъ часы; устройство этихъ часовъ предполагалось поручить какому то неизвѣстному для насъ русскому, очевидно, самоучкѣ-мастеру.

Мы не знаемъ, устроилъ ли этотъ каргополець часы, или попытка такъ и осталась попыткою, но тѣ часы, описаніе которыхъ изъ дневника Берхгольца приведено выше, были выписаны изъ Голландіи. Когда эти часы сгорѣли, то за новыми снова обратились въ Голландію. 7 іюня 1757 года—былъ заключенъ контрактъ на сдѣланіе часовъ съ курантами, 22 апрѣля 1760 года эти часы свидѣтельствовались особою комиссіею, которая нашла ихъ образцово сдѣланными, и 22 іюля 1761 года часы на одномъ изъ голландскихъ кораблей отправились въ Петербургъ. Путешествіе длилось не долго, окончилось благополучно и 28 августа 1761 года часы были въ Петербургѣ. Но колокольня для нихъ оказалась неготовой, и часы около 10 лѣтъ пролежали въ какомъ-то амбарѣ, и только въ концѣ 1771 года были воздвигнуты на башню.

Петропавловская колокольня была далеко не закончена, стѣны Петропавловскаго собора не были еще возведены, а Петръ Великій—5 января 1716 года—уже отыскивалъ мѣсто для погребенія царицы Марѣи Матвѣевны, 10 марта 1719 года была устроена тамъ же новая могила для сестры Петра, царевны Маріи Алексѣевны. Послѣдняя за участіе въ дѣлѣ о бѣгствѣ царевича Алексѣя Петровича была заключена въ Шлиссельбургскую тюрьму—но послѣ смерти и ей—какъ особѣ царскаго рода—нужно было, конечно, устроить торжественныя похороны. А 10 марта 1725 года, въ незаконченный еще соборъ былъ поставленъ гробъ съ прахомъ Петра. Для перенесенія тѣла были построены отъ Зимняго дворца до Петропавловской крѣпости черезъ Неву широкіе мостки, и по всему протяженію пути разставлены въ 2 ряда 1250 мушкетеровъ съ факелами. Первый сигналъ былъ поданъ въ 8 час. утра. По этому сигналу поставили въ рядъ 6 полковъ и

5 баталіоновъ войска (10.638 человѣкъ). Вскорѣ послѣ полудня данъ второй сигналъ, чтобы члены процессіи стали на свои мѣста и по третьему сигналу, въ исходѣ 2 часа, тронулось шествіе. Гробъ государя, въ виду его значительной величины и узкости внутреннихъ лѣстницъ дворца (дворецъ былъ на мѣстѣ нынѣшняго Эрмитажнаго театра), вынесли изъ зала на Неву, чрезъ балконныя двери, къ которымъ была пристроена особая, отлогая лѣстница. Гробъ въ соборѣ простоялъ цѣлыхъ 6 лѣтъ до 31 мая 1731 года, когда онъ былъ преданъ тамъ же землѣ.

Такимъ образомъ, Петропавловскій соборъ съ первыхъ дней своего существованія сталъ служить усыпальницею для русскаго царствующаго дома. Похороны совершались торжественно, сопровождалась особымъ церемоніаломъ и стоили, конечно, громадныхъ денегъ. Соборъ оказался недостаточенъ и была пристроена особая усыпальница.

Въ самой крѣпости строительная дѣятельность велась довольно обширно. Когда каменные валы крѣпости достигли извѣстной высоты, то по какому-то остроумному проекту рѣшили ими воспользоваться для исполнѣя практическихъ цѣлей: устроить на этомъ возвышеніи мукомольныя вѣтряныя мельницы и въ 1725 году начали ихъ строить, но, кажется, скоро догадались о несоотвѣтствіи вѣтряныхъ мельницъ съ крѣпостью. Мельницы убрали. Но другое начинаніе, которое перенесли въ крѣпость съ 28 февраля 1721 г., въ ней укоренилось и просуществовало до нашихъ дней. Въ это время было издано приказаніе „дѣлать золотую монету въ крѣпости“ и этимъ приказаніемъ было положено начало монетному двору въ крѣпости; монетный дворъ занялъ мѣсто въ Трубецкомъ бастіонѣ и изъ маленькой незначительной постройки развился очень значительно и сталъ обла-

дать новѣйшими усовершенствованными машинами для производства монетъ.

Затѣмъ въ крѣпости обращаетъ на себя вниманіе небольшой каменный домикъ съ фигурою на гребнѣ крыши. Про этотъ домикъ говорятъ, что онъ одинъ изъ немногочисленныхъ домиковъ, сохранившихся отъ Петровскаго времени, и является образцомъ строительства перваго русскаго строителя Михайла Земцова. Но это не такъ. Первоначальный домикъ, дѣйствительно, строилъ Земцовъ, но этотъ домикъ пришелъ въ ветхость и въ 1761—62 году онъ былъ вновь перестроенъ; насколько сохраненъ характеръ первоначальнаго домика, мы не знаемъ. Въ этомъ домикѣ хранится ботикъ Петра Великаго, извѣстный подъ именемъ „Дѣдушка Русскаго флота“.

29 января 1722 года былъ данъ именной указъ гвардіи сержанту Кореневу о доставкѣ ботика изъ Москвы въ Шлиссельбургъ. 29 мая 1723 года петербуржцы встрѣчали у Александро-Невскаго монастыря ботикъ, который 30 мая былъ доставленъ въ Петербургъ и временно поставленъ въ Адмиралтействѣ. 7 августа того же года „буерный флотъ и съ ботомъ стариннымъ пришелъ къ Котлину острову и учинено учрежденіе о встрѣчѣ бота флотомъ“ и, наконецъ, 30 августа 1723 года ботикъ поставленъ въ Петропавловской крѣпости въ государевомъ больверкѣ.

Рѣчь идетъ о томъ знаменитомъ англійскомъ ботѣ, который былъ найденъ Петромъ Великимъ въ вещахъ своего прапрадѣда Никиты Романовича и который былъ поводомъ къ потѣшнымъ плаваніямъ Петра на Яузѣ. Отсюда зародилась любовь Петра къ морю, къ морскому дѣлу, этотъ ботикъ послужилъ толчкомъ къ возсозданію флота. Онъ носитъ названіе „Дѣдушка Русскаго флота“ и является одною изъ драгоцѣннѣй-

шихъ историческихъ реликвій, въ немъ какъ бы олицетворилась идея русскаго флота.

Самъ по себѣ дѣдушка русскаго флота по величинѣ не превосходитъ небольшую шлюпку, длиною 19 футовъ 9 дюймовъ, шириною 6 футовъ 9 дюймовъ, высотой отъ киля до верха 2 фута 8 дюймовъ; высота мачты 21 футъ и флагштока 8 футовъ 9 дюймовъ. Ботъ выкрашенъ красною краскою и по борту его идетъ полоса, состоящая изъ треугольниковъ бѣлаго, краснаго и зеленаго цвѣтовъ. Надъ этою полосою въ кормовой половинѣ, на нѣсколько возвышенной части борта по черному полю нарисована желтою краскою гирлянда.

На кормѣ съ наружной стороны представленъ старецъ съ посохомъ въ бѣлой одеждѣ и красной шапкѣ съ крестомъ, съ лѣвой стороны старца—домъ, а съ правой—судно, идущее подъ парусами. Все это рѣзное изъ дерева, какъ и двѣ головы вродѣ львиныхъ. Съ внутренней стороны кормы на бѣломъ щитѣ нарисованъ русскій гербъ. Артиллерія ботика состояла изъ четырехъ маленькихъ чугунныхъ орудій.

Перевозомъ „ботика“ изъ Москвы въ Петербургъ, устройствомъ торжественной встрѣчи ботику русскимъ флотомъ Петръ Великій положилъ начало благоговѣйному почитанію ботика, и это почитаніе сохраняется до нашихъ дней.

Въ 1731 году было разрѣшено въ куртінѣ Петропавловской крѣпости на водяной сторонѣ построить ворота съ украшеніями, а въ 1764 году у этихъ воротъ выстроили и каменную пристань. Въ самой крѣпости съ теченіемъ времени появилось много строеній—тутъ былъ и оберъ-комендантскій домъ, который неоднократно перестраивался, увеличиваясь и увеличиваясь въ размѣрахъ, и обратившійся, въ концѣ концовъ, въ

двухъэтажный громаднѣйшій домъ,—въ залѣ этого дома судили декабристовъ,—и офицерскіе корпуса, и провіантскіе магазины, и пороховой погребъ, наконецъ, даже склады для вина, послѣдніе, положимъ, были уничтожены въ 1756 г., и бывшіе здѣсь запасы вина были доставлены на Васильевскій Островъ въ Винный городокъ.

Въ 1731 году здѣсь же въ крѣпости было построено небольшое деревянное зданіе для переведенной въ Петербургъ изъ Москвы тайной канцеляріи. Въ 1749 г. деревянное зданіе успѣло почти совсѣмъ развалиться и вмѣсто него воздвиглось каменное. И крѣпость, потерявшая свое значеніе, какъ крѣпость противъ внѣшняго врага, чуть ли не съ первыхъ дней своего существованія пріобрѣла другое значеніе, еще болѣе освященное, осмысленное только-что указанною постройкою каменнаго зданія тайной канцеляріи. Крѣпость Петропавловская стала крѣпостью, цитаделью самодержавія; крѣпость перемѣнила свое благородное значеніе крѣпости на постыдное значеніе тюрьмы. Уже въ 1721 г. Берхгольцъ писалъ: „Крѣпость есть въ тоже время родъ Парижской Бастиліи, въ ней содержатся всѣ государственные преступники и нерѣдко исполняются тайныя пытки. Многіе плѣнные шведскіе офицеры содержались тамъ въ казематахъ, находящихся подъ валомъ. Покойный царевичъ, впавшій въ немилость у Государя и судебнымъ порядкомъ приговоренный къ смерти, подъ конецъ также былъ заключенъ и въ ней умеръ“.

Итакъ съ 1718 года вплоть до 1918 года, т. е., въ теченіе 200 лѣтъ Петропавловская крѣпость несла свою мрачную ненавистную службу—„самой большой государственной тюрьмы въ Россіи, въ которой рано или поздно бывають заключены всѣ важнѣйшіе и опаснѣйшіе политическіе преступники“, какъ писалъ извѣстный

изслѣдователь русскихъ тюремъ Джорджъ Кеннанъ. „Всякій бывавшій въ Петербургѣ, конечно, видалъ — продолжалъ Кеннанъ — высокій позолоченный шпицъ, возвышающійся на 400 футовъ надъ низменнымъ берегомъ Невы противъ Зимняго дворца. Это — шпицъ на колокольнѣ Петропавловскаго собора, въ которомъ покоются останки русскихъ царей, а вокругъ котораго почти на такой же глубинѣ томятся враги самодержавія“.

Начиная съ 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, только Трубецкой бастіонъ и Алексѣевскій рavelинъ употреблялись, какъ тюрьмы. Мы считаемъ вполне умѣстнымъ помѣстить здѣсь выдержки изъ воспоминаній Поливанова какъ о Трубецкомъ бастіонѣ, такъ и о рavelинѣ. Выдержки мы приводимъ безъ сокращенія, лишь комбинируя ихъ изъ разныхъ мѣстъ воспоминаній. Начинается описаніе съ того момента, какъ Поливановъ подъѣзжалъ къ крѣпости.

„Съ каждой секундой стѣна Петропавловской крѣпости становилась все ближе и ближе и я съ жадностью смотрѣлъ въ окно кареты, желая запечатлѣть въ памяти все, что проходило передъ моимъ взоромъ. Теперь въ тяжелыя минуты прощанія съ вольнымъ свѣтомъ все казалось мнѣ близкимъ, роднымъ, все обращало на себя вниманіе... Вотъ мы проѣхали черезъ Кронверкскій проспектъ — и передъ нами показались стѣны крѣпости, подъемный мостъ, перекинутый черезъ каналъ, и ворота, казавшіяся мнѣ пастью чудовищнаго звѣря. Вотъ мы уже катились беззвучно по деревянной настилкѣ этого моста, и я только успѣваю бросить прощальный взглядъ на Неву, надъ которой уже начинается вечерній туманъ, какъ мы очутились въ крѣпостныхъ воротахъ. Мы поѣхали сначала по направленію къ собору, мимо буль-

варчика и расположеннаго за нимъ бѣлаго двухэтажнаго зданія, гдѣ помѣщалась какая-то канцелярія; потомъ мы выѣхали на площадь, и карета взяла наискось лѣвѣе, и мы направились къ узкому деревянному забору, идущему отъ крѣпостной стѣны или зданія, примыкающаго къ стѣнѣ, къ монетному двору. Черезъ ворота въ этомъ заборѣ шла дорога въ Трубецкой бастіонъ; ворота распахнулись передъ нами очень быстро и предупредительно, и мы въѣхали въ узкій переулокъ, съ правой стороны котораго шелъ очень высокій деревянный заборъ, отдѣляющій терриорію Монетнаго двора отъ Трубецкого бастіона, а слѣва двухэтажное зданіе, нижніе окна котораго выходили на тротуаръ. Здѣсь начиналась Екатерининская куртина, въ верхнемъ этажѣ которой помѣщался архивъ въ громаднхъ залахъ. Въ одной изъ нихъ часто производятся допросы сидящимъ въ Трубецкомъ бастіонѣ, тамъ же судили Верховнымъ судомъ Каракозова (1866 г.) и Соловьева (1879). Въ нижнемъ этажѣ находятся одиночныя камеры, выходящія окнами на Неву. До постройки тюрьмы Трубецкого бастіона (1869—68) Екатерининская и Невская куртины были обычнымъ мѣстомъ заключенія слѣдственныхъ политическихъ арестантовъ. Проѣхавъ по переулку нѣсколько десятковъ шаговъ, карета остановилась у подъѣзда, ведущаго въ тюрьму Трубецкого бастіона... На крыльцѣ показался сторожъ, носившій названіе присяжнаго, и махнулъ рукою. Мы (т. е., Поливановъ и сопровождавшіе его жандармы) поднялись на крыльцо и, пройдя караульную комнату мимо солдатъ-гвардейцевъ, кутившихъ цыгарки, и ихъ ружей, поставленныхъ въ козлы, очутились въ большой, мрачной и до нельзя грязной комнатѣ. Она слабо освѣщалась двумя окнами, выходившими въ тюремный садикъ. Нижнія

стекла этихъ оконъ были матовыя. Въ правомъ переднемъ углу стоялъ грязный деревянный столъ, а за нимъ по обѣимъ сторонамъ угла шла глаголемъ деревянная же скамейка. У лѣвой стѣны находилась круглая печь, обитая желѣзомъ, а далѣе, въ лѣвомъ углу виднѣлась узкая дверь, окрашенная въ темно-вишневую краску. Отъ этой двери былъ растянута старый рваный половикъ... Тюрьма Трубецкого бастіона имѣла видъ пятиугольника. Четыре стѣны тюрьмы шли параллельно фасамамъ бастіона, а пятая сторона лежала противъ его гаржи. Эта послѣдняя сторона была занята пріемной комнатою и квартирою смотрителя. Помнится, въ ней же находится помѣщеніе для свиданій черезъ рѣшетку. По остальнымъ четыремъ идутъ камеры, восемь номеровъ по каждой, да еще на четырехъ углахъ имѣются площадки съ изолированными камерами, такъ что въ каждомъ этажѣ имѣется 36 камеръ, всего же значить 72. Изъ коридора у каждой изъ камеры на высотѣ аршинъ двухъ былъ прибитъ желѣзный, окрашенный бѣлою краскою бакъ для воды, ибо водопровода въ камерахъ не было... Я прошелся нѣсколько разъ по камерѣ и осмотрѣлъ ее. Длинною она была, помнится, шаговъ 8—9 и очень высока. Я только концами пальцевъ могъ достать до краевъ косога подоконника, самое же окно на высотѣ не менѣе, если не болѣе, сажени и давало, какъ я могъ убѣдиться въ этомъ на слѣдующій день, очень мало свѣта, такъ какъ, хотя стекла не были матовыя, но стѣны бастіона были на очень небольшомъ разстояніи отъ окна, въ которое никогда не могъ проникнуть ни одинъ солнечный лучъ. Даже во второмъ этажѣ, куда меня перевели на третій день, окна были значительно ниже валганга, такъ что и тамъ было темновато, особенно осенью и зимою. Мебель состояла изъ желѣзной

кровати, прикованной изголовьемъ къ стѣнкѣ. Ножки этой кровати были вдѣланы въ асфальтовый полъ: передъ ней было нѣчто вродѣ стола, роль которой игралъ желѣзный листъ въ осьмушку дюйма толщиною, вдѣланной въ стѣну у изголовья кровати. Этотъ столъ опирался на 2 желѣзные полосы, одинъ конецъ которыхъ вдѣланъ наглухо въ стѣну, а другой приклепанъ къ нижней поверхности стола. Кромѣ этого, было только два предмета: съ правой отъ входа стороны двери кранъ, а подъ нимъ раковина, съ лѣвой—неудобноназываемое учрежденіе съ ведромъ, тоже прикованное къ стѣнѣ (параша). Такимъ образомъ, во всей камерѣ не было ни одного предмета, который можно было бы передвинуть съ мѣста на мѣсто. А потому забраться на окно не было никакой возможности. Въ камерѣ была страшная грязь, сырость, капли воды, сбѣгавшія съ подоконника, образовали къ утру цѣлую лужу... Внѣшняя сторона моей жизни проходила такъ: утромъ часовъ въ семь мнѣ приносили ломоть чернаго хлѣба, полотенце, которое затѣмъ отбирали, и подметали полъ. Въ 12 часовъ раздавали обѣдъ — омерзительный, нужно сказать. Въ скромные дни онъ состоялъ изъ щей или изъ жиденькаго маннаго супа, въ которомъ, по солдатской поговоркѣ, „крупинка за крупинкой гонялась съ дубинкой“, гречневая каша въ весьма умеренномъ количествѣ, а въ постные дни (среда и пятница) изъ гороха или супа съ признаками снѣтковъ и каши съ постнымъ масломъ. Въ семь часовъ давали ужинъ—остатки щей или супа, разбавленные въ изобиліи кипяткомъ“...

А вотъ описаніе Алексѣевского равелина, находящееся въ тѣхъ же самыхъ запискахъ: „пройдя небольшое разстояніе по переулку, мы свернули налѣво въ

какія-то ворота, которыя вели въ пролетъ, очень длинный и очень темный; очевидно, онъ шелъ подъ зданіемъ, примыкавшимъ къ крѣпостной стѣнѣ. На пути намъ попадались и слѣва и справа какіе-то подъѣзды, какія-то ворота. Потомъ тьма сгустилась уже до того, что ничего нельзя было разобрать; мы шли уже сквозь толщу крѣпостной стѣны. Въ концѣ подворотни мы остановились, и я, нѣсколько освоившись съ темнотой, увидѣлъ, что нахожусь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ окованныхъ желѣзомъ воротъ, они распахнулись, и передо мною открылось поле, занесенное снѣгомъ, далѣе какой-то мостикъ съ горѣвшими на немъ двумя фонарями, а за ними небольшой островокъ съ низкимъ одноэтажнымъ зданіемъ. Жандармы подхватили меня и, почти неся на рукахъ, быстро поволокли по направленію къ этому мостику. Выйдя за ворота, я видѣлъ направо и налево стѣны крѣпости, уходившія вотъму, затѣмъ, далѣе, за полоской земли, окаймлявшей стѣны, — темную, даже черную поверхность еще не замерзшей Невы, казавшейся, быть можетъ, болѣе темной, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, благодаря снѣгу, покрывавшему землю. Впереди былъ мостикъ, о которомъ я говорилъ, а за ними — зданіе Алексѣевского рavelина. Близъ мостика передо мной мелькнула закрытая до сихъ поръ выступомъ Трубецкаго бастіона набережная противоположнаго берега Невы или, лучше сказать, рядъ фонарей, тянувшихся огненнымъ пунктиромъ вдоль набережной; но мы идемъ быстро, жандармы тащатъ меня чуть ли не на рысяхъ; огни исчезли, мы уже перешли черезъ мостикъ. Алексѣевскій рavelицъ совсѣмъ уже близко и мрачно смотреть на меня темными окнами, напоминающими пустыя глазницы черепа: было замѣтно сразу, что стекла были матовыя. Пройдя шаговъ 25—30 отъ крѣпости, мы остановились передъ воротами, въ кото-

рыхъ была калитка съ оконцемъ, забраннымъ снаружи рѣшеткой изъ мѣдныхъ прутьевъ. Калитка распахнулась, меня ввели въ подворотню. Отворившій намъ калитку старшій унтеръ-офицеръ жандармскаго караула пошелъ впереди, минуя первое крылечко съ правой стороны, которое, какъ я убѣдился впослѣдствіи, вело въ караульное помѣщеніе, повелъ насъ во второе. Я замѣтилъ, что напротивъ его, по лѣвой сторонѣ подворотни, было точно такое же крылечко съ двумя каменными ступеньками. Невдалекѣ отъ этихъ крылечекъ были другія ворота, точно такія же, какъ и наружныя, которыя вели въ садикъ, служившій мѣстомъ прогулки заключенныхъ. Внутренность коридора, въ который мы вошли, поразила меня своей неприглядностью. Этотъ коридоръ слабо освѣщался маленькой керосиновой лампой, поставленной на одномъ изъ оконъ, которыя были расположены на лѣвой стѣнѣ, выходившей въ садикъ. Окна были невелики и находились очень высоко, пожалуй, даже выше средняго человѣческаго роста. Съ правой стороны шла сначала глухая стѣна, потомъ виднѣлась бѣлая дверь въ углубленіи стѣны, запертая засовомъ, а надъ ней дощечка съ надписью № 4. Дверь слѣдующаго номера, пятого, была открыта, и жандармы, все еще не выпускавшіе меня изъ рукъ, втащили меня туда такъ быстро, что я успѣлъ только бросить бѣглый взглядъ и замѣтить, что противъ моей камеры коридоръ поворачиваетъ подъ острымъ угломъ налѣво, и что по его правой сторонѣ былъ расположенъ рядъ камеръ. Мнѣ удалось увидѣть только дверь № 6... Первое, что меня поразило—это были стѣны. Мнѣ казалось, что онѣ аршина на полтора, начиная отъ пола, были обиты чернымъ бархатомъ, а выше выкрашены въ казенный блѣдно-бланжевый цвѣтъ. Для красоты подъ потолокъ шла красная полоса въ видѣ бордюра

Я подошелъ къ стѣнѣ и увидѣлъ, что этотъ бархатъ былъ ни что иное, какъ черно-зеленоватая плѣсень, покрывавшая бархатнымъ ковромъ всю нижнюю часть стѣны; повыше она измѣняла цвѣтъ на блѣдно-розовый, далѣе же—на бѣлый и располагалась уже не такимъ толстымъ слоемъ. Стекла были матовыя и на нихъ лежали черными полосами тѣни перекладинъ рѣшетки. Налѣво отъ входа весь уголъ наполняла огромная изразцовая печь, топившаяся изъ коридора; нѣсколько ближе къ двери—деревянное учрежденіе съ ведромъ. Въ разстояніи аршина полтора отъ лѣвой стѣны стояла деревянная кровать, покрытая ветхимъ одѣяломъ старомоднаго рисунка, бывшимъ нѣкогда бѣлымъ съ красными полосками, но пожелтѣвшимъ отъ времени. У кровати стоялъ деревянный крашеный столъ, ящикъ изъ котораго былъ вынутъ, и такой же стулъ съ высокой спинкой. На столѣ стояла большая глиняная кружка съ водою, жестяная лампочка и коробка шведскихъ спичекъ. Порядокъ жизни въ Алексѣевскомъ равелинѣ не отличался много отъ того, который былъ въ Трубецкомъ бастіонѣ: утромъ, съ семи часовъ, начинался обходъ камеръ и раздача хлѣба, тутъ же начиналась прогулка для тѣхъ, чья очередь приходилась въ данный день. Такъ какъ ежедневно гуляла только половина тюрьмы, то къ 9 часамъ прогулка кончалась, потомъ приходилъ докторъ, и, затѣмъ, до вечера наступала такая тишина, какая въ Трубецкомъ бывала только по ночамъ, да и то не всегда. Ровно въ полдень слышались шаги солдатъ, несущихъ обѣдъ, и звяканье шпоръ Ирода (такъ заключенные прозвали смотрителя). Затѣмъ раздавалось хлопанье дверей и грохотъ засововъ, которыми сопровождалась всякая раздача пищи. Бѣлье мѣняли каждую субботу; по субботамъ же, разъ въ шесть недѣль, бы-

вала у насъ ванна. Мыла, тѣмъ паче зубного порошка я не видѣлъ все время заключенія въ Петропавловской крѣпости, кромѣ какъ въ ваннѣ; равнымъ образомъ и другой, необходимой въ житейскомъ обиходѣ вещи— носового платка, считавшагося начальствомъ тоже излишней роскошью“.

Такова картина Трубецкого бастиона и Алексѣевского равелина; послѣдній не сохранился до нашихъ дней, на его мѣстѣ возвышается архивъ инженернаго вѣдомства, исчезъ безвозвратно и тотъ садикъ, который, какъ увидить читатель, такъ поэтически описалъ Поливановъ. Чтобы усилить впечатлѣнiе, оставить его болѣе неизгладимымъ, считаю нужнымъ привести изъ тѣхъ же воспоминанiй главные моменты жизни заключенныхъ, моменты, особенно сильно влiявшiе на психологiю.

Моментъ первый.— „Ну, иди!“—обращаясь ко мнѣ, сказалъ капитанъ Домашневъ. Я просто остолбенѣлъ и не тронулся съ мѣста.. Въ первый разъ услышалъ я обращенiе на „ты“... и кровь ударила мнѣ въ голову. Трудно передать, что я почувствовалъ въ теченiе нѣсколькихъ слѣдующихъ секундъ. Я зналъ, конечно, что со мной не будутъ обращаться, какъ съ принцемъ крови; я, казалось, былъ готовъ ко всѣмъ страданiямъ, лишенiямъ, униженiямъ; я говорилъ, что такого рода нравственныя надругательства, какъ бритье головы, кандалы, обращенiе на „ты“, не могутъ имѣть въ моихъ глазахъ характера личнаго оскорбленiя. Это—общеобязательная, прилагаемая ко всѣмъ каторжнымъ норма, это—одно изъ средствъ, которыми существующiй государственный строй борется со своими врагами... и много и много разсуждалъ я въ этомъ родѣ, но увы! не въ первый разъ оказалось, что броня философи не въ силахъ защитить отъ комариного укуса. Умъ можетъ

говорить, что ему угодно, но всякая логика бессильна, когда чувство въ разладѣ съ умомъ“...

Моментъ второй.—„Надо раздѣться“,—обратился онъ ко мнѣ. Меня обступили вошедшіе вслѣдъ за нимъ присяжные и жандармы, и, при помощи дюжины умѣлыхъ рукъ, черезъ двѣ минуты я остался въ чемъ мать родила. Одинъ взялъ мою шляпу и передалъ ее другому, тотъ третьему, и въ одинъ мигъ она исчезла изъ камеры. Въ тоже время одинъ тащилъ съ меня пальто за лѣвый рукавъ, другой—за правый, третій сталъ на одно колѣно и снималъ съ меня штилеты. Я пораился быстротой и отчетливостью, съ какой все это дѣлалось: не было ни суетни, ни толкотни, ни излишней поспѣшности, а дѣло такъ и кипѣло. Видно было, что это дѣло имъ очень знакомо, и въ немъ выработались свои опредѣленные приемы. Когда я былъ совершенно раздѣтъ, то двѣ пары дюжихъ рукъ легли ко мнѣ на плечи, и я опустился на стулъ, невѣдомо откуда появившійся. Тутъ началась послѣдняя и вмѣстѣ съ тѣмъ самая тяжелая, самая унижительная часть обыска. Одинъ сталъ перебирать мои волосы гребенкой и пальцами, другой искалъ, не запрятано ли что-нибудь между пальцами ногъ, третій полѣзъ ко мнѣ въ ухо, а двое, держа меня за руки, шарили подъ мышками. Искали, словомъ вездѣ, гдѣ только можно было предположить какую-либо контрабанду. Я никогда бы не повѣрилъ, что служебное рвеніе можетъ простираться такъ далеко. При первомъ прикосновеніи жандармскихъ лапъ, у меня потемнѣло въ глазахъ, и я видѣлъ только рой какихъ-то блестящихъ точекъ, прыгающихъ по всѣмъ направленіямъ. Да, встряска была порядочная!“

И, наконецъ, моментъ третій.—„Алексѣевскій равелинъ былъ ужаснымъ и таинственнымъ мѣстомъ за-

ключенія, входя въ которое нужно было „оставить всякую надежду“. Здѣсь человѣкъ терялъ свое имя, здѣсь не допускалось никакихъ сношеній—ни личныхъ, ни письменныхъ, даже съ самыми близкими родственниками: арестантъ умиралъ для всего міра. Здѣсь не было никакого закона, кромѣ монаршей воли, и эту тюрьму посѣщали только царь, шефъ жандармовъ и комендантъ крѣпости“. И, несмотря на все это, вотъ какія воспоминанія о мѣстѣ прогулки—о тюремномъ садикѣ сохранились у арестанта Алексѣевского равелина:

„Лѣтомъ нашъ садикъ имѣлъ очень миленькій видъ: все въ немъ цвѣло и зеленѣло, клумбы покрывались лиліями, листва березокъ такъ пріятно ласкала взглядъ; но и онѣ, бѣдняжки, испытывали на себѣ вліяніе неволи. Роста какъ бы на днѣ колодца—поверхность сада была ниже пола зданій—окруженные стѣнами, онѣ жадно тянулись къ теплу и свѣту, а потому были гораздо тоньше, чѣмъ должно было имъ быть; но все же росли онѣ хорошо и сравнивались уже верхушками съ конькомъ крыши тюремнаго зданія. Про липу и говорить нечего; она уже давно переросла крышу, и вершина ея всегда была залита солнечнымъ свѣтомъ. Яблони роскошно цвѣли весной и приносили къ осени много яблокъ, которыя, однако, почти всѣ обрывали жандармы, даже не давая имъ вызрѣть какъ слѣдуетъ. Въ саду росли еще: старая вѣтвистая бузина—излюбленное мѣсто воробьиныхъ собраній, точно клубъ какой-то, гдѣ всегда раздавалось задорное чиликанье, такъ пріятно нарушавшее тюремную тишину. Кусты по краямъ дорожки краснѣли отъ ягодъ. Одна только елочка, посаженная, видимо, недавно кѣмъ-нибудь изъ нашихъ ближайшихъ предшественниковъ—Ширяевымъ или Нечаевымъ—хирѣла, словно тоскуя о родномъ просторѣ моховыхъ болотъ.

Порой такъ пріятно было сидѣть на скамеечкѣ подъ липой, въ тѣни которой сидѣло нѣсколько поколѣній русскихъ радикаловъ, любоваться зеленью, цвѣтами, слѣдить за тѣмъ, какъ въ лазурномъ небѣ пробѣгаютъ бѣлыя облачка и парять съ рѣзкимъ крикомъ чайки,—наши воляжскія „мартышки“,—сверкая на солнцѣ бѣлымъ брюшкомъ, такъ напоминавшія мнѣ много, много счастливыхъ минутъ, пережитыхъ мной еще въ недалекомъ прошломъ, но которое казалось теперь такимъ далекимъ. Тюремная стѣна такъ круто и рѣзко отрѣзала меня отъ него, что теперешняя моя жизнь казалась не продолженіемъ этого прошлаго, а какимъ-то новымъ, вторымъ существованіемъ, нисколько не похожимъ на бывшее. Я жадно прислушивался ко всѣмъ долетавшимъ до меня звукамъ: и пароходные свистки, и доносившаяся по временамъ музыка изъ Лѣтняго сада, и ревъ слона въ Зоологическомъ саду, что былъ на Петербургской Сторонѣ—всѣ, всѣ звуки—(особенно отчетливые по вечерамъ: теперь насъ было такъ много, что прогулка тянулась весь день съ утра до сумерекъ)—напоминали мнѣ о жизни, которая „играетъ у гробового входа“ жизни, ставшей теперь такой чуждой, такой далекой, далекой!

Читая эти послѣднія строчки, вспоминая, что такъ думалъ, такъ чувствовалъ русскій революціонеръ въ садикѣ Алексѣевскаго равелина, проникаешься какимъ-то совершенно инымъ чувствомъ къ Петропавловской твердынѣ. Озлобленіе и ненависть проходятъ, и эта крѣпость, собственно говоря, почти никогда не исполнявшая обязанности крѣпости, становится какъ-то дорогой, какъ-то близкой, родной сердцу.

Тамъ страдали, томились тѣ, трудами которыхъ возникала наша свобода, тамъ перебывали съ декабристовъ

вплоть до послѣднихъ дней тѣ, которые жили лишь свободой и вѣрили лишь въ свободу. И невольно забываются всѣ другія стороны Петропавловской крѣпости, и ясно помнится лишь только то, что и она принадлежитъ къ тѣмъ дорогимъ, незабываемымъ мѣстамъ Петербурга, которыхъ такъ много въ этомъ городѣ и которыя можно назвать—„колыбелью свободы“.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Кронверкъ.—Его возникновеніе.—Артиллерійскій музей.—Подворная опись Петербургской стороны 1713 года.—Троицкій соборъ.—Празднованіе Пасхи въ старомъ Петербургѣ.—Пасхальные подарки бывшихъ лѣтъ.—Дома на набережной Невы на Петербургской сторонѣ.—Домикъ Петра Великаго.—Троицкая площадь.—Тріумфальная пирамида.—Иллюминаціи и фейерверки:—Ихъ значеніе въ бывшее время.—Способъ заселенія стараго времени.—Дачные участки.—Петропавловская больница.—Участокъ нынѣшняго лицея.—Суконная фабрика барона Штейна.—Дача барона Вульфа.—Оспенный домъ.—Сиротское училище.—Каменноостровскій проспектъ.—Его исторія.—Гласисъ крѣпости.—Устройство Александровскаго парка.—Хорошенькая вафельница Гебгардтъ.—Устройство Зоологическаго сада.—Его исторія.—Биржевой мостъ.—Мосты на Петербургскую Сторону.—Почему возникъ Троицкій мостъ.—Стремленіе устроить болѣе удобную дорогу Александру I.—Мѣстность у Тучкова моста.—Пеньковые амбары.—Дворецъ Бирона. Владимірскій соборъ.—Колтовская.—Дача Миниха.—Первоначальныя фабрики и заводы.—Дача Нарышкиной.—Упорядоченіе Колтовскихъ.—Зеленые или пороховые заводы.—Зеленина улица.—Къ названіямъ улицъ Петербургской Стороны.—Геслерова дача.—Газовый заводъ.

На Петербургской Сторонѣ и въ настоящее время, позади Александровскаго парка, напротивъ крѣпости существуетъ такъ называемый „Кронверкъ“. Это названіе, конечно, сейчасъ вполне не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но 3 мая 1706 года здѣсь, дѣйствительно, было приступлено къ сооруженію земляного

укрѣпленія, кронверка, и этотъ кронверкъ былъ устроенъ очень скоро. Когда перестраивали земляную Петропавловскую крѣпость въ каменную, то, болѣе чѣмъ вѣроятно, о Кронверкѣ забыли, а можетъ быть, нецѣлостность перестройства Кронверка была такъ очевидна, что не рискнули къ ней приступить, и Кронверкъ до конца 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія оставался съ своими земляными валами, лѣтомъ густо покрываемыми сочною травою. Эта трава сдавалась подъ сѣнокосъ желающимъ, и въ графѣ доходовъ сперва артиллерійскаго вѣдомства, а потомъ и министерства финансовъ (Кронверкъ временно принадлежалъ и этому послѣднему) (на прилагаемомъ въ концѣ книги планѣ № 2) ежегодно заносилась опредѣленная сумма не выше 300 рублей. Въ 1757 году графъ Шуваловъ, видимо, желая показать свои способности не только въ артиллеріи,—знатокомъ послѣдней онъ считался среди современниковъ, какъ изобрѣтатель особой знаменитой пушки „единого“,—но и въ фортификаціи, и поэтому составилъ планъ переустройства „Кронверка“, планъ получилъ „аппробацію“ Елизаветы Петровны, но, какъ многія аппробаціи этой веселой царицы, не былъ введенъ въ жизнь за неимѣніемъ средствъ. Въ 1804 году въ Кронверкѣ была переведена городская верфь и состоялась вышеуказанная нами передача Кронверка изъ артиллерійскаго вѣдомства въ министерство финансовъ, наконецъ, въ 1851 году исчезли валы и появились тѣ громадныя кирпичныя зданія, которыя существуютъ и по днесъ и въ одномъ изъ которыхъ помѣщается „Артиллерійскій музей“, который имѣетъ очень много достойныхъ осмотра предметовъ.

Въ декабрѣ 1713 года по повелѣнію Петра Великаго была сдѣлана подворная опись городского острова или нынѣшней Петербургской Стороны. Опись эта по-

пала въ руки одного изъ историковъ П. Н. Петрова, который до извѣстной степени и опубликовалъ ее въ своей работѣ „Исторія города Санктъ-Петербурга съ 1703 по 1782 годъ“. Къ сожалѣнію, не сохранилось или намъ неизвѣстенъ планъ этого же времени, но имѣется точный топографическій планъ 1738 года. И вотъ помощью этого плана, выкопировку изъ котораго мы воспроизводимъ въ концѣ книги подъ № 2, и вышеуказанной описи 1713 года мы постараемся возстановить передъ читателемъ часть уголка стараго Петербурга.

Преданіе повѣствуетъ, что, осматрѣвъ Енисари, островокъ крѣпости (на нашемъ планѣ обозначенъ № 1), Петръ переѣхалъ на Петербургскую Сторону и пошелъ по этой сторонѣ. Проходя мимо одного изъ ракитовыхъ кустовъ, почему-то очень обратившаго на себя вниманіе Петра, — Петръ его срубилъ; пройдя еще нѣсколько шаговъ, Петръ увидалъ и другой ракитовый кустъ, который былъ также имъ срубленъ. И вотъ — преданіе утверждаетъ, что на мѣстѣ этихъ ракитовыхъ кустовъ возникъ Троицкій соборъ (10) и первоначальный дворецъ Петра Великаго, теперь извѣстный подъ именемъ „домикъ Петра Великаго“.

Безусловно, ракитовые кусты здѣсь росли — но Петръ ихъ не срубалъ и указанные выше постройки, какъ и рядъ другихъ возникъ въ этой мѣстности потому, что здѣсь была, какъ мы и указали, большая, хорошо устроенная мыза, называвшаяся по-шведски Березовая. Мѣсто было обработано, укрѣплено — понятно, что оно должно было обратить на себя вниманіе Петра Великаго, и здѣсь былъ разбитъ бивуакъ; временный станъ тѣхъ лицъ, которые или должны были работать при Петропавловской крѣпости, или наблюдать за этою работою. При устройствѣ этого стана и былъ устроенъ особый небольшой домикъ для Петра Великаго (№ 12 на

нашемъ планѣ). Но о Троицкомъ соборѣ не было и помысла, и только 5 апрѣля 1710 года, послѣ удачнаго похода на Выборгъ, когда положеніе Петербурга упростилося, былъ заложенъ Троицкій соборъ. Постройка его велась довольно быстро, и 4 іюля 1711 года соборъ былъ освященъ митрополитомъ новгородскимъ Іовомъ въ присутствіи Меншикова. Какова была первоначальная петровская церковь во имя св. Троицы, мы не знаемъ, отъ нея не сохранилось ни плановъ, ни изображеній, но нужно думать, что это была неказистая, деревянная церковь, потому что уже въ 1742 году вслѣдствіе ветхости было въ ней прекращено богослуженіе, а 9 февраля 1743 года послѣдовало распоряженіе и о разборкѣ самого зданія Троицкой церкви. Черезъ три года—17 мая 1746 года—въ присутствіи императрицы Елизаветы Петровны произошло освященіе вновь выстроенной опять-таки деревянной церкви. Эта деревянная церковь простояла недолго. Отъ неизвѣстной причины она сгорѣла 27 марта 1750 года, и на ея пожарищѣ жестоко были избиты батогами церковные сторожа. А Елизавета Петровна приказала сооруженную было при ея лѣтнемъ дворцѣ (тамъ, гдѣ теперь Инженерный замокъ), но не освященную и разобранную церковь переплавить на Петербургскую Сторону и воздвигнуть вмѣсто сгорѣвшаго Троицкаго собора. Исторія этой разобранной церкви довольно-таки любопытна. Она была пристроена къ лѣтнему дворцу и подходила какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ, по предположенію Елизаветы Петровны, должна была быть танцевальная зала. Извѣстно, что Елизавета была любительницею танцевъ, и такъ какъ церковь не была еще освящена, то Елизавета и хотѣла воспользоваться ею, перестроить до извѣстной степени и превратить въ танцевальное зало. Но противъ этой перестройки возсталъ синодъ, указавшій

царицѣ, что непристойно зданіе, даже только предполагавшееся для церкви, превращать въ танцевальный залъ. Царица согласилась, церковь была разобрана и лежала въ разобранномъ видѣ. И послѣ пожара Троицкаго собора Елизавета вспомнила о ней и рѣшила ее утилизировать... Но тутъ произошло нѣчто на первый взглядъ совершенно непонятное. Соединили бревна и доски церкви въ плоты, спустили въ Фонтанку и стали подниматься въ Неву. Но только-что плоты поплыли по Невѣ,—внезапно поднялась буря, плоты раскидало, и, когда церковь доставили на мѣсто, то оказалось, не достаётъ нѣкотораго количества лѣса. Виновникомъ этой недостачи была буря, взыскивать, слѣдовательно, не съ кого и разрѣшили лѣсъ приобрѣсти. Такія внезапныя бури и другія имѣ подобныя атмосферическія катастрофы или пожары бывали довольно часто и, конечно, они знаменовали собою способъ, болѣе или менѣе остроумный для скрѣпленія уже произведенной растраты. Само собою понятно, что въ дѣйствительности никакой бури не было.

Такъ или иначе, а предполагаемая при Лѣтнемъ дворцѣ церковь воздвиглась на Троицкой площади и послѣ освященія 1 іюня 1756 года должна была замѣнить былой петровскій Троицкій соборъ. Въ такомъ видѣ эта церковь просуществовала до нашего времени, когда опять-таки изъ за небрежности надзора сгорѣла. Конечно, можно было бы возстановить ее, такъ какъ въ архивѣ бывшаго министерства двора сохранился точный проектный чертежъ ея, но рѣшили, что эта церковь слишкомъ скромна, не соотвѣтствуетъ царствованію Николая II, и надумали соорудить тутъ какой-то сверхъестественный соборъ. Наступившая революція разбила эти мечты неудавшихся архитекторовъ-карьеристовъ; собора не придется воздвигать, и, можетъ

быть, когда улягутся мутныя волны послѣ революціонныхъ эксцессовъ, прихожане этого прихода возобновятъ старую милую церковь, которая своимъ простенькимъ, смиреннымъ видомъ такъ гармонировала со всею площадью и съ недалекимъ отъ нея Петровскимъ дворцомъ.

Но если церковь была скромна по внѣшнему облику, то ея лѣтопись, наоборотъ, была полна большихъ дѣяній. Вслѣдствіе того, что первоначальный Петропавловскій соборъ сталъ скоро перестраиваться въ каменный, и эта перестройка, какъ мы и видѣли, затянулась, — петербургская церковь во имя Святой Троицы получила значеніе первенствующей церкви, кафедральнаго собора. Здѣсь 16 октября 1717 года произошла торжественная встрѣча Петра изъ вторичнаго заграничнаго путешествія, здѣсь же было открытіе синода и первое его засѣданіе, здѣсь отпѣвали тѣло царевича Алексѣя Петровича, по преданію умершаго отъ пытки въ Петропавловской крѣпости, здѣсь же, наконецъ, 22 октября 1721 года былъ поднесенъ Петру Великому титулъ Императора. Здѣсь же въ этой церкви совершались и всѣ торжественныя, церемоніальныя богослуженія.

Петербуржецъ такъ привыкъ, что ударить пушка на Петропавловской крѣпости, загорятся факелы, высоко, у ангеловъ Исаакіевскаго собора, и начнется пасхальная заутреня, петербуржецъ, повторяемъ, такъ привыкъ ко всему этому, что не можетъ себѣ даже представить другого церемоніала встрѣчи Пасхи, и думаетъ, что такъ Пасха встрѣчалась всегда. Онъ ошибается.

Первое время со дня основанія Петербурга, Пётръ Великій бывалъ въ своемъ парадизѣ изрѣдка, наѣздами — войны его отвлекали отъ береговъ Невы. И въ первый разъ встрѣтилъ преобразователь Россіи день Пасхи въ Петербургѣ въ 1708 году, но встрѣча эта, видимо, была

самая обыкновенная, по старинкѣ. По крайней мѣрѣ, въ „журналѣ“, такъ писцы того времени окрестили повседневныя записки, которыя велись при Петрѣ I и которыя соотвѣтствовали позднѣйшимъ камеръ-фурьерскимъ журналамъ, записано кратко подъ 13 апрѣля 1708 года:

„Праздникъ Пасхи взяли въ Питербурхѣ. А на другой день, т. е. 14 дня, на Невѣ тронулся ледъ и какъ ледъ очистился, того же числа Его Величество гулялъ по рѣкѣ въ вервѣ“ (т. е. верейкѣ, родъ шлюпки).

И съ первымъ церемоніаломъ встрѣчи Пасхи мы знакомимся въ 1718 году: „Въ началѣ 5 часа пополудни пущена была у зимняго государева дворца (тамъ, гдѣ теперь казармы 1 баталіона Преображенскаго полка, на Милліонной улицѣ,) ракета, и по этому сигналу выпалили въ городѣ (такъ называлась крѣпость, какъ основаніе города) изъ трехъ пушекъ. Тотчасъ же у Троицы, т. е., въ описываемомъ Троицкомъ соборѣ, и въ городѣ стали благовѣстить къ заутренѣ. Царское величество, государыня царица и всѣ министры были у заутрени у Троицы. И когда пошли у Троицы со крестами кругомъ церкви передъ заутренею, то пущена на Троицкой площади ракета, по сигналу которой въ городѣ палили изъ одиннадцати пушекъ. По окончаніи же обѣдни, когда царское величество изволили идти изъ церкви отъ Троицы, палили по ракетному сигналу же изъ двадцати одной пушки. Во всѣ дни Святой недѣли на городу (т. е. въ крѣпости) поднимаемъ былъ штандартъ“.

Такимъ образомъ, пасхальная служба начиналась въ пятомъ часу утра, во время нея давались ракетные сигналы и стрѣляли 50 разъ изъ пушекъ. Этотъ церемоніаль былъ нѣсколько измѣненъ въ 1722 году, — прежде всего звонить въ колокола начали не въ 5-омъ, а въ 3-емъ часу утра, а затѣмъ и общее число выстрѣловъ

съ 50 увеличилось до 72. Императоръ со всѣми христовался по православному обычаю, а членамъ царской фамиліи женскаго пола, равно и боярынямъ поздравители цѣловали руки. Тотчасъ послѣ литургіи передъ дворцомъ собирались не только всѣ наличные петербургскіе литаврчики, трубачи, гобоисты, но и всѣ барабанщики и флейтовщики петербургскихъ полковъ для поздравленія государя.

Этотъ церемоніаль прoderжался, кажется, до 9 апрѣля 1732 года, когда императрица Анна Іоанновна встрѣчала первую пасху въ своей резиденціи. Пасхальное богослуженіе совершалось еще въ Троицкой церкви, число выстрѣловъ во время заутрени было такое же, но стрѣляли не только съ Петропавловской крѣпости, а и съ валовъ Адмиралтейства,—послѣднее также было окружено валами и широкими адмиралтейскими каналами. Затѣмъ стрѣльба еще разъ повторялась послѣ поздней обѣдни, а вечеромъ были иллюминованы и яхты, стоящія на Невѣ противъ дворца. Кажется съ этого же года иллюминація крѣпости, адмиралтейства и яхтъ по Невѣ сдѣлалась непремѣннымъ обычаемъ—до этого времени иногда иллюминовали, иногда нѣтъ.

Постоянныхъ мостовъ черезъ Неву не было, а такъ какъ Нева обыкновенно вскрывалась къ пасхѣ, иногда и въ самую заутреню, то происходили большія затрудненія. Въ 1729 году преосвященный Рафаиль, живя въ своемъ подворьѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Таврическаго дворца, изъ-за ледохода не могъ переѣхать въ Троицкій соборъ и служилъ пасхальныя службы у себя, въ подворьѣ, а всѣ гражданскія и церковныя власти (императора Петра II не было въ Петербургѣ, онъ былъ въ Москвѣ) ждали пріѣзда архіерея въ Троицкій соборъ и, въ концѣ концовъ, должны были удовлетвориться службою приходскаго священника. Какъ бы въ награду,

въ этотъ годъ было сдѣлано гораздо больше выстрѣловъ, причемъ стрѣляли и съ Петропавловской крѣпости, и съ адмиралтейства, и въ Галерной гавани и даже передъ архіерейскимъ подворьемъ.

Это неудобство — невозможность попасть въ назначенную для богослуженія церковь—заставили измѣнить и Троицкому и Петропавловскому собору,—торжественная встрѣча св. Пасхи стала производиться въ дворцовой церкви; измѣнялось и время начала богослуженія: такъ, въ 1746 году уже съѣзжались „по повѣсткамъ“ къ утрени въ 2 часа пополудни. Первый разъ начало богослуженія въ 12 часовъ, въ полночь, хотѣли сдѣлать, какъ кажется, въ 1761 году, въ послѣдній годъ царствованія императрицы Елизаветы Петровны. Государыня была уже больна. „По повѣсткамъ“ всѣ имѣвшіе пріѣздъ ко двору собрались въ большой дворцовой церкви къ полночи, но богослуженіе не начиналось, и собравшіеся ожидали выхода августѣйшихъ особъ, т. е., императрицу, великаго князя и великую княгиню, будущую императрицу Екатерину II, до 5 часовъ утра. Государыня пробыла въ большой дворцовой церкви только часть службы, затѣмъ удалилась въ маленькую комнатную церковь. По окончаніи службы раздался 51 выстрѣлъ съ крѣпости и адмиралтейства.

Еще въ 1764 году заутреня, какъ въ дворцовой, такъ и во всѣхъ городскихъ церквахъ, начиналась въ 1 часъ, число выстрѣловъ въ это время увеличилось до 92: въ часъ ночи давался сигналъ для церковнаго звона изъ 3 выстрѣловъ, при началѣ утрени—17 выстрѣловъ, при чтеніи св. Евангелія—21 и по окончаніи службы—51 выстрѣлъ. Нужно думать, что къ концу царствованія императрицы Екатерины II точно опредѣлилось начало богослуженія въ 12 часовъ, а число выстрѣловъ—въ 101. Императрицею Екатериною II былъ введенъ

и еще одинъ обычай, до нея не практиковавшійся. На пасху 1770 года государыня была у заутрени „въ славянскомъ платьѣ на подобіе сарафана“, и всѣ придворныя дамы должны были замѣнить русскимъ національнымъ уборомъ прежнія робронды.

Къ царствованію императрицы Екатерины II относятся и тѣ болѣе мелкіе атрибуты (принадлежности) пасхальной недѣли, безъ которыхъ не могъ обходиться Петербургъ. Въ 1774 году появляются въ первый разъ качели и народныя увеселенія на Адмиралтейской площади, и 22 апрѣля этого года императрица съ сыномъ ѣздила по лугу и смотрѣла на народныя забавы. Въ 1788 году въ Сѣверную Пальмиру прибыли еще два иностранца, одинъ съ совершенно диковинной фамиліей Валлоти, а другой, носящій болѣе знакомое для русскаго уха прозвище—Вольфъ. Были ли эти два иностранца въ родствѣ или свойствѣ, связывало ли ихъ общее желаніе поправить свои денежныя обстоятельства, мы не знаемъ, но, очевидно, они заключили тѣсный союзъ, такъ какъ, прибывъ вдвоемъ, открывъ общее дѣло, они и вели его вмѣстѣ вплоть до самой смерти перваго изъ нихъ, м-г Валлоти. Иностранцы эти не обладали какими-либо выдающимися артистическими талантами, они были просто на просто булочниками и кондитерами, но, несмотря на такую скромную профессію, сумѣли оставить по себѣ слѣдъ въ петербургской жизни. Въ первый же годъ своего пребыванія они помѣстились на нынѣшней Исаакіевской площади, на углу нынѣшней улицы Гоголя и извѣстили о своемъ прибытіи петербуржцевъ помощью такого объявленія.

„У кондитеровъ Валлота и Вольфа имѣются разнообразныя, изъ сахара сдѣланныя корзиночки и яйца съ женскими перчатками внутри“.

Объявленіе это было напечатано 11 апрѣля 1788 года,

за двѣ недѣли до Пасхи и явилось, насколько намъ удалось установить, первымъ объявленіемъ о пасхальныхъ подаркахъ. Хорошій примѣръ всегда заразителенъ, и по стопамъ французовъ „Валлота и Вольфа“ пошелъ „нѣмецкаго булочнаго цеха мастеръ Ренеке“; онъ, какъ болѣе скромный представитель этого ремесла, жилъ не въ такой центральной части города, а на Екатерининскомъ каналѣ, у Харламова моста, т. е., по наименованіи того времени, въ Малой Коломнѣ и сюда-то онъ зазывалъ петербуржца, объявляя, что „по заказу печеть къ Пасхѣ разныхъ цѣнъ куличи“. Трудно только начало: и, дѣйствительно, съ 1788 года пасхальные объявленія уже не сходятъ со столбцовъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“. Надо отдать справедливость Валлоту и Вольфу, они не удовлетворялись выпискою лишь изъ заграницы пасхальныхъ яицъ, но старались своими подарками и заинтересовать петербуржца, и отвѣтить даже, какъ это и ни покажется сейчасъ страннымъ, на современные мотивы. Такъ, въ 1788 году они выставили яйца съ изображеніемъ Очакова, въ этотъ годъ эта Турецкая крѣпость была взята русскими войсками, въ 1790 году, къ торжеству Пасхи, продавались яйца, изображавшія сдачу Бендеръ, а въ слѣдующемъ 1791 году торговали „фигурными яйцами, изображавшими побѣду надъ Измаиломъ“, — текуція политическія событія находили отголосокъ даже въ пасхальныхъ яйцахъ. Кромѣ этихъ, если такъ можно выразиться, политическихъ яицъ, на прилавкѣ неизмѣнно бывали „яйца съ женскими перчатками“, „яйца à la flore“, „дѣланныя яйца и коробочки à la sultan“, и, наконецъ, *chapeaux de bonne espreence* съ яйцами, или „изъ сахара дѣланныя съ именными вензелями яйца“.

Въ 1795 году у этихъ кондитеровъ появились конкуренты — наиболѣе серьезнымъ былъ Императорскій

фарфоровый и стеклянный заводъ. Онъ открылъ свою собственную лавку въ Гостиномъ дворѣ и приглашалъ туда: „если кто желаетъ покупать фарфоровыя и стеклянные яйца, расписанныя разною живописью и золотомъ“. Затѣмъ одна изъ первыхъ гастрономическихъ лавокъ Петербурга, помѣщавшаяся въ Луговой Милліонной, въ домѣ Рѣзваго, № 59,—этотъ домъ исчезъ, на его мѣстѣ и ряда сосѣднихъ съ нимъ домовъ выросло зданіе министерства иностранныхъ дѣлъ,—рѣшила въ этомъ же 1795 году поразить Петербургъ не иностранщиною, не чужеземною выдумкою, а чисто „русскимъ, національнымъ“—она выписала изъ Москвы „разныя восковыя разными цвѣтами украшенныя яйца“ и продавала ихъ по „умѣренной цѣнѣ“.

Выборъ для петербуржцевъ съ каждымъ годомъ увеличивался. Въ 1799 году, напримѣръ, „въ домѣ его превосходительства барона Кутайсова“, всемогущаго любимца Павла I, на Адмиралтейской площади,—теперь этотъ домъ вошелъ въ зданіе Главнаго Штаба—продавались къ наступающему празднику св. Пасхи „разныхъ манеровъ корзиночки съ лакированными яичками, совсѣмъ новаго вкуса и рисунка“; въ 1808 году лакированныя яички смѣнились „разныхъ разборовъ пасхальными яицами перломутаваго цвѣта въ золотой оправѣ и другихъ разныхъ цвѣтовъ съ вызолоченною оправою“. Конкуренція росла съ каждымъ годомъ и въ то же время обыкновенныя куриныя яйца, предназначенныя для окраски, продавались за 10 р. 50 к. тысяча.

Въ большемъ употребленіи были и „разныя гирлянды, букеты, цвѣты изъ тафты и вербы. Ихъ дѣлала какая-то иностранка, поселившаяся въ 1799 году на углу Офицерской улицы и Вознесенскаго проспекта.

Особеннаго распространенія издѣлія изъ воска и сахара для пасхальныхъ подарковъ достигли въ

30—40 годах XIX столѣтія. Такъ, въ 1838 году знаменитый петербургскій кондитеръ Излеръ изготавилъ „цѣлую сладкую азбуку“, и „С.-Петербургскія Вѣдомости“ разразились по этому поводу слѣдующею тирадою:

„До сихъ поръ ученіе было горько для дѣтей, теперь съ помощью сахарныхъ буквъ Излера оно будетъ пріятно, сладко и положительно. Дитя радостно заучитъ звуки буквъ (какъ характерно это выраженіе: „звуки буквъ“!), когда ему дадутъ сахарное изображеніе скушать“!!

Въ царствованіе Императора Николая Павловича одной изъ особенностей празднованія какъ Рождества, такъ и Пасхи, былъ выпускъ къ этимъ днямъ альманаховъ и особыхъ дѣтскихъ книжекъ, посвященныхъ этимъ событіямъ. Вплоть до конца 40 годовъ, пожалуй, для петербуржца Пасха была не Пасхою, если бы не появился къ ней пасхальный альманахъ.

Въ 1829 году вышелъ „Подснѣжникъ“ и драматическій альманахъ „Букетъ“ извѣстнаго афериста издателя Аладыина; въ 1838 году любители русской литературы съ любопытствомъ ожидали появленія поэмы И. Титова. Поэма носила завлекательное названіе „Пасхальная Лампа“ и должна была состоять изъ 12 пѣсень.

Поэма въ 12 пѣсень! Почитатели Хераскова, Шишкова и другихъ подобныхъ литераторовъ, о которыхъ еще велись споры, могли втайнѣ радоваться: казалось, возвращались времена „Россіады“; но какъ велико было ихъ разочарованіе, когда вмѣсто толстой книжищи, они получили совсѣмъ тоненькую брошюру въ нѣсколько страницъ въ форматъ малой осьмушки. Пѣсни этой поэмы свободно помѣщались на страничкѣ, а нѣкоторыя занимали даже полстранички, и вся поэма была не подражаніемъ древнимъ ложно-классическимъ твореніямъ, а скорѣе насмѣшкою надъ ними.

Наконецъ, въ 1843 году любопытный и необычайный подарокъ для того времени сдѣлалъ своимъ подписчикамъ журналъ „нашего прелестнаго рисовальщика В. Тимма „Листокъ для свѣтскихъ людей“. Пасхальный номеръ этого журнала былъ отпечатанъ въ литографіи М. Тюлева красною краскою — настоящее красное яичко — и содержалъ въ себѣ „Физиологическій очеркъ поздравленій“.

Въ этомъ физиологическомъ очеркѣ читатель могъ получить слѣдующій совѣтъ: „Поэтому, совѣтуемъ послѣ обычнаго привѣтствія не довольствоваться поклономъ или пожатіемъ руки, а всѣми силами содѣйствовать къ сохраненію и поддержанію древняго русскаго обычая христосованія. Итакъ, не давайте сегодня пощады ни одной красавицѣ и слѣдуйте совѣту одного денди (свѣтскаго человѣка), уже съ весьма замѣтною просѣдью, любящаго повторять въ пріятельскомъ кругу: „У меня совѣсть чиста, въ жизни моей я не пропустилъ ни одного случая“!

Возвращаемся къ Троицкой площади. Итакъ, по срединѣ ея стоялъ Троицкій соборъ (№ 10, смотри приложенный планъ), отъ котораго шла бревенчатая дорога къ Троицкой пристани (№ 9); съ этой пристани производился перевозъ черезъ Неву, къ помѣщавшемуся на противоположной сторонѣ, на Адмиралтейскомъ островѣ, на мѣстѣ нынѣшняго Мраморнаго дворца, Почтовому дому. Направо отъ Троицкаго собора, на той линіи, которая на планѣ проведена пунктиромъ, помѣщалось нѣсколько образцовыхъ строеній, между которыми выдѣлялись „австерія“, т. е. трактиръ, въ которомъ происходили торжественные царскіе пиры, и ближе къ крѣпости зданіе первой Петербургской типографіи. Къ 1738 году, году снятія того плана, выкопировку изъ котораго мы даемъ здѣсь, эти зданія были уничтожены,

а отъ бывшаго большого двухъ-этажнаго съ черепичною крышею зданія Сената оставался только фундаментъ (№ 11). За Сенатомъ, ближе къ берегу Невы, стоялъ домикъ Петра Великаго, за которымъ тянулась по Невѣ и Невкѣ линія набережныхъ домовъ, большинство которыхъ было построено на казенный счетъ: владѣльцы ихъ были чиновными людьми и были обязаны жить въ С.-Петербургѣ; ближайшимъ къ домику Петра I былъ домъ Генина (№ 13); въ 1738 году здѣсь помѣщались постоянные дома, и отсюда шель другой переѣздъ, уже на Литейную сторону, на нынѣшнюю Гагаринскую набережную. Затѣмъ слѣдовало зданіе Правительствующаго Синода, въ петровское время тутъ помѣщался домъ Брюса, перваго петербургскаго коменданта, этотъ домъ въ послѣдствіи былъ подаренъ князю Гагарину, а когда послѣдній за свое воровство былъ повѣшенъ, домъ былъ взятъ въ казну и въ немъ помѣстили Синодъ. Въ 1741 г. Синодъ по ветхости этого дома былъ переведенъ на Васильевскій Островъ, а домъ, необитаемый и приходящій все болѣе и болѣе въ плачевный видъ, просуществовалъ до 1756 года, когда съ аукціона продали остатки разломаннаго синодальнаго дома. Тутъ же былъ небольшой участокъ съ домомъ Пушкина зятя Меншикова, и этотъ домъ былъ конфискованъ. Наконецъ, шель домъ Шафирова (№ 15), построенный, какъ въ то время говорилось, „замкомъ“ и занимавшій солидный участокъ въ 984 кв. сажени. Домъ Шафирова долженъ считаться однимъ изъ наиболѣе старыхъ домовъ. Его начали строить въ 1705 году, конечно, на казенный счетъ. Во время постигшей въ концѣ царствованія Петра Великаго немилости, у Шафирова взяли этотъ домъ и, какъ отписной на казну, пожаловали Академіи наукъ или, какъ тогда звали, академіи де сіянсъ; въ этомъ домѣ въ довольно обширной залѣ былъ поста-

вленъ балдахинъ съ тронѣмъ и состоялось открытіе засѣданій академіи. Къ этому времени Петръ успѣлъ умереть, а Екатерина I благоволила Шафирову, отписное имѣніе было ему возвращено и „академіи де сіансъ“ пришлось довольно скоропалительно выбираться изъ шафировскаго дома, который впослѣдствіи былъ проданъ въ казну и превратился въ мундирный магазинъ. Рядомъ съ домомъ Шафирова былъ домъ учителя Петра I Никиты Зотова (№ 16), впослѣдствіи превращеннаго Петромъ въ князь-папу, предсѣдателя всепьянѣющей коллегіи, учрежденія, созданнаго Петромъ въ видѣ насмѣшки надъ ханжествомъ и излишней обрядностью. Домъ этотъ былъ съ балкономъ, а на крышѣ помѣщалась фигура Бахуса. Послѣ смерти Зотова домъ этотъ перешелъ къ его преемнику, слѣдующему князь-папѣ Бутурлину. Угловымъ домомъ на Неву и вытекающую изъ нея Невку былъ домъ перваго канцлера графа Головкина. Домъ этотъ былъ построенъ въ 1710 году, а съ 24 марта 1781 года онъ принадлежалъ купцу Погодину, устроившему здѣсь довольно большой лѣсной дворъ. Въ этотъ годъ домъ былъ приобрѣтенъ въ казну, участокъ его соединенъ съ близъ лежащими домами Шафирова и Гагарина и было поручено казенной палатѣ здѣсь устроить буянь - амбары для храненія пеньки. Въ наши дни здѣсь возвышается своеобразной архитектуры со шпиремъ зданіе, вмѣщающее въ себѣ нѣсколько городскихъ школъ. Рядъ зданій шелъ и по Невкѣ, они указаны на планѣ, изъ нихъ выдѣлимъ участокъ № 18, гдѣ помѣщалась первоначальная ратуша, замѣнявшая собою городскую думу. Возвратимся по Большой Дворянской улицѣ (II, II) на Троицкую площадь къ домику Петра I.

Домикъ низенькій, одноэтажный, безъ каменнаго фундамента, по продольному фасаду имѣетъ $16\frac{3}{4}$ ар-

шинъ, по поперечному $7\frac{1}{2}$ аршинъ, а вышина отъ пола по крышу всего $3\frac{1}{2}$ аршина. Срубленъ изъ сосноваго лѣса и покрытъ въ видѣ черепицъ дощечками. Бревна, изъ которыхъ былъ построенъ домикъ, съ обѣихъ сторонъ—снаружи и внутри—гладко обтесаны и съ лицевой стороны выкрашены масляною краскою подъ кирпичъ, а внутри обиты холстомъ, выбѣленнымъ клевою краскою. Потолокъ тоже былъ обить холстомъ и тоже выкрашенъ бѣлою краскою. На самой серединѣ крыши поставлена была небольшая мортра, по угламъ же—бомбы, какъ бы пылающія, то и другое было сдѣлано изъ дерева и выкрашено.

Въ домикѣ 7 оконъ, изъ коихъ 3 выходятъ на Неву, 1—къ Петропавловской крѣпости, 2—съ передней стороны или со входа и 1 съ лѣвой стороны, самъ домикъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ, включая и сѣни. Направо при входѣ былъ кабинетъ, налѣво столовая, а дальше за нею спальня.

Императрица Екатерина II, желая сохранить домикъ на „предыдущіе поры“, повелѣла въ 1784 году огородить его каменнымъ шатромъ или футляромъ съ крышею, покрытою кровельнымъ желѣзомъ. Этотъ шатеръ и самъ домикъ подвергался неоднократнымъ ремонтамъ; въ 1874 году, по Высочайшему повелѣнію, былъ обращенъ изъ городского владѣнія въ собственность придворнаго вѣдомства участокъ длиною по набережной рѣки 28 сажень и отъ домика до берега 15 сажень, и мѣсто это было назначено для разведенія сада, ограждено чугунной рѣшеткою. Ниже сада, по берегу Невы, поставленъ павильонъ съ устройствомъ пристани, такъ что изъ павильона двери выходили прямо въ садикъ. Здѣсь же въ саду, при самомъ входѣ въ него, поставленъ бронзовый бюстъ императора Петра I.

Въ домикѣ, еще со временъ Петра Великаго, помѣ-

щалась икона нерукотворнаго образа Спасителя. По преданію, эта икона принадлежит кисти знаменитѣйшаго русскаго иконописца времени царя Алексѣя Михайловича Симона Ушакова, является однимъ изъ образцовыхъ произведеній иконописи и очень уважалась и почиталась (опять-таки, повторяемъ, по преданію) Петромъ Великимъ. Это почитаніе не ослабѣвало и въ послѣдствіи у петербуржцевъ; число богомольцевъ, стекавшихся въ домикъ Петра Великаго, все увеличивалось и увеличивалось и съ теченіемъ времени домикъ обратился въ часовню,—въ которой шли безконечныя молебны и возжигались свѣчи. Часовня стала доходной статьею, и о ней заспорили двѣ церкви: Троицкій соборъ и церковь Зимняго дворца; конечно, побѣдила послѣдняя, часовня была приписана къ ней.

Кромѣ образа Симона Ушакова въ часовнѣ сохраняется рядъ предметовъ, принадлежавшихъ Петру I, а именно: кресло изъ березы, скамеечка, деревянная точеная рюмка, оконная рама со свинцовымъ переплетомъ работы Петра, его токарный станокъ и верейка—небольшая шлюпка, которая стояла постоянно на Невѣ у домика и въ которой ѣздилъ самъ Петръ.

За указанною выше линіей уже не существовавшихъ въ 1738 году построекъ, помѣщался каменный или, вѣрнѣе, мазанковый гостиный дворъ (№ 26). Онъ построенъ въ 1715 году; среди него была биржа и таможня, здѣсь же находилась и аукціонная камера. Въ 1736 году поднялся вопросъ о сноскѣ гостинаго двора; вопросъ былъ рѣшенъ утвердительно, состоялось по этому поводу два высочайшихъ повелѣнія, но, какъ это не разъ случалось съ высочайшими повелѣніями, они оставались невыполненными, и только въ 1762 году, 24 іюля, „былъ еще разъ поднесенъ на разсмотрѣніе Ея Императорскаго Величества вопросъ о раздѣлѣ порожняго на

санктпетербургскомъ острову мѣста, бывшаго подѣ гостиннымъ дворомъ для обывательскаго строенія“. Исчезло и самое мѣсто гостинаго двора.

Между австерією, сенатомъ, Троицкимъ соборомъ и Троицкою пристанью, приблизительно на мѣстѣ, обозначенномъ на нашей выкопировкѣ № 31, стояла триумфальная пирамида, возлѣ которой ставились особыя декораціи и зажигалась иллюминація. Тутъ былъ центръ столичной жизни, здѣсь производились парады, здѣсь начинались различныя гулянія, вродѣ знаменитой маскарадной процессіи по поводу Ніеншатскаго мира.

Иллюминація, фейерверки у триумфальной пирамиды!..

„Какіе до временъ Императора Петра Перваго были въ Россіи фейерверки или художественные огни, то намъ неизвѣстно“—такими словами артиллеристъ Михайло Даниловъ начиналъ въ 1777 году свое „предувѣдомленіе къ изданному имъ руководству производства фейерверковъ“. „А во время Его Величества—продолжалъ Даниловъ свое предисловіе—художественные огни изготовляли преображенскаго полка бомбардирскіе офицеры Карчминъ и писаря, которыхъ записки для составленія ракетъ и до нашего времени сохранены. Въ тогдашнее время фейерверкъ исполняла помянутая рота: потомъ, когда графъ Минихъ былъ фельдцейхмейстеромъ, то составленіе и изготовленіе фейерверковъ зависѣло только отъ артиллеріи. Въ Россіи первымъ фейерверкеромъ былъ, а потомъ и оберъ-фейерверкеромъ г. Демидовъ, а по немъ фейерверкеромъ г. Мартыновъ, находящійся нынѣ при артиллеріи генераль-поручикомъ. Послѣ него находясь я при изготовленіи фейерверковъ такъ и иллюминаціи, удостоенъ былъ въ 1756 году въ оберъ-фейерверкеры и во всю мою при лабораторіи бытность не мало упраж-

нялся какъ въ военныхъ, такъ и фейерверочныхъ дѣлахъ и работахъ“.

Такова краткая справка изъ исторіи фейерверковъ въ Россіи. А вотъ какъ опредѣляли и самые фейерверки:

„Фейерверкеръ, имѣя въ виду, что его художество недолгое время показываетъ свои предметы, долженъ дорожить толь скоро преходящими дѣйствіями и примѣняясь ко образу мыслей зрителей, по политическимъ и гражданскимъ связямъ, избирать то мгновеніе предмета, какое выразить можетъ его искусство такъ, чтобы вдругъ можно было оное обозрѣть и чтобы все занимая и привлекая зрѣніе котораго, удовлетворяло вмѣстѣ и уму, все бы согласовалось и соотвѣтствовало цѣли и даже послѣдняя ракета была пущена во время, дабы не отвлечь собою напрасно взора зрителей; однимъ словомъ фейерверкеръ долженъ изобразить торжество такъ, чтобы всякій, будучи отъ онаго въ полномъ удовольствіи, умственно могъ себѣ представить не только поводъ и начало, но есть ли возможно и всю исторію торжества“.

Мы, дожившіе до побѣды человѣка надъ воздухомъ, мы, пользующіеся въ настоящее время беспроволочнымъ телеграфомъ и все-таки высказывающіе неудовольствіе, что событія всего міра не всегда съ достаточной быстротою получаютъ нами, не можемъ даже вполне постигнуть того значенія, которое придавалось фейерверкамъ и иллюминаціямъ въ прежнее время. Намъ кажется, что наши предки потѣшались огненными потѣхами, и мы, пожалуй, снисходительно улыбаемся, читая описаніе, какъ англійскій посланникъ Клеркъ напугалъ русскихъ обывателей въ Устюгѣ. Въ благодарность соловецкому воеводѣ за травлю зайцевъ, иноземецъ Клеркъ отвѣтилъ роскошнымъ обѣдомъ,

послѣ котораго былъ устроенъ фейерверкъ. Было пу- щено нѣсколько ракетъ и шутихъ и, кромѣ того, за- жжено цѣлыхъ сто смоленныхъ бочекъ при громадномъ стеченіи народа, собравшагося на это необычайное врѣлище... Ракеты были приняты крестьянами за огнен- ныхъ змѣй, и они, т. е., крестьяне, въ страхѣ разбѣжались.

Крестьяне въ страхѣ разбѣжались въ 1674 году, но въ срединѣ XVIII вѣка фейерверка уже не пуга- лись; наоборотъ, фейерверками любовались и они имѣли громадное воспитательное значеніе.

Фейерверкъ, если перевести его на современный языкъ, соотвѣтствовалъ передовой статьѣ современной правительственной газеты: это не парадоксъ, а пра- вильный выводъ. Правительству необходимо было про- извести то или иное вліяніе на умы массы. Манифесты (правда, они читались съ особо торжественными цере- моніями) могли слышать немногіе; печатные указы опять-таки были достояніемъ немногихъ: грамотѣвъ въ то время было у насъ очень мало, да и самый текстъ манифестовъ, написанный въ канцеляріяхъ сна- чала по-нѣмецки, а затѣмъ переведенный по-русски, а если и написанный прямо „по-россійски“, то, во вся- комъ случаѣ, съ оборотами и конструкціями фразъ вполне не русскими, съ трудомъ разбирался и пони- мался нашими предками.

Но когда передъ глазами тысячной толпы „изъ го- рящаго орла, который словно парилъ въ вышинѣ, вы- летала ракета, попадала въ льва, зажигала его, послѣ чего левъ разлетался въ куски,—всякій, даже только недавно ставшій постигать ту иноземщину, которую Петръ Великій вводилъ на русской землѣ, понималъ, что орелъ—эта россійская держава, а левъ—исконный врагъ, шведскій король, и что орелъ побѣдилъ этого льва, уничтожилъ его планы покорить Россію. Дѣй-

ствительно, при помощи иллюминацій и фейерверковъ, можно было надолго сохранить въ памяти массы то или иное событіе. Вотъ почему экономный и расчетливый Петръ не жалѣлъ денегъ на эти огненные забавы; его примѣру слѣдовали и его преемники, и фейерверки стали терять свой смыслъ лишь въ концѣ XVIII и начала XIX вѣка, когда они сдѣлались одной изъ принадлежностей разъ навсегда принятаго церемоніала и стали дѣлаться по одному опредѣленному, заранѣе выработанному плану. Между тѣмъ, для каждаго фейерверка первой половины XVIII вѣка надо было прежде всего сочинить, вымыслить планъ. Къ этой работѣ привлекались выдающіеся дѣятели науки и искусства. Проекты иллюминацій и фейерверковъ дѣлали лучшіе художники и ученые. Въ дѣлахъ академіи наукъ, на примѣръ, сохранился рисунокъ самого Ломоносова; рисунокъ представляетъ Геркулеса, облокотившагося на земной шаръ и держащаго въ другой рукѣ свою знаменитую палицу. Составленный проектъ поступалъ на „аппробацію“, и если онъ удостоивался утвержденія, то его отсылали въ артиллерійскую лабораторію, и тутъ-то искусные мастера и своего рода художники должны были оживить картину при помощи пиротехническихъ средствъ.

Нельзя забывать, что эти работы производились экстренно. Сегодня, едва переводя дыханіе, на курьерской тройкѣ прибывалъ въ столицу курьеръ; выстрѣлами съ Петропавловской крѣпости давалось знать населенію, „что побѣдоноснымъ Россійскимъ воинствомъ одержана еще одна побѣда“. Затѣмъ былъ молебень, а вечеромъ, самое позднее, на другой вечеръ, должна была быть зажжена иллюминація, должны загрѣмѣть пушечные выстрѣлы и разноцвѣтный дождь ракетъ долженъ былъ озарять темную петербургскую ночь...

Весьма понятно, что при такомъ отношеніи къ фейерверкамъ разговоръ о деньгахъ на устройство отходилъ на второй планъ. И, дѣйствительно, мы находимъ ассигновки двоякаго рода. Первые были обычные, вторыя экстраординарныя.

Въ 30—40-хъ годахъ XVIII вѣка, обыкновенно въ октябрѣ или ноябрѣ издавался указъ, подобный слѣдующему отъ 17 октября 1739 года: „объ отпускѣ въ канцелярію главной артиллеріи 10 тысячъ рублей на устройство фейерверковъ и иллюминацій въ слѣдующемъ 1740 году“. Такимъ образомъ, обычный бюджетъ артиллерійской лабораторіи въ указанное нами время былъ 10 тыс. рублей, на эти 10 тысячъ рублей лабораторія должна была заготовить фейерверки и иллюминаціи на день новаго года и Богоявленія, на день восшествія на престолъ, тезоименитства и рожденія, также въ день св. Пасхи. Но если событія приносили съ собою неожиданности, то появлялись новыя, сверхбюджетныя, если такъ можно выразиться, ассигнованія: 7 января 1740 года было отпущено 4 тысячи рублей на изготовленіе фейерверка и иллюминаціи по случаю объявленія мира и дня рожденія Императора; 11 февраля того же года послѣдовала еще ассигновка въ 2 т. руб. на иллюминацію по случаю празднованія мира. Въ дни Елисаветы такія чрезвычайныя ассигновки были еще больше; такъ, напр., 28 сентября 1743 года на устройство фейерверка по случаю заключенія мира съ Турціею, было назначено 10 тыс. рублей. Дѣло велось очень широко: въ 1742 году въ контору главной артиллеріи потребовано было 3.800 глиняныхъ плошекъ и 223.000 гвоздей; число плошекъ съ каждымъ годомъ росло, и въ 1751 году артиллерія вызывала желающихъ уже поставить 23.000 плошекъ. Кромѣ плошекъ, употреблялись еще и иллюминаціонные фонари. Сначала эти фонари

дѣлались рабочими лабораторіи, но затѣмъ лабораторія уступила эту работу частнымъ подрядчикамъ, причемъ „за репрезентуемые отъ артиллеріи въ высокаторже-ственные дни фонари и плошки готовые—саломъ налитыя и фонари со вставленною потребныхъ цвѣтовъ слюдою и изъ хлопчатой бумаги свѣтильнею, съ потребнымъ числомъ скипидару и факеловъ“ платила „за фонари $12\frac{3}{8}$ коп., а за плошки $5\frac{1}{8}$ коп.“. Въ громадномъ количествѣ требовались и другіе припасы, такъ, въ 50-е годы, XVIII вѣка, т. е., во время царствованія Императрицы Елисаветы Петровны и въ тѣ годы ея царствованія, когда фейерверки были особенно распространены, артиллерійской лабораторіи было „потребно 6.041 пудъ сала говяжьяго не квашенаго, 59 пудовъ квашенины, 300 пудовъ скипидару, 150 пудовъ хлопчатой бумаги, лазори берлинской 5 фунтовъ 93 золотника, бѣлилъ русскихъ 10 пудовъ, вохры 8 пудовъ, сажи 2 пуда“. Какъ видимъ, количество значительное и расходъ на припасы достигалъ иногда очень почтенной цифры,—напримѣръ, 13.035 р. 79 к.

Позволимъ себѣ закончить нашу справку о фейерверкахъ описаніемъ фейерверка 1721 года. „Во время шведскаго мира 1721 года, на Петербургскомъ острову противъ Сената сдѣланъ былъ Янусовъ домъ великимъ фигурнымъ театромъ и убранъ весь фонарями разноцвѣтными, въ воротахъ планъ фитильной нарисованъ Янусовъ древней, мирорѣшительной. Противу того дома поставлены двѣ особы, первая въ знакъ императора Петра Великаго, другая въ знакъ короля Шведскаго и около дома по плану фитильному и возлѣ ихъ пирамиды, колеса и всякія огненные фигуры, да отъ того же дому протянута веревка къ Сенатской галлерей, и на ней укрѣпленъ орелъ. У всего того приуготовленія былъ самъ государь. (Уже одно это обстоятельство показы-

ваетъ, какое значеніе этой иллюминаціи придавалъ Петръ Великій, устраивая ее лично). И въ ночи въ 12 часу самъ Государь зажегъ орель, который полетѣлъ прямо въ Янусовъ домъ и зажегъ планъ съ статуей и какъ сталъ сгорать, то тѣ особы пошли съ простертыми руками и затворили ворота янусовы, изъ того храма вдругъ вылетѣло больше тысячи ракетъ и потомъ съ города, изъ поставленныхъ по Невѣ рѣкѣ галеръ, изъ пушекъ учинилася стрѣльба; подобная грому и молніи, и продолжалась съ часъ; потомъ зажгли два плана: на одномъ корабль, идущій въ гавань, съ надписью: „конецъ дѣло вѣнчаетъ“, а на другомъ корона Россійская и Шведская, соединенныя на столбѣ, съ надписью: „соединеніе дружбы“. По сгораніи плановъ началась потѣха огненная удивительнымъ порядкомъ съ пирамидами, въ подобіе бриліанта, а на верху пирамиды корона Россійская, а на другой корона Шведская и продолжалась потѣха часа четыре“.

Это описаніе даетъ, конечно, слабое представленіе о томъ, что творилось на Троицкой площади въ дни блестящихъ „викторій“, какъ тогда называли побѣды.

Если обратить вниманіе на представленную выкопировку, на заселенные кварталы А. А. А., то нельзя не увидать, что эти кварталы разбивались безъ предварительнаго плана, а такъ, какъ Богъ на душу положить, какъ кому удобнѣе было селиться: закоулочки, переулочки, тупики, неизвѣстно почему появившіяся площадки: все это показывало, что архитектора здѣсь не было, что и самому Петру Великому былъ недосугъ въ началѣ смотрѣть, чтобы строились въ порядкѣ, а когда и было обращено вниманіе, то помочь горю было затруднительно: нужно было начинать сначала.

Заселеніе, какъ показываетъ самое названіе улицъ или въ то время слободокъ, шло по принципу соединенія въ одну слободу людей однородныхъ занятій или

сословіи—три Дворянскія улицы: малая, большая и старая (I, II, III) свидѣтельствовали, что здѣсь живутъ царскіе приближенные, представители російскаго благороднаго дворянства; большая Посадская, наоборотъ, говорила, что ея обыватели люди, взятые изъ посадовъ другихъ городовъ, люди торговые, коммерческіе; большая Оружейная, Монетная, Пѣвческая были понятны всѣмъ и каждому: здѣсь жили оружейники, монетнаго дѣла мастера, пѣвчіе; наконецъ, рядъ улицъ носилъ названіе отъ полковъ, солдаты которыхъ тутъ селились: три бѣлозерскія улицы говорили о Бѣлозерскомъ славномъ полкѣ, Колтовская заставляла вспоминать полковника Колтовскаго, а нынѣшняя Спасская, тогда Татарская, свидѣтельствовала ясно, что тутъ находятся юрты татаръ, калмыковъ, киргизъ.

По нынѣшнему Большому проспекту тянулась изгородь съ воротами; она защищала не отъ шведовъ, а отъ волковъ, которые въ изобиліи водились въ окрестныхъ лѣсахъ и пользовались всякимъ удобнымъ случаемъ напасть и на скотъ, и на самого обывателя, если онъ выходилъ неосторожно. Конечно, это явленіе несколько неувидительно, когда даже 26 февраля 1841 г., въ 7 часовъ утра, на Каменномъ островѣ показались семь волковъ, которые, бросившись на выбѣжавшую съ дачи г. Тарсуковой дворовую собаку, растерзали ее и убѣжали на взморье.

По рѣкѣ Карповкѣ тянулись дачные участки, между ними уже въ 1713 г. выдѣлялся своимъ относительнымъ благоустройствомъ участокъ генерала Брюса, этотъ участокъ скоро перешелъ во владѣніе Теофана Прокоповича, новгородскаго архіерея. На выстроенномъ здѣсь подворьѣ не разъ бывалъ Петръ Великій и засиживался у умнаго, находчиваго архипастыря. Бесѣда за чашей вина затягивалась далеко за полночь. Въ 1736 году на

этомъ подворьѣ была заложена и освящена церковь во имя 12 апостоловъ. А въ 1832—33 годахъ архитекторъ Миллеръ производилъ, по проекту архитектора Штауберта, строеніе Петропавловской больницы, которая и была открыта 15 мая 1835 года. Названіе улицы, на которую выходитъ эта больница, Архіерейская, говоритъ о томъ, что здѣсь когда-то было Архіерейское подворье. Точно также названіе слѣдующей улицы, къ которой примыкаетъ Архіерейская, — Вульфова улица — тоже свидѣтельствуешь, что здѣсь когда-то жилъ какой-то Вульфъ, память о которомъ осталась въ названіи улицы. Участки въ этой части Петербургской Стороны были громадны: такъ, по Большой Пушкарской былъ „каменный домъ съ мѣстомъ въ три тысячи квадратныхъ сажень“, тутъ же гдѣ-то помѣщалось огородное мѣсто такой значительной величины, что ему было даже дано особое названіе „Розенгофъ“, наконецъ, участокъ барона Вульфа, о которомъ мы сейчасъ поведемъ рѣчь, тоже былъ громадный. Онъ шелъ по Карповкѣ, захватывалъ мѣсто нынѣшнихъ казармъ лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка и женскаго медицинскаго Института, имѣя границею участокъ Петропавловской больницы, далѣе граница шла по Архіерейской улицѣ, Каменноостровскому проспекту, по Большой Монетной или даже Ружейной улицѣ и упиралась въ ту же Невку. Еще въ 1770 году здѣсь сдавался „огородный участокъ на рѣкѣ Карповкѣ, большіе сѣнокосные луга, да предлагались для житья въ лѣтнее время два деревянныхъ дома на Невкѣ“.

Первымъ владѣльцемъ этого участка былъ баронъ Штейнъ, англійскій резидентъ, который устроилъ здѣсь суконную и шерстяную фабрику; въ 1760 году онъ вызывалъ „желающихъ работать изъ платы ткачей и ткальщицъ, прядильщиковъ и прядильщицъ“, но, оче-

видно, такихъ рабочихъ въ Петербургъ было мало, фабрика не пошла и баронъ Штейнъ продалъ ее архитектору Фростинбергу, который въ свою очередь переуступилъ барону Вольфу или Вульфу, тоже англійскому резиденту. Третій владѣлецъ фабрики—баронъ Вульфъ—память о немъ, какъ мы уже говорили, сохраняется въ названіи Вульфовыхъ улицъ—былъ счастливѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ: онъ нашелъ покупателя въ лицѣ государыни Императрицы Екатерины II. Она приобрѣла его мѣсто для устройства особаго госпиталя для оспопрививанія. Въ сентябрѣ 1768 года появилось объявленіе: „по Высочайшему ея императорскаго величества соизволенію заведенъ на Санктпетербургскомъ островѣ, въ бывшемъ Вульфовомъ домѣ, госпиталь для прививанія оспы, въ которомъ всякаго званія родителей дѣти лѣчатся и содержатся бесплатно“. Съ этого времени, т. е., съ 1768 года, два раза въ годъ—осенью и весною—жители Петербурга извѣщались, что „оспопрививаніе началось“, и что „желающіе воспользоваться симъ все милостивѣйшимъ учрежденіемъ могутъ являться ежедневно съ 8 до 10 час. пополудни, гдѣ безденежно какъ приняты, такъ и отпущены будутъ“. Замѣтимъ, къ слову сказать, что однимъ изъ докторовъ этого оспеннаго госпиталя былъ надворный совѣтникъ докторъ Галлидей, кажется одинъ изъ владѣльцевъ острова Голодая—исковерканная фамилія доктора.

3 апрѣля 1781 года оспенный госпиталь перешелъ въ вѣдѣніе приказа общественнаго призрѣнія, который продолжалъ начинаніе великой царицы. Обширный земельный участокъ госпиталя также эксплуатировался приказомъ общественнаго призрѣнія, причемъ послѣдній „къ преумноженію доходовъ“ построилъ на углу Каменноостровскаго проспекта „деревянную лавочку съ жилыми покоями“.

Наступилъ XIX вѣкъ и 31 іюля 1803 года было послѣднимъ днемъ существованія оспеннаго госпиталя—въ этотъ день Александръ I утвердилъ представленіе особаго комитета, учрежденнаго для поправленія богадѣленъ и сиротскаго дома, относительно уничтоженія оспеннаго на Санктпетербургской сторонѣ дома для помѣщенія въ немъ сиротскаго училища. Одновременно съ этимъ уничтоженіемъ госпиталя подвергся дѣленію и земельный участокъ, значительная часть его отошла въ вѣдѣніе особаго комитета, образованнаго для постройки казармъ нынѣшняго лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка—казармы строились въ теченіе 3 лѣтъ (1803—1806 гг.).

Весьма понятно, что старинныя постройки фабрики барона Вульфа, годныя для оспеннаго госпиталя, при передачѣ въ вѣдѣніе сиротскаго дома, должны были подвергнуться значительнымъ перестройкамъ и передѣлкамъ, которыя завершились въ 1834 году, когда 23 сентября была освящена церковь во имя св. великомученицы Александры.

6 сентября 1843 года принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій получилъ отъ императора Николая I рескриптъ, въ которомъ говорилось: „Находя нужнымъ ввести нынѣ Царскосельскій лицей попрежнему въ общее устройство гражданскихъ учебныхъ заведеній, я призналъ за благо переименовать это высшее учебное заведеніе въ императорскій Александровскій лицей, помѣстивъ его съ 1 января наступающаго года зданіяхъ, которыя были доселѣ занимаемы Александровскимъ сиротскимъ домомъ“.

И съ 1844 года лицей сталъ занимать мѣсто, бывшее нѣкогда фабрики барона Штейна, выходящее главнымъ своимъ фасомъ на Каменноостровскій проспектъ.

Если въ настоящее время Каменноостровскій проспектъ по своимъ великолѣпнымъ постройкамъ считается безспорно лучшей улицей столицы, то въ прежнее время онъ производилъ безотрадное впечатлѣніе. Отъ Троицкой пристани до Троицкой церкви мостовая существовала чуть ли не съ возникновенія Петербурга, но въ первое время она была деревянная, и въ одно изъ страшныхъ наводненій Петербурга—10 сентября 1777 года—бѣшенныя волны выступившей изъ береговъ Невы поковеркали эту мостовую; канцелярія отъ строеній въ началѣ 1778 года вызывала желающихъ исправить разнесенную и разломанную мостовую за 1400 рублей по смѣтѣ—цѣна для того времени необычно дорогая. Далѣе, за церковью Троицы, Каменноостровскій проспектъ представлялъ обычную проселочную дорогу, шедшую между огородами да маленькими домиками, скрывавшимися за плетеными изгородями. Передъ рѣчкою Карповкою протекалъ какой-то ручей, въ настоящее время безслѣдно исчезнувшій, и только въ 1771 году были черезъ него и рѣчку Карповку устроены постоянные мосты, а въ 1848 году начали устраивать на Каменноостровскомъ проспектѣ шоссе, но его устроили небрежно и не ремонтировали изъ-за отсутствія средствъ, находилось оно въ вѣдѣніи инженерной дистанціи. Большое вниманіе стали обращать на Каменноостровскій проспектъ съ начала 60-хъ годовъ, проложили дренажныя трубы, стали передѣлывать шоссе. Передѣлка эта затянулась на цѣлые восемь мѣсяцевъ, въ теченіе которыхъ не было никакого проѣзда. Тогда же по обѣимъ сторонамъ шоссе насадили аллеи кратегуса со спеціальною цѣлью: помощью этого кратегуса хотѣли скрыть заборы и маленькіе домики. Кратегусъ этотъ должны были поддерживать мѣстные обыватели, эта забота ложилась

изрядно на обывательскій карманъ, но такова была воля императора Александра II...

Великолѣпно устроенное шоссе, богатые экипажи съ нарядными барынями и господами, ѣдущими на острова или въ знаменитую „минерашку“, къ Излеру, были яркимъ контрастомъ съ тѣми огородами, пустырями, да маленькими домишками, построенными по бокамъ Каменноостровскаго проспекта, и лишь трехъ-этажное зданіе лицае долгое время, подобно маяку, возвышалось въ этой незаселенной и незастроенной мѣстности.

На нашей выкопировкѣ обращаетъ на себя вниманіе линія (а, а, а) около кронверка, эта линія должна была представлять границу, ближе которой нельзя было строиться, а 29 мая 1747 года были изданы „правила постройки деревянныхъ домовъ въ разстояніи 300 сажень отъ крона гласиса Петропавловской крѣпости“. Этимъ распоряженіемъ образовался громадный пустырь, который напминалъ петербуржцу 20—30-хъ годовъ африканскую Сахару, по крайней мѣрѣ, „Сѣверная Пчела“ восклицала въ 1834 году: „поѣзжайте на острова, черезъ эти степи африканскія, называемыя Петербургской Стороною“. Впервые обратили вниманіе на этотъ громадный пустырь, кажется въ 1810 году, когда приступили къ выравниванію эспланады передъ здѣшнею крѣпостью и кронверкомъ. Выравнивать, конечно, выравнивали, затратили большія деньги, но такъ какъ не озаботились производствомъ ежегодныхъ ремонтовъ, то скоро отъ планировки осталось одно воспоминаніе, и безобразный, залущенный пустырь, обстроенный по краю маленькими деревянными домиками, совсѣмъ не подходилъ къ великолѣпной столицѣ—творенію Петра Великаго. А, между тѣмъ, черезъ этотъ пустырь лежала ежедневная дорога на острова—на Каменномъ Островѣ

любилъ проводить лѣто императоръ Александръ I, а императоръ Николай I сдѣлалъ своей лѣтней резиденціей Елагинъ островъ. И, надо, думать, въ одинъ изъ своихъ проѣздовъ черезъ петербургскую Сахару императоръ Николай I обратилъ на нее вниманіе, результатомъ чего и появилось Высочайшее распоряженіе „объ устройствѣ на эспланадѣ противъ Петропавловской крѣпости парка“. Это распоряженіе было датировано 11 марта 1844 года. Въ Николаевское время высочайшія распоряженія исполнялись чуть ли не съ быстротою молніи, и черезъ годъ—30 августа 1845 года—было устроено первое гуляніе въ новоразведенномъ Александровскомъ паркѣ.

„Подобно тому, какъ Петербургъ встрѣчаетъ лѣто въ Екатерингофѣ—писалось въ газетѣ того времени,—такъ онъ привыкнетъ прощаться съ лѣтомъ на этомъ новомъ гульбищѣ“.

Первое время эти гулянія были довольно оживленны, на нихъ считала своимъ долгомъ являться и петербургская аристократія, прокатиться по шоссированнымъ аллеямъ, послушать музыку военныхъ оркестровъ и посмотреть на толпы обывателей Петербургской Стороны, живописными группами располагавшихся прямо на зеленѣющихъ куртинахъ парка. Такъ, въ 1847 году по парку разъѣзжалъ какой-то денди „въ кабриолетѣ, или, вѣрнѣе, въ чичи голубого цвѣта, съ красными фонарями, на денди была венгерка синяго бархата съ черными тесьмами, а на головѣ—бѣлая фуражка, словомъ, всѣ цвѣта радуги“.

Въ концѣ 40-хъ годовъ въ паркѣ возникъ кафе-ресторанъ Е. Кремера, который хотѣлъ заманивать къ себѣ посѣтителей помощью музыки, пригласивъ къ себѣ въ ресторанъ особый оркестръ и назначивъ плату за входъ 20 копѣекъ.

„Музыка играетъ на терасѣ, выходящей на проѣзжую дорогу“, такъ повѣствоваль хроникеръ 40-хъ годовъ—слушатели собираются толпами по сю сторону дороги, усаживаются на скамейкахъ или становятся группами, слушаютъ, расходятся и ни мало не воображаютъ, что доставляемое имъ удовольствіе стоитъ содержателю денегъ. Въ самый же ресторанъ никому не нужно идти, чтобы слушать музыку“.

Весьма понятно, что ресторанъ скоро прогорѣлъ и закрылся, а съ теченіемъ времени перестали обращать вниманіе и на самый Александровскій паркъ, не ухаживали за деревьями, не сажали цвѣтовъ, предоставили парку полную свободу. Паркъ и разрастался и дичалъ, и въ началѣ 70-хъ годовъ прошлаго времени писали, что „воздухъ въ Александровскомъ паркѣ такъ же почти свѣжъ и чистъ, какъ на нѣкоторыхъ дачахъ въ окрестности Петербурга; цвѣтовъ, правда, нѣтъ, но деревьявъ довольно по нашей бѣдной природѣ, а травки-муравки на лужкахъ хоть сѣно коси... Сотни молодыхъ людей обоого пола бѣгали въ горѣлки, сотни пожилыхъ и старыхъ, сидя и стоя, смотрѣли на нихъ“.

Александровскій паркъ сталъ мѣстомъ народнаго гулянія, „порядочная публика его не посѣщала“. И въ то же время стало происходить уменьшеніе его территории. Сначала на немъ было только одно „С.-Петербургское заведеніе искусственныхъ минеральныхъ водъ“, существующее и по-днесъ на томъ же самомъ мѣстѣ съ 1843 года, потомъ появился ресторанъ Кремера; далѣе отвели значительный кусокъ для зоологическаго сада, наконецъ, обратило свое благосклонное вниманіе на Александровскій паркъ и попечительство о народной трезвости. Съ устройствомъ послѣднимъ народнаго дома подвергся снова вліянію культуры Александровскій паркъ; его расчистили, разбили

куртинки, стали сажать цвѣты. Не знаемъ, но, кажется, за самое послѣднее время изъ парка исчезла—срубили за старостью лѣтъ—громадная ива или ветла, росшая въ части парка, ближайшей къ кронверку. По преданію, эта ива была старше Петербурга, подъ ней, опять таки по преданію, въ первые годы существованія Невской столицы, какой-то пришедшій старецъ, босой, съ раскрытою грудью, съ громадной сѣдой бородой, всклокоченными волосами, проповѣдывалъ первымъ обывателямъ Петѣрбурга, что Господь разгнѣвается и потопитъ столицу антихриста; разверзнутся хляби небесныя, пойдетъ дождь съ неба, вспять побѣжитъ Нева и подымутся воды морскія, — вдохновенно прибавлялъ старецъ — выше этой старой ивы.

И старецъ назначалъ и день и часъ грядущаго наводненія. Про эти рѣчи узналъ великій Петръ. По его приказанію старца приковали на желѣзной цѣпи къ той самой ивѣ, подъ которой онъ проповѣдывалъ и которую, по его словамъ, должно было залить при наводненіи.

Наступилъ день, предсказанный старцемъ,—наводненія не было, а на другой день жестоко наказали батогами подъ той же ивою неудачливаго пророка.

Конечно, вы не помните, да и едва ли въ современномъ Петроградѣ найдется много лицъ, которыя могли бы помнить, какъ въ тусклый туманный октябрьскій день 1845 года, къ нынѣшнему Екатерининскому, а тогда Александринскому скверу подѣхала маленькая избушка на колесахъ, и изъ нея выскочила не старая-престарая баба-яга, а хорошенькая молодая голландка въ національномъ костюмѣ. На избушкѣ, которая остановилась посреди сквера, было написано большими буквами: „голландскія вафли“, и молоденькая голландка стала печь эти вафли и предлагала ихъ „скушать“,

привѣтливо улыбаясь. Эта затѣя пришлась по вкусу петербуржцамъ и хорошенькая голландка Софія Теръ-Регенъ, уроженка города Граннингенъ въ Голландіи, торговала очень бойко, такъ что, по словамъ газеты того времени, съ утра до вечера передъ фургономъ стоятъ экипажи, а въ домикъ было трудно пробраться. Въ декабрѣ того же года Софія Теръ-Регенъ помѣстила въ „Полицейскихъ Вѣдомостяхъ“ такія строки: „Принося искреннѣйшую благодарность за вниманіе, которымъ меня удостоили высокоуважаемые многіе жители сей столицы, имѣю честь увѣдомить почтенную публику, что я принимаю на себя изготовленіе вафлей по заказу и въ домахъ съ моимъ на сіе особо устроенномъ аппаратомъ и я увѣрена, что мои вафли во всѣхъ отношеніяхъ заслужатъ то лестное одобреніе, котораго онѣ удостоены были во всѣхъ посѣщаемыхъ мною столицахъ“.—Софія Теръ-Регенъ не ошиблась, съ помощью вафель она приобрѣла достаточный капиталъ, чтобы въ скоромъ времени перебраться въ Пассажъ, только-что тогда построенный, и стала прельщать петербуржцевъ и выписанными „Голіафами“ и „кабинетами восковыхъ фигуръ“ и другими разными разностями. А вскорѣ Софія Теръ-Регенъ стала госпожею Гебгардтъ. Она вышла замужъ за доктора зоологіи Юліуса Гебгардта. Знакомство произошло гдѣ-то въ глубинѣ Россіи—Софія Теръ-Регенъ была очень практичной женщиною; въ Петербургѣ она пекла вафли, показывала Голіафовъ, а лѣтомъ, когда въ Сѣверной Пальмирѣ наступалъ мертвый сезонъ, отправлялась путешествовать по юго-западной Россіи со своимъ звѣринцемъ. Во время одной изъ такихъ поѣздокъ Софія Теръ-Регенъ свела знакомство съ докторомъ зоологіи Гебгардтомъ, и докторъ зоологіи прельстился, можетъ быть, тѣмъ маленькимъ звѣринцемъ, который былъ тогда въ числѣ диковинокъ,

а можетъ быть и хорошенькой хозяйкою. Превратившись въ г-жу Гебгардтъ, голландка не переставала забавлять петербуржцевъ; пожиная хорошую жатву, она приобрѣла большіе капиталы, и, очевидно, подъ вліяніемъ своего мужа рѣшилась устроить въ Петербургѣ нѣчто невиданное: „Зоологическій Садъ“.

25 февраля 1865 года состоялось Высочайшее повелѣніе о бесплатной отдачѣ на 20 лѣтъ Гебгардтамъ для открытія зоологическаго сада участка земли въ Александровскомъ паркѣ, который въ то время еще не принадлежалъ городу, а былъ въ вѣдѣніи инженернаго вѣдомства. Участокъ былъ отрѣзанъ не маленькій, въ 3 десятины 43,65 сажень. Получивъ землю, Гебгардты принялись дѣятельно за работу — участокъ былъ обнесенъ заборомъ, большая часть была отведена подъ звѣринецъ, а въ меньшей, прилегавшей къ Невѣ, былъ устроенъ особый садикъ съ террасой на Неву и съ рестораномъ. Кое-какіе звѣри были у Гебгардтъ, кое-что было выписано, отъ императора Александра II былъ полученъ въ подарокъ слонъ — и 10 августа 1865 года открылся петербургскій зоологическій садъ.

Открытіе это привѣтствовалось прессою того времени. Вотъ, напримѣръ, какую замѣтку находимъ мы въ одномъ изъ распространенныхъ изданій: „Въ александровскомъ паркѣ откроется зоологическій садъ. Онъ еще не богатъ, но мы искренно порадовались тому, что публика посѣщаетъ его довольно усердно. Это не помѣщаетъ однако же учредителямъ его потерпѣть большой убытокъ, если они не успѣютъ сбыть своего сада какому-нибудь правительственному учрежденію. Существованіе у насъ такого сада единственно съ поддержкою публики невозможно“. Такимъ образомъ, при самомъ открытіи сада госпожа Гебгардтъ хотѣла получить правительственную субсидію, но, несмотря на большія связи, на

разныя хлопоты,—субсидіи дано не было. Саду дарили высокія лица рѣдкихъ звѣрей,—кромѣ двухъ слоновъ отъ императора Александра II, садъ получилъ отъ великаго князя Александра Михайловича — леопарда и двухъ корейскихъ пони, отъ принца Ольденбургскаго — гигантскаго мандрила; въ 1867 году академія наукъ подарила скелетъ кита длиною въ 90 фѣтъ,—но денегъ такъ и не давали, и чета Гебгардтъ должна была справляться сама. И надо имъ отдать справедливость, они сумѣли поставить дѣло такъ, что оно не давало убытка. Въ 1866 году былъ выпущенъ первый путеводитель по зоологическому саду, путеводитель былъ составленъ нѣкимъ Аккерманомъ и въ одинъ годъ выдержалъ два изданія. Въ путеводителѣ указывался путь осмотра находящихся звѣрей и давалась краткая имъ характеристика; заканчивался этотъ путеводитель такою фразою: „последнее помѣщеніе вмѣщаетъ буфетъ съ небольшимъ отдѣльнымъ садикомъ, гдѣ все готово къ услугамъ желающихъ подкрѣпить свои силы послѣ кругового обхода сада“.

Такимъ образомъ, и съ самаго основанія Зоологическій садъ былъ связанъ съ „рестораномъ“. Разница между настоящимъ положеніемъ и первоначальнымъ лишь та, что при основаніи сада подъ ресторанъ была отведена незначительная часть, на всемъ остальномъ пространствѣ были клѣтки для звѣрей—теперь ресторанъ и увеселительныя заведенія заняли большую часть сада.

Въ 1871 году съ садомъ едва не случился крахъ. Докторъ зоологіи Юліусъ Гебгардтъ поѣхалъ за-границу за диковинными звѣрями — ему удалось заполучить дѣйствительно, „рѣдкихъ летучихъ собакъ съ Цейлона“,—но, доѣхавъ обратно до Берлина, Ю. Гебгардтъ заразился холерою и умеръ; въ С.-Петербургѣ осталась его вдова, 60-лѣтняя уже старуха. На владѣніе садомъ

хотѣли предъявить права наслѣдства родственники Гебгардта, нѣмецкіе ремесленники, но ихъ домоганія не удались, садъ остался за вдовою, которая, несмотря на свой почтенный возрастъ, 60 лѣтъ, очень скоро утѣшилась и вторично связала себя узами Гименея съ нѣкимъ Эрнестомъ Ростомъ. Если Юліусъ Гебгардтъ былъ докторомъ зоологіи, то Эрнестъ Ростъ былъ сыномъ нѣмецкаго экипажныхъ дѣлъ мастера, самъ занимался отцовскимъ дѣломъ, а потомъ пошелъ „по строительной части“, велъ выгодно подряды и, женившись на содержательницѣ Зоологическаго сада, не ударилъ въ грязь лицомъ, а справился и съ новымъ своимъ дѣломъ и повелъ его блестяще; правда, зоологическій садъ пересталъ зваться этимъ названіемъ, его окрестили сокращенно: „зоологія“, и это названіе вполне подходило къ учрежденію. Звѣри отошли на второй планъ. Въ отчетахъ указывалось, что расходъ на пополненіе животными растеть съ каждымъ годомъ, и если инвентарь сада цѣнился въ 1873 году всего въ 4.062 р., то въ 1881 году дошелъ до 54.192 р., т. е. за 8 лѣтъ увеличился чуть ли не въ 15 разъ; правда, пріобрѣтались въ садъ разныя диковинки, такъ сказать, „выигрышные нумера,“—но никакой системы не было, было только одно желаніе, какъ можно болѣе извлечь дохода, памятуя притомъ, что срокъ владѣнія этою даровою землею окончится 25-го февраля 1885 года и что такъ какъ земля изъ вѣдѣнія инженернаго вѣдомства перешла въ городъ, то, конечно, продолжить срокъ бесплатнаго пользованія едва-ли удастся. Но Софія Теръ-Регенъ, она же Гебгардтъ, она же Ростъ, не унывала. Въ 1884 году она обратилась съ прошеніемъ на Высочайшее имя, гдѣ, указывая на свои заслуги передъ „зоологіей“, причемъ эти заслуги состояли главнымъ образомъ въ разрѣшеніи нѣсколько разъ въ годъ вос-

питанникамъ учебныхъ заведеній бесплатно посѣщать садъ, просила продлить и бесплатное пользованіе участкомъ. Соизволенія не послѣдовало и пришлось согласиться на выработанныя городскою управою условія аренды—которыя были тоже льготныя: арендная плата за участокъ въ срединѣ города, размѣромъ въ 3 десятины, была назначена городомъ всего на всего около 2 тыс. рублей. Софія Ростъ недолго платила аренду—19-го февраля 1887 года она умерла 74-лѣтнею старою, садъ перешелъ въ единоличное владѣніе ея мужа Эрнеста Роста.

Укажемъ на нѣкоторыя диковинки сада. „Летучихъ цейлонскихъ собакъ“ въ 1873 году смѣнили экземпляры „лѣннивца“ и „ламы“. Петербуржцевъ увѣряли, что „лѣнновецъ“ въ первый разъ появился въ Петербургѣ—петербуржцы и вѣрили этому обстоятельству, хотя чучело этого лѣннивца видѣлъ въ 1721 году въ кунсткамерѣ камеръ-юнкеръ Берхгольцъ и замѣтилъ: „животное *pigritia*, названное такъ по причинѣ медленности его на ходу,—оно можетъ дѣлать не болѣе 20 шаговъ въ день“. Въ 1879 году появился „впервые“ морской левъ, хотя его демонстрировали въ Петербургѣ въ 1806 году; далѣе, въ томъ же 1879 году петербуржцы любовались пріятнымъ обществомъ—въ одной клѣткѣ расхаживали левъ, медвѣдь и собака; въ 1883 году въ Зоологическомъ саду вдругъ размножились „экзотическія водяныя птицы: утки—мандрилы, утки невѣсты, отличавшіяся яркимъ опереньемъ, утки—лисицы, роющія себѣ норы вмѣсто гнѣздъ, смарагдовыя утки съ винтообразнымъ хвостомъ“; въ 1887 году въ Зоологическомъ саду должно было совершиться, дѣйствительно, необычайное: ожидались роды гишпопотама; роды произошли благополучно, и петербуржцы могли лицезрѣть маленькую нильскую лошадь.

Увеселенія, которыми заманивался петербуржець въ буфетъ Зоологическаго сада или попросту „Зоологіи“, первое время какъ будто выбирались въ соотвѣтствіи названнаго сада: такъ, въ 1880 году представляли „битвы и охоты нубійцевъ“, въ слѣдующемъ году ихъ смѣнили „кафры-зулусы“, въ 1886 году появились „карлики изъ странъ калгатовъ въ южной Африкѣ“; кромѣ этихъ „дикихъ людей“ бывали различные монстры: великанъ-китаецъ, великанъ русскій крестьянинъ, различные „канатоходцы“, акробаты, силачи и т. п. Въ 1890 году Зоологическій садъ болѣе чѣмъ скромно справилъ юбилей своего 25-лѣтняго существованія, а въ 1892 году, какъ кажется, была поставлена первая феерія на открытой сценѣ и какой-то куплетистъ Богдановъ даже отпечаталъ особою книжкою „куплеты, имъ исполняемые въ С. Петербургѣ, въ Зоологическомъ саду“.

„Зоологія“ стала процвѣтать, количество пива истреблялось въ ней невѣроятное, вслѣдъ за фееріей появилась оперетка, которая къ 50-лѣтнему юбилею сада смѣнилась бессмысленною мозаикою, винегретомъ подъ полупорнографическимъ, но потому и заманчивымъ названіемъ — „Ночь любви“. Правда, очень часто въ городской думѣ, а еще чаще въ печати указывалась необходимость обратить серьезное вниманіе на Зоологическій садъ, сдѣлать его дѣйствительно Зоологическимъ садомъ, что стыдно столицѣ Россіи не имѣть такого сада, а довольствоваться „зоологіей“, но эти разговоры такъ и оставались разговорами, и лучшимъ слѣдствіемъ ихъ бывало устройство новыхъ воротъ сада съ изображеніемъ какихъ-то звѣрей—дальше этого улучшеніе сада не шло.

Зоологическій садъ почти примыкаетъ къ Биржевому мосту. Этотъ послѣдній вполнѣ недавняго происхожде-

нія: забивка свай для этого моста закончилась 3 января 1894 года, а впервые вопросъ о соединеніи Петроградской Стороны мостомъ хотя бы съ Васильевскимъ Островомъ возникъ въ 1734 году, но былъ рѣшенъ отрицательно: 6 апрѣля 1734 года былъ Высочайше утвержденъ докладъ „объ отмѣнѣ построенія моста въ Санктпетербургѣ черезъ Малую Неву за неудобствомъ прохода коммерческихъ судовъ“. Хотя Малая Нева была и несудоходна, и большіе корабли должны были подходить къ Биржѣ и Таможнѣ черезъ Большую Неву и, слѣдовательно, проектируемый къ постройкѣ нынѣшній Тучковъ мостъ ни въ какомъ случаѣ не могъ мѣшать этимъ судамъ, докладъ былъ составленъ отрицательно; вопросъ объ этомъ мостѣ всплылъ еще разъ въ 1734 г., но также безрезультатно, и только въ 1758—1759 году построили, наконецъ, этотъ мостъ. Мотивомъ постройки Тучкова моста выставляли слѣдующее обстоятельство: „для происходимыхъ отсюда въ Выборгъ и другія таможныя крѣпости по пограничности оныхъ часто бываемыхъ отправленій какъ и военныхъ служителей, такъ артиллеріи и другихъ принадлежащихъ къ полкамъ и крѣпостямъ многихъ тяжестей, въ препровожденіи коихъ здѣсь черезъ рѣки происходитъ не безъ трудностей“, потому велѣно отъ 1 линіи Васильевского Острова построить мостъ на баркахъ. И въ этихъ мотивахъ согласія, какъ и въ прежде приведенныхъ мотивахъ отказа, была неправда. На Васильевскомъ Островѣ не было ни артиллерійскихъ, ни провіантскихъ складовъ и, слѣдовательно, никакихъ затрудненій въ перевозкахъ не только не было, но и не могло быть, но все же въ конечномъ результатѣ мостъ былъ построенъ и сохранилъ въ своемъ названіи имя своего подрядчика. Около этого моста, съ берега Васильевского острова образовалась своеобразная биржа — сюда причаливали

барки съ сѣномъ, здѣсь концентрировалась сѣнная торговля. Неудобство — близость къ деревянному мосту обилія горячаго матеріала — заставляла нѣсколько разъ поднимать вопросъ о переводѣ сѣнной биржи, на примѣръ, въ 1867 году, во внутренній бассейнъ Петровскаго Острова, но даже самые пожары и баржъ и моста (24 мая 1870 года) не разрѣшили этого вопроса, и биржа и центръ торговли сѣномъ существуетъ здѣсь до нашихъ дней. Одновременно съ Тучковымъ строился и Сампсоніевскій мостъ на мѣстѣ нынѣшняго Гренадерскаго, на свое настоящее мѣсто онъ былъ переведенъ въ 1800 году. Мотивы постройки Троицкаго моста очень любопытны и заслуживаютъ вниманія. До начала XIX вѣка черезъ Неву было два моста: Исакіевскій или Дворцовый у нынѣшняго Сената и Воскресенскій, на Литейной сторонѣ, соединявшій послѣднюю съ Выборгской Стороною. Какъ видимъ, мосты были на окраинахъ тогдашняго города и расположены болѣе или менѣе равномерно отъ центра. Но вступилъ на престолъ императоръ Александръ I; ему почему-то понравился Каменноостровский дворецъ, и онъ въ немъ жилъ не только лѣтомъ, но и часто наѣзжалъ въ другое время года. Поѣздки эти изъ Зимняго дворца были довольно утомительны. Не забудемъ, что сквозного проѣзда по набережной, нынѣ именуемой Адмиралтейской, не было; адмиралтейство, окруженное валами, приходилось объѣзжать по плохо мощенымъ Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской площадямъ, къ Сенату, къ Исакіевскому мосту, оттуда по 1-ой линіи Васильевскаго Острова черезъ Тучковъ мостъ по Большому проспекту Петербургской Стороны къ Карповкѣ, на Аптекарскій островъ. Какъ видимъ, огромное, кружное путешествіе. И 13 ноября 1803 года послѣдовало распоряженіе о переводѣ Воскресенскаго моста къ

Лѣтнему саду—для царя была устроена удобная дорога, пользоваться которой обывателямъ Петербурга было не вполнѣ удобно. Дѣло въ томъ, что Садовая улица доходила лишь до нынѣшней Инженерной, черезъ Марсово поле не было проѣзда и попасть на новый, получившій тогда названіе Троицкій, мостъ, можно было или по набережной Фонтанки, или по набережной Екатерининскаго канала. Обыватель долженъ былъ дѣлать большой крюкъ, зато царь могъ болѣе удобно путешествовать въ Каменноостровскій дворецъ. Въ 1885 году, насколько намъ удалось установить, было возбуждено первое ходатайство о постройкѣ постоянного Троицкаго моста,—ходатайство по немѣннѣю средствъ отклонено; вопросъ о постоянномъ мостѣ въ городскомъ самоуправленіи поднимался чуть ли не каждый годъ, а въ иной годъ и по нѣсколько разъ, но лишь 12 августа 1897 г. была произведена закладка Троицкаго моста.

Мѣстность у вышеупомянутаго Тучкова моста, со стороны Петербургской части, въ былое время славилась своимъ неблагоустройствомъ: это было одно изъ самыхъ низменныхъ мѣстъ города и звалось „Мокрушами“, потому что стоило подуть даже слабому морскому вѣтру, только чуть-чуть подняться водѣ въ темно-синей Невѣ, какъ эта мѣстность была уже залита, и жители искали прибѣжища въ лодкахъ и на крышахъ небольшихъ домиковъ расположенной тутъ же Татарской слободы. Стоящая здѣсь же церковь по одному изъ своихъ престоловъ звалась „Никола на Мокрушахъ“. Рѣка Ждановка и рядъ другихъ протоковъ образовывалъ тутъ цѣлую сеть островковъ, между которыми выдѣлялся Буянь—островъ, на немъ находятся бывшіе пеньковые амбары. О благоустройствѣ этой мѣстности стали заботиться съ 1838 года, когда впервые сняли точный планъ, въ 1842 году былъ поднятъ вопросъ о пере-

устройствѣ Мытнинской набережной (бывшій Мытный дворъ на нашей выкопировкѣ обозначенъ № 32), а съ 1857 года сталъ возникать проектъ за проектомъ объ устройствѣ мѣстности у Тучкова моста, пока, наконецъ, не появился широкій, съ дивною торцовой мостовой Александровскій проспектъ и городской питомникъ, ласкающій взоры легкой листвою молодыхъ деревьевъ. За самое послѣднее время была попытка приложить въ жизнь проектъ переустройства и пеньковыхъ амбаровъ на Буянѣ-островѣ, но пока этотъ проектъ такъ и остался проектомъ, и пеньковые амбары, или, какъ ихъ привыкли петербуржцы именовать, „Дворецъ Бирона“, стоятъ неразрушенными.

Интересна легенда, связанная съ этими амбарами. Впервые на этомъ островкѣ деревянные амбары для складки пеньки были построены въ 1736 году—въ двухъ корпусахъ появилось двадцать небольшихъ амбаровъ, но главные склады были на Васильевскомъ Островѣ неподалеку отъ стараго гостинаго двора; этотъ послѣдній сейчасъ не существуетъ, на мѣстѣ его воздвигнуто зданіе для министерства торговли и другое—для библіотеки Академіи Наукъ. Близость такихъ деревянныхъ амбаровъ съ легко возгораемымъ матеріаломъ сильно беспокоила купечество, которое, начиная съ 1732 года, возбуждало одно за другимъ ходатайства о переносѣ амбаровъ на „удобное мѣсто“. Ходатайства разсматривались въ различныхъ коллегіяхъ, но—недостатокъ средствъ мѣшалъ выполнить эту мѣру, пока 29 іюня 1761 года пожаръ не истребилъ деревянныхъ пеньковыхъ амбаровъ, устроенныхъ въ 1736 году на Буянѣ-островкѣ. Купцы получили пособіе въ видѣ ссуды безъ процентовъ на 10 лѣтъ, архитекторъ Ринальди составилъ проектъ устройства одноэтажныхъ каменныхъ амбаровъ. Проектъ этотъ былъ поднесенъ на утвержденіе Екатерины II,

которая 26 мая 1764 года распорядилась о „постройкѣ этихъ амбаровъ во избѣжаніе лишнѣхъ тратъ не въ 1 этажъ, а въ два“—первоначальный проектъ Ринальди, слѣдовательно, былъ къмъ-то измѣненъ, и генералъ Деденевъ построилъ и нынѣ существующіе склады. Какъ видимъ, исторія постройки вполне ясна, не имѣется никакихъ затрудненій въ опредѣленіи той или иной даты.—Но петербургскому обывателю почему-то захотѣлось связать эти обширныя постройки съ именемъ Бирона, и легенда, что это—вовсе не пеньковые амбары, а дворецъ Бирона, продолжаетъ жить, нѣкоторые изъ болѣе легковѣрныхъ видятъ даже вензеля Анны Іоанновны на этихъ каменныхъ зданіяхъ, несмотря на то, что постройка ихъ началась въ 1763 году, черезъ двадцать слишкомъ лѣтъ послѣ смерти императрицы Анны!

Существующая здѣсь же церковь—теперь Владимірскій соборъ, прежде официально „Успенская“ церковь, неофициально, по народному прозвищу, „Никола Мокрый“ или „Никола на Мокрушахъ“, была освящена 4 апрѣля 1719 года, и при этой церкви уже 3 мая 1721 года должно было быть отведено мѣсто для первой на Петербургской Сторонѣ богадѣльни. По всей вѣроятности, мѣста не отвели и богадѣльни не построили. Первоначальный соборъ просуществовалъ до 1747 года, когда началась перестройка;—эта перестройка затянулась до 10 сентября 1789 года, т. е. почти на 50 лѣтъ, причемъ было сдѣлано высочайшее повелѣніе „для строящейся соборной церкви Успенія пять главъ и колокольни дѣлать на подобіе какъ въ Москвѣ на Успенскомъ соборѣ и на прочихъ церквахъ главы бываютъ греческія“. Такимъ образомъ, этою церковью хотѣли вернуться отъ нѣсколько протестанскаго стиля Петровскихъ церквей къ византійскому.

Идя отъ этой церкви по набережной Ждановки къ набережной Малой Невки, мы попадаемъ теперь въ

наибѣднѣйшую и менѣе благоустроенную часть Петербургской Стороны, въ нѣкогда знаменитыя „Колтовскія“. И 26 апрѣля 1732 года въ этой самой Колтовской на берегу рѣки Ждановки былъ взятъ подъ Инженерную школу дачный участокъ фельдмаршала графа Миниха, а 28 декабря того же года за этотъ участокъ заплатили 16 тысячъ рублей — цѣну, по тому времени необычайную. Инженерная школа просуществовала здѣсь сравнительно недолго, потомъ на этомъ мѣстѣ была открыта единовѣрческая гимназія, специальное учрежденіе для обученія бѣглыхъ грековъ, болгаръ, сербовъ — нашихъ единовѣрцевъ, томящихся подъ игомъ турецкимъ. Вѣдь, второй сынъ Павла, цесаревичъ Константинъ Павловичъ, въ мечтахъ своей бабки Екатерины II, долженъ былъ занять былой престолъ Палеологовъ и вернуть въ руки русскихъ прибитый пращуромъ Олегомъ ко вратамъ Константинополя щитъ, — мечты о Дарданеллахъ, о проливахъ относятся вотъ къ какимъ временамъ! Понятно, поэтому, что у насъ настолько протежировали восточнымъ единовѣрцамъ, что для обученія ихъ открывали даже особое училище. Оно существовало еще меньшій срокъ времени, его закрылъ тотчасъ по вступленіи на престолъ Павелъ I и въ концѣ-концовъ часть былой Миниховской дачи отошла подъ второй корпусъ, Павловское училище и другія военно-учебныя заведенія. Ближайшимъ сосѣдомъ къ Миниховской дачѣ, немного дальше по берегу Ждановки къ Малой Невкѣ, занимавшимъ тоже значительный участокъ, были казенныя пивоварни, — пиво въ то время варили не только для того, чтобы выпить. Пиво было и лекарственнымъ средствомъ, пиво шло въ большихъ размѣрахъ и во флотъ, и въ сухопутную армію. Въ концѣ XVIII вѣка здѣсь же, въ Колтовской, стали сосредоточиваться немногочисленные фабрики и заводы: въ

1790 году на самомъ берегу Малой Невки открылась красивая фабрика, далѣе въ 1794 году тутъ же за Инженернымъ корпусомъ находилась ситцевая фабрика англичанина Броувера; водочный заводъ Алексѣя Гнутова, петербургскаго купца, помѣстился какъ разъ напротивъ Крестовскаго Острова; тутъ же департаментъ удѣловъ устроилъ свою полотняную фабрику, на которую тратились громадныя суммы денегъ и которую, въ концѣ-концовъ, пришлось закрыть за полнымъ убыткомъ. Были здѣсь и особенныя, свойственныя только XVIII вѣку, заведенія—„И. Виттонъ симъ имѣетъ честь увѣдомить почтенную публику, что на фабрикѣ его въ Колтовской д. № 159 продаются по сходной цѣнѣ лучшаго сорта длинныя глиняныя курительныя трубки, не уступающія добротою своею иностраннымъ,“ — могла существовать цѣлая фабрика глиняныхъ трубокъ.

Къ 20-мъ годамъ прошлаго столѣтія здѣсь, въ Колтовской, стали появляться прекрасныя дачи,—такъ, въ самомъ началѣ 1820 г. продавалась и отдавалась внаймы на года дача, а при ней „оранжерея длиною въ 60 саж. съ фруктовыми деревьями, какъ-то: персиками, абрикосами и сливами, на коихъ уже теперь показались почки, при ней 4 покои съ особою теплицею, въ коей есть виноградъ, вишневый сарай на 20 сажень, въ немъ находятся деревья въ кадкахъ до 150 штукъ, огородъ длиною въ 65 сажень, шириною 12 сажень, въ немъ имѣется шпанской и аглинской клубники до 20 грядъ, смородина красная, черная, бѣлая, розовая, крыжовникъ разныхъ сортовъ, сверхъ того въ разныхъ отдѣленіяхъ и оранжерейной залѣ горшковъ съ розанами до 200, кои начнутъ разцвѣтать въ концѣ марта, да протчихъ цвѣтовъ до 2000 горшковъ, также 10 самыхъ лучшихъ сортовъ парниковъ подъ арбузы и дыни, на которыхъ навозу, сколько слѣдуетъ, уже приготовлено“.

Какъ видимъ, „садоводство“ богатѣйшее, вплоть до виноградныхъ лозъ. Здѣсь же, на Колтовской, отъ нынѣшней Зелениной улицы по направленію теченія Малой Невки, третьимъ участкомъ была дача Марины Александровны Нарышкиной, урожденной Чарторыжской, чуть ли не оффиціальной любовницы императора Александра I, отъ которой онъ имѣлъ дочку и сына, прозваннаго Эммануиломъ. На этомъ дачномъ участкѣ были устроены чудеса садоводства, тратились громадныя деньги для того, чтобы доставить удовольствіе хорошенькой полкѣ, сумѣвшей покорить повелителя полсвѣта. Въ это время Колтовская вошла въ моду и въ ней стали селиться вельможи того времени. Но вскорѣ эта мода прошла, Колтовская стала хирѣть, запускаться и въ 30-хъ—40-хъ годахъ прошлаго столѣтія она была излюбленной дачной мѣстностью для небогатаго чиновничества. По крайней мѣрѣ, въ то время указывали, что „нельзя не упомянуть о Колтовской. Эту часть свѣта немногіе знаютъ—однако же туда весьма многіе изъ Коломны переселяются на дачу и живутъ очень весело и пріятно. Конечно, во время дождей нельзя по улицамъ ни ѣздить, ни ходить, а въ темныя ночи за отсутствіемъ фонарей прогулка нѣсколько неловка—но зато близко Нева, близки всѣ острова и даже близокъ городъ“. Такою Колтовская оставалась до конца 60-хъ годовъ. 14 декабря 1865 года въ городской—тогда еще дореформенной—думѣ возникъ вопросъ „о пособіи обывателямъ Колтовской и прилегающихъ къ нимъ улицъ по устройству той мѣстности“. Въ думѣ была выбрана особая коммисія, которая и должна была за общегородской счетъ замостить Колтовскія, устроить ту примитивную канализацію, которая существуетъ и по-днесъ, и поставить на разстояніи чуть ли не нѣсколькихъ десятковъ сажень другъ отъ друга фонарные

столбы съ фонарями, въ которыхъ должны были горѣть лампы съ коноплянымъ масломъ. Предполагалось, произведя расходы, разложить ихъ на мѣстныхъ обывателей, согласно погоннымъ сажениямъ дворового участка. Но бѣлая часть этого сбора не была получена, онъ такъ и остался въ недоимкѣ, которую городская дума, въ послѣдствіи, пользуясь всякимъ удобнымъ случаемъ, складывала со своихъ счетовъ.

Между нынѣшними улицами: Геслеровскимъ пер., Большой Зелениной, съ одной стороны, и набережными Малой Невки и Карповки, съ другой стороны, находился громадный земельный участокъ, имѣвшій въ первые дни основанія Петербурга особое специальное назначеніе. Въ то время этотъ участокъ считался, если и не внѣ города, такъ какъ онъ былъ на городскомъ островѣ, т. е., на Петербургской Сторонѣ, то, во всякомъ случаѣ, въ такомъ удаленіи отъ городскихъ строеній, что имъ можно было воспользоваться для постройки пороховой мельницы, и въ 1717 г. такая мельница здѣсь, на берегу Малой Невки, и была выстроена. А порохъ, по старому московскому выраженію, звался „зеле“, и здѣсь, такимъ образомъ, были „зелейные заводы“, и къ нимъ изъ города шла „зелейная дорога“. Съ теченіемъ времени позабылось истинное значеніе этого слова и появилось исковерканное—нынѣшняя Зеленина улица, которая еще въ первой четверти прошлаго столѣтія звалась описательнымъ образомъ: „на Петербургской сторонѣ, въ 4-ой деревянно-мощенной, къ Крестовскому острову ведущей улицѣ“—мостовая на Зелениной улицѣ была изъ бревенъ, вродѣ тѣхъ гатей, которыя дѣлаются у насъ на сѣверѣ по проселочнымъ дорогамъ. Замѣтимъ кстати, какъ произошло названіе и другой изъ здѣшнихъ улицъ, на которой теперь начинается трамвайное движеніе, именно Барочной улицы. Еще въ 1789 году

здѣсь, противъ этой улицы, существовалъ питейный домъ — „Барка называемый“. Вообще, названія петербургскихъ улицъ очень многимъ обязаны „питейнымъ домамъ“. — Такъ, былъ здѣсь Теряевъ питейный домъ, отсюда нынѣшняя Теряева улица, „Гулярный кабакъ“ сохранился въ Гулярномъ переулкѣ, и, далѣе, въ 1789 году, напримѣръ, мы читаемъ такое указаніе; „С.-Петербургской части по Малому проспекту, между казенными питейными домами, называемыми Шамшевымъ и Полозовымъ“ — если казна не заботилась о благоустройствѣ Петербургской Стороны, то забота объ устройствѣ кабаковъ шла усиленно: какъ видимъ, кабакъ былъ чуть ли не на каждой улицѣ.

Пороховые заводы съ очень небольшимъ, конечно, производствомъ просуществовали все XVIII столѣтіе; въ 1797 году было издано распоряженіе „о уничтоженіи пороховыхъ заводовъ и о постройкѣ на ихъ мѣстѣ Артиллерійскаго госпиталя“. Заводы-то уничтожили, но госпиталя не построили, а землю стали раздавать желающимъ, и весь этотъ громадный участокъ попалъ въ руки предпримчиваго иностранца Геслера. Проникнуть въ этотъ участокъ, въ эту дачу можно было двумя путями — первый черезъ вышеуказанную Зелейную или Зеленину улицу, а второй черезъ особня зелейныя ворота, которыя описывались однимъ изъ слѣдующихъ образовъ: „На Петербургской сторонѣ, въ концѣ Широкой улицы, противъ входа въ зелейныя ворота къ Крестовскому острову“, или же „въ Широкой улицѣ подлѣ Геслеровой аллеи“. Эта аллея съ теченіемъ времени обратилась въ Геслеровъ переулокъ, а сейчасъ даже и въ Геслеровскій проспектъ.

14 января 1844 года „землю братьевъ Геслеровъ, подъ названіемъ Зеленина Роща“, купили для города за 331.500 рублей ассигнаціями, что составляло около

110.000 руб. серебромъ. Городъ, конечно, не сумѣлъ сохранить такого богатѣйшаго земельного фонда и распродалъ его по частямъ, а въ 1873 году уступилъ значительный участокъ англійскому акціонерному обществу, которое здѣсь, на Карповкѣ, и устроило газовый заводъ для освѣщенія газомъ Петербургской и Выборгской Сторонъ.

Наше кругосвѣтное путешествіе по нынѣшней Петроградской Сторонѣ закончилось: отъ газоваго завода, какъ говорится, рукой подать до дачи Теофана Прокоповича, нынѣшней Петропавловской больницы. Сдѣлаемъ резюме для самой старой части Петербурга. Заселеніе ея началось на мѣстѣ шведской мызы, только потому, что здѣсь мѣстность была болѣе обработана, затѣмъ заселеніе шло, какъ оно и обычно идетъ, по берегамъ рѣкъ, которые болѣе или менѣе возвышенны и даютъ или, вѣрнѣе, давали возможность съ меньшими затратами производить постройки. Но эти постройки велись безъ какого-либо плана, а такъ, какъ Богъ на душу положить,— вслѣдствіе этого Петербургская Сторона и является самой неблагоустроенной, безсистемной въ смыслѣ и улицъ и домовыхъ участковъ. Петръ Великій пытался, какъ имѣются нѣкоторыя указанія, позаботиться о регулированіи улицъ на Петербургской Сторонѣ, по крайней мѣрѣ, 20 октября 1715 года онъ размѣривалъ здѣсь улицы, такъ занесено въ камеръ-фурьерскій журналъ. Но, видимо, „регулировка“ не могла быть сдѣланной и въ 1765 году, въ царствованіе Екатерины II, Петербургская Сторона почиталась предмѣстьемъ у городского выгона, которымъ долженъ былъ служить Аптекарскій Островъ—какая же можетъ быть забота о предмѣстьѣ и выгонѣ? Далѣе, паче чаянія, Петербургская Сторона, несмотря на то, что она была сплошь деревянной, что ограниченіе деревянныхъ построекъ

началось на ней сравнительно очень недавно, не сильно страдала отъ пожаровъ; такихъ пожаровъ, какъ на Адмиралтейскомъ или Васильевскомъ Островѣ, когда уничтожались цѣлые кварталы, не было. Не было также естественной причины и для „регулировки“ русскихъ городовъ: послѣ пожаровъ русскіе города, обыкновенно, заводились новыми, болѣе тщательно и разумно составленными планами. Исправленіе плана Петербургской Стороны производилось частично, и то только въ тѣхъ случаяхъ, когда поправка была болѣе чѣмъ необходима, поэтому Петербургская Сторона — французы ее зовутъ Старый Петербургъ — пожалуй, болѣе другихъ мѣстностей сохранила свою первоначальную ситуацію.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

55 указовъ о заселеніи Васильевского острова.—Попытки къ устройству его.—Проектъ Леблона о прорытіи каналовъ.—Стрѣлка Васильевского Острова и Петровскій проектъ устройства ея.—Что вышло изъ этого проекта?—Планы стрѣлки Васильевского Острова 1753, 1781 и 1804 годовъ.—Какъ слѣдуетъ относиться къ планамъ XVIII вѣка.—Кунтскамера.—Указъ 1718 года о приносѣ родившихся уродовъ.—Описаніе кунтскамеры Верхгольцемъ.—Дворецъ Прасковьи Ѳеодоровны.—Зданіе Академіи Наукъ по проекту Гваренги.—Гостинный дворъ.—Готторпскій глобусъ.—Зданіе 12 коллегій.—Когда было указано мѣсто для нихъ.—Первоначальная биржа.—Биржа Гваренги.—Биржа Томона.—Биржевой скверъ.—Справка о звѣринцахъ.—Постройка 12 коллегій.—Петербургскій университетъ.—Студенческія волненія.—Жажда женщинъ къ образованію.—Женскіе Бестужевскіе курсы.—Домъ Меншикова.—Сухопутный шляхетный корпусъ.—Набережная Невы.—Сады Васильевского Острова.—Смоленское поле.—Казнь Каракозова.—Застройка Смоленскаго поля.—Смоленское кладбище.—Гавань.

Мы уже указали выше, почему вниманіе Петра Великаго остановилось на Васильевскомъ островѣ. Но что же представлялъ изъ себя этотъ островъ? Западная часть его была громаднымъ топкимъ болотомъ, лишь только восточный берегъ, гдѣ нынѣ находится биржа, былъ населенъ и обработанъ. Здѣсь находилась деревня Гирвисари, отъ которой и самъ островъ по-фински получилъ тоже названіе (смотри планъ № 1). Эта деревня была мѣстомъ охоты Якова Делагарди. На западномъ

берегу, при устьѣ Невы находился только одинъ дворъ, называвшійся Рюненя. Тамъ жили лоцманы, въ которыхъ нуждались мореплаватели, такъ какъ въ устьѣ Невы были многочисленныя мели.

Несмотря на такія внѣшнія, топографическія неблагоприятныя условія, Петръ Великій все же твердо рѣшился заселить этотъ островъ, и съ 1717 года начинается рядъ мѣропріятій. Мы отыскиали 55 актовъ, регулирующихъ заселеніе Васильевскаго острова, изъ нихъ 16 падаютъ на время Петра Великаго. Первымъ указомъ — „помѣщики и вотчинники“ обязывались строить дома по числу душъ принадлежавшихъ имъ крестьянъ, т. е., въ зависимости отъ этого числа, нужно было брать большій или меньшій участокъ земли, воздвигать большій или меньшій и по размѣру, и по числу этажей домъ. Но, очевидно, такое исчисленіе найдено было неудобнымъ на практикѣ, и не прошло мѣсяца послѣ появленія перваго указа, какъ былъ опубликованъ второй. Въ этомъ указѣ постройка становилась въ зависимость отъ числа дворовъ. Однако, и это второе условіе тоже, видимо, не вполне отвѣчало требованіямъ жизни, такъ какъ очень скоро — 21 сентября 1721 г. — вернулись къ первому, хотя одновременно предъявлялось и второе, а для торговцевъ и купцовъ величина домоваго участка регулировалась, какъ говорили тогда, „промысломъ“, т. е., количествомъ платимаго налога. Это обстоятельство — неустановленіе твердаго принципа для основанія заселенія — очень характерно для Петровской эпохи: дѣлался опытъ, во время котораго и испытывали тѣ или инныя средства. Но, конечно, очень скоро выяснилось, что мало издать указы о заселеніи. Необходимо „обязать“, принять тѣ или другія репрессивныя мѣры. Прежде всего указывалось, что шляхетство должно „добровольно“ прибыть въ Петербургъ къ

опредѣленному сроку. Но такихъ желающихъ находилось очень немного, большинство было глухо къ вызовамъ, и были посланы указы къ мѣстнымъ властямъ, чтобы уже тѣ принимали мѣры и высылали „обязанныхъ строиться“. А чтобы губернаторы не смогли отговариваться, то они должны были давать подписку, что они получили этотъ указъ. Высылали, конечно, подъ конвоемъ, а иногда и „въ желѣзахъ“, т. е., по-просту, закованными въ кандалахъ, чтобы съ дороги не произошло бѣгства. Затѣмъ принялись и за тѣхъ, которые уже поселились въ Петербургѣ. Всѣхъ, которые не принадлежали по роду службы къ Адмиралтейству или не были моряками, но поселились или на Адмиралтейскомъ островѣ, или вообще на Московской сторонѣ, обязали подпискою, что они къ опредѣленному числу переѣдутъ сами и перенесутъ свои жилища на Васильевскій островъ. Подписку жители давали, но не выполняли ее—тогда 14 января 1721 года появился указъ „о ломкѣ на Московской сторонѣ и Адмиралтейскомъ островѣ кровель на домахъ лицъ, не исполнившихъ указа о переносѣ домовъ на Васильевскій островъ“, кромѣ кровель велѣно было ломать и печи; понятно, что въ такомъ домѣ, въ которомъ не было „ни печей“, „ни кровель“, жить было мудрено,—но наши предки умудрялись жить, и заселеніе Васильевского острова шло далеко негладко. Такія репрессивныя мѣры принимались не только при Петрѣ I, но и при ближайшихъ его преемникахъ, а результатъ, по рапорту генераль-полицмейстера первыхъ годовъ царствованія императрицы Анны Іоанновны, былъ слѣдующій:

„На Васильевскомъ острову на отводныхъ мѣстахъ каменное и деревянное строеніе хотя гдѣ и построено, но половъ и потолковъ у многихъ не окончено, а именно, каменные вчернѣ и оныя не покрыты, половъ

и потолокъ и окончинъ нѣтъ, а у другихъ одни фундаменты, погреба, среднія и верхнія жилья зачаты и по окна и выше сдѣланы были, но за непокрышками нѣкоторыя развалились: деревянное же строеніе у нѣкоторыхъ хотя было и построено; но за неимѣніемъ въ нихъ присланныхъ отъ помѣщиковъ людей и пустотою погнили и растасканы; у прочихъ же застроены и, не достроя, оставлены и стоятъ пусты“.

Такъ официально доносить высшее лицо полиціи, т. е., такое лицо, которому желательно скрыть недостатки, представить дѣло гораздо лучше, чѣмъ оно было, но, несмотря на всѣ эти смягчающія обстоятельства, картина появляется мрачною. Заселенія Васильевского острова не было, и Петру Великому, даже помощью самыхъ тяжелыхъ репрессій, не удалось достигнуть желательныхъ результатовъ. Казалось, отсюда легко сдѣлать выводъ — репрессіи не помогаютъ, нужно выдумать другое.

Но „самодержавіе“, но „диктатура“, въ какой бы формѣ она ни проявлялась, не знаютъ иныхъ средствъ, они не могутъ допустить развитія свободнаго человѣческаго духа, ибо это развитіе равносильно собственному отрицанію и всегда и во всемъ должны прибѣгать къ палкѣ. Такъ и въ данномъ случаѣ: 14 мая 1735 года появился „именной указъ“ полицмейстерской канцеляріи „о немедленной постройкѣ домовъ на Васильевскомъ островѣ подѣ опасеніемъ описанія въ казну недвижимаго имущества“ — эта мѣра на современномъ языкѣ называется конфискаціей. Далѣе, шло воспрещеніе продажи и покупки недвижимости, эти акты обмѣна могли совершаться каждый разъ по особому именному разрѣшенію, „не въ примѣръ прочимъ“. Но, въ концѣ-концовъ, правительство должно было, не признаваясь, конечно, въ сдѣланныхъ ошибкахъ, отмѣ-

нить всѣ свои распоряженія и со 2 апрѣля 1759 года заселеніе Васильевского острова перестало быть обязательною повинностью.

Попытка заселить островъ кончилась неудачно. Такая же неудача постигла и желаніе устроить островъ по новому способу, совсѣмъ не по русскому обычаю, а на иностранный — голландскій или венеціанскій образецъ. Въ 1714 году маіоромъ Лепинасомъ былъ снятъ точный планъ, съ указаніемъ обмѣровъ глубины рѣки, Васильевского острова и надъ этимъ планомъ стали работать всѣ бывшіе въ то время въ Петербургѣ архитектора: и полицейскій архитекторъ Гербель „сочинилъ“ проектъ устройства Васильевского острова, приложилъ руку свою и болѣе талантливый Матернови, наконецъ, пытались къ этому дѣлу приобщить вездѣсущаго и все могущаго дѣлать Трезини, но всѣ эти попытки были признаваемы неудачными. Ничего не выходило вплоть до 16 февраля 1717 года, когда Петру Великому былъ представленъ проектъ устройства Васильевского острова архитекторомъ Леблонъ.

Французъ по происхожденію, Леблонъ былъ нанятъ въ русскую службу Конономъ Никитичемъ Зотовымъ и былъ представленъ Петру за границу. Вновь нанятый архитекторъ очень понравился Петру, который и писалъ Меншикову: „доносителя сего Леблона примите пріятно и по его контракту довольствуйте, ибо сей мастеръ изъ лучшихъ и прямою диковинкою есть, какъ я въ короткое время могъ его разсмотрѣть. Къ тому же не лѣнивъ, добрый и умный человекъ, также кредитъ имѣетъ великій въ мастеровыхъ во Франціи и кого надобно, черезъ него достать можемъ. И для того объяви всѣмъ архитекторамъ, чтобы всѣ дѣла, которыя вновь начинать будутъ, чтобы безъ его подписи на чертежахъ не строили“. Такимъ образомъ, Леблонъ

становился „бау-архитектором“, т. е., главнымъ архитекторомъ. Прибывъ въ Петербургъ 7 августа 1716 г., Леблонъ быстро осмотрѣлся и послалъ царю еще за-границу проектъ устройства Петербурга. Этотъ проектъ былъ выгравированъ въ то же время и разосланъ правительствамъ Западной Европы.

По этому проекту, какъ видитъ читатель на прилагаемомъ снимкѣ (смотри въ приложеніи планъ № 3), подь Петербургъ отводился весь Васильевскій Островъ, Адмиралтейскій и часть Петербургской Стороны. Весь этотъ районъ былъ окруженъ двойной фортификаціею, т. е., двойными земляными укрѣпленіями, изображенными на нашемъ рисункѣ а, а, и сѣтью каналовъ (в, в). Эти каналы должны были быть устроены такимъ образомъ, что если бы непріятелю удалось взять первый рядъ укрѣпленій, то, открывъ шлюзы, можно было затопить взятыя укрѣпленія водою изъ внутреннихъ каналовъ. Затѣмъ весь городъ прорѣзывался сѣтью поперечныхъ каналовъ, которыя должны были замѣнять собою и улицы. Самые большіе каналы должны были дѣлаться въ 12 сажень, средніе въ $8\frac{1}{2}$ сажень и малые въ 6 сажень глубины, т. е., самые большіе морскіе корабли того времени могли свободно ходить по этимъ каналамъ. Каналы эти образовывали въ проектируемомъ городѣ рядъ площадей (с, с, с), которыя отводились подь царскіе дворцы, храмы, рынки, училища, сады и другія публичныя зданія и учрежденія. Дворецъ помѣщался въ центрѣ города, ближайшіе къ нему кварталы были отведены подь жилье сановниковъ, немного подалѣе была площадь съ государственными учрежденіями, около нихъ должны были жить чиновники, купцы и ремесленники, а также иностранцы сосредоточивались вокругъ другихъ площадей, и только „подлый“ народъ, т. е., кре-

стьяне и мѣщане должны были жить внѣ города. На каждой площади и на перекресткахъ должны были быть фонтаны для очищенія воздуха и какъ предохранительныя противъ пожаровъ мѣры.

Такимъ рисовался Леблону будущій Петербургъ и, надо отдать справедливость автору проекта, на рисункѣ, на чертежѣ, этотъ проектъ выглядывалъ красиво, въ жизни же для него было первое, главное и непреодолимое препятствіе: продолжительная зима въ Петербургѣ. Вслѣдствіе этой зимы, приблизительно съ октября по апрѣль, т. е., почти полгода, каналами нельзя было пользоваться, такъ какъ они замерзали и удобство сообщенія, о которомъ мечталъ Петръ Великій, являлось лишь въ мечтѣ.

Такова дѣйствительность. Далѣе слѣдуетъ легенда. И до сихъ поръ находятся люди, которые повѣствуютъ, что этотъ планъ Петромъ Великимъ проводился въ жизнь, но исполнить его не удалось, благодаря проискамъ Меншикова, который, завидуя Леблону, постарался помѣшать его затѣѣ,—велѣлъ рыть каналы и уже и мельче, чѣмъ на проектѣ, а когда царь пріѣхалъ осматривать работы, то оказалось поправить дѣло нельзя было, и царь распорядился прекратить бесполезныя работы, а царская дубинка прогулялась по спинѣ герцога ингерманландскаго всесильнаго князя Меншикова.

Эту легенду мы находимъ и у чуть ли не современныхъ Петру Великому писателей—у Штелина, у Голикова, и у писателей нашего времени: у перваго по времени историка Петербурга Петрова и у автора иллюстрированнаго путеводителя Курбатова. Штелинъ рассказываетъ объ этомъ выполненіи проекта съ такими мелкими подробностями, что невольно подчиняешься обаянію этого разсказа и начинаешь ему вѣрить. Думается, что мудрено сочинить такія подробности. На-

конецъ, въ первой четверти прошлаго столѣтія одинъ изъ любителей русской исторіи разыскалъ планъ Леблона и издалъ его, снабдивъ надписью, изъ которой читатель могъ понять, что въ такомъ видѣ Петербургъ былъ въ дѣйствительности въ 1716 году.

Но что же оказывается въ дѣйствительности?—На провѣрку мы имѣемъ указъ Петра I отъ 21 іюня 1723 года, т. е., спустя 6 лѣтъ послѣ составленія вышеприведеннаго проекта Леблона, и уже тогда, когда Леблонъ умеръ. Этотъ указъ гласитъ: „О выкопаніи въ С. Петербургѣ на Васильевскомъ островѣ до предполагаемаго проведенія каналовъ, прудовъ для воды на случай пожаровъ“. Обращаемъ вниманіе на нашу отмѣтку жирнымъ шрифтомъ. Только въ 1723 году предполагали рыть каналы, слѣдовательно, въ 1717 году, вернувшись изъ своего заграничнаго путешествія, Петръ Великій не могъ ихъ осматривать, Меншиковъ не могъ распорядиться копать ихъ уже и мельче, словомъ,—не было всего того, о чемъ такъ краснорѣчиво повѣствовалъ Штелинь, и что безъ провѣрки и должной осмотрительности принимали на вѣру болѣе поздніе по времени историки. Но пойдемъ дальше. Имѣется указъ отъ 11 февраля 1724 года и въ этомъ указѣ дѣлаются распоряженія о работахъ, которыя должны начаться только лѣтомъ 1724 года, но эти работы, какъ ясно слѣдуетъ изъ распоряженія 5 мая 1727 года, не начались, и изъ всего проекта Петра и Леблона, уже въ царствованіе Петра II, былъ прорытъ каналъ по 1-ой линіи Васильевскаго острова до Большого проспекта. Когда этотъ послѣдній былъ засыпанъ, мы не знаемъ, но у насъ имѣется указаніе, что еще въ 1770 году, для опредѣленія болѣе точнаго мѣстонахожденія домовъ, указывалось, что они были въ 1-ой линіи на каналѣ. Конечно, это указаніе могло

означать и воспоминаніе о томъ, что каналъ здѣсь былъ, но могло и свидѣтельствовать о томъ, что каналъ еще не засыпанъ. А въ 1735 году, 21 ноября, послѣдовала „резолүція кабинетъ-министровъ на докладъ главной полицеймейстерской канцеляріи о прорытіи въ С.-Петербургѣ на Васильевскомъ Островѣ, въ 1-ой каменной линіи, канала (который шелъ лишь до Большого проспекта) до самой Невы и объ устройствѣ въ прочихъ жилыхъ линіяхъ по обѣимъ сторонамъ улицъ мелкихъ канальцевъ для стока воды“. Какъ видимъ, Леблоновскіе судоходные каналы замѣнились небольшими канавами, которыя прикрыты досками существовали на Васильевскомъ островѣ еще въ 60—70-ыхъ годахъ прошлаго столѣтія.

И попытка устроить вмѣсто Васильевского Острова не то Венецію, не то Амстердамъ, также, какъ и указанная выше попытка заселить Васильевскій Островъ, потерпѣли фіаско. Реально осуществилась забота, если не обо всемъ Васильевскомъ Островѣ, то хотя о части его, а именно о той, которая извѣстна подъ именемъ Стрѣлки. И опять та же характерная особенность постройки Петербурга, которую мы указывали выше. Застраивается та мѣстность, которая была использована уже раньше шведами или финнами,—на Стрѣлкѣ былъ охотничій домикъ Делагарди и финская деревушка.

Планъ петровскаго времени мы не нашли и будемъ пользоваться, такъ называемымъ большимъ „перспективнымъ“ планомъ Махаева 1753—54 г.г. (смотри въ приложеніи планъ № 4). Но прежде, чѣмъ приступить къ обзорѣнію этого плана, должны сдѣлать одно общее замѣчаніе — не надо забывать, что большинство плановъ Петербурга, изданныхъ въ первой половинѣ XVIII вѣка, только до извѣстной степени являются планами, соотвѣтствующими дѣйствительности, на самомъ дѣлѣ онѣ

представляютъ изъ себя тѣ предположенія и предначертанія, которыя дѣлались особыми „комиссіями о строеніи“, вѣдавшими дѣлами строенія въ Петербургѣ, причемъ большинство этихъ предположеній и предначертаній не проводились въ жизнь, но, несмотря на то, что это были только проекты, обозначались на планахъ, какъ нѣчто реальное, существующее.

Планъ Петербурга 1753 года на девяти листахъ. На верху Россійскій и Санкт-Петербургскій гербы въ воинской амуниціи. Слева (внизу плана) Слава вѣнчаетъ императрицу Елизавету, стоящую на пьедесталѣ въ коронѣ со скипетромъ и державою въ рукахъ, у пьедестала—Аполлонъ съ лирою и женщина, изображающая Россію, читаютъ высѣкаемые на пьедесталѣ слова: „Столичный городъ С.-Петербургъ Елисаветѣ I Всероссійской Императрицѣ Петра Великаго Дщери посвящено“; кругомъ плана рамка. Особою съемки города Петербурга при составленіи плана 1753 года не было сдѣлано, руководствовались планомъ Петербурга, сочиненнымъ въ 1737 году; этотъ планъ былъ составленъ послѣ знаменитыхъ пожаровъ Петербурга 1736—1737 годовъ, именно для того, чтобы обозначить мѣсто, „гдѣ должно быть какого рода строенію, также и гдѣ публичнымъ площадямъ быть“, т. е., планъ 1737 года былъ планомъ проектнымъ, хотя онъ и снимался съ натуры Преображенскаго полка майоромъ фонъ-Зихгеймомъ съ помощью техникумовъ Еропкина и Земцова. А планъ 1753 года (выкопировку изъ котораго см. въ концѣ книги) обладаетъ еще болѣе отдаленнымъ сходствомъ съ дѣйствительностью, какъ это и будетъ нами показано, когда мы перейдемъ къ описанію мѣстности у Гостиного Двора. Названъ этотъ планъ „перспективнымъ“ потому, что всѣ церкви и главныя зданія—дворцы, гостиные дворы, государствен-

ныя учрежденія и т. п.—изображены въ уменьшенномъ масштабѣ, но въ перспективномъ видѣ. При первомъ взглядѣ на этотъ планъ нельзя не поразиться планировкой и устройствомъ Петербурга. Петербургъ по этому плану громадный городъ, тщательно разбитый, съ прямыми, широкими улицами, обширными площадями и вездѣ, какъ въ центрѣ, такъ и на окраинѣ все застроено симметрично, во всемъ видна цѣлесообразность. Но, увы, и этотъ планъ—легенда. На немъ нанесли не только то, что существовало, но и то, что было въ проектѣ, и что даже никогда не осуществилось. Провѣряя этотъ планъ другими документами, прямо поражаешься фантастичностью его исполненія.

Зачѣмъ же былъ сдѣланъ такой планъ? Его значеніе было чисто политическое. Первые экземпляры его были отосланы за границу русскимъ посламъ, чтобы они распространяли этотъ планъ, чтобы они указали за границу, что удалось сдѣлать русскимъ царямъ, и, главное, дочери Петра, Елизаветѣ Петровнѣ. Начинаясь семилѣтняя война, Россіи нужны были союзники и важно было произвести извѣстное впечатлѣніе при заграничныхъ дворахъ.

Точно такъ же, какъ Петръ воспользовался проектомъ Леблона, такъ и его державная дочь сумѣла заставить работать русскаго художника Махаева на пользу русской дипломатіи.

Послѣ такого необходимаго примѣчанія обратимся къ нашему плану: на немъ изображена мѣстность отъ Стрѣлки до 5-ой линіи. По линіямъ проведены каналы, по крайней мѣрѣ, они показаны проведенными, хотя, какъ мы видѣли изъ вышеприведеннаго, ихъ вовсе не было. Каналъ на Большомъ проспектѣ замѣненъ тѣми „канальцами“ или „канавами“ по обѣимъ сторонамъ проспекта, которые были и въ дѣйствительности;

по Среднему проспекту также показанъ прорытымъ каналъ, причемъ этотъ каналъ, какъ и каналъ по 1-ой линіи, показаны недоконченными; такимъ образомъ, и эти каналы лишались какого-либо значенія.

Самая Стрѣлка на этомъ планѣ вполне обдѣлана, середина ея является засѣяннымъ травою лугомъ, но посреди этого луга имѣется обширное болото, означенное на нашемъ планѣ подѣ буквою О. Болото на планѣ маленькое, едва замѣтное, въ дѣйствительности же было наоборотъ,—болото занимало чуть ли не всю средину мѣстности, извѣстной подѣ названіемъ Стрѣлки.

4 января 1716 года утромъ Меншиковъ заѣхалъ къ царевнѣ Наталіи Алексѣевнѣ, любимой сестрѣ Петра Великаго, и предложилъ ей выбрать мѣсто для своего дворца на только-что изготовленномъ планѣ Васильевскаго Острова. При этомъ Меншиковъ, надо думать, подчеркнул, что царь желаетъ видѣть лѣвый берегъ Стрѣлки, набережную Большой Невы, застроенную дворцами. Царевна Наталія Алексѣевна выбрала себѣ мѣсто почти на самомъ мысу Стрѣлки (Р) и вмѣстѣ съ Меншиковымъ направилась къ царицѣ Прасковѣ Ѳедоровнѣ, которая также согласилась взять сосѣднее мѣсто (N). Такимъ образомъ, на набережной Большой Невы должны были быть дворцы: Наталіи Алексѣевны (Р), Прасковьи Ѳедоровны (N), зданіе кунсткамеры (К); на другой, противоположной сторонѣ набережной Малой Невы мѣста были розданы близкимъ царя и его родственникамъ: Н—домъ князя Голицына, Е—Строганова, F—Апраксина, В₁—Нарышкина. Вдоль Стрѣлки, перпендикулярно набережной, должны были протянуться 12 коллегій (А)—зданіе, предназначенное для всѣхъ присутственныхъ мѣстъ; со стороны набережной Малой Невы къ 12 коллегіямъ почти подходило зданіе Гостиного двора (В) и, наконецъ, посреди всѣхъ этихъ строеній,

на площади 12 коллегій долженъ былъ быть выстроеннымъ соборъ св. Андрея Первозваннаго съ высокимъ-превысокимъ шпиемъ!

Нельзя отказать этому проекту въ извѣстной стройности и цѣльности, особенно, когда примемъ во вниманіе, что рядомъ, позади коллегій, дальше внизъ по теченію, былъ домъ Меншикова, тогда С.-Петербургскаго губернатора (З), а по Кадетской линіи, тамъ, гдѣ недавно помѣщалось главное управленіе военно-учебныхъ заведеній, долженъ былъ быть выстроенъ царскій дворецъ (Г). Дѣйствительно, при выполненіи всѣхъ вышеприведенныхъ заданій на Стрѣлкѣ возникъ бы настоящій центръ столицы. Но большинство этихъ предположеній не осуществилось. Царевна Наталія Алексѣевна умерла, не успѣвъ даже приступить къ постройкѣ. Царица Прасковья Федоровна начала строить, возвела домъ подъ крышу и также скончалась; и за неимѣніемъ денегъ дворецъ, который начали было крыть черепицею, докрыли гонтомъ, появилось, такимъ образомъ, небывалое нигдѣ соединеніе гонтовой крыши съ черепичною. Наконецъ, зданіе кунсткамеры было закончено, спустя долгое время послѣ смерти и самого основателя Петербурга.

13 февраля 1718 года былъ изданъ именной указъ „о приносѣ родившихся уродовъ, также найденныхъ необыкновенныхъ вещахъ во всѣхъ городахъ къ губернаторамъ и комендантамъ, о дачѣ за приносъ оныхъ вознагражденія и о штрафахъ за утайку“. Этотъ указъ начинался такимъ образомъ: „понеже извѣстно есть, что какъ въ человѣческой породѣ, такъ и въ звѣриной и птичьей случается, что рождаются монстры, т. е. уроды, которые всегда во всѣхъ государствахъ собираются для диковинки“; сдѣлавъ ссылку на иностранныя государства, указъ добавлялъ: „чего для предъ нѣсколькими

лѣтами уже указъ сказыванъ, чтобы тоже приносили, обѣщая платить за оныя, которыхъ нѣсколько уже и принесено“. Изъ этой послѣдней фразы ясно, что указъ 13 февраля 1718 года явился повтореніемъ неизвѣстнаго намъ указа, который мы лично относимъ къ 1715 году,— не забудемъ, что съ января 1716 года по октябрь 1717 годъ Петръ Великій пробылъ за границей, гдѣ за это время онъ сдѣлалъ рядъ покупокъ для своей „куныштъ-каморы“, какъ онъ писалъ самъ.

Продолжаемъ знакомиться съ этимъ любопытнымъ указомъ о монстрахъ. Въ указѣ говорится, что монстры или монструмы, по другому написанію того времени, уже приносились, но приносили ихъ очень немного, всего на всего 4 штуки— „2 младенца съ 2 головами и 2 младенца, которые срослись тѣломъ, однако-жь“— добавлялось въ указѣ— „въ такомъ великомъ государствѣ можетъ быть болѣе“.

Почему же приносили такъ мало уродовъ? Указъ даетъ очень характерное объясненіе: „Но только невѣжды, чая, что такіе уроды родятся отъ дѣйствія дьявола чрезъ вѣдовство и порчу“, боятся приносить. Указъ наставительно подчеркивалъ, что дьяволъ здѣсь вовсе не причемъ: „чему быть невозможно, ибо единъ творецъ всей твари—Богъ, а не дьяволъ, которому ни надъ какимъ созданіемъ власти нѣтъ“, уроды же являются отъ естественныхъ причинъ: „отъ поврежденія внутреннаго, также отъ страха и мнѣнія матернаго во время беременности, какъ тому многіе есть примѣры, чего испугается мать, тѣ же знаки на дитяти бываютъ, также когда ушибется или больна будетъ и прочіе“.

Если мы возьмемъ послѣднее изслѣдованіе доктора медицины К. Э. Яцута „Систематическое иллюстрированное описаніе коллекціи уродовъ Музея Антропо-

логіи и Этнографіи при Академіи Наукъ“, то прочтемъ почти такое же объясненіе уродства, какое мы находимъ въ только-что цитированномъ указѣ. Конечно, это объясненіе формулируется иными словами: уродъ является продуктомъ неправильнаго развитія зародыша, экспериментомъ природы, причины же этого неправильнаго развитія признаются внутреннія (наслѣдственность, атавизмъ) и внѣшнія: механическія (ударъ по животу беременной женщины), физическія, химическія, психическія—о которыхъ въ указѣ Петра Великаго, такъ колоритно говорится: „страхи и мнѣнія матерныя“. Этотъ указъ, не забудемъ, былъ именной, т. е., если онъ и не лично написанъ Петромъ Великимъ, то или подъ его диктовку, или съ его поправками; въ этомъ указѣ выражалось мнѣніе самого Петра Великаго, и мы видимъ, что и въ этомъ отношеніи Петръ опередилъ далеко мнѣнія своихъ современниковъ.

Пояснивъ происхожденіе уродовъ вполне нормальными причинами, указъ требовалъ „приноса всякихъ уродовъ къ губернаторамъ и комендантамъ“. Но, щадя матерей и отцовъ уродовъ, указъ воспрещалъ спрашивать имя—„еще же и сіе прилагается, что ежели у нарочитыхъ родятся и для стыда не захотятъ принести, на то такой способъ, чтобы тѣ неповинны были сказывать, кто принесетъ, а коменданты неповинны ихъ спрашивать, чье, но, принявъ, тотчасъ деньги давъ, отпустить“.

А деньги по тому времени предлагались громадныя: за живого человѣческаго урода 100 руб., за мертваго 10 руб., за живого урода изъ животныхъ 15 руб., а за мертвыхъ по 5 руб., за птицъ плата уменьшалась соответственно до 7 р. и 3 р. Точно въ такомъ же размѣрѣ полагался и штрафъ за утайку, причемъ деньги шли въ пользу донесчика.

Наконецъ, въ указѣ было точное указаніе, какъ поступать съ мертвыми уродами—„класть въ спиртъ, буде же нѣтъ, то въ двойное, а по нуждѣ и въ простое вино и закрыть крѣпко, дабы не испортилось, за которое вино заплочено будетъ изъ аптекъ особливо“.

Указъ произвелъ свое дѣйствіе и „монстры, раритеты, куріозитеты“, везлись въ изобильномъ количествѣ въ Петербургъ, настолько въ изобильномъ количествѣ, что первоначальное помѣщеніе кунсткамеры—Лѣтній дворецъ Петра Великаго, сохранившійся до нашего времени въ Лѣтнемъ саду, сталъ тѣсенъ. Надо было подумать о другомъ, болѣе обширномъ помѣщеніи. И Петръ Великій нашелъ такое помѣщеніе.

Онъ приспособилъ для кунсткамеры домъ одного изъ самыхъ ревностныхъ приверженцевъ покойнаго уже цесаревича Алексѣя Петровича—Кикина. Сдѣлано было это распоряженіе безусловно не безъ задней мысли. Кикинъ уже сложилъ свою голову на плахѣ, имущество его было конфисковано, и одинъ изъ домовъ, въ которомъ жилъ этотъ защитникъ старины, въ которомъ, быть можетъ, собирались во главѣ съ царевичемъ и другіе его приверженцы и вели „зазорныя рѣчи“, какъ бы повернуть къ старинѣ, какъ бы изгнать иноземщину, нѣмечину, и вернуться къ святой Руси, къ древней Москвѣ,—такъ вотъ этотъ-то домъ и приспособилъ Петръ Великій для такого учрежденія, которое должно было быть особенно ненавистно всѣмъ приверженцамъ старины.

Вѣдь, если уродъ былъ и не „отъ дьявола“, то, во всякомъ случаѣ, онъ считался Божьимъ попущеніемъ, Божьимъ наказаніемъ. Надлежало скорбѣть, каяться о своихъ грѣхахъ, наложить эпитимію,—а не сохранять урода въ банкѣ, въ спирту, чтобы его можно было разглядывать со всѣхъ сторонъ.

Домъ Кикина, если и не вполнѣ, то своимъ фундаментомъ да первымъ этажемъ сохранился до нашихъ дней,—это извѣстный въ настоящее время подъ названіемъ „круглый домъ“ офицерской кавалерійской школы, находящійся на Шпалерной улицѣ, почти-что подъ Смольнымъ монастыремъ. Правда, при взглядѣ на этотъ домъ зарождается сомнѣніе: почему онъ зовется „круглымъ“, когда въ немъ нѣтъ ничего круглаго,—но это названіе было дано ему очень давно, во времена Елисаветы Петровны, когда здѣсь были штабъ и церковь коннаго полка и когда надъ домами была круглая башня. Башню уничтожили, домъ ремонтировали и, несмотря на это, все продолжали и продолжаютъ звать этотъ домъ по старинкѣ—„круглый домъ“.

Такъ вотъ въ этотъ домъ и приглашались жители Петербурга посмотрѣть на диковинки: сохранилось преданіе, не знаемъ, насколько достовѣрно оно, что посѣтителемъ предлагалось даже угощеніе виномъ—этой приманкою, конечно, можно было заманить русскаго человѣка...

Пріѣзжіе иностранцы считали какъ бы своимъ долгомъ посѣтить кунсткамеру, и одинъ изъ такихъ любителей иностранныхъ вещей, камеръ-юнкеръ Берхгольцъ, пріѣхавшій вмѣстѣ съ принцемъ Голштинскимъ, оставилъ очень любопытное описаніе кунсткамеры.

Берхгольцъ былъ въ кунсткамерѣ 29 августа 1721 г., и онъ указываетъ, что въ кунсткамерѣ „набрано множество предметовъ по части естественной исторіи и самыхъ разнообразныхъ уродовъ. Между анатомическими препаратами находятся и собранные въ Амстердамѣ знаменитымъ докторомъ Рюйшемъ, которые царь купилъ у его наслѣдниковъ за 10.000 рублей. Въ кунсткамерѣ разставлено большое количество сосудовъ, въ которыхъ сохраняются въ спирту всякаго рода звѣри,

птицы, рыбы и тому подобные, также разные части человѣческаго тѣла, цѣлые трупы и зародыши обоого пола. Далѣе показываются всѣ артеріи и нервы человѣческаго тѣла, сдѣланные изъ цвѣтнаго воска. Между многими другими подобными предметами я (писалъ въ своемъ дневникѣ Берхгольцъ) особенно замѣтилъ голову, въ которой превосходно сдѣланы изъ краснаго воску всѣ артеріи, изображающія сложное устройство человѣческаго мозга; далѣе, человѣческаго уродъ съ одною головою, но двумя лицами, много уродовъ съ двумя головами, четырьмя руками, четырьмя ногами, многими пальцами и т. д.; постепенное видоизмѣненіе лягушки и ихъ зарожденіе изъ головастика; животное *pigritia* (названное такъ по причинѣ медленности его на ходу—оно можетъ дѣлать не болѣе 20-ти шаговъ въ день; о немъ было замѣчено выше при описаніи зоологическаго сада) съ короткими ногами и широкою мордою, обросшею волосами (тихоходъ или лѣнивѣцъ); особый родъ лягушекъ, рождающихся изъ спины самки; кромѣ того, намъ показывали свинью съ человѣческимъ лицомъ (обросшимъ, впрочемъ, щетиною), которую только недавно привезли изъ-за Москвы“.

Цитируя дневникъ Берхгольца, мы пропустили рядъ описаній анатомическихъ препаратовъ, но и изъ этого сокращеннаго описанія ясно видно богатство и разнообразіе собраннаго матеріала,—къ сожалѣнію, до нашихъ дней сохранилось очень мало. Эти остатки сохраняются въ Академіи Наукъ, въ галлерей Императора Петра I.

Давая временное помѣщеніе, Петръ Великій очень заботился о постройкѣ постояннаго зданія для кунсткамеры, которое сохранилось въ нѣсколько измѣненномъ видѣ до нашихъ дней—это современное зданіе бібліотеки Академіи Наукъ. Преданіе гласитъ, что на томъ мѣстѣ, гдѣ возвышается это зданіе, были най-

дены двѣ сосны, одна изъ вѣтвей которыхъ вырослась въ стволъ другой сосны такъ, что нельзя было опредѣлить, которой изъ двухъ сосенъ принадлежитъ эта вѣтвь. Нахожденіе такого „раритета“ будто бы и подало Петру Великому мысль построить самое зданіе кунсткамеры на этомъ мѣстѣ. Къ которому году относится начало постройки кунсткамеры, мы не знаемъ, но въ 1719 году Веберъ, голландскій резидентъ, видѣлъ у архитектора Матернови готовую модель кунсткамеры, а въ 1722 году Петръ уже высказывалъ увѣренность, что кунсткамера будетъ готова къ 1723 году, но надежда Петра не оправдалась, зданіе кунсткамеры онъ не увидѣлъ, и кунсткамера была закончена только въ 1732 году. Первоначальный проектъ составилъ Матернови, потомъ ее строили Гербель, Трезини, Земцовъ, затѣмъ кунсткамера горѣла, въ возобновленіи принимали участіе Растрелли, Савва Чевакинскій, Шумахеръ, такъ что въ настоящее время трудно сказать, что въ этой постройкѣ принадлежитъ Матернови, что добавлено послѣдующими мастерами. Во всякомъ случаѣ, фундаментъ и стѣны безусловно Петровскаго времени—въ настоящее время библіотека Академіи Наукъ одно изъ старѣйшихъ зданій Петербурга.

Зданіе это состояло и состоитъ изъ срединной части, такъ называемой башни и двухъ флигелей, симметричныхъ по бокамъ. Башня прежде была трехъярусная, въ нижнемъ своемъ этажѣ она заключала извѣстный Готторпскій глобусъ, привезенный при Петрѣ изъ Голштиніи, верхніе этажи предназначались для астрономическихъ наблюденій. Въ 1749 году былъ значительный пожаръ, послѣ котораго въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ за недостаткомъ средствъ не могли возобновить кунсткамеру; возобновленіе это совершилось лишь въ царствованіе Екатерины II.

Дворецъ Прасковьи Ѳеодоровны былъ царицею Екатериною I переданъ, также во владѣніе Академіи Наукъ, и въ этомъ дворцѣ помѣщались какъ сама конференція Академіи (зала засѣданій академиковъ), такъ и разныя служебныя при Академіи Наукъ учрежденія, какъ-то: типографія, переплетная, рисовальный классъ и т. п. Наконецъ, въ 80-хъ годахъ XVIII столѣтія тутъ же, по правую сторону кунсткамеры, было выстроено, по проекту извѣстнаго архитектора XVIII в. Гваренги, третье зданіе для Академіи Наукъ (на нашихъ планахъ означенное буквою L, на планѣ 1753 г. этою буквою обозначено не самое зданіе, а лишь мѣсто, гдѣ оно было впослѣдствіи выстроено). Эта постройка Гваренги безъ измѣненія осталась до нашихъ дней. Зданіе очень простое, посрединѣ порталъ изъ ряда колоннъ, входъ помощью высокой широкой лѣстницы, все просто, строго классически. Но при извѣстномъ солнечномъ освѣщеніи, особенно съ противоположной стороны Невы, прямо можно залюбоваться и этимъ созданіемъ Гваренги. Такимъ образомъ, на набережной большой Невы, вмѣсто предполагавшихся Петромъ Великимъ царскихъ дворцовъ, появились три зданія, которыя, собственно говоря, были дворцами науки. Въ этихъ зданіяхъ имѣла свою резиденцію, какъ писали въ старину, академія де сіансъ. Здѣсь зародилась и развивалась русская наука. Роды ея были тяжелыя. Повитуха была изъ нѣмокъ и не хотѣла допустить, чтобы русская наука ходила самостоятельно, а не на нѣмецкихъ помочахъ. Здѣсь, въ первой половинѣ XVIII вѣка, великій русскій самородокъ Михаилъ Васильевичъ Ломоносовъ отстаивалъ русскую науку отъ нѣмецкаго засилья... Здѣсь же, сравнительно очень недавно, забравшіе въ свои руки бразды правленія ординарные академики забаллотировывали въ академики

такихъ свѣтилъ русской науки, какъ Мендѣлеевъ, Пыпинъ и много другихъ. Безусловно, исторія Академіи Наукъ представляетъ собою много грустнаго, много обиднаго для русскаго самолюбія, но, съ другой стороны, будучи создана по мысли Петра Великаго, Академія, несмотря на эти темныя стороны, все же поддерживала завѣты преобразователя Россіи, и русскій ученый могъ съ гордостью соперничать съ западно-европейскимъ коллегою...

Перейдемъ на противоположную сторону, на набережную Малой Невы. Здѣсь 20 мая 1723 года было отведено мѣсто подъ Гостиный дворъ,—на немъ въ настоящее время высятся дома библіотеки Академіи Наукъ и Министерства Торговли; остался очень небольшой кусочекъ стараго Гостиного двора, около зданія библіотеки, въ немъ теперь помѣщается архивъ департамента таможенныхъ сборовъ. Когда ломали Гостиный дворъ, то стѣны оказались настолько хорошо построенными, что приходилось прибѣгнуть къ динамиту. Приэтомъ выражалось недовольство по поводу того, что исчезаетъ постройка временъ Петра Великаго. Но это не такъ. При Петрѣ, какъ мы и привели выше, былъ лишь изданъ указъ о постройкѣ, а самый дворъ строился и былъ законченъ при Аннѣ Іоанновнѣ, потомъ онъ неоднократно перестраивался; а въ царствованіе Императора Николая I былъ даже, по проекту архитектора Росси, измѣненъ и фасадъ зданія, такъ какъ находили, что старый фасадъ портитъ видъ новой только-что устроенной площади. Слѣдовательно, въ смыслѣ сохраненія старины, исчезновеніе Гостиного двора уже не является такою значительною потерей. Жаль, конечно, стараго зданія, но и только.

Оно строилось для того, чтобы въ немъ сосредоточивалась вся торговля Петербурга. Но это предпо-
 ло-

женіе такъ и осталось таковымъ. Означенное мѣсто не обладало условіями, необходимыми для торговаго порта. По Малой Невѣ, вслѣдствіе ея мелководія, корабли не могли ходить, они должны были проходить черезъ Большую Неву, затѣмъ заворачивать въ Малую Неву. Когда появились мосты, Николаевскій и Дворцовый, то задержка при разводкѣ этими мостами судовъ чуть ли не равнялась времени прихода ихъ изъ Лондона въ Петербургъ. Далѣе, причальная набережная въ этомъ мѣстѣ была слишкомъ мала, судамъ приходилось становиться въ нѣсколько рядовъ, что не могло также не отзываться дороговизною на выгрузкѣ. Всѣ эти отрицательныя качества первоначальнаго Петербургскаго порта заставляли уже съ начала XIX вѣка искать другого мѣста, пока не прорыли Морского канала и не устроили портъ на Гутуевскомъ островѣ.

Что же касается до розничной торговли, то Гостиный дворъ въ этомъ отношеніи и своимъ мѣстоположеніемъ,—забитъ въ углу, нужно было специально идти, а не зайти по пути, и устройствомъ лавокъ—это были темные, холодные амбары,—не подходилъ къ условіямъ такой торговли; въ концѣ концовъ Гостиный дворъ сдѣлался простымъ складочнымъ мѣстомъ, которое съ каждымъ годомъ теряло свое значеніе, и большинство амбаровъ здѣсь пустовало. Понятно отсюда стремленіе перестроить этотъ Гостиный дворъ, воспользоваться его мѣстомъ болѣе практично. Безусловно, постройкой зданія для министерства торговли и для библіотеки Академіи Наукъ достигнута болѣе правильная эксплуатація даннаго участка.

Слѣдующіе по набережной Невки за Гостинымъ дворомъ домовые участки были розданы, какъ мы и указали выше, царскимъ родственникамъ, Нарышкину, Апраксину и приближеннымъ. Но у получившихъ эти

участки имѣлись и другіе домовые участки, на которыхъ уже строились дома для жилья, поэтому эти участки были обращены въ арендную статью: построенные дома сдавались внаймы, чаще же старались всѣми средствами избавиться отъ этихъ домовъ. Апраксинъ перепродалъ свой домъ Демидову, послѣдній уступилъ его Академіи Наукъ, Нарышкинъ пристроилъ свои палаты въ таможенное вѣдомство,—такимъ образомъ, и на Невкѣ не выполнилось предположеніе Петра Великаго.

Не былъ построенъ посреди площади и Андреевскій соборъ. На планѣ виднѣется какое-то зданіе—это башня, построенная въ 1753—54 году для поправленнаго послѣ пожара 1749 года готторпскаго глобуса. Вотъ какія данныя объ этомъ глобусѣ находимъ въ уже цитированномъ нами дневникѣ камеръ-юнкера Берхгольца.

„Послѣ обѣда нѣкоторые изъ насъ осматривали большой, находившійся въ Шлезвигѣ глобусъ, который 8 лѣтъ тому назадъ, съ согласія епископа—администратора, былъ привезенъ сюда. Говорятъ, онъ былъ въ дорогѣ четыре года. До Ревеля везли его водою, а оттуда въ Петроградъ сухимъ путемъ, на особо устроенной для того машинѣ, которую тащили люди. Рассказываютъ также, что не только надо было расчищать дороги и прорубать лѣса, потому что иначе его съ машиною нельзя было провезти, но что будто при этомъ даже погибло и много народа. Онъ стоитъ на лугу въ нарочно сдѣланномъ для него балаганѣ, гдѣ, какъ я слышалъ, его оставляютъ до окончательной отдѣлки большого зданія на Васильевскомъ острову, предназначеннаго для кунсткамеры и другихъ рѣдкостей, куда помѣстятъ и его. Присмотръ за нимъ до сихъ поръ еще имѣетъ перевозившій его сюда портной, родомъ Саксонецъ, но долго находившійся въ Шлезвигѣ. По-

ставленный здѣсь (т. е. на Царицыномъ лугу), онъ стоитъ покамѣстъ не хорошо: около него нѣтъ даже газереи, бывшей при немъ въ Шлезвигѣ и представляющей горизонтъ, она сохраняется особо. Наружная сторона глобуса, еще нисколько не попорченная, сдѣлана изъ бумаги, наклеенной на мѣдь, искусно разрисованной перомъ и раскрашенной; во внутренность его ведетъ дверь, на которой изображенъ Голштинскій гербъ и тамъ, въ самой срединѣ, находится столъ со скамьями вокругъ, гдѣ насъ помѣстилось 10 человѣкъ. Подъ столомъ устроенъ механизмъ, который сидѣвшій вмѣстѣ съ нами портной привелъ въ движеніе, послѣ чего, какъ внутренній небесный кругъ, на которомъ изображены изъ мѣди всѣ звѣзды сообразно ихъ величинѣ, такъ и наружный шаръ, начали медленно вертѣться надъ нашими головами около своей оси, сдѣланной изъ толстой полированной мѣди и проходящей сквозь шаръ и столъ, за которымъ мы сидѣли. Около этой же оси, по срединѣ стола, устроенъ еще маленькій глобусъ изъ полированной мѣди, съ искусно награвированнымъ на немъ изображеніемъ земли. Онъ остается неподвижнымъ, когда вокругъ него обращается большая внутренняя небесная сфера, между тѣмъ, какъ столъ образуетъ его горизонтъ. Скамьи, вокругъ стола, съ ихъ спинками составляютъ мѣдный кругъ съ раздѣленіемъ горизонта большой внутренней небесной сферы“.

Наконецъ, должны указать, что для зданія коллегіи (А) въ Петровское время только было отведено мѣсто. На планѣ 1753 года, который мы сейчасъ разсматриваемъ, имѣется еще одно любопытное сооруженіе, которое не предполагалось Петромъ Великимъ. Звалось оно (Р. Р.) иллюминаціоннымъ театромъ. Далекъ въ Неву, на самомъ мысу стрѣлки, былъ вбитъ рядъ свай, на которыхъ и устроенъ помостъ. Получившаяся та-

кимъ образомъ площадка находилась какъ разъ напротивъ Зимняго дворца и на ней-то, съ царствованія Анны Іоанновны, стали устраивать различные фейерверки и иллюминаціи. Близость этой площадки къ зданіямъ Академіи Наукъ сильно беспокоила послѣднюю, прежде всего—„пожарнаго страха ради“, т. е., изъ-за боязни могущаго произойти во время иллюминаціи пожара. Поэтому Академія всегда обращалась съ просьбою усилить караулъ, чтобы было постоянное наблюденіе за тѣмъ, чтобы какая-нибудь ракета не упала на крышу. Неизбѣжная же при иллюминаціи стрѣльба, видимо, служила смотрителю зданій Академіи не безвыгодною статьею: послѣ каждой иллюминаціи подавался счетъ на выбитыя отъ пушечной стрѣльбы стекла,—количество этихъ стеколъ иногда бывало очень значительнымъ; по счету уплачивалось, а сколько было разбито въ дѣйствительности, этимъ и не интересовались и не провѣряли. „Иллюминаціонный Театръ“ сохранялся до того времени, когда Елисавета Петровна переѣхала въ особый деревянный дворецъ, построенный для царицы на время перестройки Зимняго дворца. Изъ этого новаго деревяннаго дворца нельзя было любоваться иллюминаціями, устраиваемыми на иллюминаціонномъ театрѣ, его перестали ремонтировать, онъ пришелъ въ ветхость и былъ разобранъ. На слѣдующемъ планѣ этой же мѣстности—планѣ относится къ 1781 году,—вмѣсто иллюминаціоннаго театра указаны лишь остатки свай (х). Существованіе на Васильевскомъ Островѣ Гостиного двора, переносъ сюда таможни, для которой въ началѣ царствованія Екатерины II были приобрѣтены постройки Нарышкина, само собою вызвалъ вопросъ о постройкѣ здѣсь же биржи. Первоначальная биржа была устроена на Петербургской Сторонѣ, и лишь 28 мая 1731 года было повелѣно построить биржу на

Васильевскомъ Островѣ. Новопостроенная биржа имѣла далеко не казистый видъ. Это было деревянное одноэтажное зданіе и помѣщалось оно на берегу Малой Невы (с.). Но на престолъ вступила Семирамида Сѣвера—Екатерина II. Конечно, при ней „россійское купечество первопрестольнаго града св. Петра“ не могло удовлетвориться такою биржею. И Императрица повелѣваетъ своему любимому зодчему Гваренги составить планъ и проектъ биржи. По этому проекту должно было возникнуть дивное зданіе (на планѣ оно показано подъ буквою J), но... но появилось обычное „но“ добраго стараго времени. Не хватило денегъ,—успѣли вывезти только цоколь, прикрыли начатую постройку деревянною крышею, и она въ такомъ видѣ простояла съ 27 января 1787 года по 1803 годъ, т. е., почти 20 лѣтъ.

Но если Гваренги не удалось построить свою биржу, то на той же самой площади онъ построилъ рядъ построекъ: уже упомянутое зданіе Академіи наукъ (L), частный гостинный дворъ (B_2) (этотъ дворъ, какъ складочное мѣсто, существуетъ по днесъ) и, наконецъ, перестроилъ домъ Нарышкина (B_1) въ помѣщеніе таможни, причемъ къ этому дому по линіи частнаго гостинаго двора былъ пристроенъ пакгаузъ (B_3) и этому пакгаузу зодчій почему-то придалъ, какъ ясно видно на планѣ (см. въ концѣ книги планъ № 5), видъ полукруга или, вѣрнѣе, дуги круга. Чѣмъ руководствовался художникъ, давая такую форму постройкѣ, мы не знаемъ: была ли тутъ случайность, или эта форма была выбрана сознательно для какого-либо опредѣленнаго проекта, но этотъ пакгаузъ сыгралъ большую роль въ дѣлѣ устройства этой площади. Свою биржу, какъ видно опять-таки изъ плана, Гваренги расположилъ не на оси стрѣлки, а подъ сильнымъ къ ней угломъ.

26 февраля 1804 года императоръ Александръ I

повелѣваетъ новому архитектору Тома де Томону построить биржу. 23 іюня 1805 года произошло торжество закладки биржи, она строилась 5 лѣтъ, была готова въ 1810 году и стоила 2.331.271 руб. 55¹/₂ коп.—смѣта, какъ видимъ, очень точная до ¹/₂ копѣйки. Но войны съ Наполеономъ помѣшали ее освятить и торжество открытія произошло только 15 іюля 1816 года.

Тома де Томонъ поставилъ зданіе биржи по діагонали Стрѣлки. Это обстоятельство, въ связи съ вышеуказаннымъ дуговымъ пакгаузомъ Гваренги, дало архитектору Росси и его помощнику Лукини возможность составить планъ идеальнѣйшей площади. Рѣшено было площадь устроить полукругомъ, амфитріономъ, такъ сказать. Для этого снесли всѣ еще оставшіеся около вновь построенной биржи дома и съ лѣвой стороны биржи вновь построили зданіе пакгауза, а съ правой—бывшій дворецъ царицы Прасковьи Теодоровны превратили въ такой же симметричный пакгаузъ. Далѣе, по набережной большой Невы, возвышалось зданіе кунсткамеры—симметрично ему на правой сторонѣ, на мѣстѣ бывшихъ палатъ ближайшаго боярина Нарышкина—воздвигли новое зданіе также съ башнею и съ дивною лѣстницею со львами на малой Невѣ. Внутри полукруглой площади разбили скверъ, такъ называемый биржевой скверъ. Въ настоящее время этотъ скверъ исчезъ, на мѣстѣ его возвышается постройка (по проекту архитектора Л. Бенуа) родовспомогательнаго заведенія. Не говоря уже о той нелѣпости въ санитарномъ и гигиеническомъ отношеніи, нелѣпости, которая выражается въ устройствѣ на центральномъ, застроенномъ мѣстѣ больницы, мы не можемъ не подчеркнуть, что этимъ устройствомъ уничтожалась и самая идея площади, носившей когда-то названіе площади 12 коллегій, а затѣмъ замѣненной назва-

ніемъ — „Университетская“. Постройки родовспомогательнаго заведенія заслонили сосѣднія зданія, и для современнаго жителя Петербурга мало понятна своеобразная архитектурная прелесть, которая была ясно видна въ былое время, если встать посреди исчезнувшаго биржевого сквера. Да и самъ этотъ скверикъ былъ прелестенъ своею своеобразною, едва-ли гдѣ нибудь еще встрѣчаемою особенностью. Здѣсь каждою весною выставлялись привезенные первыми судами животныя, обезьяны, кролики, бѣлыя мыши, птицы — канарейки, попугаи, ученые снигири, высвистывавшіе менуэты и т. п. Публика Петербурга считала своею непремѣнною обязанностью посѣтить биржевой садъ, приэтомъ для дѣтей покупалась какая-нибудь иноземная диковинка, въ видѣ золотой рыбки, канарейки и т. п.

Биржевой скверъ заставляетъ насъ сдѣлать еще одно уклоненіе и дать небольшую справку о звѣринцахъ стараго Петербурга. Эта справка, безусловно, необходима для возстановленія быта прошлой столицы. Первый по времени звѣринецъ или „звѣровый“ дворъ былъ учрежденъ Петромъ Великимъ въ 1711 году; помѣщался онъ недалеко отъ Почтоваго двора, приблизительно на нынѣшней Милліонной улицѣ, противъ Павловскихъ казармъ. Но еще задолго до постройки этого звѣринца великій преобразователь Россіи выписывалъ къ себѣ въ свой парадизъ различныхъ птицъ и звѣрей: первыми гостями были лебеди, которыхъ доставили изъ Олонца въ 1706 году; въ слѣдующемъ году, съ особою тщательностью, привезли изъ Нижняго Новгорода „государевыхъ птицъ — бабъ“, а 18-го марта 1718 года появился именной указъ, данный астраханскому губернатору: „о ловленіи въ Астрахани повсегодно птицъ и объ отправленіи оныхъ въ С.-Петер-

бургъ“. Для этой цѣли въ Астрахань былъ отправленъ особый гвардіи-солдатъ Алексѣй Татариновъ, которому была дана очень подробная инструкція, какъ ловить птицъ, какъ обращаться съ ними послѣ поимки, какой кормъ для нихъ нуженъ и какъ ихъ везти въ баркѣ по Волгѣ. На звѣровомъ дворѣ птицы помѣщались недолго; онѣ были переведены въ Лѣтній садъ, да и самъ звѣровый дворъ оставался на своемъ первоначальномъ мѣстѣ лишь до начала 1718 года: въ это время Петръ Великій началъ копать Красный каналъ, соединявшій Неву и Мойку и проходившій черезъ Царицынъ Лугъ параллельно нынѣшнимъ Павловскимъ казармамъ. На мѣстѣ звѣроваго двора предположено было устроить гавань. Возникъ вопросъ—куда же перенести звѣровый дворъ? Очевидно, Петръ Великій не хотѣлъ его слишкомъ удалять отъ своихъ дворцовъ; мѣста на правой сторонѣ Фонтанки уже были заняты Лѣтнимъ садомъ, а дальше—садомъ Екатерины I; противъ Лѣтняго сада, на другой сторонѣ Фонтанки помѣщался Сытный дворъ—приблизительно тамъ, гдѣ училище правовѣдѣнія; дальше, тамъ, гдѣ теперь Соляной городокъ, была партикулярная верфь, были уже отведены участки графу Шереметьеву и подъ итальянскій дворецъ Екатерины I (нынѣ Екатерининскій Институтъ). Моховая или—какъ тогда звали—Хамовая улица, т. е., улица, предназначенная для житья людей „хамоваго дѣла“, т. е., ткачей полотна для парусовъ, только—что обозначалась, на ней были рѣдкія постройки: и вотъ здѣсь-то и устроилъ Петръ свой звѣровый дворъ. Въ началѣ 1718 года сюда былъ командированъ каменщикъ и построены двѣ избы для львовъ, впослѣдствіи тутъ же устраивались помѣщенія для слоновъ. Начало звѣринцамъ, положенное Петромъ Великимъ, не развивалось при его преемникахъ,

и только Анна Іоанновна дѣятельно принялась за продолженіе и этой забавы своего дяди. Въ примѣчаніяхъ къ запискамъ Манштейна мы встрѣчаемся со слѣдующей любопытной характеристикой императрицы Анны Іоанновны — „получила Анна Іоанновна охоту къ стрѣлянню изъ ружей и тоlikое искусство пріобрѣла въ ономъ, что не токмо мѣтко попадала въ цѣль, но наравнѣ съ лучшими стрѣлками убивала птицъ на лету. Сею забавою, вовсе неприличною женскому полу долѣе и почти до кончины своей занималась. Во дворцѣ, находившемся на берегу Невы, всегда въ комнатахъ ея стояли заряженныя ружья, изъ коихъ стрѣляла она изъ окна въ мимо летающихъ птицъ“. Весьма понятно, что при такой страсти забота о звѣринцахъ въ царствованіе этой государыни была очень велика. Объ этой заботѣ остались очень любопытные слѣды въ полномъ собраніи законовъ. 13 мая 1739 года. Государыня аширобовала, т. е., утвердила докладъ своего оберъ-егермейстера Волинскаго: „о ловлѣ въ Россіи и Персіи звѣрей и птицъ и о присылкѣ въ звѣринцы“. На основаніи этого доклада Волинскаго сенатъ спѣшно составилъ особый указъ: „объ употребленіи изъ неположенныхъ въ штатъ доходовъ или изъ неокладныхъ сборовъ денегъ на покупку, содержаніе и отправленіе въ царскіе звѣринцы звѣрей и птицъ и о присылкѣ въ сенатъ два раза въ годъ о таковыхъ звѣряхъ рапортовъ“. Звѣри пересылались на почтовыхъ и едва-ли о проѣзжающихъ людяхъ по почтовымъ трактамъ заботились въ то время такъ, какъ о звѣряхъ. Мы знаемъ, что во времена Анны Іоанновны недостатокъ въ деньгахъ былъ громаднѣйшій: жалованіе не выдавалось по цѣлымъ годамъ, вмѣсто денегъ платили и сибирскими товарами, и книгами, издаваемыми Академіей Наукъ, но для расплаты за звѣрей

деньги находились и выдавались тотчасъ; мало всего этого, „губернаторы“ должны были „неотложно“ два раза въ годъ, къ 1 іюля и къ 1 января, посылать въ сенатъ рапорты о состояніи здоровья звѣрей и реестры отосланнымъ звѣрямъ; наконецъ, посылались отдѣльные, именные указы различнымъ губернаторамъ о поимкѣ и присылкѣ разныхъ звѣрей. Кромѣ этихъ поощрительныхъ мѣръ, широко примѣнялись и запретительныя. Такъ, 18 сентября 1732 года была воспрещена охота на нынѣшнемъ Аптекарскомъ островѣ, 20 сентября того же года появилось новое запрещеніе ловить и стрѣлять лосей и оленей въ окрестностяхъ С.-Петербурга на разстояніи 30 верстъ, въ 1737 году 3 января повелѣно было заботиться „о размноженіи около Екатерингофа сѣрыхъ куропатокъ, о присылкѣ оныхъ ежегодно въ С.-Петербургъ и о запрещеніи ловить и стрѣлять ихъ на разстояніи отъ С.-Петербурга на 200 верстъ“. Въ томъ же году вышло запрещеніе частнымъ лицамъ продавать пѣвчихъ птицъ и, наконецъ, 17 апрѣля 1738 года воспрещено было ловить соловьевъ около С.-Петербурга и во всей Ингерманландіи. Весьма понятно, что всѣ эти распоряженія, клонящіяся къ увеличенію числа звѣрей въ царскихъ звѣринцахъ, вызвали заботы и о расширеніи самихъ звѣринцевъ. Въ 1736 году на мѣстѣ нынѣшняго цирка Чинизелли былъ устроенъ слоновый дворъ, немного ранѣе въ 1732 году нашли, что помѣщать птицъ вмѣстѣ съ звѣрями на звѣровомъ дворѣ неудобно, и рѣшили устроить для птицъ особый птичій дворъ: для него отвели мѣсто между нынѣшними Знаменской улицей и Лиговкой—съ одной стороны и улицею Жуковского и Гусевымъ переулкомъ—съ другой. Императрица Елизавета Петровна не чувствовала такой страсти къ звѣрямъ, и въ ея царствованіе забота о

звѣринцахъ уменьшилась. Прежде всего императрица Елизавета Петровна нашла неудобнымъ положеніе Слоноваго двора. На мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго Замка, вмѣсто скромнаго дворца Екатерины I, Растрелли сооружалъ великолѣпный деревянный Лѣтній дворецъ: для него нуженъ обширный садъ—затѣивали разбить знаменитый Лабиринтъ—весьма понятно, что Слоновый дворъ оказался не у мѣста. Его рѣшили перевести. Архитекторъ Земцовъ сталъ подыскивать удобное мѣсто. Оказалось, что недалеко отъ птичьяго двора лежалъ незастроенный участокъ графа Шереметьева, приблизительно тамъ, гдѣ теперь на Знаменской площади возвышается Сѣверная гостиница. На этомъ участкѣ и устроили въ 1744 году Слоновый дворъ, который просуществовалъ здѣсь до 1778 года. Память о немъ сохранилась гораздо дольше, до нашихъ дней, не забудемъ, что Суворовскій проспектъ еще очень недавно звался Слоновымъ. Императрица Екатерина II нашла неудобнымъ устройство звѣринцевъ въ самомъ Петербургѣ; для этой цѣли стали использовать загородные дворцы, причемъ возникли Петергофскій и Ораніенбаумскій звѣринцы.

Теперь переходимъ къ послѣднему зданію на стрѣлкѣ Васильевскаго Острова—къ нынѣшнему университету.

Въ университетѣ, какъ можетъ быть небезызвѣстно, имѣется и залъ Петра Великаго, залъ, свидѣтельствующій, будто бы, что университетское зданіе выстроено въ Петровское время. Мало этого—преданіе повѣствуетъ, что изъ этого зала Петръ Великій смотрѣлъ на казнь сибирскаго губернатора, князя Гагарина, уличеннаго во взяточничествѣ и воровствѣ.

Но преданіе, какъ и большинство преданій, не вѣрно. Петръ Великій не могъ смотрѣть на эту казнь изъ залы университета по двумъ причинамъ: прежде всего

потому, что этотъ залъ былъ построенъ гораздо позже Петра, а затѣмъ и потому, что казнь Гагарина происходила на площади Сытнаго рынка на Петербургской Сторонѣ и, слѣдовательно, изъ университетской залы, или залы 12-ти коллегій, какъ она звалась въ то время, нельзя было видѣть этой казни.

Зданія 12-ти коллегій при Петрѣ Великомъ не существовало, былъ только планъ, сочиненный архитекторомъ Трезини по повелѣнiю Петра Великаго; повелѣнiе это датировано 10 мая 1723 года. Каждое правительственное учрежденiе, каждая коллегiя должна была помѣщаться хотя въ особомъ зданiи подъ особой крышею, но это зданiе должно было непосредственно примыкать къ сосѣдней коллегiи, и получалось, такимъ образомъ, особое „коллективное“ (если такъ можно выразиться) зданiе 12 коллегiй. — Каждое вѣдомство должно было строить свою коллегiю самостоятельно. Поэтому-то постройка этихъ коллегiй начиналась разновременно. Первой началась Адмиралтейская коллегiя, проектъ для нея былъ утвержденъ 14 января 1724 года, а 13 марта того же года „каторжные невольники“ морского вѣдомства начали рубить лѣсъ на участкѣ, который былъ отведенъ для этой коллегiи. И въ царствованiе императора Петра Великаго былъ только заложенъ ея фундаментъ. Къ этому времени относятся предварительныя работы по застройкѣ и военной коллегiи. Остальныя коллегiи начали строиться гораздо позже. А когда коллегiи были подведены подъ крышу, что случилось только въ 1727 году, -- то оказалось, что желѣза для крыши въ Петербургѣ нѣтъ и невозможно достать. И покрыли коллегiи просто-на-просто гонтомъ. И такъ подъ гонтовою крышею коллегiи простояли вплоть до конца 30-хъ годовъ XVIII столѣтiя, когда, по указамъ Анны Ioанновны, стали усиленно заканчивать эту по-

стройку, перекрыли ее желѣзомъ, убрали такъ-называемую Петровскую залу и пристроили въ 1738—1739 г. галерею по дворовой сторонѣ коллегіи. Фасадъ же самого зданія получилъ сильное измѣненіе или—какъ тогда называли—улучшеніе въ царствованіе Екатерины II. Кромѣ того, и въ позднѣйшее время коллегіи поправлялись не разъ многочисленными безграмотными архитекторами, и отъ постройки, если не петровскихъ временъ, то, во всякомъ случаѣ, аннинскихъ оставалась только одна идея—двѣнадцать зданій, стоящихъ рядомъ, но не соединенныхъ общей крышей.

Попытки измѣнить и эту идею, перекрыть зданіе общею крышею, дѣлались неоднократно, но, къ счастью, безъ результата—„соизволенія“ на такой вандализмъ не давалось.

Сперва въ этомъ зданіи помѣщались высшія государственныя учрежденія: коллегіи, сенатъ, синодъ. Но изолированность этихъ учреждений, на время ледохода и ледостава, когда вслѣдствіе неимѣнія постоянного моста, „коммуникація“—такъ называли сообщеніе Васильевскаго Острова съ остальнымъ городомъ—прекращалась, заставляла переводить въ городъ, сперва временно, на эти дни и недѣли, нѣкоторыя особенно важныя учрежденія, какъ, напримѣръ, сенатъ, а впослѣдствіи перемѣщеніе это сдѣлалось и постояннымъ, и зданіе 12-ти коллегій стало пустовать. Тогда въ началѣ XIX столѣтія здѣсь помѣстили сперва педагогическій институтъ, а затѣмъ, съ 1839 года, и университетъ, который помѣщается и понынѣ.

Петербургскій университетъ имѣетъ всего-на-всего столѣтнюю исторію; онъ не далъ намъ ни Грановскаго, ни Кудрявцева, ни цѣлой плеяды Московскихъ ученыхъ, наоборотъ, Петербургскій университетъ пережилъ исторію Раича и Магницкаго, когда большинство

профессоровъ было объявлено вольнодумцами, когда было назначено слѣдствіе и судъ надъ профессорами: происходило это въ царствованіе Александра Благословеннаго; въ дни Николая I университетъ находился подъ властью попечителя Мусина-Пушкина, фронтового, глупаго, грубаго генерала, который, не имѣя никакого представленія о наукѣ, командовалъ въ университетѣ такъ, какъ у себя на плацъ-парадѣ; наконецъ, въ эпоху великихъ реформъ, въ 60-е годы, въ петербургскій университетъ, въ первый изъ русскихъ университетовъ, были введены для усмиренія безпорядковъ войска. Учрежденное близъ Цѣпнаго моста, тяжелой памяти, III отдѣленіе и смѣнившій его департаментъ полиціи, имѣли тщательный надзоръ за Петербургскимъ университетомъ, за его профессорами и студентами.

„31 мая, на лѣто, когда уже вся молодежь разѣхалась“, — пишетъ историкъ русскаго студенчества С. Сватиковъ — „опубликованы были въ 1861 году правила, уничтожавшія всю новую, создавшуюся въ эпоху великихъ реформъ въ университетѣ жизнь. Студенты возвращались въ первобытное состояніе „отдѣльных“ посѣтителей университета; воспрещались собранія, организаціи; повышалась плата за ученіе; назначались болѣе строгія условія для пріема; почти уничтожались стипендіи. Демократіи въ университетѣ и академической свободѣ наносился рѣзкій ударъ. Понятно, что, съѣхавшись осенью, молодежь пожелала обсудить создавшееся положеніе и не менѣе понятно, что именно это-то и оказалось уже „преступнымъ“. Сходки все-таки произошли; въ Петербургѣ состоялась чуть-ли не первая уличная демонстрація—студенты прошли черезъ весь Петербургъ, съ Васильевского Острова на Колокольную улицу, гдѣ жилъ попечитель; отвѣта на свой запросъ студенты, конечно, не получили отъ власти, а когда на

другой день снова собрались передъ запертымъ уже университетомъ, то были окружены полиціей и войсками, избиты прикладами и препровождены въ Петропавловскую крѣпость. На другой день кто-то прикрѣпилъ къ ея воротамъ злую надпись: „Императорскій Петербургскій Университетъ“.

Безпорядки студентовъ 1861 года послужили началомъ длинной цѣпи студенческихъ безпорядковъ, въ которыя выливался протестъ мыслящей молодежи противъ безшабашнаго удержа реакціи. И Петербургскій университетъ въ этомъ движеніи игралъ роль первой скрипки, почти всегда подавая сигналъ къ выступленію.

Безконечны были жертвы, понесенныя русскимъ студенчествомъ въ теченіе болѣе чѣмъ полустолѣтія, начиная съ 1855 года. Эти жертвы, это трагическое положеніе слѣдующимъ мѣткимъ образомъ характеризовалъ Н. К. Михайловскій:

„Когда я думаю о студенчествѣ“,—говорилъ родоначальникъ русскаго народничества,—мнѣ представляется такая картина: на молокъ отстаиваются сливки самыя лучшія, самыя ароматныя.. И регулярно приходитъ злая кошка, слизываетъ ихъ и ждетъ... и снова ихъ уничтожаетъ...“

Вспоминая по поводу бывшаго зданія 12 коллегій о петербургскомъ студенчествѣ, мы обязаны вспомнить и о „русской студенткѣ“, тѣмъ болѣе, что женскій петербургскій университетъ, носившій названіе женскихъ бестужевскихъ курсовъ, зародившійся въ 1878 году въ помѣщеніи Александровской женской гимназіи, не надолго занимавшій домъ г-жи Боткиной на Сергіевской улицѣ, обосновался на томъ же Васильевскомъ Островѣ, въ 10 линіи, гдѣ и былъ воздвигнутъ обширный домъ, приспособленный къ потребностямъ высшаго учебнаго

заведенія. Планъ постройки былъ выработанъ при дѣятельномъ и безвозмездномъ участіи цѣлой группы выдающихся специалистовъ по строительной части, сооруженіе же самаго зданія принадлежало академику архитектуры А. Ф. Красовскому.

Сейчасъ же за зданіемъ 12 коллегій отъ большой Невы до Малой Невы, съ одной стороны, и отъ стѣны коллегіи до Кадетской линіи, съ другой стороны, тянулся участокъ Меншикова, перваго петербургскаго губернатора. Участокъ этотъ былъ пожалованъ ему вмѣстѣ со всѣмъ Васильевскимъ Островомъ еще въ 1707 году, впослѣдствіи Петръ Великій взялъ Васильевскій Островъ для нуждъ города, участокъ же остался во владѣніи герцога Ингерманландскаго. Въ томъ же 1707 году Меншиковъ приступилъ къ постройкѣ своего дома, постройка велась быстро, такъ что 31 октября 1710 года, въ походной церкви въ одной изъ залъ дома Меншикова, произошло бракосочетаніе племянницы Петра, Анны Іоанновны, съ герцогомъ Курляндскимъ. Свадьбу отпраздновали въ томъ же домѣ, такъ какъ это былъ наилучшій и самый большой домъ въ Петербургѣ. Во время ужина передъ новобрачными былъ поставленъ большой свадебный пирогъ, и когда его взрѣзали, то изъ него выскочили карликъ и карлица и протанцовали передъ гостями, тутъ же, на столѣ, менуэтъ. 23 ноября 1714 года, на берегу Невы, была освящена особая вновь выстроенная въ честь Воскресенія Христова деревянная церковь, которая была приписана къ дому Меншикова, и въ томъ же году, съ пѣшечной пальбой и молебствіемъ, въ присутствіи царевны и кронъ-принцессы праздновалась въ домѣ Меншикова побѣда при Гангутѣ; наконецъ, тогда же, были выписаны изъ Голландіи „черепички съ синими фигурами“—тѣ изразцы, которыми были обложены печи, до нашего времени сохра-

нившіяся въ залѣ 1 кадетскаго корпуса. У дома былъ громаднѣйшій садъ со многими тѣнистыми аллеями; садъ доходилъ до набережной Невки.

7 сентября 1727 года князь Меншиковъ былъ арестованъ и изъ всемогущаго тестя императора Петра II превратился въ узника, въ арестанта, а вскорѣ былъ сосланъ въ далекую Сибирь, въ Березовъ. Домъ былъ конфискованъ, и 5 октября того же года въ этотъ домъ помѣстили Коммерцъ-Коллегію, а 1 февраля 1732 года въ этотъ же самый домъ открылся Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ или—какъ его тогда любили называть—„Рыцарская академія“. Сухопутный шляхетный кадетскій корпусъ первые годы своего существованія не признавался учрежденіемъ узко спеціальнымъ—мѣстомъ военнаго обученія—нѣтъ, онъ былъ общественнымъ учрежденіемъ и потому долженъ былъ стремиться оказывать пользу обществу не только обученіемъ благороднаго шляхетства, но и всѣми зависящими средствами. При корпусѣ 11 апрѣля 1757 года открывается типографія; организуя типографію, корпусъ тѣмъ самымъ способствовалъ размноженію книгопечатанія, увеличивалъ количество полезныхъ книгъ, столь необходимыхъ для общества того времени. Далѣе, съ именемъ этого корпуса неразрывными нитями связанъ „Россійскій театр“, онъ зародился въ этихъ стѣнахъ; наконецъ, въ этомъ корпусѣ воспитывался рядъ какъ военныхъ, такъ и штатскихъ дѣятелей,—Румянцевъ былъ въ числѣ воспитанниковъ корпуса,—и стоящая напротивъ корпуса, въ Румянцевскомъ скверѣ, Румянцевская колонна ясно объ этомъ свидѣлствуетъ. Въ одной изъ залъ этого же корпуса происходили подъ предсѣдательствомъ графа Ростовцева засѣданія комиссіи по дѣлу освобожденія крестьянъ. При самомъ бѣгломъ взглядѣ на нынѣшній первый кадетскій корпусъ, по-

лучившій такое названіе лишь съ царствованія Павла, сколько воспоминаній нахлынуло. Побѣды Румянцева надъ турками. Побѣда при Кагулѣ, Рымникѣ. Эпоха великихъ реформъ, незабвенные 60-ые годы!

Васильевскій Островъ, по проекту Петра Великаго, долженъ былъ быть застроенъ по новому манеру, въ немъ не должно было быть ничего такого, что могло бы напоминать старую Москву. Здѣсь должна была появиться Русская Венеція или Русскій Амстердамъ. Какъ видѣли—ничего подобнаго не создалось, а старый московскій обычай селиться слободками получилъ право гражданственности и здѣсь. Еще въ 1722 году отводилось мѣсто подъ домъ знаменитаго художника того времени Каравака „на Васильевскомъ острову во Французской слободкѣ“, въ 1759 году находимъ указаніе на Нѣмецкую слободку, здѣсь были и „академическая“, и „разночинская“, и „каменная“, и „широкая“, а „чухонская слободка“ просуществовала благополучно до 40-хъ—50-хъ годовъ прошлаго столѣтія. „Чухонская“ слободка была расположена около нѣмецкаго кладбища.

Послѣ того, какъ центръ Петербургской жизни не образовался на Васильевскомъ островѣ, а былъ перенесенъ на Адмиралтейскій островъ, Васильевскій островъ сталъ принимать особый специфическій характеръ. Главнымъ контингентомъ жителей этого острова сталъ пріѣзжій нѣмецъ. Нѣмецъ пріѣзжалъ съ открытіемъ навигаціи, имѣлъ рекомендацію къ ранѣе пріѣхавшему, который, весьма понятно и естественно, селился тутъ же неподалеку на одной изъ линій Васильевского острова.

Васильевскій островъ въ концѣ 30-хъ и въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія имѣлъ характеръ провинціального нѣмецкаго городка. Звучно раздавалась нѣмецкая рѣчь. На стѣнѣ одного изъ домовъ 6 линіи

красовалась даже вывѣска, что живущій здѣсь поэтъ изготавляетъ по заказу разныя стихотворенія на всевозможные житейскіе случаи, начиная отъ дня рожденія или погребенія вплоть до празднованія золотой свадьбы, и этотъ молодой поэтъ не могъ жаловаться на недостатокъ заказовъ.

На набережной Невы, правда, высились трехъ- и четырехъ-этажные дома еще въ XVIII вѣкѣ, здѣсь же, по проектамъ архитекторовъ де ла Мота и Кокоринова, съ начала царствованія Екатерины II стало воздвигаться зданіе Академіи Художествъ; находившійся здѣсь же домъ Миниха превратился въ помѣщеніе Морского корпуса, а Воронихинъ построилъ Горный кадетскій корпусъ, ставшій въ наши дни высшимъ горно-учебнымъ заведеніемъ. Но это была показная, лицевая сторона. Въ глубинѣ острова было нѣчто иное. Не говоря уже о Большомъ проспектѣ Васильевского острова, который представлялъ изъ себя большую аллею, мы видимъ, что большинство домовъ Васильевского острова имѣли при себѣ фруктовые сады, оранжереи и парники. Уже въ 1739 году мы встрѣчаемся съ указаніемъ на имѣющійся „на Васильевскомъ островѣ на Малой Перспективѣ (нынѣшній Средній проспектъ) въ 4 линіи садъ съ деревьями и прудъ съ обрубомъ при домѣ Ивана Кошелева“, но сначала эти сады были не велики и напоминали садъ вдовы Марѣи Струниной, у которой въ саду—судя по сохранившемуся описанію—было 9 яблонь, 2 рябины, крижеберона (т. е. крыжовника) кустъ, смородины 4 куста, малины—гряда“. Въ это время значительными садами на Васильевскомъ островѣ обладали лишь подворья различныхъ монастырей,—такъ, на 24 линіи Васильевского Острова было Троицкое подворье, обладавшее садомъ, огородомъ, парниками и оранжереей. Этотъ садъ сдавался въ аренду на 4 года.

Но развиваться садоводство на Васильевскомъ островѣ начало въ концѣ 60-хъ годовъ XVIII вѣка и особенно усилилось къ 90 годамъ, причемъ большинство садовъ или принадлежало иностранцамъ-садовникамъ, или держалось ими въ арендѣ.

А сады послѣднихъ линій незамѣтно сливались съ большимъ, кое-гдѣ заросшимъ кустарникомъ, Смоленскимъ полемъ, получившимъ свое названіе потому, что на немъ было отведено Смоленское кладбище, одно изъ раннихъ петербургскихъ кладбищъ. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, 28 іюля, въ день Смоленской Божіей Матери, „все кладбище пестрѣло цвѣтными платьями, всѣ улицы передъ нимъ часамъ къ 4-мъ превращались въ сплошную человѣческую лавину, которая текла въ кладбищенскія ворота, съ тѣмъ, чтобы часовъ съ 8 начать обратное теченіе. Въ толпѣ сновали мороженщики, продавцы ягодъ, сбитня, булочники, квасники, страннички, городовые. Монахи и монахини, подъ часъ изъ мноическихъ монастырей и съ подложенными книжками, попрошайки всѣхъ сортовъ, убогіе—выстраивались, какъ на парадъ. Среди толпы по кладбищу сновали священники въ поношенныхъ парчевыхъ ризахъ, и панихидные тропари сплетались съ живымъ говоромъ толпы, напоминавшей улей. Послѣ панихиды, усаживались на могилахъ и, вспоминая „покойничковъ“, угощались вплоть до потери сознанія. Приказано было полиціи бороться съ этимъ пьянствомъ, устраивать при входѣ обыски и отбирать бутылки съ живительною влагою. Одно время было предписано временно отбираемое вино обратно отдавать по распискамъ уходящей публикѣ. Нѣсколько мастеровыхъ сыграли надъ полиціей такую шутку. Наполнивъ дома бутылъ простою водою и запечатавъ ее сургучемъ, они сдавали ее околodочному. Вечеромъ мастеравые съ распискою

идутъ получать обратно бутылки. Неожиданно одинъ заявляетъ, что упаковка посуды внушаетъ сомнѣніе и требуетъ раскупорки. Раскупорили, убѣдились, что въ бутылки не водка, а вода. Скандалъ для полиціи разыгрался большой“.

Мало-по-малу и послѣднія линіи Васильевскаго Острова и само Смоленское поле стали застраиваться. На Кожевенной линіи возникъ Балтійскій судостроительный заводъ и рядъ болѣе мелкихъ заводско-фабричныхъ предпріятій, а на Смоленскомъ полѣ появились барачная биржевая больница, Покровская община сестеръ милосердія, и, наконецъ, первый по времени возникновенія въ Петербургѣ „народный театр“. Театръ былъ открытъ 8 февраля 1887 года, причемъ открытіе театра мотивировалось вовсе не тѣмъ, что народу нужно зрѣлище, а желаніемъ предохранить народъ, въ данномъ случаѣ фабричное населеніе Васильевскаго Острова, отъ вреднаго вліянія кабака, отъ злоупотребленія спиртными напитками.

Въ скоромъ времени постройки черезъ Смоленское поле подошли къ своеобразному уголку не только Васильевскаго Острова, но всего Петербурга: этотъ уголокъ называется Галерною гаванью, или просто Гаванью. „Это послѣдній кварталъ Васильевскаго острова, отрѣзанный отъ него Смоленскимъ полемъ, состоитъ изъ слободки на правомъ берегу взморья, съ дюжиною улицъ, пересѣченныхъ переулками и закоулками и съ тремястами домовъ, домишекъ и лачугъ, деревянныхъ, одноэтажныхъ и очень-таки пожилыхъ. И. Генслеръ, поэтъ и бытописатель Гавани 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія, такъ описываетъ слободку: „Къ домамъ примыкаютъ длинные заборы, за которыми видны сады и огороды. Вы можете замѣтить ее (т. е. гавань), когда поѣдете на пароходѣ изъ столицы къ Кронштадту или

прокатитесь на яликѣ по Большой Невѣ, на взморье, чтобы закинуть на козлахъ тоню и вытащить съ пятокъ жирныхъ лососковъ. Миновавъ Лютчеву ситцевую фабрику, взгляните направо, туда, гдѣ поднимается шпиль и черняются вѣстовыя чугунныя пушки на кроншпицѣ и вамъ представится на берегу: маленькая петровскихъ временъ деревянная церковь съ коричневымъ куполомъ и деревянною рѣшетчатою оградой, внутри которой стоитъ десятка съ три березъ. Въ сторонѣ, правѣе церкви, увидите пошатнувшіеся заборы, купы деревьевъ, гряды, сѣрыя зданія съ надстройками, пристройками, чуланами, сараями и хлѣвами. Это и есть гавань, захоlustье въ полномъ смыслѣ слова. Отъ середины города до нея будетъ верстъ восемь, никакъ не меньше“.

„Подъ окнами cadaго домика — надписи большими красными буквами: Сей домъ можетъ простоять до 1840 года, потомъ эта надпись замазана, а ниже ея другая: Сей домъ можетъ простоять до 1850 года, тогда какъ онъ благополучно стоитъ еще въ 1865 году (годъ написанія Генслеромъ его очерковъ Гавани). Происходило это отъ того, что Гавань почти каждую осень заливаешь вода, гонимая вспять моряной, и при низменномъ положеніи этого квартала, выступающая тотчасъ изъ береговъ, когда на возвышеніе ея въ Невѣ, въ центрѣ столицы не обращаютъ еще никакого вниманія. Между тѣмъ, какъ въ другихъ частяхъ города спокойно выслушиваютъ третій пушечный выстрѣлъ съ Адмиралтейства, возвѣщающій о значительномъ возвышеніи воды въ Невскихъ берегахъ,—въ гавани при третьемъ выстрѣлѣ съ Кроншпица все приходитъ въ движеніе, все засуетилось. И не даромъ: очень часто вслѣдъ за тѣмъ гавань превращается въ Венецію: по улицамъ развѣзжаютъ гаванскія гондолы, челновки

и барочныя лодки. Сосѣдъ къ сосѣду повидаться ѣдетъ въ челнокѣ, чиновникъ, ушедшій изъ гавани въ должность пѣшкомъ, возвращается домой на челнокѣ. Случается, что наводненіе бываетъ значительное, такъ что вода, забравшись въ дома, заставляетъ жителей перебираться на чердаки. Разумѣется, это можетъ грозить и несчастіемъ... Для предупрежденія этого хотѣли было переселить гаванскихъ домовладѣльцевъ и предлагали имъ мѣста въ безопасной отъ наводненій части города, но обитатели знаменитой слободы мужественно отстояли свои милыя пепелища. Честь и слава достойнымъ петровскимъ потомкамъ, засѣвшимъ въ гаванскихъ болотахъ!“.

Но если топографически Смоленское поле и исчезнетъ, то все же должна остаться недобрая память о немъ. Должна остаться, говоримъ мы, потому, что на на вѣки остались хотя бы слѣдующія строки:

„Эшафотъ состоялъ изъ деревянной площадки, обнесенной перилами и возвышавшейся отъ земли не болѣе одного аршина. На эшафотѣ стоялъ столбъ съ блокомъ. Въ блокъ была продѣта тонкая веревка съ петлей на лицевой сторонѣ. Другой конецъ веревки спущенъ черезъ блокъ по ту сторону столба. Тутъ же стоялъ и палачъ, рыжій мужикъ въ красной рубахѣ и плисовыхъ штанахъ безъ шапки.. Висѣло оно (тѣло Каракозова) до вечера и часовой стоялъ у висѣлицы; ночью трупъ сняли и увезли на Голодай!“.

Здѣсь, на Смоленскомъ полѣ, погибъ первый русскій террористъ, выстрѣлившій 4 апрѣля 1866 года въ императора Александра II...

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Закладка Адмиралтейства, какъ верфи.—Какъ веселились въ Петровское время.—Превращеніе Адмиралтейства въ крѣпость.—Перестройка Адмиралтейства Коробовымъ, Герардомъ и Захаровымъ.—Адмиралтейскій бульваръ. Александровскій садъ и Адмиралтейская набережная.—Объясненіе направленія Невскаго проспекта.—Старая Новгородская дорога.—Полицейскій мостъ.—Образованіе набережной Мойки.—Морской рынокъ.—Первый Гостиный или Мытный дворъ.—Его пожары 1736 года.—Деревянный Зимній дворецъ Елизаветы Петровны.—Перекрестокъ Невскаго проспекта и Большой Морской улицы.—Справка о Большой Морской улицѣ.—Домъ Панина.—Домъ оберъ-полицмейстера, нынѣ телефонный.—Мѣстоположеніе перваго частнаго нѣмецкаго театра.—Отдѣленіе почтовыхъ каретъ.—Домъ Ломоносова.—Ново-Исаакіевская.—Почтамтская улица.—Маринская площадь.—Домъ министерства земледѣлія и государственныхъ имуществъ.—Торжество открытія памятника Императору Николаю I.—Начало Морской—бывшая Малая Милліонная улица или Большая Луговая.—Зданіе Главнаго Штаба.

„Заложили Адмиралтейство и были въ Остеріи и веселились“.

Такую замѣтку подъ 5 ноября 1704 года находимъ мы въ поденной запискѣ, веденной при дворѣ Петра Великаго и замѣненной впослѣдствіи камеръ-фурьерскимъ журналомъ. Но какъ веселились? Отвѣта на этотъ вопросъ для даннаго случая мы не имѣемъ, но сохранился рядъ описаній, какъ вообще веселились при Петрѣ Великомъ.

„Въ продолженіе обѣда, хотя пили только изъ рюмокъ, однако-жъ гости подъ конецъ всѣ до того опьянѣли,

что большею частіею и не понимали, какъ убрались съ корабля. И не мудрено: они сидѣли за столомъ съ 4 часовъ пополудни до 2 часовъ утра и все это время безпрерывно пили, такъ что, наконецъ, даже самъ императоръ едва могъ стоять на ногахъ. Онъ впрочемъ объявилъ напередъ, что въ этотъ день намѣренъ хорошенько напиться. Его королевское высочество (герцогъ Голштинскій, отецъ Петра III) долженъ былъ отвѣчать на всѣ тосты крѣпкимъ венгерскимъ виномъ, кромѣ того часто получалъ штрафные стаканы отъ императора, которому непремѣнно хотѣлось напоить его и довести, какъ онъ говорилъ, до состоянія пьянаго нѣмца. Вслѣдствіе этого его высочество такъ сильно опьянѣлъ, какъ ему никогда и въ жизни не случалось. Мы принуждены были подъ конецъ носить его, потому что онъ не могъ болѣе держаться на ногахъ, причесть у него, какъ и у многихъ другихъ, нѣсколько разъ начиналась рвота“.

Надо полагать, что и при закладкѣ Адмиралтейства веселіе было въ томъ же родѣ—но веселіе оказалось преждевременнымъ. Обстоятельства сложились такъ, что пришлось измѣнить и весь первоначальный планъ постройки Адмиралтейства. Этотъ планъ былъ выполненъ самимъ Петромъ Великимъ, и подъ нимъ была слѣдующая собственноручная надпись:

„Сей верфь дѣлать государственными работниками или подрядомъ, какъ лучше; и строить по сему: жилье дѣлать мазанками безъ кирпича, кузницы обѣ каменные въ $\frac{1}{2}$ кирпича, амбары и сараи дѣлать основу изъ брусья и амбары додѣлать мазанками, а сараи обить досками такъ, какъ мельницы вѣтряныя обиты, доска въ доску и у каждой доски нижній край обдорожить и потомъ писать красною краскою. Отъ рѣки быть пожеланнымъ сваямъ“.

И первоначальное Адмиралтейство, по плану Петра Великаго, должно было представлять изъ себя слѣдующее: оно занимало участокъ земли (тотъ же, что и теперь) длиною 120, шириною 60 сажень. Этотъ участокъ съ трехъ сторонъ (кромѣ той стороны, которая прилежала къ Невѣ) предполагалось окружить одноэтажнымъ ма-занковымъ зданіемъ, передній фасъ котораго имѣлъ бы ширину 23 фута, а боковые 30 футовъ. Передній фасъ предназначался для разныхъ мастерскихъ, въ боковомъ фасѣ противъ нынѣшняго Зимняго дворца предполагалось устроить сарай въ 350 футовъ длины для спуска канатовъ и такелажа и помѣщенія для канатнаго и смоляного мастеровъ; въ другомъ боковомъ фасѣ (противъ нынѣшняго Сената и Синода) проектировались амбары для мастеровъ мачтоваго, блоковаго, паруснаго и другихъ. Наружныя стѣны этихъ строеній не должны были имѣть никакихъ прослоевъ, а всѣ окна и двери выходили внутри Адмиралтейскаго двора, причемъ въ 15-ти футовомъ отъ нихъ разстояніи проектировалось вырыть каналъ, длина котораго по длинному фасу равнялась 45 футамъ, а по двумъ короткимъ по 25 футовъ. Пространство внутри этого канала, длиною въ 100 и шириною въ 49 сажень, составляло собственно верфь, гдѣ и надлежало устроить 13 эллинговъ для сооруженія кораблей, три сарая для постройки болѣе мелкихъ судовъ и двѣ кузницы.

Но этотъ первоначальный планъ такъ и остался въ проектѣ: шведы возобновили свои нападенія на Петербургъ и сдѣлали въ теченіе 1704—1705 года подъ командою генерала Майделя рядъ неудачныхъ попытокъ вернуть Петербургъ. Попытки были неудачны, но онѣ въ достаточной степени напугали Петра и вмѣсто обыкновенной верфи рѣшено было заложить земляную крѣпость. 24 іюня 1705 года Меншиковъ писалъ Яковлеву,

который въ первые дни основанія Адмиралтейства былъ главнымъ наблюдателемъ за работами:

„Нынѣ для прихода непріятеля велѣно сдѣлать около Адмиралтейскаго двора палисадъ и валъ земляной противъ образца, каковъ посланъ по нынѣшней почтѣ“.

Но планъ постройки по неизвѣстнымъ намъ причинамъ былъ полученъ въ Петербургъ только 17 сентября, и черезъ недѣлю Меншиковъ былъ извѣщенъ о закладкѣ Адмиралтейской крѣпости таковымъ письмомъ:

„Сего сентября въ 17 день отъ Вашего превосходительства чертежъ привезенъ, какъ строить крѣпость около двора Адмиралтейскаго, которое дѣло зачато сентября 20-го и для поспѣшенія изъ фашинъ станемъ строить, а дерномъ невозможно поспѣшить за опозданіемъ времени. Противъ чертежа (т. е. согласно чертежу) около вышеупомянутаго двора вымѣрили и по размѣру два бастіона далеко въ рѣкѣ будутъ, гдѣ $3\frac{1}{2}$ сажени глубины, которое нынѣшнимъ позднимъ временемъ и за великими погодами (т. е. за наводненіями, дождями, вѣтрами, пояснимъ отъ себя) строить — дѣло трудно и поспѣшить невозможно, а какъ скоро замерзнетъ рѣка, то зачнемъ немедленно строить, а до того времени, какъ тѣ два бастіона станемъ строить, будутъ сдѣланы два маленькихъ бастіона, какъ на чертежѣ показано“.

Работы велись усиленнымъ темпомъ и 15 ноября 1705 года „при С.-Петербургѣ на Адмиралтейскомъ дворѣ, милостію Божіею все хранимо и кромѣ того двора крѣпость строеніемъ совсѣмъ совершилась и ворота подъемныя и шницъ и по бастіонамъ по всѣмъ пушки поставлены и рогатками обнесены“.

Итакъ, послѣ мѣсяца упорной работы, крѣпость была готова, но оказалось, что, собственно говоря, она не нужна: шведы были прогнаны и повторныхъ напа-

деній, особенно на Адмиралтейскую или Московскую сторону, ожидать было трудно; но Петру Великому, видимо, такъ понравилась эта крѣпость, что онъ все свое царствованіе не переставалъ о ней заботиться: замѣняли временныя наскоро построенныя укрѣпленія прочными, фундаментальными, которые и просуществовали цѣлое столѣтіе—лишь 25 мая 1806 года приступили къ срытью валовъ.

Первое время — до 1710 — 1711 года, — заботы Петра были направлены, главнымъ образомъ, на обезпеченіе Адмиралтейства отъ пожаровъ. 29 октября 1707 года Петръ самъ осмотрѣлъ „въ гавани гдѣ стоятъ корабли по берегу рѣки Невы хоромное строеніе, близъ флота“ и большинство изъ него—„бани солдатскія, избы караульныя, избы солдатскія, въ которыхъ печи или обвалились или вовсе нѣтъ“—было сломано, но одна постройка, несмотря на категорическій приказъ Петра, какъ увидить читатель изъ дальнѣйшаго изложенія, уцѣлѣла. Эти заботы обезпечить Адмиралтейство отъ пожаровъ выразились и въ такомъ указѣ Петра отъ 5 февраля 1709 года:

„Великій государь указалъ симъ объявить, какъ и прежде сего объявлено было, чтобъ около кораблей и прочихъ судовъ, такожь у галеръ въ гавани, при Санкт-петербургѣ, никакого огня не держать, также и табаку не курить, а ежели кто въ ономъ сыщется виновенъ, будетъ бить: по первому приводу наказанъ подъ 10 ударами у мачты, а ежели приведенъ будетъ въ другой разъ, оный будетъ подъ киль корабельный подпущенъ и у мачты будетъ бить 150 ударами, а потомъ вѣчно на каторгу сосланъ“.

Въ этомъ указѣ современнаго читателя не можетъ не поразить жестокость наказанія: кромѣ вѣчной каторги, виновный наказывался 150 ударами, а передъ этимъ

на веревкахъ протаскивался по килю вдоль всего корабля (едва-ли испытавъ такое наказаніе виновный могъ остаться въ живыхъ и могъ быть сосланъ на каторгу), и все это лишь за то, что во второй разъ, во время работы закурилъ цыгарку.

У Богданова, перваго историка Петербурга, встрѣчается указаніе, что въ 1711 году была перестроена средняя часть Адмиралтейства, выстроена „каменная надъ воротами Адмиралтейская коллегія, надъ нею мазанковая башня“ и въ то же время на башнѣ были устроены часы. Не знаемъ, насколько справедливо послѣднее указаніе на часы, но, во всякомъ случаѣ, часы были поставлены до 1721 года, потому что въ этомъ году появилось распоряженіе „о сдѣланіи на адмиралтейскихъ часахъ часового круга больше“. Очевидно, первоначальный кругъ часовъ и стрѣлки были такъ малы, что трудно было различать время, а, вѣдь, Петръ Великій устраивалъ на своихъ „шпицахъ“ или „башняхъ“ часы съ исключительною цѣлью, чтобы приучить своихъ подданныхъ къ этой новой затѣѣ— вмѣсто обычнаго до того времени опредѣленія часовъ по солнцу; да и въ туманномъ, сумрачномъ Петербургѣ наблюдать за солнцемъ было болѣе чѣмъ мудрено.

На 12-ый годъ жизни Адмиралтейства, въ 1716 году, въ немъ было сдѣлано слѣдующее: „щиты съ обоихъ концовъ отъ рѣки Невы запущены къ сваямъ для заплаты въ два ряда, между которыми сыпана земля, мѣрою въ обоихъ концахъ 1100 саж. Подъ каменными больверками подбито свай въ 4 ряда, а именно, по 648 свай подъ больверкомъ, итого подъ оба больверка 1296 свай, на которыя кладено брусья въ длину во всѣ свай, а поперекъ мѣстами, а на брусья помещены мосты, Два каменные больверка, мѣрою по 80 сажень, больверкъ вышиною 8 футовъ, толщиною 5 футовъ, покрыты

лещадью. Отъ тѣхъ больверковъ биты сваи въ одинъ рядъ кругомъ всей фортификаціи, а именно числомъ 920 свай. Отъ воды съ обоихъ концовъ побиты по 110 свай. Отъ каменныхъ же больверковъ выложено дерномъ, отъ верхняго больверка куртина и большая половина наугольнаго больверка вышиною въ 8 фут., а длиною по каналу и съ наугольнымъ больверкомъ 122 саж. Отъ нижняго каменнаго больверка выложена дерномъ куртина и половина наугольнаго больверка, вышиною 8 футъ, длиною съ наугольнымъ больверкомъ 73 сажени. На каменномъ нижнемъ больверкѣ выложено дерномъ во весь больверкъ вышиною 4 фута“.

Какъ видимъ, къ 1716 году постройка каменныхъ стѣнъ около Адмиралтейства была почти закончена. Нельзя не обратить вниманія на то количество свай (2436 штукъ), которыя забивались подъ каменные стѣны Адмиралтейства: болота, трясины, на которыхъ строился Петербургъ, требовали сначала своего укрѣпленія и въ почву вбивалось безконечное количество свай, чтобы на этомъ деревянномъ фундаментѣ возможно было возводить дальнѣйшую постройку.

Строились и другія зданія: „при Адмиралтействѣ строенія построены: магазины каменные, длины на 44¹/₂ саженьяхъ, поперекъ на 6 саженьяхъ съ аршиномъ; въ построенныхъ двухъ большихъ палатахъ на столбахъ своды сведены и одна съ фундамента вверхъ вознесена и верхнія всѣ палаты выложены кирпичемъ“. „По обѣ стороны магазиновъ каменныхъ, магазины мазанки изрѣшетили и поставили, и каждая половина мазанки длины на 120 сажень, поперекъ на 6 саженьяхъ съ полуаршиномъ и стропила на обоихъ половинахъ поставлены и крыть зачинать изготавились“. „У аптеки лабораторія срублена и крыть изготавились“.

Не знаемъ, остался ли Петръ недоволенъ постройкою

или были какія-либо другія причины, но черезъ два года эти постройки передѣлывались желѣзнымъ и канатнымъ мастеромъ Фонарліусомъ за 15.118 рублей. Приведенный фактъ—вторичная постройка или перестройка всего построеннаго—не является чѣмъ-либо исключительнымъ въ строительной дѣятельности Петра. Послѣдній начиналъ строить, обыкновенно, не имѣя опредѣленнаго плана, а если даже и былъ изготовленъ чертежъ, то послѣдній во время постройки такъ измѣняли, что по этому чертежу, если только онъ сохранился, совершенно невозможно составить представленіе о бывшей когда-то постройкѣ. Въ самомъ дѣлѣ—тѣ же палатныя строенія, о которыхъ шла рѣчь выше, подверглись еще перемѣнѣ: „10 апрѣля 1719 года Царское Величество, будучи въ Адмиралтейской крѣпости, указалъ по именному указу своему въ Адмиралтейской крѣпости мастерскія палаты поднять въ вышину на 4 кирпича“. Едва-ли для этого по тому времени составляли новый чертежъ: удовлетворились словеснымъ распоряженіемъ, а чертежъ остался старый, и, конечно, если бы онъ сохранился до нашего времени и на основаніи этого чертежа мы стали бы возстановлять зданіе, допустили бы большую ошибку: въ дѣйствительности высота зданія была на 4 кирпича выше. 20 мая 1719 г. „спицнаго (т. е. шпичнаго) дѣла мастеръ Германъ ванъ-Болесъ обѣщалъ шпичъ достроить всякою столярною и плотничею работою своими мастеровыми людьми, а именно, укрѣпить спицъ, поставить на немъ яблоко, корабль, отдѣлать внутри того спица“ и за всю эту работу просилъ только 350 рублей, причемъ 200 рублей требовалось задаткомъ. Адмиралтействъ-коллегія согласилась на эти условія. Наконецъ, 31 января 1720 г. послѣдовало распоряженіе—„для розыска во всякихъ дѣлахъ застѣнокъ сдѣлать въ Адмиралтейской крѣпости“.

Послѣ того, какъ появился застѣнокъ, можно было считать работы законченными. Къ этому времени относится и слѣдующее описаніе Адмиралтейства, — описаніе датировано 24 іюля 1721 года:

„Адмиралтейство имѣетъ внутри большое, почти четырехугольное мѣсто (которое съ трехъ сторонъ застроено, а съ 4-ой открыто на Неву), гдѣ корабли строятся, а потомъ на воду спускаются. Противъ открытой стороны находится большой въѣздъ или главныя ворота, подъ ними устроены комнаты для засѣданій Адмиралтейской коллегіи и поднимается довольно высокая башня, выходящая, какъ я уже говорилъ прежде, прямо противъ аллеи, называемой проспектомъ, чрезъ который въѣзжаютъ въ С.-Петербургъ и который въ срединѣ вымощенъ камнемъ, а по бокамъ имѣетъ красивыя рощицы и лужайки. Обѣ стороны Адмиралтейства, идущія флигелями къ водѣ и окаймляющія вышеупомянутое четырехугольное мѣсто, наполнены огромнымъ количествомъ корабельныхъ снарядовъ. Тамъ же живутъ и работаютъ всѣ принадлежащіе Адмиралтейству мастеровые. Подлѣ зданія стоятъ большія кузницы. Въ одномъ изъ флигелей устроенъ большой залъ, гдѣ рисуютъ и если нужно перерисовываютъ мѣломъ видъ и устройство всѣхъ кораблей, назначенныхъ къ постройкѣ. Внѣ и внутри Адмиралтейскаго зданія наложено множество всякаго рода корабельнаго лѣса, но еще большее его количество лежитъ въ ближайшихъ каналахъ, откуда его берутъ по мѣрѣ надобности. Все это огромное Адмиралтейство обведено снаружи валомъ, съ бастіонами со стороны рѣки, валъ окруженъ довольно широкимъ и глубокимъ каналомъ, а съ внутренней стороны обрытъ небольшимъ рвомъ“.

Слѣдующее очередное переустройство Адмиралтейства было сдѣлано, какъ указываетъ біографъ А. За-

харова, архитекторъ Н. Лансере, въ 1734—1738 гг. по проекту Ивана Коробова. Перестройка коснулась, главнымъ образомъ, вѣзда и башни. „Коробовъ, пишетъ Н. Лансере, — построилъ красиво и типично, въ „Петровскомъ стилѣ“. Первые два этажа главнаго выступа, служащаго какъ бы основаніемъ для самой башни, подъ одинъ корпусъ со всѣмъ зданіемъ, были обработаны просто и сильно — только рустированными широкими лопатками, приче́мъ подъ самой башнею болѣе крупными и массивными „камями“. Выше начиналась собственно башня; третій ярусъ ея, съ пятью окнами въ два свѣта, по фасаду расчленялся дорическими пилястрами; тутъ впослѣдствіи 10 мая 1755 года была освящена церковь. Надъ этимъ ярусомъ была открытая терраса. Слѣдующая часть башни, сильно суженная, съ тремя окнами, раздѣленными іоническими пилястрами, перекрывалась характерно изогнутымъ куполомъ съ часами (по проекту часы на всѣ четыре стороны были украшены сверху коронами), служившимъ переходомъ къ восьмигранному открытому, но впослѣдствіи застекленному фонарю, обработанному по угламъ пилястрами коринтскаго ордера. Выше уже подымался шпиль, увѣнчанный яблокомъ, короной и трехмачтовымъ кораблемъ. Вся высота шпиля была 34 сажени отъ земли.

Въ такомъ видѣ Адмиралтейство просуществовало до 13 мая 1783 года, когда въ немъ произошелъ значительный пожаръ: сгорѣло нѣсколько строящихся кораблей. Этотъ пожаръ выдвинулъ на очередь очень важный вопросъ о переводѣ Адмиралтейства въ Кронштадтъ. Полагали, что если Адмиралтейство будетъ подъ надзоромъ Кронштадтскаго начальства, то будетъ меньше безпорядка, больше безопасности. Екатерина II утвердила проектъ переноса, и на бумагѣ все

было готово къ исполненію: дѣло осталось за очень малымъ—за деньгами, ихъ не хватило, и Адмиралтейство, наскоро исправивъ, оставили въ Петербургѣ. Императоръ Павелъ Петровичъ, вступивъ на престолъ, по своему званію генераль-адмирала всего руссійскаго флота, не могъ не обратить вниманія на Адмиралтейство: было повелѣно инженеру генераль-лейтенанту Герарду „немедленно“ исправить Адмиралтейскую крѣпость. И дѣйствительно,—всѣ исправленія были сдѣланы въ теченіе года. Само зданіе было отремонтировано, окружающіе его валы были срыты и вмѣсто нихъ сдѣланы новые, гораздо выше, все мѣсто окружили палисадомъ, который ограничивался гласисомъ съ одной балюстрадой: гласисъ былъ одѣтъ мелкимъ дерномъ, а балюстрада окрашена военною краской. На двухъ угловыхъ къ площадямъ бастіонахъ поставили новые срубы съ флагштокомъ для подъема флаговъ мальтійскаго ордена. Но ремонтъ былъ безцѣленъ, такъ какъ 23 мая 1806 года былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ I проектъ перестройки Адмиралтейства, сочиненный архитекторомъ Захаровымъ и приведшимъ Адмиралтейство въ современный видъ. А. Захаровъ при своей перестройкѣ сумѣлъ не только объединить старыя постройки въ одно стройное величественное цѣлое, но и сохранить зданію его Петровскій характеръ, казалось бы, совершенно чуждый новымъ требованіямъ времени. Адмиралтейство Захарова — является дивнымъ образцомъ классицизма, но именно чисто петербургскаго оттѣнка. Захарову не удалось довести свою перестройку до конца, онъ умеръ въ 1811 году, а работы по переустройству Адмиралтейства закончились лишь въ 1823 году, и эта перестройка обошлась въ 2¹/₂ милліона.

Адмиралтейство стояло на громаднѣйшей площади,

представляющей изъ себя соединеніе трехъ площадей: Дворцовой, Адмиралтейской и Петровской. Чтобы до извѣстной степени скрасить однообразіе и неблагоустройство этихъ площадей; вокругъ перестроеннаго Адмиралтейства разбили бульваръ изъ липы. Этотъ бульваръ сдѣлался излюбленнымъ мѣстомъ гулянья петербуржца, здѣсь петербуржець дѣлился всякими новостями, слухами и сплетнями: Адмиралтейскій бульваръ въ началѣ XIX вѣка замѣнялъ петербуржцу „Петербургскую Газету“ или „Листокъ“. Въ годъ празднованія двухсотлѣтія со дня рожденія императора Петра I, былъ разбитъ нынѣшній Александровскій садъ; черезъ два года, въ 1874 году, рѣшено было устроить сквозной проѣздъ по Невѣ мимо Адмиралтейства, была построена Адмиралтейская набережная, причемъ, конечно, засыпали внутренніе каналы Адмиралтейства. Чтобы казна не такъ много платила за устройство Адмиралтейской набережной, морской министръ, русскій нѣмецъ Краббе, распорядился продажою въ частныя руки полосы земли изъ внутренняго двора Адмиралтейства, параллельно берегу рѣки. На этихъ домовыхъ участкахъ были выстроены дома, и, такимъ образомъ, со стороны Невы Адмиралтейская башня закрылась, закрылись и Адмиралтейскіе павильоны. Надо думать, что когда учредится настоящее демократическое самоуправленіе, оно, несмотря на большую стоимость, пріобрѣтетъ всѣ эти постройки съ пресловутымъ Панаевскимъ театромъ, снесетъ ихъ, на этомъ мѣстѣ разобьетъ богатѣйшій цвѣтникъ, и Адмиралтейство Захарова останется и со стороны рѣки Невы въ своей чарующей простотѣ и прелести!

Изъ приведеннаго выше описанія Адмиралтейства видно, что изъ воротъ его выходила перспективная дорога, впослѣдствіи получившая названіе Невской

перспективы и въ наши дни именуемая Невскимъ проспектомъ. Главная улица столицы, ея жизненная артерія была всего-на-всего большою дорогою. Какъ же она появилась? Почему она приняла такое направленіе, а не другое? И можно ли на эти вполне естественные вопросы дать болѣе или менѣе удовлетворительный отвѣтъ. Оказывается дать такой отвѣтъ возможно. Надо помнить, что старая дорога изъ Новгорода въ Нѣншанць (нынѣшняя Охта)—единственный путь сообщенія черезъ эту болотистую мѣстность возникающаго Петербурга съ отходящей на второй планъ Москвою—шла по краю Московской и Литейной частей, приблизительно тамъ, гдѣ теперь упраздненъ сравнительно недавно устроенный бульваръ надъ заключеннымъ въ трубу Лиговскимъ каналомъ. Эта старая дорога въ нынѣшней Кирочной улицѣ дѣлилась на три тропы: крайняя шла по Спасскому посаду, находившемуся приблизительно у Смольнаго монастыря, здѣсь былъ и перевозъ черезъ Неву въ Нѣншанць; вторая—средняя—направлялась къ небольшой финской деревушкѣ Северной мызѣ, располагавшейся на мѣстѣ вѣзда на нынѣшній Литейный мостъ; третья—западная—вела къ Фонтанкѣ, къ мѣсту нынѣшняго Инженернаго замка, тогда мызѣ шведскаго маіора Канау, и, поднявшись по Фонтанкѣ, эта третья тропа, придерживаясь берега Невы, доводила до взморья.

Эти дороги или, вѣрнѣе, тропы, въ наиболѣе топкихъ мѣстахъ замощены срубленными тутъ же бревнами, вполне удовлетворяли немногочисленныхъ обывателей данной мѣстности. Но съ началомъ постройки Адмиралтейства пользованіе западною тропой, чтобы перевозить по ней матеріаль, стало затруднительно—ужь слишкомъ великъ былъ кругъ: отъ мызы Канау (нынѣшній Инженерный замокъ) до Адмиралтейства.

Конечно, стали искать болѣе короткаго, прямого пути. А такъ какъ надо было переправиться черезъ Фонтанку, тогда Безымянный Ерикъ, то прежде всего нужно было найти удобное мѣсто переѣзда; такое мѣсто и оказалось у нынѣшняго Аничкова моста: здѣсь Фонтанка значительно уже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Было еще болѣе узкое мѣсто, приблизительно тамъ, гдѣ теперь Обуховскій мостъ, но, во-первыхъ, это мѣсто было дальше отъ старой Новгородской дороги, а, во-вторыхъ, между Фонтанкою и Адмиралтействомъ по этому направленію шли значительныя болота; въ первомъ же направленіи, къ Аничкову мосту, этихъ болотъ не приходилось пересѣкать, такъ какъ они не доходили до этого мѣста. Вотъ почему въ 1715 году и провели большую перспективу именно въ томъ направленіи, въ какомъ въ настоящее время тянется Невскій проспектъ. Хотя Петръ Великій и былъ принципиальнымъ противникомъ мостовъ, онъ требовалъ, чтобы петербуржцы сообщались по каналамъ и рѣчкамъ на лодкахъ подъ парусами и; въ крайнемъ случаѣ, лишь на веслахъ, но все же Петръ очень скоро разрѣшилъ устройство моста по новой „перспективной дорогѣ“. Въ 1715 году появился первоначальный Аничковъ мостъ, а въ 1720 г. нынѣшній Полицейскій, въ то время по цвѣту окраски, звавшійся Зеленымъ. Разрѣшеніе это дано было Петромъ Великимъ, конечно, потому, что онъ самъ ясно видѣлъ неудобство переправы на паромѣ или на лодкахъ черезъ Фонтанку и Мойку на главной проѣзжей дорогѣ. Когда дано было позволеніе построить Полицейскій мостъ, то данная мѣстность, правый берегъ Мойки, былъ до извѣстной степени застроенъ (на приложенной въ концѣ книги выкопировкѣ подъ № 6. Невскій проспектъ обозначенъ 11, 11, Полицейскій мостъ—19). Застраиваться эта мѣстность начала, конечно, такъ же совершенно слу-

чайно, какъ случайно происходила, вообще, и вся первоначальная застройка Петербурга. Съ заложениемъ Адмиралтейства необходимо было построить помѣщенія для морского начальства и мастеровыхъ. И вотъ упоминаемый уже нами Яковлевъ доносилъ Меншикову отъ 26 августа 1705 года, что „г. вице-адмиралу (т. е. Крейсу) домъ по его чертежу достраиваютъ, также мастерамъ и прочимъ ремесленнымъ людямъ избы и канатный дворъ и прочія нужнѣйшія хоромы строятся и у вице-адмирала заложено 23 избы“. Весьма понятно, что вице-адмиралъ Крейсъ, или по написанію того времени Крюйсъ (замѣчательный портретъ этого моряка сохраняется до сихъ поръ въ лютеранской церкви св. Петра) обидѣлся, что заняли отведенный ему участокъ другими постройками, и такъ какъ Крюйсъ отличался упорнымъ и настойчивымъ характеромъ, то онъ добился переноса этихъ 23 офицерскихъ избъ со своего двора. При переносѣ этихъ избъ нужно было отыскать для нихъ мѣсто въ самой близости отъ первоначальнаго—такое мѣсто и представляли берега маленькаго болотистаго ручейка Мья или Мойки. 5 іюля 1706 г. тотъ же самый Яковлевъ издаетъ распоряженіе: „морского флота офицерамъ дома переносить къ маленькой рѣчкѣ и ставить въ линію“. Такимъ образомъ, получилась линія набережныхъ домовъ по Мойкѣ; въ настоящее время это—дома архива государственнаго совѣта, гвардейскаго штаба, министерства иностранныхъ дѣлъ и рядъ домовъ частныхъ лицъ на Мойкѣ отъ послѣдняго зданія до Невскаго проспекта (8, 8, 10 на нашемъ планѣ). Черезъ 10 лѣтъ послѣ образованія набережной линіи по Мойкѣ, начались заботы объ устройствѣ и самой набережной. 20 мая 1715 года было дано Петромъ приказаніе бить въ берега рѣчки Мьи сваи, а 12-го октября того же года слѣдуетъ новое распоря-

женіе Петра „по малой рѣчкѣ погодить въ берега бить сваи“. Ждали до 11 ноября 1717 года, когда появилось одно изъ интереснѣйшихъ, гуманныхъ распоряженій Петра Великаго по постройкѣ Петербурга. Извѣстно, что въ своихъ распоряженіяхъ объ устройствѣ „парадиза“ Петръ вовсе не считался ни съ правами, ни съ удобствами отдѣльныхъ обывателей—все и всё должны были быть принесены въ жертву основной идеѣ—постройки столицы. И вдругъ мы наталкиваемся на такую мѣру: издавая въ 1717 году приказаніе о битьѣ свай, Петръ Великій въ собственноручной резолюціи писалъ: „а такъ какъ бѣдные люди не могутъ отъ себя бить сваи, то учинить особый сборъ съ жителей (кромѣ бѣдныхъ) внутри Адмиралтейскаго острова по препорціи поперешника дворовъ ихъ и на тотъ сборъ побить сваи предъ бѣдными людьми наемными работниками“. Если бѣднымъ и дѣлались послабленія, то эти послабленія заключались лишь въ томъ, что бѣдные обязаны были строить дома проще, вмѣсто черепицы могли крыть дерномъ и т. п., но все это они должны были дѣлать сами безъ государственной помощи: единственный (какъ намъ кажется) примѣръ которой мы нашли въ только-что приводимомъ распоряженіи. Устройство первоначальной набережной продолжалось до 1718 года и продержалась эта Петровская набережная до 1736 года, когда 18 сентября появился указъ Анны Іоанновны объ образованіи набережной рѣки Мойки и, какъ говоритъ Богдановъ: „оная рѣка вся вычищена до настоящей глубины и сваями обита на подобіе канала, въ которой нынѣ вода теченіе свое имѣетъ преизрядное, видомъ ясная и чистая, ко вкушенію преизрядная такъ, какъ настоящая невская вода, глубиною довольная, такъ, что нынѣ по ней всякія суда съ великимъ грузомъ ходятъ сво-

бодно и сію рѣчку болѣе можетъ нынѣ всякъ почестъ за нарочно сдѣланный каналъ“. Какою злобною наемъшкою надѣ современнымъ состояніемъ Мойки звучать вышеприведенныя слова Богданова!

Противоположная сторона нынѣшней Морской и Невскаго, тамъ, гдѣ теперь зданіе Главнаго Штаба съ его знаменитою аркою, созданіемъ Росси, не была застроена частными домами, а была отведена подъ рынокъ, который и звался Морскимъ (7, 7, 6, 6 нашего плана). Понятіе о томъ, что представлялъ изъ себя первый рынокъ Адмиралтейскаго острова, современный петербуржецъ получить, если пойдетъ на одну изъ тѣхъ площадей для торговли, которыя существуютъ и поднесъ въ Петербургѣ, напримѣръ, у Обуховскаго моста: это было собраніе шалашей, ларей, раскинутыхъ въ безпорядкѣ по грязной, немощеной площади. Весьма понятно, что торговцы однородными предметами группировались для своего и для покупателей удобства — и это соединеніе нѣсколькихъ ларей и шалашей получило гордое названіе „рядъ“, появлялся, такимъ образомъ, мясной рядъ, калашный рядъ, лоскутный, гдѣ торговали старою одеждою, ближе къ Адмиралтейству устанавливались возы съ сѣномъ и дровами — здѣсь были сѣнной и дровяной ряды. Конечно, мѣсто для этого рынка никѣмъ не отводилось, и торговцы его захватили самовольно, руководясь тѣми соображеніями, что оно, во первыхъ, лежало около проѣзжей дороги, а, во вторыхъ, недалеко и отъ жилья. Была сдѣлана еще при Петрѣ Великомъ попытка урегулировать этотъ рынокъ — именно 15 ноября 1718 года былъ изданъ указъ о назначеніи рынковъ въ С.-Петербургѣ, наблюденіи чистоты торгующими съѣстными припасами, о ношеніи торговцами бѣлыхъ мундировъ! Какъ видимъ, 200 лѣтъ тому назадъ пытались заботиться о гигиенѣ;

конечно, эти заботы не достигали цѣли, и торговцы съѣстными припасами не одѣвали бѣлыхъ мундировъ. Прямѣмъ слѣдствіемъ этого указа и было приказаніе, отданное въ слѣдующемъ году архитектору Гербелю, произвести распланированіе Морскихъ слободокъ, большой и малой и построить, по проекту Матернови, „Мытной дворъ“ на Невскомъ проспектѣ, на углу Морской (12 нашего плана). Сохранилось слѣдующее описаніе этого перваго Гостинаго двора Адмиралтейской стороны: „Гостинный дворъ каменный, прежде именованный Мытный, на Адмиралтейской сторонѣ, на самомъ томъ мѣстѣ близъ Зеленаго моста на Мойкѣ, гдѣ нынѣ домъ генераль-полицмейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина, наименованъ Мытнымъ потому, что оный построенъ былъ только для продажи съѣстныхъ припасовъ, но, между тѣмъ, нѣсколько лавокъ занято было и разными товарами и потомъ отчасти болѣе стало умножаться въ немъ купечество съ хорошими и богатыми товарами, оный болѣе сталъ именоваться Гостинымъ дворомъ, а не Мытнымъ“. Изъ сохранившагося плана видно, что этотъ Мытный или Гостинный дворъ представлялъ четырехугольное или даже пятиугольное зданіе, такъ какъ передній фасъ, обращенный къ Мойкѣ, не былъ параллеленъ заднему. На этомъ переднемъ фасѣ, въ серединѣ было нѣчто походящее на башню и выступающее за линію фасада: по всей вѣроятности, эта срединная часть зданія предназначалась Петромъ Великимъ для помѣщенія магистрата и была украшена или только было намѣреніе украсить „великимъ шпиромъ съ часами“. Главная цѣль этой постройки очевидна — уничтожить Морской рынокъ и перевести всѣхъ торговцевъ сюда. Но это предположеніе такъ и осталось предположеніемъ: можетъ быть, торговцы Морского рынка не могли снимать

помѣщеніе по дороговизнѣ арендной платы, а, можетъ быть, этихъ торговцевъ не пускали болѣе богатые купцы.

„Сей гостинный или мытный дворъ — писалъ Богдановъ — въ 1736 году, загорѣвшись внутри, весь сгорѣлъ и отъ онаго пожара развалился, понеже оный строенъ былъ весьма стѣнами тонко, потолоки, двери и затворы были деревянные и отъ сильнаго огня распался, а на послѣдки и остатки разобрали“.

Появилось еще одно, столь знакомое и въ настоящее время, петербуржцу пожарище, которое и оставалось до 1755 года. Если бы у насъ не сохранилось вполне документальныхъ данныхъ о постройкѣ на мѣстѣ сгорѣвшаго Мытнаго двора деревяннаго зимняго дворца, а объ этой постройкѣ свидѣтельствовали бы только рассказы современниковъ, то можно было бы усомниться въ достовѣрности этихъ рассказовъ — такъ она была быстра, феерична и неправдоподобна. Дворецъ этотъ строили потому, что рѣшено было разобрать старый Зимній дворецъ и построить новый, существующій по-днесь. Такъ вотъ на время этой постройки и нужно было устроить временное прибѣжище для царицы. Кто выбралъ мѣсто у Полицейскаго моста мы не знаемъ, можетъ быть, это мѣсто былого пожарища обратило вниманіе самой царицы, можетъ быть, тутъ выразилась забота о красотѣ города, подлежащей полицейской власти, — повторяемъ, мы не знаемъ, но 3-го февраля 1755 года появился первый вызовъ на постановку матеріала и рабочихъ людей, а 5 ноября того же года „прошедшаго воскресенія въ 7-мъ часу пополудни изволили Ея Императорское Величество Всемилостивѣйшая наша государыня изъ лѣтняго дворца перейти въ новопостроенный на Невской перспективѣ деревянный зимній дворецъ, который не токмо по

внутреннему украшенію и числу покоевъ и залъ, коихъ находится болѣе ста, но и особливо потому достоинъ удивленія, что съ начала нынѣшней весны и такъ не болѣе какъ въ 6 мѣсяцевъ съ фундаментомъ построень и отдѣланъ“.

Сохранившійся планъ этого дворца въ архивъ бывшаго министерства двора ясно свидѣтельствуетъ, что въ описаніи современниковъ не было преувеличенія. Дворецъ перегораживалъ Морскую, тогда она звалась Гостиной, обращая ее въ тупикъ. Часть дворца была отведена наслѣднику престола и его супругѣ, будущей императрицѣ Екатеринѣ, въ другой части жила Елизавета Петровна со своимъ послѣднимъ любовникомъ Иванъ Ивановичемъ Шуваловымъ, а самая незначительная часть предназначалась для фрейлинъ. Входъ во дворецъ былъ съ Невскаго, на углу Мойки: поднявшись по довольно высокой лѣстницѣ, входящій попадалъ въ длинный широкій корридоръ, изъ котораго были входы въ большую придворную церковь и въ тронный залъ (2), къ послѣднему примыкала каменная кухня; кромѣ кухни, была и еще одна каменная пристройка — театр (Е).

Дѣло разрушенія этого дворца всецѣло принадлежить Екатеринѣ II, которая, вообще, очень ревниво относилась къ памяти своей тетки Елизаветы Петровны, искренно желая, чтобы эта память поскорѣе исчезла, чтобы было позабыто и то обстоятельство, что Елизавета Петровна была все-таки дочерью Петра Великаго, а не нѣмецкой принцессою, да еще захудалаго рода. Весьма понятно, что существованіе дворца на видномъ мѣстѣ Петербурга не могло способствовать искорененію памяти, и 14 января 1765 года былъ сдѣланъ вызовъ желающихъ разобрать одинъ изъ флигелей зимняго деревяннаго дворца и перевезти его въ село Красное.

Можетъ быть, одновременно съ этой перевозкою, а, можетъ быть, и нѣсколько позднѣе была разобрана и деревянная галлерей, которую увезла къ себѣ канцелярія отъ строеній. Такимъ образомъ, остались нетронутыми тронный залъ, кухня и театръ. Непривѣтливый, даже безобразный казался тогда перекрестокъ Морской улицы и Невскаго проспекта. Пепелище пожара 1737 года замѣнилось картиною разрушенія дворца. А, между тѣмъ, близость этого участка къ Зимнему дворцу и все возрастающее значеніе Невскаго проспекта, какъ главной улицы столицы, говорили о необходимости регулировать этотъ участокъ. На него и обратилъ вниманіе петербургскій генераль-полицмейстеръ Н. И. Чичеринъ и выпросилъ ту часть, которая выходила на Мойку, Невскій проспектъ и Морскую улицу и на которой были тронная зала и кухни. Участокъ былъ отданъ и въ 1768 году началась постройка части донынѣ существующаго дома братьевъ Елисеѣвыхъ, выходящей на уголъ Невскаго проспекта. Домъ строился четыре строительныхъ сезона, вплоть до 1771 года; сперва устроили фундаментъ и дали ему вполне основательно отстояться въ теченіе цѣлой зимы, затѣмъ возвели стѣны, которыя тоже простояли зиму, и только черезъ годъ приступили къ постановкѣ стропиль и устройству крыши; наконецъ, послѣ оштукатурки дома онъ еще цѣлое лѣто отдѣлывался внутри.

Послѣ постройки дома Чичерина видъ описываемаго нами перекрестка былъ слѣдующій: на обширной площади возвышался домъ съ колоннами, на Мойку за этимъ домомъ тянулся низенькій заборъ, заборомъ былъ огороженъ и участокъ между Большою и Малою Морскими, Кирпичнымъ переулкомъ и Невскимъ проспектомъ. Этотъ послѣдній участокъ былъ раздѣленъ на два домовыхъ мѣста. Въ одно изъ нихъ отошло

зданіе бывшаго дворцоваго театра: въ 1768 году этотъ театръ приспособили для дома профессора Фальконетъ, а позади этой постройки устроили большую мастерскую, гдѣ Фальконетъ лѣпилъ свой памятникъ Петру Великому. Здѣсь же въ 1770 году показывалась публикѣ модель этого памятника. Сосѣдній съ этимъ участокъ на Невскій проспектъ застроился въ 1805 году. Братья купцы Чаплины выстроили здѣсь доннынъ существующій домъ. Еще позднѣе застроился угловой участокъ на Мойку, Кирпичный переулокъ и Большую Морскую, сосѣдній съ упомянутымъ домомъ Чичерина, который въ 1792 году перешелъ къ князю А. Б. Куракину; тогда былъ пристроенъ флигель по Мойкѣ, флигель же по Морской былъ пристроенъ приблизительно въ 1817 году слѣдующимъ владѣльцемъ дома, именитымъ мѣщаниномъ Андреемъ Ивановичемъ Косиковскимъ. Но въ то время, какъ бывший домъ Чичерина увеличивался въ размѣрахъ, сосѣдній участокъ оставался незастроеннымъ. Въ 1821 году сюда г-жа Латуръ перенесла свою панораму, для чего построила на указанномъ участкѣ, на углу Кирпичнаго переулка и Морской улицы, небольшое зданіе, названное ротондою. Мѣсто было бойкое, и ротонда никогда не пустовала: здѣсь нѣкто „иностранецъ Яковъ Пикторъ“ показывалъ публикѣ „необыкновенной величины рыбу-акулу“, здѣсь помѣщались и діорамы и косморамы и „театръ свѣта“—различные предшественники современнаго кинематографа; а на другомъ углу Кирпичнаго переулка, на углу Мойки, появился также небольшой деревянный домикъ, въ которомъ находили пріютъ различные звѣринцы; нѣсколько лѣтъ подрядъ здѣсь жилъ голландецъ Заммъ со своими диковинными звѣрями. Современный громаднѣйшій домъ сталъ строиться въ 1852 году. Владѣльцемъ его былъ иностранецъ Руадзе, нѣкогда

погонщикъ при слонахъ, доставленныхъ къ царскому дворцу изъ Персіи. Оказывается, должность погонщика была такъ выгодна, что возможно было строить громадныя доходныя дома, на одномъ изъ самыхъ оживленныхъ мѣстъ столицы.

Въ одномъ изъ водевилей 40-ыхъ годовъ герой-провинціалъ возмущался названіями петербургскихъ улицъ въ слѣдующемъ куплетѣ:

По Садовой по Большой
Нѣтъ березки ни одной;
По Гороховой я шелъ,
А гороха не нашелъ.
Море видѣть я хотѣлъ
И въ Морскую полетѣлъ,
Но и въ Малой и Большой
Капли нѣтъ воды морской!

Провинціалъ, конечно, былъ правъ—моря въ Морскихъ улицахъ не было, и названіе „Морскія“ говорили лишь о томъ, что когда-то здѣсь были Морскія слободки, населенныя „морскаго дѣла“ людьми, т. е., матросами, адмиралтейскими мастеравыми, служителями и прочими, принадлежащими къ Адмиралтейству лицами. Но данныхъ объ этихъ слободкахъ у насъ не сохранилось никакихъ, и о Морской улицѣ мы можемъ говорить только съ 1736 года, когда 18 сентября была произведена планировка этой улицы, послѣ громаднаго пожара, уничтожившаго чуть ли не всѣ постройки Морской улицы. Случайно уцѣлѣлъ домикъ на углу Мойки, Морской улицы и Кирпичнаго переулка (перейдя послѣдній, если идти отъ Невскаго проспекта),—этотъ домъ принадлежалъ „купецкому человѣку, комиссару лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Ивану Томилину“. Пожаръ хотя и пощадилъ домъ Томилина, но отозвался на торговыхъ его дѣлахъ, Томилинь обанкротился, домъ его былъ отписанъ въ казну и въ 1739 году

пожалованъ придворному кофишенку (т. е., лицу, заваривавшему кофе при дворѣ) Осипу Филатову, отъ котораго въ началѣ 40-хъ годовъ XVIII вѣка перешелъ къ трубачу Вонненбергу, а въ это время Морская улица измѣнила, хотя ненадолго, свое названіе и стала зваться „Большою Гостиною“. Названіе это она получила потому, что въ это время на мѣстѣ нынѣшняго дома министерства земледѣлія, знаменитость того времени купецъ Иванъ Чиркинъ выстроилъ большой домъ съ погребами и лавками въ первомъ этажѣ. Этотъ домъ былъ окрещенъ „новымъ каменнымъ гостинымъ дворомъ“, полагали, что онъ замѣнитъ собою упоминаемый нами Гостиный или Мытный дворъ. Вонненбергъ, начавъ службу трубачемъ, постепенно подвигался по служебной лѣстницѣ и, кромѣ того, сумѣлъ войти въ сношеніе съ графомъ Иваномъ Панинымъ, воспитателемъ Павла Петровича, а потомъ и министромъ иностранныхъ дѣлъ. Нужно думать, что не безъ содѣйствія Вонненберга, графомъ Панинымъ былъ приобретень сосѣдній съ домомъ Вонненберга домъ, который, видимо, безъ большихъ передѣлокъ, сохранился до нашихъ дней: это домъ министерства иностранныхъ дѣлъ, рядомъ съ телефонной станціей. Прежде чѣмъ попасть въ руки министерства, домъ этотъ по смерти графа Ивана Панина былъ проданъ его братомъ другому графу, бывшему недолгое время любовникомъ Екатерины II, а потомъ министромъ народнаго просвѣщенія—графу Заводовскому. У наслѣдниковъ послѣдняго домъ приобрѣлъ купецъ Козулинъ, продавшій впослѣдствіи министерству иностранныхъ дѣлъ. Во дворѣ этого дома былъ манежъ (его теперь не имѣется), и въ этомъ манежѣ дѣйствовалъ первый болѣе или менѣе значительный циркъ братьевъ Турнееровъ. Петербургской публикѣ онъ очень понравился, а такъ какъ

манежъ былъ невеликъ, то и былъ построенъ большой деревянный Симеоновскій театр, на мѣстѣ нынѣшняго цирка Чинизелли.

25 января 1784 года Екатерина II повелѣла изъ личныхъ средствъ отпустить 600 рублей на уплату пошлинъ при составленіи купчей на тотъ домовый участокъ, на которомъ теперь телефонная станція, а 27 мая 1785 года опять-таки изъ личныхъ средствъ Императрицы было отпущено 3822 р. 50 к. на ремонтъ этого дома. Домъ этотъ предназначался для помѣщенія оберъ-полицмейстера и оберъ-полицмейстерской канцеляріи—здѣсь имѣла свою резиденцію петербургская полиція; первоначально полицмейстерская канцелярія помѣщалась на Мойкѣ, второй домъ отъ Полицейскаго моста рядомъ съ домомъ Голландской церкви: съ 1784 года полиція перекочевала въ новый, нарочно для нея приобрѣтенный домъ. На этомъ домѣ была и каланча, которая была уничтожена въ началѣ 40-хъ годовъ прошлаго столѣтія. При одной изъ очередныхъ реформъ полицейскаго управленія столичнаго града Санктъ-Петербурга, когда исчезъ самый чинъ оберъ-полицмейстера, бывший его домъ перешелъ въ вѣдѣніе города. Послѣдній перестроилъ его для телефонной станціи.

Въ 1743—44 годахъ нѣмецкая труппа подъ управленіемъ директора Сигмунда рѣшила обзавестись собственнымъ домомъ для своего театра. И въ этомъ дѣлѣ, какъ положимъ и во многихъ другихъ,—нѣмцы показали петербуржцамъ примѣръ. Этотъ „нѣмецкій комедіальный домъ“ существовалъ въ описываемой нами Большой Морской до конца 50-хъ годовъ XVIII вѣка, причемъ онъ успѣлъ въ концѣ 1745 года сгорѣть и былъ снова выстроенъ. Что нѣмецкій комедіальный домъ, дѣйствительно, существовалъ, свидѣтельствуе

рядъ объявленій, напримѣръ, въ 1745 году мы читаемъ слѣдующее объявленіе: „всю нынѣшнюю недѣлю на нѣмецкомъ театрѣ каждый день комедію будутъ играть“; въ 1750 году наталкиваемся на другое: „въ Большой Морской продается каменный домъ со всѣмъ строеніемъ покойнаго бывшаго директора нѣмецкихъ комедіантовъ Сигмунда“. — Любопытно было бы, конечно, опредѣлить точно положеніе этого первенца частныхъ петербургскихъ театровъ, но опредѣленіе мѣстоположенія домовъ Елизаветинскаго времени очень затруднительно. Въ то время сама улица опредѣлялась мѣстоположеніемъ дома, а не наоборотъ. Дѣйствительно, въ 1758 году, напримѣръ, пріѣхавшій купецъ, извѣщая о своемъ пріѣздѣ, писалъ, что онъ „остановился на Адмиралтейской сторонѣ, въ той улицѣ, гдѣ нѣмецкій комедіальный домъ“, — этимъ самымъ уже указывалъ, что мѣстоположеніе комедіального дома было хорошо извѣстно.

Рядъ косвенныхъ указаній мы, конечно, находимъ, — изъ нихъ видно, что домъ этотъ былъ въ нынѣшней Морской. Въ самомъ дѣлѣ, въ 1744 году „комедіантъ съ выпускными куклами Мартинъ Ниренбахъ“, указывалъ, что театръ помѣщается „въ Большой Морской, недалеко отъ новаго Гостиного двора“; затѣмъ мы встрѣчаемъ и такія отмѣтки: „въ Большой Морской, недалеко отъ Синяго моста“ (1745 г.), „въ домѣ г. Загряжскаго подлѣ нѣмецкой комедіи“ (1756 г.), „здѣшній купецъ Карлъ Генрихъ Шлиттеръ завелъ погребъ подъ домомъ мельничнаго дѣла мастера Антона Шмидта въ Большой Морской, на углу подлѣ дома портного Кригера, неподалеко отъ нѣмецкаго комедіального дома“ (1755 г.). Положеніе, какъ дома Загряжскаго, такъ и мельничнаго мастера Антона Шмидта, мы можемъ опредѣлить изъ другихъ данныхъ. Указанный нами выше нынѣшній домъ министерства государственныхъ иму-

ществъ занялъ собою мѣсто не только трехъ домовъ стараго Петербурга, но и цѣлаго переулка. Дѣйствительно, на этой части Морской улицы помѣщались: на углу Маріинской площади домъ Чиркина (послѣ Попова, затѣмъ Гонурапуло), рядомъ съ нимъ, по направленію къ Невскому, былъ домъ Воеводскаго, затѣмъ шелъ узенькій переулочекъ, носившій названіе Перваго Выгрузнаго переулка,—по этому переулку выгружались или нагружались баржи, приходившія по Мойкѣ, за переулкомъ былъ вышеупомянутый домъ Загряжскаго. Домъ Антона Шмита въ настоящее время занятъ громаднымъ голландскимъ магазиномъ Эсдерса.

Слѣдовательно, первый нѣмецкій комедіальный домъ помѣщался на нынѣшней лѣвой (считая отъ Невскаго проспекта) сторонѣ Большой Морской улицы, между Гороховой и Маріинской площадью. Конечно, если бы не счастливый случай, наши свѣдѣнія о нѣмецкомъ театрѣ такъ бы и остались неполными. Но въ 1755 г. „вдова подполковника Марѳа Кирилловна, дочь Елагина“ захотѣла продать „свой каменный домъ съ деревяннымъ строеніемъ и землею“. Указаеъ, что ея домъ помѣщается на Адмиралтейской сторонѣ въ Большой Морской улицѣ, она для большей точности мѣстоположенія, чтобы покупатели бесплодно не блуждали по Морскимъ улицамъ, добавила слѣдующую фразу: „въ коемъ“, т. е., въ ея домѣ, „бывала нѣмецкая комедія“.

Вдова полковника Марѳа Кирилловна, дочь Елагина,—какъ видно изъ другихъ данныхъ,—своего дома не продала, онъ перешелъ по наслѣдству къ ея сыну Ивану Перфильевичу Елагину, секретарю по приему прошеній при императрицѣ Екатеринѣ II, одному изъ директоровъ ея театровъ.

А гдѣ помѣщался домъ Елагина, мы можемъ точно указать. Домъ Елагина, послѣ его смерти, перешелъ

по наслѣдству къ его дочери графинѣ Аннѣ Морелли, у которой былъ купленъ въ началѣ царствованія Императора Александра I, для С.-Петербургскаго генераль-губернатора. Этотъ домъ такъ и былъ извѣстенъ подъ названіемъ генераль-губернаторскаго. Когда же въ царствованіе Императора Александра II генераль-губернаторство было уничтожено, домъ достался городу, а послѣдній обмѣнялъ этотъ домъ на принадлежавшій Обществу поощренія художествъ, и въ настоящее время на мѣстѣ первоначальнаго нѣмецкаго комедіальнаго дома помѣщается другой пріютъ древней музы—не Мельпомены, а музы художества, живописи всякой,—домъ Общества поощренія художествъ съ его музеемъ, картинной галлереей и школою рисованія...

На той же самой Большой Морской есть еще одинъ домъ, на который нужно обратить вниманіе, это домъ № 61 по нынѣшней нумераціи. Домъ этотъ весьма и весьма любопытенъ.

„Я поспѣшилъ въ Большую Морскую, въ отдѣленіе почтовыхъ каретъ, — писалъ петербургскій хроникеръ 1848 года,—и въ ожиданіи отправленія въ дорогу я любовался великолѣпнымъ, изящнымъ зданіемъ, недавно построеннымъ для этого учрежденія. Парадная свѣтлая, обширныя сѣни, общій залъ для пассажировъ, украшенный роскошными диванами, коврами, зеркалами, прекраснѣйшею мебелью—все запечатлѣно вкусомъ и изяществомъ, все предвидѣно и придумано для удобства и спокойствія путешественниковъ. Заботливость о нихъ до того простирается, что даже дворикъ, на которомъ они садятся въ экипажи, покрытъ стекляннымъ колпакомъ“.

Это отдѣленіе почтовыхъ каретъ, которымъ такъ восхищались въ 1848 году, и было устроено на мѣстѣ нынѣшняго дома № 61 на Мойкѣ. „Отдѣленіе почто-

выхъ каретъ“,—это слово звучить довольно непонятно для современнаго читателя, но надо вспомнить, что въ 1848 году Николаевской желѣзной дороги не существовало, сообщеніе съ Москвою велось или помощью почтовыхъ каретъ, или особыхъ дилижансовъ и линеекъ, или на перекладныхъ, или, наконецъ, на долгихъ, т. е., своихъ или наемныхъ лошадяхъ съ безконечными остановками и ночевками.

Въ 1820 году стали ходить изъ С.-Петербурга въ Москву и обратно дилижансы, которые отправлялись отъ Обухова моста изъ дома, гдѣ и сейчасъ помѣщается „Серапинская гостиница“, получившая свое названіе отъ управляющаго конторою дилижансовъ Серапина... Сперва существовала только одна контора дилижансовъ, носившая названіе „Первоначальное заведеніе дилижансовъ“, плата за проѣздъ въ Москву была 100 р. за мѣсто, дѣла этого учрежденія были въ самомъ цвѣтущемъ состояніи: въ 1833 году, напр., дивидендъ выразился въ 300 р. на акцію; затѣмъ появились и другія конторы дилижансовъ, когда окончилась монополія „первоначальнаго заведенія“, наконецъ, спохватилось и само почтовое вѣдомство, и были заведены подъ названіемъ „Отдѣленіе почтовыхъ каретъ“ казенныя почтовые кареты, для отправленія которыхъ и рѣшили построить особое зданіе. Мѣсто выбрали на Мойкѣ, такъ какъ оно считалось центральнымъ и было смежно съ почтовымъ департаментомъ. Постройку поручили извѣстному архитектору Кавосу, который составилъ проектъ въ стилѣ возрожденія изъ трехъ зданій,—среднее въ три этажа и два боковыя по два этажа, между зданіями были двое воротъ со специальнымъ назначеніемъ: въ однѣ выѣзжали, въ другія въѣзжали пассажиры. При постройкѣ не жалѣли средствъ,—достаточно, напримѣръ, указать, что полъ въ главномъ залѣ

былъ сдѣланъ изъ венеціанской мозайки. Существовало это казенное учрежденіе до 1863 года, когда его закрыли, а зданіе перешло въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

Продолжимъ нашу справку въ болѣе раннее время. Въ 1804 году этотъ домъ числился подъ другимъ номеромъ, а именно подъ № 169 и принадлежалъ коллежскому совѣтнику Кириллову, который былъ бібліотекаремъ Екатерины II, и женатъ на единственной дочери Михаила Васильевича Ломоносова. И домъ № 169 Кирилловъ или, вѣрнѣе, Кириллова получила, какъ наслѣдство отъ своего отца. Такимъ образомъ, на мѣстѣ дома № 61, принадлежащаго теперь министерству внутреннихъ дѣлъ, былъ домъ Ломоносова.

Біографы Ломоносова увѣряютъ, что домикъ Ломоносова былъ маленькой, чуть ли не деревянной хибаркою. Но это не правильно. Современные извѣстія говорятъ нѣчто другое. Вотъ что читаемъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ 1778 года: „Въ Малой Морской отдается въ наймы бывшій г. Ломоносова каменный домъ о трехъ этажахъ, съ погребомъ, кухнею, конюшнею и сараями“.—Слѣдовательно, домъ Ломоносова, по современному выражаясь, былъ четырехъ-этажный каменный домъ. Конюшни при этомъ домѣ были тоже не маленькія, а именно, въ томъ же 1778 году: „въ Ново-Исаакіевской, въ домѣ Ломоносова, у камеръ-юнкера графа Алексѣя Володиміровича Салтыкова продаются 7 жеребцовъ, вороначалыхъ“—въ конюшнѣ, очевидно, было больше 7 стоялъ.

Въ приведенныхъ нами двухъ объявленіяхъ о домѣ Ломоносова есть какъ будто противорѣчіе: домъ значится на двухъ улицахъ: Малой Морской и Ново-Исаакіевской. Но тутъ маленькое недоразумѣніе. Исаакіевская церковь первоначально помѣщалась близъ Невы,

напротивъ нынѣшняго Сената, тогда Галерная улица звалась Исаакіевской. При Екатеринѣ II Исаакіевскій соборъ начали строить приблизительно на нынѣшнемъ мѣстѣ и переименовали Малую Морскую въ Ново-Исаакіевскую, но это официальное названіе сохранилось лишь за продолженіемъ Малой Морской за Исаакіевской площадью; теперь Ново-Исаакіевская—Почтамтская. Такимъ образомъ, мы видимъ, что домъ Ломоносова выходилъ не на Мойку, а на улицу, нынѣ Почтамтскую, на Мойку же выходили зады этого дома.

Закончимъ еще нѣсколькими словами нашу историческую справку о Морской улицѣ. Самое значительное измѣненіе получилъ перекрестокъ Морской улицы съ нынѣшнею Маріинской площадью. Это мѣсто было узко, застроено старинными домами, заборами и производило непріятное впечатлѣніе. На мѣстѣ нынѣшняго зданія Министерства Земледѣлія, какъ мы и указали выше, былъ старинный трехъэтажный домъ Гонурапуло. На противоположной сторонѣ площади вытянулся длинный, въ полтора этажа, домъ Болина, посрединѣ его мезониномъ былъ устроенъ третій этажъ. Синій мостъ былъ деревянный. Домъ Гонурапуло былъ сплошь занятъ различными учрежденіями. Въ немъ помѣщался „Физикатъ“—главное управленіе медицинской части столицы, одинъ изъ старинныхъ книжныхъ магазиновъ Брифа, женскій пансіонъ Мейера и, наконецъ, съ 1857 года правленіе перваго Общества для освѣщенія столицы газомъ. Освѣщеніе газомъ распространялось въ столицѣ очень туго; такъ, напримѣръ, число уличныхъ фонарей въ 1839 году не достигало 200, а черезъ 10 лѣтъ едва превзошло 600, число горѣлокъ въ домахъ за эти же 10 лѣтъ увеличилось тоже въ 10 разъ, первоначальное число такихъ горѣлокъ было

всего на всего 800. Такимъ образомъ, за 10 лѣтъ число уличныхъ фонарей увеличилось менѣе чѣмъ въ четыре раза; до начала 50-хъ годовъ Невскій проспектъ былъ освѣщенъ газомъ только до Владимірской улицы; введеніе газоваго освѣщенія въ Гостиномъ дворѣ сопровождалось величайшими затрудненіями; торговцы гостиного двора привыкли торговать только до сумерокъ. Вообще же, въ 1847 году было на весь Петербургъ 4.726 городскихъ фонарей, изъ нихъ 3.732 горѣвшихъ коноплянымъ масломъ, 528 спиртовыхъ и 466 газовыхъ. Въ 1843 году домъ Гонурапуло и сосѣдній домъ Воеводскаго были приобрѣтены казною для постройки здѣсь зданія Министерства Земледѣлія. Старые дома были сломаны, площадь увеличена, и построены громадныя дома для министерства, а на другой сторонѣ площади — домъ и для министра. Строителемъ былъ профессоръ архитектуры Н. Е. Ефимовъ.

25 іюня 1859 года на этой вновь устроенной площади былъ открытъ памятникъ Николаю I. Утвержденіе проекта памятника было 2 мая 1856 года, слѣдовательно, памятникъ строился только три года: осенью 1856 года начали бить сваи подъ фундаментъ, въ январѣ 1857 года была закладка памятника, а въ январѣ 1859 года уже оканчивали мраморную часть пьедестала. Пьедесталъ памятника сдѣланъ по проекту архитектора Монферана, состоитъ изъ 118 отдѣльныхъ камней, соединенныхъ между собою. Матеріаломъ служили: для самаго низа пьедестала красный финляндскій гранитъ, затѣмъ шелъ сѣрый сердобольскій гранитъ, далѣе, главная часть пьедестала изъ темно-малиноваго шоханскаго порфира, который увѣнчивался бѣлымъ итальянскимъ мраморомъ. Высота пьедестала 22 аршина. Конную статую государя Николая I въ парадной конногвардейской формѣ и въ кирасѣ

изваялъ академикъ баронъ Клодтъ; изваяніе статуи было окончено лѣтомъ 1857 года, къ отливкѣ приступили весною 1858 года. 21-го февраля 1859 года статуя была готова и красовалась въ зданіи Академіи Художествъ.

19 мая приступили къ перевозкѣ этой статуи: она была перевезена на деревянной платформѣ на каткахъ; человекъ 60 рабочихъ тянули за два каната, прикрѣпленные къ подножью статуи; возбуждалъ большое опасеніе подъемъ на Николаевскій мостъ, но его прошли благополучно, и статуя была доставлена; также благополучно произошло и поднятіе ея на пьедесталъ, что совершилось 25 мая. Въ работахъ памятника принимали участіе два академика—Залеманъ и Рамазановъ, на долю которыхъ выпала работа по украшенію пьедестала,—ими сдѣланы трофеи изъ орудій, четыре барельефа и четыре эмблематическія фигуры. Эти фигуры должны были представлять изъ себя—правосудіе, силу, мудрость и вѣру, а были, между тѣмъ, портретомъ жены и дочерей Николая I.

На Маріинской площади, на углу Малой Морской, по обѣимъ сторонамъ Синяго моста и противъ Маріинскаго дворца, были устроены трибуны для публики—мѣста на этихъ трибунахъ продавались за очень высокую цѣну; такъ, лежа на 7 персонъ стоила 100 руб., стулья по 25 р., самое послѣднее мѣсто—стоять—1 р. Воспользовались „этимъ случаемъ и владѣльцы домовъ на Маріинской площади, сдававшіе на день 25 іюня окна, причемъ цѣна доходила до 100 рублей за окно. Оптическіе магазины въ свою очередь публиковали о прокатѣ зрительныхъ трубокъ на день открытія памятника по цѣнѣ отъ 1 р. до 5 р. за прокатъ. Наконецъ, главное Общество россійскихъ желѣзныхъ дорогъ устроило по случаю открытія памятника льготные би-

леты на проѣздъ изъ Пскова и Луги въ Петербургъ и обратно“. Самое открытіе памятника происходило по особому церемоніалу съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ. Присутствовала царская фамилія, придворные, дипломатическій корпусъ, гвардія. Дворцовые гренадеры въ своихъ мохнатыхъ шапкахъ стояли двумя шпалерами отъ южныхъ дверей собора вплоть до памятника. Многотысячная толпа зрителей занимала трибуны, толпилась за рядами войскъ, „даже самыя крыши“ — говоритъ хроникеръ того времени — „унизались, какъ бусами, разноцвѣтными дамскими зонтиками и надъ всѣмъ этимъ ярко свѣтило лѣтнее солнце. Въ моментъ провозглашенія вѣчной памяти раздался залпъ орудій изъ Петропавловской крѣпости, съ расположенныхъ по Невѣ между Николаевскимъ мостомъ и Зимнимъ дворцомъ въ три линіи канонерокъ и изъ всѣхъ орудій, находящихся при войскахъ (трескотня была порядочная), а на колокольникѣ Исаакіевскаго собора и ближайшихъ церквей начался торжественный перезвонъ“.

Часть нынѣшней Морской, между Невскимъ и аркою главнаго штаба, отличается, какъ говорили, — тѣмъ, что она пробита ровно по меридіану — въ яркій солнечный день можно, по солнцу, провѣрять часы. Долгое время эта улица звалась Малою Милліонной, а еще раньше — въ XVIII вѣкѣ — Большою Луговою, просто Луговою и Луговою Милліонною.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Завѣщаніе графа Ѳ. М. Апраксина.—Еще одинъ примѣръ „случая“ въ дѣлѣ устройства Петрограда.—Земельные участки, занимаемые нынѣ Зимнимъ дворцомъ.—Послѣдовательная постройка трехъ домовъ для графа Апраксина.—Застройка Милліонной (нынѣ Дворцовой) набережной.—Зимній дворецъ Анны Іоанновны.—Постройка Растрелли.—Описаніе дворца въ Екатерининское время.—Пожаръ дворца 1837 г.—Площадь Зимняго дворца.—Александровская колонна.—9 января 1905 года.—Степанъ Халтуринъ и взрывъ во дворцѣ.—Милліонная улица.—Ея первоначальное названіе.—Застройка ея каменными домами.—Греческая слободка.—Пожаръ 1737 года.—Царицынъ Лугъ.—Яркій примѣръ осушенія Петромъ Великимъ петербургскихъ болотъ.—Лѣтній садъ.—Описаніе Берхгольца.—Устройство фонтановъ.—Наводненіе 1777 года.—Рѣшетка Лѣтнаго сада.—Краткая справка объ устройствѣ и переносѣ съ мѣста на мѣсто Исаакіевской церкви.—Канатный дворъ.—Каналы, его окружающіе.—Каторжный дворъ.—Какъ звалась Англійская набережная.—Къ исторіи ея происхожденія.—Памятникъ Петра I.

185 лѣтъ тому назадъ—10 марта 1729 года—въ засѣданіи верховнаго тайнаго совѣта разсматривали не совсѣмъ обыкновенное дѣло: шли разговоры объ исполненіи духовнаго завѣщанія графа Апраксина; по первому пункту этого завѣщанія петербургскій домъ графа былъ завѣщанъ Императору Петру II.

Такимъ образомъ, подданный завѣщалъ свое имущество своему монарху; правда, этотъ подданный былъ въ родствѣ съ своимъ монархомъ; родная сестра графа Ѳедора Матвѣевича, царица Марѳа Матвѣевна, была

вторую супругою царя Оедора Алексѣевича; правда, этотъ подданный былъ „великій адмиралтеецъ“, командовавшій русскимъ флотомъ въ день знаменательной первой побѣды русскаго флота надъ шведскимъ, — 26 іюля 1714 года при мысѣ Гангутъ—но все-таки примѣры подобныхъ завѣщаній были если не единичны, то чрезвычайно рѣдки. Завѣщаніе это было утверждено молодымъ Императоромъ Петромъ II и тайный верховный совѣтъ постановилъ: „завѣщанный домъ принять въ вѣдомство дворцовой канцеляріи“.

Вотъ еще одинъ примѣръ того всевластнаго „случая“, который игралъ такую большую роль въ дѣлѣ устройства Петербурга. Мы такъ привыкли думать, что „Зимній дворецъ“ построенъ на специально выбранномъ мѣстѣ, съ специальною цѣлью — служить мѣстопробываніемъ царской фамиліи. Дворецъ образовался совершенно случайно,—будь у адмирала Апраксина дѣти, конечно, онъ оставилъ бы свой домъ этимъ дѣтямъ, а не завѣщаль его Императору Петру II.

Нынѣшній участокъ Зимняго дворца обозначенъ на нашемъ планѣ (см. въ концѣ книги планъ № 7) цифрами 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, т. е. онъ когда-то состоялъ изъ 7 домовыхъ участковъ. 1-ый принадлежалъ Кикину, 2 — Апраксину, 3 — Саввѣ Рагузинскому, 4 — графу П. И. Ягужинскому, 5 — вице-адмиралу Крейсу, 6 — гофмейстеру Олсуфьеву и 7 — вице-адмиралу Броуну. На нашемъ планѣ, на этихъ участкахъ поставлены даты, показывающія время первоначальной застройки того или иного участка, а также и послѣдовательной перестройки.

Съ основанія Петербурга, его непосредственнымъ начальникомъ и не только Петербурга, но и всей Ингерманландіи былъ сдѣланъ графъ Ѳ. М. Апраксинъ. Весьма понятно, что одной изъ первыхъ построекъ на

Адмиралтейскомъ островѣ, послѣ того, какъ было заложено Адмиралтейство, явились хоромы для графа Ѳ. М. Апраксина. Весьма понятно, что для лучшаго надзора за всѣми постройками Адмиралтейства, домъ Апраксина долженъ быть по близости отъ Адмиралтейства. И, отмѣривъ 200 сажень отъ гласиса крѣпости,—такое повелѣніе дано было самимъ Петромъ, чтобы ближе 200 сажень къ Адмиралтейству не строить—22 іюня 1705 года стали строить „хоромы адмиралтейцу“. Само же Адмиралтейство, какъ помнитъ читатель, было заложено 5 ноября 1704 года. Хотя эта постройка и звалась торжественно „хоромами“, но, по всей вѣроятности, это была просто изба, можетъ быть, въ двѣ связи, выстроенная наскоро, поспѣшно и малымъ отличалась отъ другой, такой же постройки, которую строили вице-адмиралу Крейсу. А послѣдній писалъ о своемъ домѣ довольно энергично: „и что твоя честность позволила послать для достроенія и совершенія моего дому указъ, такожь есть зѣло угодно, ибо еще недостатковъ въ томъ къ достройкѣ или когда кому возможно будетъ въ немъ жить, много есть“... А, между тѣмъ, домъ Крейса оффиціально считался выстроеннымъ и пригоднымъ для жилья.

Какъ только положеніе Петербурга укрѣпилось, рядомъ съ своими первыми деревянными хоромами, графъ Апраксинъ началъ строить вторые, уже каменные. Постройка ихъ началась въ 1712 году. Второй домъ Апраксина строилъ архитекторъ Трезини, это былъ домъ въ два этажа. И первый и второй дома Апраксина были расположены по линіи Адмиралтейства, приблизительно тамъ, гдѣ теперь разведенъ садъ Зимняго Дворца,—набережной Невы еще не существовало, а берегъ рѣки шелъ гораздо ближе нынѣшняго, приблизительно посрединѣ существующихъ построекъ: вся

нынѣшняя Дворцовая набережная—дѣло рукъ человѣческихъ и отвоевана отъ Невы: здѣсь въ Неву забивали безконечное число свай, валили фашиинникъ, землю, щебень, били шпунтовые сваи, которыя и продержались до Императрицы Екатерины II, повелѣвшей архитектору Фельтену устроить „гранитный берегъ“ Невы.

Когда въ 1714 году Петромъ Великимъ было приступлено къ устройству Дворцовой набережной, графъ Апраксинъ увидалъ, что и второй его домъ не будетъ соотвѣтствовать мѣстоположенію, и что необходимо приняться за третью постройку.

„Также доношу Вашему сіятельству,—писалъ управитель Апраксина,—съ архитекторомъ Леблонъ видѣлся я и говорилъ съ нимъ о домѣ Вашего сіятельства и онъ сказалъ мнѣ, что объ ономъ дворѣ будетъ чинить, токмо въ настоящее время способнаго часу не имѣетъ того ради, что государственной работы нынѣ много есть, а какъ время будетъ свободное, то обѣщаль оной архитекторъ того часу рисунокъ двору учинить“.

Мы не знаемъ, сдержалъ ли Леблонъ свое обѣщаніе, но, судя по сохранившейся гравюрѣ, фасады Апраксинскаго дома говоритъ о томъ, что этотъ домъ не ординарной работы ремесленника-архитектора, а скорѣе твореніе большого мастера, какимъ и былъ Леблонъ. Въ самой же постройкѣ дома принималъ участіе одинъ изъ первыхъ по времени русскихъ архитекторовъ для насъ неизвѣстный—Федоръ Васильевъ. Имъ была составлена роспись этого дома въ 1717 году,—но, къ нашему несчастью, въ дѣлѣ морского министерства, изъ котораго мы почерпнули всѣ эти впервые появляющіяся въ печати свѣдѣнія, листки съ росписью оказались вырванными.

Закладка новаго дома графа Апраксина была произведена 27 іюня 1716 года. Самого хозяина въ этотъ

день не было въ Петербургѣ, зато на закладкѣ присутствовалъ „свѣтлѣйшій князь“, т. е., Меншиковъ, а это говоритъ, что закладка сопровождалась большимъ торжествомъ. Почти одновременно съ закладкою дома начали устраивать и набережную—бить сваи: „противъ дому Вашего Сіятельства по указу надѣюсь, что сваи будутъ всѣ побиты на будущей недѣлѣ“.

Постройка велась медленно, но хозяинъ не жалѣлъ денегъ—въ 1718 г. онъ проситъ вице-адмирала Крейса прислать изъ Ревеля плитный камень для облицовки своего дома, это обстоятельство позволяетъ опредѣлить цвѣтъ дома — цвѣтъ былъ такой, какъ у особняка кн. Юсуповой на Литейномъ проспектѣ, противъ Симоновской улицы. Этотъ послѣдній особнякъ обложенъ именно ревельскою плитою. Въ 1726 году Апраксинъ высылаетъ Меншикову чертежъ „змѣиныхъ головъ“, для дождевыхъ трубъ, съ просьбою заказать эти головы за границую, въ Гамбургъ, — въ октябрѣ того же года головы были привезены на суднѣ въ Ревель, а оттуда сухимъ путемъ доставлены въ С.-Петербургъ; наконецъ, въ 1719 году былъ заключенъ съ какимъ-то фонтаннымъ мастеромъ любопытный контрактъ „на устройство въ домѣ на показанномъ мѣстѣ фонтану самымъ добрымъ мастерствомъ, какъ обыкновенно дѣлается во Франціи“. Фонтанъ долженъ былъ быть устроенъ въ два мѣсяца за 350 рублей. Въ постройкѣ дома Апраксина принималъ участіе и самъ Петръ Великій: „Царское Величество указалъ отпустить въ домъ генераль-адмирала графа Федора Матвѣевича ново-прибылыхъ гамбургскихъ 300 липъ“, — читаемъ мы одно изъ распоряженій дворцовой конторы. Эти липы пошли на устройство при домѣ сада, который довольно подробно описалъ уже не разъ цитируемый нами камеръ-юнкеръ Бергхольцъ: „вскорѣ всѣ встали и пошли смо-

трѣть недавно разведенный хозяиномъ садъ, очень красивый и имѣющій много аллей. Адмиралъ показывалъ намъ, между прочимъ, и свою оранжерею, которая невелика, но очень недурна. Тайный совѣтникъ Клауссенгеймъ (одинъ изъ свиты герцога Голштинскаго) не мало удивился, что группы деревьевъ въ этомъ саду, несмотря на отдаленный сѣверъ, разрослись такъ скоро въ ширину и высоту“. Наконецъ, большая забота выказывалась и о внутреннемъ убранствѣ дома, объ этомъ мы можемъ судить хотя по слѣдующему документу, дошедшему до нашего времени: въ 1719 году графъ Апраксинъ просилъ своего амстердамскаго корреспондента, купца Говерга, прислать ему для новаго дома канарейку и попугая.

Домъ графа Апраксина былъ построенъ; рядомъ съ нимъ строились и другіе дома по нынѣшней Дворцовой набережной, которая въ 1717—20 гг. имѣла слѣдующій видъ: „Рядомъ съ домомъ Апраксина былъ красивый домъ итальянскаго или греческаго купца,—какъ пишетъ одинъ изъ современниковъ,—выстроенный на итальянскій манеръ, однако-жъ деревянный“.—Это былъ домъ Саввы Рагузинскаго, выходца изъ Венеціи, сумѣвшаго вкратѣ въ довѣріе Петру I и отправленнаго послѣднимъ въ Китайское посольство. Далѣе былъ участокъ генерала Ягужинскаго — фундаментъ подъ этотъ домъ былъ заложенъ 24 января 1715 года. У адмирала Крейса (5) сначала былъ построенъ точно такой же домъ, какой строился Апраксину въ 1705 г. На огромномъ мѣстѣ Крейса, ближе къ нынѣшней Дворцовой площади, была первоначальная лютеранская церковь. Къ постройкѣ своего каменнаго дома Крейсъ приступилъ не ранѣе 1717—1718 гг., когда началъ постройку и владѣлецъ слѣдующаго участка Олсуфьевъ. Крайній участокъ къ Зимней Канавкѣ, принадлежавшій

контръ-адмиралу Броуну, показанъ на извѣстной гравюрѣ „Невской набережной“ Петровскаго времени застроеннымъ, но, кажется, это фантазія художника. По крайней мѣрѣ, на снятомъ съ натуры въ 1738 году планѣ это мѣсто показано все еще незастроеннымъ.

Послѣ бракосочетанія герцога Голштинскаго съ дочерью Петра Великаго, царевною Анной Петровной, новобрачная чета поселилась въ домѣ Апраксина, который былъ снятъ въ аренду за 3 тыс. р. Послѣ отъѣзда герцога Голштинскаго домъ Апраксина пустовалъ. Императоръ Петръ II уже переѣхалъ въ Москву и домою воспользовалась лишь Императрица Анна Іоанновна, которая и превратила домъ Апраксина въ свой зимній дворецъ. „Государыня Императрица Анна Іоанновна по коронаціи своей изъ Москвы,—писалъ первый историкъ Петербурга Богдановъ,—для прибытія въ С.-Петербургъ изволила помянутый домъ Адмиралтейскій занять подъ монаршію свой домъ“.

Въ теченіе 20 лѣтъ, съ 1732 по 1753 годъ, происходитъ чуть ли не ежегодный ремонтъ, пристройка, приспособленіе сосѣднихъ съ домомъ Апраксина домовъ для дворца. Эти дома отчасти скупались, отчасти переходили по конфискаціи, пробивались стѣны, придѣлывались дополнительныя пристройки, словомъ, стремились всѣми способами увеличить помѣщеніе дворца. Денегъ тратилось много, но толку получалось мало, помѣщенія не доставало, и 16 іюня 1754 года „по именному Ея Императорскаго Величества Высочайшему изустному указу повелѣно при новомъ Ея Императорскомъ Велиествѣ Зимнемъ домѣ по учиненному въ Москвѣ плану и фасаду строеніе производить съ поспѣшеніемъ и для скорѣйшаго производства дѣлъ учреждена особая контора и въ оной до указу опредѣлено присутствовать и надъ всѣмъ тѣмъ смотрѣніе имѣть

полковнику Насонову и надворному совѣтнику Ивану Россію и именовать ту контору конторою строенія Ея Императорскаго Величества Зимняго Дому“.

И съ 1754 по 1762 годъ продолжалась эта громадная строительная работа, сопровождающаяся многими очень любопытными бытовыми подробностями. Вотъ одна изъ такихъ подробностей, возстановляющихъ передъ нами до извѣстной степени картины прошлаго: 17 января 1757 года канцелярія отъ строеній объявляла, что „партикулярными кирпичнаго дѣла промышленниками въ дѣлѣ и поставкѣ кирпича на партикулярныя строенія отъ помянутой канцеляріи отъ строеній запрещеніевъ нѣтъ; и въ нынѣшнемъ году къ строенію Зимняго дворца отъ нихъ промышленниковъ кирпича взято не будетъ; и дабы они на канцелярію строеній напрасныхъ отговорокъ въ томъ не имѣли и цѣны не возвышали, то отъ конторы Невскихъ кирпичныхъ и черепичныхъ заводовъ велѣно объявить имъ о томъ съ подписками“.

Вполнѣ знакомая и въ настоящее время жанровая сценка: кирпиче-промышленники воспользовались постройкою Зимняго дворца, чтобы повысить цѣну на кирпичъ. Когда обыватель спрашивалъ, почему такое мародерство, торговцы указывали на канцелярію отъ строеній. То же самое дѣлали и другіе промышленники съ другими строительными матеріалами: „симъ объявляется,—читаемъ мы 25 марта 1757 года,—что у плитныхъ промышленниковъ тосенскаго плитнаго камня, кромѣ взятой къ строенію Зимняго дома для сженія въ известъ, остается довольное число и въ продажѣ онаго партикулярнымъ людямъ запрещенія имъ отъ канцеляріи отъ строеній не имѣется и чтобъ они не имѣли нареканія, яко бы ихъ плита вся взята къ строенію помянутаго дома“.

Несмотря на то, что въ вышецитируемомъ указѣ о постройкѣ Зимняго дворца было указано, что строить его надо съ большимъ поспѣшеніемъ и хотя, дѣйствительно, при постройкѣ не экономили ни въ средствахъ, ни въ рабочей силѣ—постройка дворца затянулась, Елизаветѣ Петровнѣ такъ и не удалось въ него переѣхать, переселился Петръ III, причемъ онъ такъ спѣшилъ переѣздомъ, что переѣхалъ въ далеко не устроенный дворецъ. Дальнѣйшія работы надъ дворцомъ продолжались весь XVIII вѣкъ,—то во дворцѣ перестраивались тѣ или иные залы, то достраивался первоначальный эрмитажъ, то черезъ зимнюю канавку Гваренги перекидывалъ свою галлерею, словомъ, строительная работа во дворцѣ во время царствованія Екатерины II не прекращалась. Сохранился рядъ интереснѣйшихъ описаній дворца за XVIII вѣкъ; мы приведемъ одно изъ нихъ, на нашъ взглядъ наиболѣе характерное: „Видъ этого эрмитажа не совсѣмъ соотвѣтствовалъ его названію, потому что при входѣ въ него глаза поражались обширностью его залъ и галлерей, богатствомъ обстановки, множествомъ картинъ великихъ мастеровъ и пріятнымъ зимнимъ садомъ, гдѣ зелень, цвѣты и пѣніе птицъ, казалось, перенесли итальянскую весну на снѣжный сѣверъ. Избранная библіотека доказываетъ, что пустынный этихъ мѣстъ (иностранецъ, авторъ описанія, смѣшалъ названіе Зимняго дворца съ эрмитажемъ, онъ принялъ, что эрмитажемъ зовется весь дворецъ, а не значительная его часть) предпочитаетъ свѣтъ философіи монашескимъ упражненіямъ. Тамъ былъ и курсъ исторіи почти что въ лицахъ—полнѣйшее собраніе медалей всѣхъ народовъ и вѣковъ. Въ концѣ дворца находилась прекрасная театральная зала, въ маломъ видѣ устроенная на подобіе древняго театра въ Виченцѣ. Она была полукруглая, безъ

ложь, съ лѣстницею скамеекъ, расположенныхъ амфи-театромъ“.

Со вступленіемъ на престолъ Павла работы въ Зимнемъ дворцѣ прекратились. Павелъ избралъ своею резиденціей строившійся Михайловскій замокъ. Александръ I вернулся въ Зимній дворецъ, который официально и оставался мѣстопробываніемъ русскихъ царей, что, между прочимъ, свидѣтельствовалось поднятымъ надъ дворцомъ штандартомъ. Штандартъ оставался поднятымъ и тогда, когда цари, какъ, напримѣръ, Александръ III жилъ въ Аничковомъ дворцѣ, а Николай II—въ Царскомъ Селѣ.

17 декабря 1837 года жители столицы могли прочесть въ „Сѣверной Пчелѣ“, негласномъ органѣ III отдѣленія того времени, слѣдующія строчки: „Сѣверная столица лишилась лучшаго своего украшенія. Зимній дворецъ сдѣлался добычей пламени. Какъ добрыя дѣти съ печалью душевною окружаютъ развалины любезнаго отчужденнаго дома, въ которомъ они получили жизнь и всѣ блага жизни, такъ и мы, вѣрноподданные, сѣтуемъ на дымящихся остаткахъ дома великихъ нашихъ государей, въ которомъ въ теченіе 75 лѣтъ созидалось наше счастье, наша слава и приуготовлялась и въ будущемъ судьба дѣтей нашихъ. Потеря, причиненная симъ бѣдственнымъ случаемъ, велика и чувствительна, но она ограничилась только тѣмъ, чего не было въ человеческой возможности спасти отъ разрушительнаго дѣйствія разъяренной стихіи. Жертвою пожара сдѣлался главный корпусъ, но эрмитажъ уцѣлѣлъ, и изъ самаго дворца вынесено все. Начавшись въ пятницу 17 декабря, въ 8 ч. вечера, пожаръ продолжался съ одинаковою силою въ теченіе 30 часовъ“.

Этотъ отрывокъ очень характеренъ, такъ какъ онъ показываетъ, какимъ образомъ нужно было писать про

пожаръ царскаго дворца, какъ высказывать свой патріотизмъ. Пожаръ произошелъ отъ архитекторской небрежности—была забыта внутри деревянная переборка, около нея прошла труба, переборка затлѣла, пожаръ возникъ наверху, тамъ, гдѣ жила прислуга; огонь во-время не замѣтили, упустили моментъ, а когда появились пожарные, то приходилось лишь выносить изъ дворца наиболѣе цѣнныя вещи и ждать, пока весь горючій матеріалъ сгоритъ. Была назначена особая коммиссія для разслѣдованія этого пожара и возобновленія Зимняго дворца; въ этой же самой „Сѣверной Пчелѣ“ мы сталкиваемся съ такими элегическими строками.

„При тебѣ (авторъ пишетъ своему другу, уѣхавшему изъ С.-Петербурга) величественный остовъ Державца зданій Зимняго дворца, задушившаго въ своихъ каменныхъ объятіяхъ бѣшенную ярость возставшей противъ него стихіи, пасмурно стоялъ, какъ воинъ, могучій, но израненный и очерненный дымомъ неслыханной битвы, съ распавшимся шлемомъ, съ раздробленнымъ панциремъ. Теперь ты не узнаешь его: почти нѣтъ слѣдовъ бѣдственнаго пожара: куполь церкви горитъ золотомъ, крыша съ карнизомъ готовы, лѣса опали, оконничныя рамы вставлены и внутренняя отдѣлка идетъ съ быстротою и совершенствомъ, непонятными только не русскимъ“.

Дѣйствительно, дворецъ поправили менѣе чѣмъ въ годъ, строители были щедро награждены и „съ небольшимъ черезъ годъ послѣ этой поправки, 13 іюня 1841 года, потолокъ громадной Георгіевской залы обрушился отъ дурно рассчитанной тяжести сводовъ“. Это обстоятельство показываетъ ясно, какъ шло дѣло строительства въ Россіи. Несчастія съ людьми не было, потому что въ залѣ никого не было, но, конечно, пото-

локъ могъ обрушиться и во время какой-либо церемоніи, похоронивъ не одну сотню жертвъ.

Зимній дворецъ—твореніе архитектора Растрелли, возсоздателя и основателя русскаго барокко. Въ этомъ дворцѣ рельефно выразились всѣ—и положительныя, и отрицательныя—свойства художника. Нѣсколько слабъ общій планъ—растянутый массивный четырехугольникъ не производитъ особаго впечатлѣнія, наоборотъ, онъ утомляетъ, но чуть отъ общаго плана перейдемъ къ частностямъ, къ деталямъ, какъ восторженное отношеніе къ знаменитому русскому художнику, хотя и итальянцу по происхожденію, но русскому не только по мѣсту дѣятельности, но и по характеру ея, все увеличивается и увеличивается. Особенно хороши углы зданія, разработанные смѣло, отчетливо, такъ, чтобы, разъ бросившись въ глаза, они остались навсегда въ памяти.

Какъ вмѣсто Зимняго дворца прежде былъ рядъ построекъ, такъ вмѣсто Дворцовой площади была Луговая Милліонная улица, дома которой располагались по линіи нынѣшнихъ зданій Архива государственнаго совѣта, Гвардейскаго штаба и далѣе, по лѣвой сторонѣ Морской улицы. Квартала между правой стороной Морской улицы, Невскаго проспекта, Адмиралтейской и Дворцовой площади не было, часть этого квартала занималъ Морской рынокъ, часть примыкала къ Дворцовой площади. Заботы о регулированіи ея начались съ царствованія Елизаветы Петровны. Пытались „для красоты“ засѣять площадь овсомъ, пытались неоднократно ее вымостить, но всѣ эти попытки такъ и остались попытками. Въ царствованіе императрицы Екатерины II Академія Художеств объявила даже конкурсъ на обстройку Дворцовой площади „великолѣпными“ домами; проектъ былъ представленъ и начали строить такіе дома,—одинъ изъ

нихъ на углу нынѣшней Морской улицы, приблизительно тамъ, гдѣ теперь помѣщается часть дома Главнаго штаба, примыкающая къ аркѣ. Домъ этотъ предназначался для любовника Екатерины II Ланского, потомъ онъ перешелъ къ Кушелевымъ. Приведеніе площади въ настоящій видъ произошло уже въ царствованіе императора Николая I, когда былъ законченъ проектъ Дворцовой площади архитекторомъ Росси. Проектъ этотъ былъ составленъ еще въ царствованіе императора Александра I. Начало ему было положено покупкою казною для Генеральнаго штаба одного изъ домовъ, бывшихъ Кушелевой, а тогда сенатора Молчанова. Лѣстница библіотеки Главнаго штаба, отдѣланная во всю высоту подъ мраморъ, украшенная пилястрами, съ нишами для статуй и барельефами, осталась безъ измѣненія отъ дома Молчанова. Послѣ покупки дома Молчанова Главный штабъ сталъ прикупать сосѣдніе дома: 6 мая 1818 года былъ купленъ домъ, выходившій на уголъ Дворцовой и Адмиралтейской площади,—домъ Кусовникова, 12 марта 1819 г. домъ на другой сторонѣ дома Молчанова, выходившій на уголъ Морской; 16 марта 1819 года началась перестройка этихъ пріобрѣтенныхъ Главнымъ штабомъ домовъ и въ то же время на другой сторонѣ Дворцовой площади симметрично отстраивалось зданіе Министерства Финансовъ и Иностранныхъ Дѣлъ, соединенное съ Главнымъ штабомъ 2 арками, богато украшенными массивными чугунными арматурами и розетками. Надъ аркою, со стороны площади, имѣется статуя побѣды на колесницѣ, запряженной 6 конями, которыхъ ведутъ 2 воина въ доспѣхахъ. Съ двухъ сторонъ арки, выходящей на площадь, поставлено по двѣ колонны коринесскаго ордена, а между ними массивныя чугунные фигуры воиновъ въ рыцарскихъ до-

спѣхахъ; надъ створомъ арки помѣщены фигуры ангеловъ съ лавровыми вѣнками и пальмовыми вѣтвями въ рукахъ. 21 марта 1844 года было приобрѣтено послѣднее частное зданіе, примыкавшее къ казеннымъ постройкамъ. Это зданіе выходило на уголъ Невскаго проспекта и Адмиралтейской площади, оно принадлежало Вольно-Экономическому Обществу. Исторія этого Общества не только въ дѣлѣ развитія народнаго хозяйства, но и, главнымъ образомъ, въ дѣлѣ развитія нашего общественнаго самосознанія громадна; недаромъ же самодержавное правительство изощрялось въ преслѣдованіяхъ этого Общества вплоть до временнаго его закрытія. Перестройка дома Вольно-Экономическаго Общества закончилась подъ руководствомъ инженеръ-полковника Черника въ 1844—45 годахъ, и съ этого года зданія Дворцовой площади сохраняютъ свой видъ.

Въ 1832 году появилась на Дворцовой площади послѣдняя деталь этой площади: произошло торжество поднятія Александровской колонны. Самое поднятіе колонны—„сіе гигантское предпріятіе, превышающее все доселѣ совершенное въ семъ родѣ народами древними и новыми“, такъ писалось въ то время, „было сдѣлано 30 августа, въ день святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго, по окончаніи крестнаго хода и богослуженія въ Невской лаврѣ, и было приведено въ дѣйствіе посредствомъ 60 машинъ, при помощи 2.000 гвардейскихъ солдатъ, избранныхъ изъ числа тѣхъ, „кои служили подъ знаменемъ монарха, въ честь коего сооружался памятникъ“. „Медленно и величаво—писалъ одинъ изъ очевидцевъ—поднималась гранитная громада, движимая руками воиновъ, участниковъ въ славѣ Александра. Боязливое опасеніе и надежда волновали сердца присутствующихъ. Кругомъ царствовало глубокое молчаніе... Но вдругъ радостныя, тысячекратно повто-

равшіяся восклицанія возвѣстили совершеніе многотруднаго подвига“.

На этотъ день, на это событіе—точно изъ рога изобилія посыпались стихи. Престарѣлая Анна Волкова—поэтесса дней Александра Благословеннаго—воскликнула въ своихъ стихахъ:

Ты, камень, чувства не имѣешь,
Но сильно чувствовать велишь,
Ты душу потрясать умѣешь,
Безъ словъ съ сердцами говоришь!

Какой-то забытый вполнѣ И. Гогніевъ сочинилъ длиннѣйшіе стансы подъ заглавіемъ „Чувство русскаго при взглядѣ на колонну, предназначенную въ память Благословеннаго“. Въ этихъ стансахъ, указывая, какъ пламенѣетъ славянинъ, смотря на эту колонну, „на этотъ гранитный исполинъ“, который „утроба сѣвера хранила намъ отъ вѣка“, И. Гогніевъ воспоминаетъ 1812 годъ:

Святая Русь! героевъ мать!
Ты-ль не вспомнешь той години,
Когда, губя вселенной рать,
Поборникъ твой былъ Промыслъ дивный.
Тебѣ—гранить сей—отъ него,
Залогъ грядущей благодати;
Избранная! ты—мечъ его,
Ты—кара, ты—спасенье браней!

и высказываетъ пожеланіе и вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренность:

Возстань! красуйся надъ Невой!
Ты будешь зримъ съ границъ вселенной.

Какъ видимъ, восторгъ пѣнты превысилъ всѣ возможныя гиперболы—Александровская колонна, по его стихамъ, должна была быть зрима даже съ границъ вселенной. Приложилъ свою руку и извѣстный своей печальною страстью „писать стихи“ графъ Хвостовъ,

племянникъ знаменитаго Суворова, и на этотъ разъ его произведеніе было болѣе удачно:

Питодецъ сѣвера, сынъ грозныхъ природы,
Гранитъ-тяжеловѣсъ, единственъ и высокъ;
Глава утеса тамъ, небесные гдѣ своды,
Подосва—нутрь земли, гдѣ водъ кипитъ потокъ.
На бельта раменахъ, по волѣ Николая,
Гора чудесная въ Петрополь приплыла,
Въ потомствѣ прославлять, святыни лучъ являя
Вновь, Александръ,—твой безсмертныя дѣла!

Какъ видимъ, „патріотизмъ“ разыгрался во всю; конечно, при этомъ забывали оборотную сторону медали. Колонна Александра I представляетъ одинъ изъ величайшихъ монолитовъ и была отбита отъ гранитной горы, находящейся въ 210 верстахъ отъ Петербурга, на берегу Финскаго залива, помощью самыхъ первобытныхъ средствъ: помощью простого желѣзнаго лома и металлической кувалды (особый большой молотокъ). Цѣлые два года—1830 и 1831—день и ночь раздавался на горѣ неумолчный стукъ кувалды о ломы и, подхватываемый эхомъ, отдавался далеко въ окрестностяхъ. Вдоль горы стояло отъ 300 до 400 рабочихъ: часть изъ нихъ держала въ рукахъ длинные, окованные сталью ломы, направляя ихъ вертикально къ горѣ. По каждому такому лому попеременно ударяли два человѣка кувалдами. Мучительная работа! Особенно тяжело было тѣмъ, которые держали ломы—отъ ударъ кувалды чувствовалось сотрясеніе во всемъ тѣлѣ, страшный шумъ порождалъ глухоту, черезъ 2—3 мѣсяца постоянной работы приходилось смѣнять кадръ рабочихъ: часть ихъ дѣлалась глухими, часть получала особый параличъ рукъ,—но, вѣдь, это были крѣпостные, рабы, они должны были исполнять свой урокъ подъ страхомъ безжалостнаго наказанія, и 19 сентября 1831 года монолитъ былъ отбитъ отъ горы, обтесанъ въ колонну и

на огромной баржѣ, на буксирѣ трехъ пароходовъ, былъ доставленъ въ Петербургъ, а 30 августа 1834 г., въ торжественной обстановкѣ, произошла церемонія освященія и открытія колонны.

„Ночь на 9 января 1905 года Петербургъ былъ фактически поставленъ на военное положеніе. Повсюду были размѣщены войска. Въ отдѣльных частяхъ города были устроены штабы съ походными кроватями, гдѣ офицеры въ шинеляхъ, по военному, пили чай, курили, болтали, коротали ночь, какъ въ походѣ. Для военныхъ были снаряжены, на всякій случай, кареты Краснаго Креста. Г.г. офицерамъ было предоставлено высшимъ военнымъ начальствомъ дѣйствовать по усмотрѣнію. На всѣхъ мостахъ и переходахъ Невы съ ранняго утра расположились пикеты. Пьяные солдаты, грѣясь у костра, прыгали, хохотали, плясали польку. За Нарвскими воротами расположены были войска, нарочно привезенныя въ эту ночь изъ Пскова. Ничего не подозрѣвавшимъ солдатамъ этихъ ротъ заранѣе дано было предписаніе стрѣлять по сигнальному рожку. Еще не наступилъ поздній январскій разсвѣтъ, а отъ отдаленныхъ отъ центра пунктовъ потянулись рабочіе отъ мѣстъ, гдѣ собирались отдѣлы гапоновскаго общества. Передъ тѣмъ, какъ выйти на улицу, звучали такія рѣчи. На эстрадѣ появился пожилой рабочій и обратился къ толпѣ: „Товарищи! Вы знаете, за чѣмъ мы идемъ. Мы идемъ къ царю за правдой. Не вмоготу намъ стало жить. Помните ли вы Минина, который обратился къ народу, чтобы спасти Русь. Но отъ кого? Отъ поляковъ. Теперь мы должны спасти Русь отъ чиновниковъ, подъ гнетомъ которыхъ мы страдаемъ. Изъ насъ выжимаютъ потъ и кровь. И вотъ, товарищи, мы идемъ къ царю. Если онъ—нашъ царь, если онъ любитъ народъ свой, онъ долженъ насъ вы-

слушать. Мы послали ему черезъ министра письмо, въ которомъ просили выйти къ намъ въ 2 часа на Дворцовую площадь. Мы представимъ ему петицію, въ которой выражены всѣ наши требованія, извѣстныя вамъ. Не можетъ быть, чтобы онъ насъ не принялъ. Мы идемъ къ нему съ открытой душой. Онъ долженъ насъ выслушать, онъ это сдѣлаетъ. Товарищи! Такъ идемте всѣ къ царю. Я первый пойду въ первыхъ рядахъ, и когда мы падемъ, вторые ряды за нами! Но не можетъ быть, чтобы онъ велѣлъ въ насъ стрѣлять“!..

Когда голова шествія путиловскихъ рабочихъ приближалась уже къ Нарвскимъ воротамъ, изъ-за воротъ, прямо на толпу, карьеромъ понесся отрядъ конницы. Онъ порвалъ шеренги первыхъ рядовъ, но быстро повернулъ назадъ и отъѣхалъ въ сторону, открывая стоявшую на мостикѣ—поперекъ его и по бокамъ—пѣхоту. Толпа пришла въ замѣшательство. Но первые ряды сейчасъ же сомкнулись, взяли за руки и съ пѣніемъ мужественно двинулись впередъ къ мостику. Раздался сигнальный рожокъ—обезумѣвшіе, ничего не понимавшіе псковскіе солдаты дали залпъ. Помощникъ пристава крикнулъ: что вы дѣлаете! Какъ можно стрѣлять въ крестный ходъ и портретъ царя!—но черезъ минуту упалъ мертвымъ. Солдаты продолжали стрѣльбу пачками, бѣглымъ огнемъ. Невыразимое смятеніе произошло въ эту минуту, когда повалились люди въ первыхъ рядахъ, роняя образа и хоругви. Убиты были старики, несшіе царскіе портреты, и мальчикъ; несшій церковный фонарь. Ужасные крики неслись изъ толпы. Часть ея разбѣгалась, пряталась по сосѣднимъ дворамъ. Шальные пули настигали ее и тамъ. Другая часть, вѣрная клятвѣ не отступать, въ безумномъ порывѣ напирала впередъ. Подкошенные пулями падали, сшибали другихъ.

Во второмъ часу дня по тротуарамъ Невскаго, какъ это бываетъ обыкновенно въ ясные праздничные дни, двигалась огромная толпа народа. Но среди обычной городской публики сейчасъ же бросалась въ глаза масса рабочихъ. Они торопливо шли кучками и вереницами, въ одномъ направленіи: къ площади Зимняго дворца. По улицѣ разъѣзжали отряды казаковъ. Чѣмъ ближе къ Адмиралтейству, тѣмъ гуще были толпы и тѣмъ больше было казаковъ. Въ концѣ Невскаго движеніе конокъ было прекращено. Улица была перерѣзана отрядомъ конницы. По Адмиралтейскому проспекту быстро разъѣзжали, тѣсня народъ къ панелямъ, такіе же отряды и группы жандармовъ. На Дворцовой площади была масса войскъ, конницы и пѣхоты. Дворецъ былъ окруженъ пушками. Толпа народа тѣснилась здѣсь къ рѣшеткѣ Александровскаго сада, съ одной стороны, къ зданію Генеральнаго штаба, вплоть до арки — съ другой. Народъ все прибывалъ, размѣщаясь по обѣимъ сторонамъ Адмиралтейскаго проспекта и по угламъ Невскаго. Многіе вошли въ садъ и изнутри тѣснились къ его рѣшеткѣ. На вѣткахъ деревьевъ сидѣли взобравшіеся туда уличные мальчишки. Въ саду, пользуясь рѣдкимъ солнечнымъ днемъ, играли дѣти, каталась на конькахъ безпечная молодежь. Городской людъ шелъ по своимъ надобностямъ во всѣхъ направленіяхъ и задерживался въ саду или на площади необычнымъ зрѣлищемъ. Учащаяся молодежь, интеллигенція, кое-кто изъ случайной публики смѣшивался съ рабочими. Настроеніе толпы было сдержанно-возбужденное. Народъ терпѣливо ждалъ появленія царя. Между рабочими шли тихіе разговоры. Тутъ были лучшіе, самые мужественные изъ нихъ, добравшіеся сюда черезъ всѣ преграды. Иногда эскадронъ конницы проносился съ шашками наголо по Адмиралтейскому проспекту или

начиналъ напирать на публику, тѣснившуюся у стѣнъ и рѣшетокъ сада. Тогда въ толпѣ раздавался громкій негодующій ропотъ, крики, похожіе издали на перека-тывающееся „ура“. Около 2 часовъ жандармерія про-шла по Александровскому саду и, небрежно прика-завъ нѣкоторымъ группамъ расходиться, закрыла всѣ выходы и входы сада, оставивъ тамъ публику. Толпа начинала, между тѣмъ, волноваться; съ окраинъ прихо-дили извѣстія о разстрѣлахъ. Но рабочіе упорно ждали царя. Кто-то сказалъ, что царя нѣтъ въ Петербургѣ. Большинство не повѣрило. Изрѣдка въ толпѣ разда-вались крики: „уберите войско! Вѣдь, мы ничего дур-ного не дѣлаемъ“. Въ одномъ мѣстѣ толстый офицеръ съ краснымъ лицомъ подошелъ къ толпѣ и сказалъ: „Расходитесь! будутъ стрѣлять!“ Слышавшіе это не повѣрили ему и продолжали говорить между собою: „за что же стрѣлять!“ Къ рабочимъ у штаба—это была группа колпинцевъ—тоже подошелъ офицеръ съ пред-упрежденіемъ, что будутъ стрѣлять. Ему отвѣчали— „стрѣляйте! Мы пришли искать правду!“—Вскорѣ изъ группы пѣшихъ войскъ, занимавшихъ средину пло-щади, выдѣлилась рота Преображенскаго полка съ офицеромъ и выстроилась въ двѣ шеренги противъ Александровскаго сада. Публика смотрѣла съ недоумѣ-ніемъ. Заигралъ горнистъ. Наступила тишина. Всѣ переглядывались. Раздались ободряющіе голоса: „это такъ... не можетъ быть“... Горнистъ проигралъ еще разъ и раздалась команда: „цѣлься!“ Первый рядъ преобра-женцевъ опустилса на колѣно и взялъ на прицѣлъ. Никто не тронулся съ мѣста, но лица поблѣднѣли, многіе стали креститься. Раздался залпъ въ народъ, стоявшій у сада, и прямо въ садъ въ любопытныхъ, въ играющихъ дѣтей. Толпа замерла. Нѣкоторые подумали, что залпъ холостой. Но кругомъ, на площади и

за рѣшеткой сада, валились убитые и раненные. Съ деревьевъ, какъ подстрѣленные воробы, посыпались мальчуганы. Кто-то громко застоналъ. Часть толпы вдругъ скорчилась, согнулась и побѣжала въ сторону. Солдаты сдѣлали полуоборотъ вправо и дали залпъ по направленію Адмиралтейства и Дворцоваго моста, потомъ полуоборотъ влѣво и залпъ по направленію къ Штабу въ убѣгающую толпу“...

Таковъ разсказъ Л. Гуревичъ о 9 января 1905 года. На Дворцовой площади пролилась кровь русскаго рабочаго, и Дворцовая площадь впервые стала настоящею народною площадью. Оффиціальныя парады и смотры царской гвардіи смѣнились первыми смотрами наступающей революціи. Самодержавіе и его приспѣшники не поняли, что сдѣлали первые выстрѣлы роты преобразенцевъ. Они убили не только безвѣстныхъ рабочихъ, стариковъ, дѣтей, они убили легенду въ царя, въ его любовь къ Россіи и русскимъ и въ возможность помощью царя достигнуть правды. Съ этой легендою рабочіе шли на Дворцовую площадь и безъ нея возвратились домой тѣ изъ нихъ, которые уцѣлѣли отъ выстрѣловъ 9 января 1905 года.

9 января 1905 года заставляетъ вспомнить 5 февраля 1878 года со взрывомъ въ Зимнемъ дворцѣ. Объ этомъ взрывѣ передавали такія подробности: „Столовая, когда въ нее вошли послѣ взрыва, представляла такую картину: все газовое освѣщеніе въ ней потухло, въ разбитыя окна неся морозъ, въ полу зіяло большое отверстіе, но сервированный столъ былъ не тронутъ, и стоявшій на немъ канделябръ колеблющимися огнями освѣщалъ комнату. Снизу неслись стоны раненныхъ въ караульнѣ. Столовая, подъ которой произведенъ былъ взрывъ, расположена была какъ разъ надъ комнатой для нижнихъ чиновъ главной гауптвахты, подъ которой

находился подвалъ съ небольшою мастерскою. Взрывомъ разбило своды подъ гауптвахтой и подъ столовой, но полъ ея устоялъ. Взрывъ былъ силенъ настолько, что вдоль всей стѣны у гауптвахты образовалась трещина, окна до самаго верхняго этажа включительно разбиты. Взрывъ былъ произведенъ динамитомъ, принесеннымъ въ подвалъ въ большомъ количествѣ. Въ подвалѣ жили четыре лица: престарѣлый вахтеръ, находящійся во дворцѣ уже 15 лѣтъ, и три плотника или столяра. Вахтеръ и два плотника оказались на-лицо, они арестованы, третьяго плотника не оказалось. Гдѣ онъ — неизвѣстно. Онъ поступилъ на работу во дворецъ всего два мѣсяца назадъ. Думали, не погибъ ли онъ. Но теперь все разрыто, все изслѣдовано, а его нѣтъ и слѣда“.

Третьяго плотника или столяра такъ и не нашли. И власти спустя много времени узнали, что столяромъ былъ Степанъ Халтуринъ, основатель перваго сѣвернаго союза рабочихъ, первой настоящей рабочей организаціи. Халтуринъ поступилъ столяромъ во дворецъ для устройства взрыва. Арестъ другого революціонера Квятковскаго, у котораго былъ найденъ планъ Зимняго дворца, поставилъ Халтурина „въ истинно-каторжное положеніе“. На взятомъ у Квятковскаго планѣ царская столовая была отмѣчена крестомъ, и это обстоятельство заставило дворцовую полицію подозрительно относиться къ столярамъ, жившимъ какъ разъ подъ столовой. Въ одной комнатѣ съ Халтуринымъ помѣстили жандарма; дворцовую прислугу часто и неожиданно обыскивали, динамитъ приходилось хранить подъ подушкою, — предпріятіе, а съ нимъ и жизнь Халтурина постоянно висѣли на волоскѣ. Съ поразительнымъ хладнокровіемъ обошелъ онъ всѣ трудности, преодолѣлъ всѣ препятствія, и когда приготовленія были окончены, онъ спо-

койно зажегъ фитиль и вышелъ изъ дворца и явился на конспиративную квартиру... Взрывъ произошелъ, но царь вмѣстѣ съ своею семьею замѣшкались, и взрывъ произошелъ тогда, когда въ столовой еще не было людей, — такимъ образомъ, покушеніе окончилось неудачею.

Нынѣшняя Милліонная улица, судя по свидѣтельству перваго историка Петербурга, началась строеніемъ въ 1718 году, приѣтомъ необходимо отмѣтить, что большая часть нынѣшней Дворцовой набережной взята у Невы,—первоначальный берегъ проходилъ приблизительно посреди нынѣшнихъ построекъ. Такъ какъ большинство первоначальныхъ жителей этой улицы были нѣмцы, то она и называлась „Нѣмецкою“, и только тогда, когда Анна Іоанновна избрала домъ Апраксина дворцомъ, русская аристократія стала селиться на этой улицѣ. Первоначальныя постройки на ней были смѣшанныя, на половину деревянныя. И относительно этой улицы особенно рельефно выразились настоянія правительственной власти урегулировать строительную дѣятельность въ Петербургѣ.

30 января 1720 года былъ изданъ указъ „о достройкѣ домовъ въ С.-Петербургѣ на берегу рѣки Невы внизъ отъ почтоваго дома“,—этимъ указомъ было положено наблюденіе, съ одной стороны, за Дворцевою набережною, а съ другой—за Милліонной улицею; черезъ полгода послѣ этого начальнаго указа появился слѣдующій, разъяснительнаго характера: „О продажѣ недостаточными людьми домовъ своихъ, построенныхъ на берегу Невы, на Адмиралтейскомъ островѣ, морскимъ служителямъ, которые въ состояніи строить каменные дома“. Этотъ указъ любопытенъ и своимъ ограниченіемъ—на Адмиралтейскомъ островѣ, на берегу Невы, должны строиться „морскіе служители“, здѣсь должна быть

Морская слободка. Но этотъ мотивъ потерялъ очень скоро свое значеніе, и все устремленіе было обращено лишь на самую постройку: она должна была быть „каменной“, для этой цѣли въ 1723 году была „воспрещена постройка каменныхъ домовъ на Адмиралтейской и Московской сторонѣ, кромѣ набережной линіи отъ Почтоваго дома до Галерной“. Петру Великому не удалось дожить до застройки и набережной, и Милліонной улицы; осуществить эту мечту пыталась и до извѣстной степени осуществила Императрица Анна Іоанновна. Съ 11 декабря 1732 года указъ появляется за указомъ, и всѣ они въ той или иной мѣрѣ требуютъ одного и того же: каменной постройки на берегу Невы, а если постройка каменная, то и несгораемой крыши, такъ какъ въ Петербургѣ первое время и каменные дома крылись гонтомъ, тесомъ и досками. 10 октября 1733 г. слѣдуетъ указъ—„о постройкѣ на Нѣмецкой улицѣ каменныхъ домовъ вмѣсто деревянныхъ“. 28 марта 1734 года является первое подтвержденіе —„о скорѣйшей постройкѣ каменныхъ домовъ отъ стараго почтоваго дома до Адмиралтейства“, 30 мая 1734 года опять,—„о скорѣйшей постройкѣ каменныхъ домовъ на Нѣмецкой улицѣ“, 11 іюня того же года —„чтобъ с.-петербургскіе обыватели, обязавшіеся строить каменные дома, приступили немедленно къ возведенію таковыхъ“,—видимо, терпѣніе лопнуло, и съ 14 іюня того же года начинаютъ приниматься репрессивныя мѣры: „о немедленной сломкѣ деревянныхъ домовъ на Нѣмецкой улицѣ“; эта мѣра болѣе обстоятельно мотивируется 5 мая 1735 года: „повелѣніе о сломкѣ каторжными на Нѣмецкой улицѣ деревянныхъ строеній с.-петербургскихъ обывателей, подлежащихъ замѣнѣ каменными, съ объявленіемъ, что дома будутъ взяты въ казну, если тотчасъ не будетъ приступлено къ постройкѣ камен-

ныхъ“. — Кажется, угроза сильная, но и она не произвела должнаго впечатлѣнія, и каменные дома на Милліонной улицѣ появились не вслѣдствіе людского настоянія или заботливости, а отъ того, что деревянные постройки были уничтожены громаднымъ пожаромъ, и, потерпѣвъ большіе убытки, обыватель горькимъ опытомъ созналъ то, что помощью безчисленнаго количества указовъ хотѣло ему внушить заботящееся о благѣ обывателя начальство. Въ самомъ дѣлѣ, 20 іюня 1736 года, вышелъ еще указъ: „о замѣнѣ на Адмиралтейскомъ островѣ по набережной р. Невы всѣхъ деревянныхъ зданій каменными въ теченіе 4 лѣтъ“. Очевидно, всѣ предшествующія мѣры вплоть до проектируемой ломки деревянныхъ домовъ каторжными невольниками, не достигли своей цѣли, обывателю еще разъ объявлена льгота, указанъ 4-лѣтній льготный срокъ, но обывателю не пришлось воспользоваться имъ, потому что 24 іюня 1737 года громадный пожаръ истребилъ и Греческую слободку, и деревянные дома на Милліонной улицѣ.

У нынѣшняго Конюшеннаго моста начинался не только Мошковъ переулочъ (10, 10), но и Греческая улица (11, 11), главная и единственная улица Греческой слободы, расположенной между Мойкой и Милліонной улицею и нынѣшними Мошковымъ и Аптекарскимъ переулками (см. въ концѣ книги планъ № 7). Эта слободка звалась Греческою потому, что первоначальными обывателями въ ней были моряки галернаго флота, выходцы изъ Греціи и Венеціи. Въ этой слободкѣ были двѣ (католическая и протестантская) церкви. Слобода сгорѣла безъ остатка. Стали тогда разсуждать, какъ урегулировать эту мѣстность. За-одно обратили вниманіе и на то обстоятельство, что дворовые участки на Милліонной улицѣ „иррегулярны“, одни велики, другіе малы. И вотъ, комиссія отъ строеній

рѣшилась прибѣгнуть къ героической мѣрѣ: несмотря на то, что на Милліонной улицѣ уже существовали значительныя постройки, рѣшено было все снести, дворовые участки разбить регулярными и предложить жителямъ вновь застроиться. Но коммиссія не взяла въ резонъ одного маленькаго обстоятельства, — владѣльцами домовъ на Милліонной улицѣ были люди не только богатые и знатные, но и близкіе ко двору, могущіе повліять и на Императрицу. Распоряженіе коммиссіи отъ строеній разоряло владѣльцевъ, и предположеніе коммиссіи не было принято, рѣшено было оставить участки таковыми, каковыми они были на самомъ дѣлѣ нарѣзаны при Петрѣ Великомъ. Такимъ образомъ, большинство земельныхъ участковъ нынѣшней Милліонной улицы Петровскаго происхожденія; участки же домовъ сгорѣвшей Греческой слободки придали къ участкамъ домовъ, выходившихъ на Милліонную улицу.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію любопытной части Петербурга, извѣстной подъ двойнымъ названіемъ Марсово Поле и Царицынъ лугъ (см. въ концѣ книги планъ № 8). Въ дни первоначальнаго Петербурга этотъ лугъ представлялъ изъ себя болотистый лѣсъ, почва котораго нѣсколько возвышалась къ Невѣ. На мѣстѣ сада нынѣшняго Русскаго Музея или, можетъ быть, на мѣстѣ церкви Спаса на крови, болото было особенно глубоко и отсюда вытекали двѣ рѣчки: рѣчка Кривуша — будущій Екатерининскій каналъ и рѣчка Мья, — будущая Мойка. Такимъ образомъ, Мойка не соединялась съ Фонтанкою. Передъ Петромъ была большая задача осушить этотъ лугъ, и въ 1711 году Мойка соединяется съ Фонтанкою, часть болота, такимъ образомъ, исчезаетъ; затѣмъ роются два канала изъ Невы въ Мойку, одинъ — Лебяжій, существующій и въ наши дни, другой — Красный, идущій по нынѣшней

Царицынской улицѣ, параллельно Лебяжьему каналу. Мѣсто на углу нынѣшней Милліонной улицы и Царицына Луга является самымъ низкимъ мѣстомъ въ Петербургѣ и здѣсь, по повелѣнію Петра Великаго, роется гавань для зимовки мелкихъ судовъ (7). Наконецъ, на самомъ Царицыномъ лугу вырываются два пруда (4, 4).

Этими мѣрами Петру удалось въ довольно короткій срокъ осушить громадную площадь. Какое назначеніе этой площади? Прямыхъ указаній на это не имѣется, но мы позволимъ себѣ высказать слѣдующее наше предположеніе. Участокъ, въ настоящее время находящійся подъ Лѣтнимъ садомъ, Петръ предполагалъ оставить для своего пользованія; между этимъ участкомъ и Адмиралтействомъ надо было поселить людей морского дѣла, устроить Морскую слободку. Но близкое сосѣдство этой слободки съ Царскимъ садомъ нежелательно, и для этого оставляется довольно широкое пространство, на которомъ воспрещается постройка. Изъ этой площади впослѣдствіи возникаетъ Марсово поле, получившее специальное назначеніе быть площадью для царскихъ парадовъ. На примѣрѣ Царицына луга ярко выясняется способъ осушки болотистаго Петербурга. Здѣсь же видно, что и вырубка лѣса въ нѣкоторыхъ случаяхъ происходила планомѣрно—такъ вдоль берега Невы по лугу были оставлены ели, изъ которыхъ образовались двѣ еловые перспективы. На нашемъ планѣ уже не существуетъ почтоваго дома: вмѣсто него незастроенная площадка, носящая названіе „Верхняя Набережная площадь“, на ней впослѣдствіи возникъ Мраморный дворецъ. Линія домовъ по Красному каналу и число домовыхъ участковъ уже опредѣлились, и это число осталось безъ измѣненія до нашихъ дней, что видно изъ плана; конечно, перемѣнились владѣльцы.

За Царицынымъ лугомъ шелъ Лѣтній садъ, которому мы посвятимъ немного больше мѣста.

24 или 25 Марта 1704 года Петръ Великій послалъ въ Москву къ Тихону Никитичу Стрешневу письмо слѣдующаго содержанія: „Min Her, какъ вы сіе письмо получите, изволь, не пропусая времени, всякихъ цвѣтовъ изъ Измайлова не помалу, а больше тѣхъ, кои пахнутъ, прислать въ Петербургъ“. Этой мѣрою была положена забота о царскихъ садахъ, основаніемъ которыхъ явился садъ майора Конау на мѣстѣ нынѣшняго Лѣтнаго сада. Надъ этимъ садомъ работали много и усердно и къ 1721 году этотъ садъ представлялъ изъ себя слѣдующее: „Садъ этотъ имѣетъ продолговатую форму: съ восточной стороны къ нему примыкаетъ лѣтній дворецъ царя, съ южной—оранжерея, съ западной—большой красивый лугъ, а съ сѣверной онъ омывается Невой, въ этомъ мѣстѣ довольно широкою. Разскажу по порядку все, что тамъ есть замѣчательнаго. Съ сѣверной стороны, у воды стоятъ три длинныя, открытыя галлерей, изъ которыхъ длиннѣйшая средняя, гдѣ всегда, при большихъ торжествахъ, пока еще не начались танцы, ставится столъ со сластями. Въ обѣихъ другихъ помѣщаются только столы съ холоднымъ кушаньемъ, за которые обыкновенно садятся офицеры гвардіи. Въ средней галлерей находилась мраморная статуя Венеры, которою царь до того дорожилъ, что приказывалъ ставить къ ней для охраненія часового. Она, въ самомъ дѣлѣ, превосходна, хотя и попорчена немного отъ долгаго лежанія въ землѣ. Противъ этой галлерей аллея, самая широкая во всемъ саду, на ней устроены красивые фонтаны, бьющіе довольно высоко. Вода для нихъ приводится въ бассейны изъ Фонтанки съ помощью большой колесной машины, отчего въ ней никогда не можетъ быть недостатка. У перваго фонтана

мѣсто, гдѣ обыкновенно царица бываетъ съ дамами, а далѣе у другого стоятъ три или четыре стола, за которыми пьютъ и курятъ табакъ,—это мѣсто царя. Вправо отъ этой круглой и раздѣленной четырьмя аллеями площадки, съ одной стороны, стоитъ прекрасная статуя съ покрытымъ лицомъ, у подножья которой течетъ или, лучше сказать, бьетъ вода со всѣхъ концовъ, а съ другой—находится большой птичникъ, гдѣ многія птицы частью свободно расхаживаютъ, частью заперты въ размѣщенныхъ вокругъ него небольшихъ клѣткахъ. Тутъ есть орлы, черные аисты, журавли и многія другія рѣдкія птицы. Тутъ содержатся, впрочемъ, и нѣкоторыя четвероногія животныя, какъ, напримѣръ, очень большой ежъ, имѣющій множество черныхъ и бѣлыхъ иглъ до 11-ти дюймовъ длины (дикобразъ). Кромѣ того, тамъ еще есть синяя лисица, нѣсколько соболей и пр. Въ высокомъ домикѣ съ восточной стороны множество прекрасныхъ и рѣдкихъ голубей. На другой сторонѣ фонтана, противъ упомянутой статуи, устроена въ кущѣ деревъ небольшая бесѣдка, окруженная со всѣхъ сторонъ водою, гдѣ обыкновенно царь проводитъ время, когда желаетъ быть одинъ или когда хочетъ кого-нибудь хорошенько напоить, потому что уйти нѣтъ никакой возможности, какъ скоро отчалить стоявшій вблизи ботикъ, на которомъ переправляются къ бесѣдкѣ. На водѣ плаваетъ здѣсь большое количество самыхъ рѣдкихъ утокъ и гусей, которые до того ручны, что позволяютъ себя кормить изъ руки. По берегу, вокругъ, разставлены маленькіе домики, гдѣ они, вѣроятно, запираются на ночь. Здѣсь же красуется вполне снаряженный корабликъ, на которомъ иногда потѣшается карло царя. Противъ большого птичника устроенъ, въ видѣ водопада, красиво вызолоченный, мраморный фонтанъ, украшенный многими позолоченными сосу-

дами. Это мѣсто (гдѣ находится также и оранжерея), безспорно, одно изъ лучшихъ въ саду; все оно обсажено кустарникомъ и окружено рѣшеткою, которая запирается. Далѣе, отсюда, вправо стоитъ большая, сплетенная изъ стальной проволоки клѣтка съ круглымъ верхомъ, наполненная всякаго рода маленькими птицами, которыя цѣлыми группами летаютъ и садятся на насаженные внутри ея дерева. Еще далѣе, налѣво, строится новый гротъ, который снаружи уже почти совсѣмъ готовъ, но внутри не сдѣлано еще половины того, что предположено сдѣлать. Онъ будетъ очень красивъ и великолѣпенъ, потому что для прикрытія его стѣнъ и потолка, назначается безчисленное множество разныхъ превосходныхъ раковинъ, пріобрѣтеніе которыхъ стоило большихъ издержекъ. Кромѣ того, въ этомъ саду находится пріятная рощица и устроено еще нѣсколько фонтановъ; однимъ словомъ, тамъ есть все, чего только можно желать для увеселительнаго сада“.

Вотъ какъ описываетъ очевидецъ. Пополнимъ и поправимъ нѣкоторыя его обмолвки фактическими данными. Работа надъ фонтанами началась въ Лѣтнемъ саду въ 1709 году,—по крайней мѣрѣ, къ этому году относится первое дошедшее до насъ распоряженіе Петра Великаго „о болѣе прилежномъ производствѣ работъ по устройству фонтановъ“. Для фонтановъ первоначально предполагали сдѣлать большія водопроводныя колеса, чтобы поднимать воду изъ Фонтанки, а потомъ была устроена особая башня на мѣстѣ нынѣшняго Пантелеймоновскаго моста: вода на эту башню доставлялась самокатомъ по трубамъ, проложеннымъ отъ Лиговки по Бассейной улицѣ. Еще болѣе свѣдѣній сохранилось о тѣхъ посадкахъ, которыя дѣлались въ Петровское время. Въ 1713 году, напримѣръ, были отправлены изъ Ревеля заграничныя липы, въ слѣдую-

щемъ году покупались каштановыя и тисовыя деревья, затѣмъ съ 1716 года чуть ли не ежегодно происходила выписка деревьевъ изъ-за границы.

Всѣ петровскія сооруженія Лѣтняго сада были снесены сильнымъ наводненіемъ 1777 года; Екатерина II не пожелала возобновлять затѣи Петра Великаго, тѣмъ болѣе, что уже была затрачена значительная сумма на устройство по берегу Невы архитекторомъ Фельтеномъ дивной рѣшетки, такъ гармонирующей и съ садомъ, и съ гранитной линіей берега. Въ царствованіе Екатерины II было увеличено количество мраморныхъ статуй, часть которыхъ безусловно Петровскаго времени.

Если правая половина Адмиралтейскаго острова въ настоящее время въ главныхъ своихъ чертахъ осталась почти безъ измѣненія со времени начала заселенія, то достаточно кинуть бѣглый взглядъ на прилагаемый планъ лѣвой половины этого острова, вплоть до Крюкова канала и Благовѣщенской площади, чтобы увидѣть, какъ измѣнилась эта часть Петербурга и во внѣшнемъ, и во внутреннемъ отношеніяхъ (см. въ концѣ книги планъ № 9). Центромъ острова было Адмиралтейство, на правой половинѣ острова предполагалось устройство поселенія „морского дѣла людей“, на лѣвой сторонѣ должны были находиться техническія вспомогательныя средства.

Прежде всего — на мѣстѣ нынѣшней Благовѣщенской церкви былъ устроенъ каторжный дворъ. Устройство каторжнаго двора въ непосредственной близости отъ Адмиралтейства объяснялось тѣмъ, что въ галерномъ флотѣ обязанности гребцовъ исполняли каторжные невольники. Этотъ каторжный дворъ, конечно, исчезъ. Исчезла и первоначальная церковь св. Исаакія, находившаяся еще ближе къ берегу Невы, чѣмъ памятникъ Петру I. Это было уже второе мѣсто для этой

церкви. Первымъ былъ чертежный амбаръ, стоявшій приблизительно на мѣстѣ выхода нынѣшней Гороховой улицы съ Адмиралтейской площади. Амбаръ раздѣлили на двѣ неравныхъ части, въ меньшей устроили алтарь, надъ которымъ на крышѣ амбара помѣстили небольшую колокольню. Церковь во имя Исаакія устроили потому, что въ день чествованія памяти св. Исаакія родился Петръ. Вскорѣ церковь перенесли на вышеуказанное мѣсто, но такъ какъ далеко не въ достаточной степени укрѣпили фундаментъ, то грунтъ не выдерживалъ тяжести построенной Матернови церкви, стѣны давали трещины, происходила неравномѣрная осадка. Церковь ремонтировали, устраивали контрфорсы и т. п., но бесполезно и, наконецъ, разобрали и для новаго zaloженія церкви выбрали мѣсто рядомъ съ нынѣшнимъ. Здѣсь была заложена Исаакіевская церковь по проекту Ринальди. Церковь должна была быть обложена мраморомъ, но строили ее такъ медленно, что Екатерина II успѣла умереть, а Павелъ I, нуждаясь въ мраморѣ для постройки своего Инженернаго замка, распорядился отвезти мраморъ отъ этой церкви, а недоконченныя главы и купола сдѣлать изъ кирпича, и появился, какъ говорили въ то время:

Двухъ царствованій памятникъ приличный,
Низъ мраморный, а верхъ кирпичный...

Въ такомъ видѣ соборъ Исаакія простоялъ нѣкоторое время, былъ снова разобранъ и замѣненъ нынѣ существующимъ по проекту Монферана. Вотъ первая перемѣна, рѣзко бросающаяся въ глаза. Затѣмъ изъ этой мѣстности въ настоящее время безслѣдно исчезли каналы, которые составляли главную отличительную ея черту. Изъ-подъ фортификаціи или, попросту говоря, изъ-подъ вала Адмиралтейства на нынѣшнюю Сенатскую площадь выходилъ Адмиралтейскій каналъ, и

подъ такимъ названіемъ онъ шелъ приблизительно до нынѣшняго зданія Синода; здѣсь каналъ имѣлъ продолженіе по тому же направленію, но это продолженіе имѣло иное названіе—„Прядильный каналъ“ и два заворота подъ прямыми углами: короткій заворотокъ по направленію къ Невѣ звался „Смоляной каналъ“, на берегу его стояла каменная постройка „Смоляная баня“, здѣсь кипятили смолу для смоленія канатовъ; и болѣе длинный заворотокъ, по направленію къ нынѣшнему Конногвардейскому манежу, носившій названіе Ново-голландскій каналъ и составлявшій съ вышеуказаннымъ Прядильнымъ каналомъ островокъ, на которомъ „пожарнаго страха ради“, т. е. для безопасности отъ пожара были устроены лѣсные, угольные и пеньковые амбары. Прядильный каналъ впадалъ на нынѣшней Благовѣщенской площади въ Крюковъ каналъ, тогда еще выходившій изъ Невы, а не спрятанный въ трубы, какъ это случилось съ нимъ, когда стали строить Благовѣщенскій прежде, а нынѣ Николаевскій, мостъ. По лѣвой сторонѣ нынѣшней Галерной улицы и по набережной Прядильнаго канала тянулись вплоть до Благовѣщенской площади Канатные дворы, гдѣ „канаты вертятъ“, а на Благовѣщенской площади стояли кузнечныя и инструментальныя мастерскія. За Крюковымъ каналомъ шелъ первоначальный Галерный дворъ, а тамъ, гдѣ теперь Новое Адмиралтейство, были провіантскіе амбары. По Невѣ между Адмиралтействомъ и Крюковымъ каналомъ были наръзаны домовые участки, предполагаемые къ заселенію мастерами галернаго дѣла. Вотъ въ какомъ видѣ въ петровское время и много лѣтъ позже была Англійская набережная и Конногвардейскій бульваръ.

Названіе „Англійская набережная“ сравнительно недавняго происхожденія, во всякомъ случаѣ, это на-

звание появилось не раньше XIX столѣтія. Первоначально эту мѣстность звали „Нижней набережной“, въ отличіе отъ Верхней, нынѣшней Дворцовой, затѣмъ „Нижняя набережная“ переимѣнилась въ „Исаакіевскую“; но это названіе не удержалось, зато закрѣпилось другое—„Галерная набережная“, хотя Галерный дворъ былъ перенесенъ на Васильевскій Островъ, въ Гавань, а бывший здѣсь первоначальный Галерный дворъ отданъ былъ подъ застройку. Одной изъ первыхъ построекъ на этой набережной долженъ считаться появившійся въ 1716 году домъ галернаго мастера Ивана Нѣмцева.

Въ одинъ изъ весеннихъ дней 1723 года Петръ Великій, проходя по Канатному двору, обратилъ вниманіе на рядъ построекъ по Невѣ, эти постройки были очень близки отъ Канатнаго двора, и если бы онѣ,—чего Боже сохрани, какъ говорили въ то время,—загорѣлись, пожаръ грозилъ бы и Канатному двору, и появилась одна изъ лаконическихъ характерныхъ петровскихъ резолюцій: „отъ хоромнаго строенія по Невѣ рѣкѣ, что ниже Адмиралтейства къ Прядильному двору,—хоромному строенію не быть, а быть рѣшетками забору“. Эта петровская резолюція не осталась лишь на бумагѣ. Хоромы стали ломать и прежде всего должны были сломать мазанки (1, 1), извѣстныя подъ именемъ „княжескія мазанки“, потому что онѣ принадлежали кн. Меншикову. Во время петровскаго распоряженія Меншиковъ не присутствовалъ, онъ былъ боленъ. Выздоровѣвъ, Меншиковъ, видимо, сумѣлъ убѣдить Петра разрѣшить здѣсь постройки, или же Петръ Великій, велѣвъ ломать строенія при себѣ, не дождался конца ломки, а затѣмъ не обращалъ болѣе вниманія на эту мѣстность—она продолжала застраиваться и при Петрѣ Великомъ и особенно при его

преемницѣ Аннѣ Іоанновнѣ, которой, видимо, хотѣлось, чтобы и Нижняя набережная была застроена „знатнымъ строеніемъ“. 10 іюня 1732 года появился указъ, которымъ обязывались хозяева участковъ строить каменные дома и укрѣплять берега по Невѣ рѣкѣ; черезъ годъ три свободныхъ участка на этой набережной были отданы родственникамъ царствующаго дома, безграмотнымъ лифляндскимъ „чухонцамъ“, но вновь пожалованнымъ въ графы—Скавронскому, Гендрикову и Ефимовскому; въ томъ же году повелѣно было выслать изъ Москвы князя Михаила Голицына для достройки каменнаго дома, а тулянина Демидова, получившаго послѣдній участокъ къ нынѣшнему Новому Адмиралтейству, кажется, даже привезли подъ карауломъ, такъ какъ его приказчики не строили каменнаго дома. Этотъ домъ почти безъ измѣненій сохранился до нашего времени. Съ всесильнаго Волынскаго была взята подписка, чтобъ онъ немедленно окончилъ свой домъ, и, наконецъ, какъ финалъ всѣхъ этихъ заботъ, было распоряженіе отъ 10 іюля 1738 года о сломкѣ всѣхъ деревянныхъ зданій по набережной р. Невы отъ Исаакія до Галернаго двора. Желаніе Императрицы Анны Іоанновны исполнилось—къ концу своего царствованія она видѣла набережную, застроенную каменными, преимущественно, двухъэтажными домами. Первый домъ былъ домъ канцлера Остермана, за нимъ слѣдовали дома князя Черкаскаго, Трубецкаго, Нарышкина, князя Голицына, Еропкина, графа Скавронскаго, князя Долгорукова. Вообще, домовые участки въ части Англійской набережной до Замятина переулка остались числомъ и своими размѣрами безъ измѣненія съ анненскихъ временъ до нашихъ дней.

Знатные люди, выполнивъ приказаніе Императрицы, построивъ дома, конечно, и не думали въ нихъ жить,

(у большинства изъ нихъ были еще другія постройки въ Петербургѣ, построенныя въ болѣе раннее время.), а постарались найти способъ выгоднѣ ихъ эксплуатировать: указъ отъ 9 мая 1735 года прямо указывалъ на способъ эксплуатаціи. Изданный съ цѣлью содѣйствовать нашимъ торговымъ отношеніямъ, указъ этотъ „избавлялъ отъ постоя дома, занимаемые англійскими купцами“. Владѣльцы домовъ Нижней набережной, желая избавиться отъ воинскаго постоя, и стали сдавать свои дома англійскимъ купцамъ, которые, какъ люди состоятельные, привыкшіе къ удобствамъ, охотно селились въ сравнительно удобныхъ постройкахъ.

Вотъ почему въ этой мѣстности начали селиться англійскіе купцы. Ко второй половинѣ XVIII вѣка эта часть Петербурга сдѣлалась какъ бы уголкомъ Англіи. Здѣсь, какъ кажется, съ начала 60-хъ годовъ на мѣстѣ, нѣкогда принадлежавшемъ „дѣйствительному статскому совѣтнику Ивану Шереметеву и находящемуся въ арендѣ у англійскихъ купцовъ Шифнера и Вульфа“, возникла англиканская церковь, здѣсь очень часто тотъ или другой домъ занимало англійское посольство. Просматривая списки отѣзжающихъ того времени, мы почти постоянно при указаніи на англійскаго купца находимъ его мѣстожительство у Галернаго двора.

По всей вѣроятности, съ первымъ же купцомъ, поселившимся на этой набережной, пріѣхалъ и первый англійскій трактирщикъ. Самое раннее, пока отысканное нами свѣдѣніе относится къ 1747 году: „На Адмиралтейской сторонѣ, у Крюкова канала, въ домѣ г. вице-адмирала и кавалера Александра Ивановича Головина у аглинскаго трактирщика Антона Вальтера отдаются въ наемъ покои, какъ для пріѣзжающихъ, такъ и погодно, о чемъ охотникамъ черезъ сіе объявляется“. Желаніе англійскихъ купцовъ помочь одному изъ

прогорѣвшихъ англійскихъ трактирщиковъ и послужило основаніемъ для образованія столь извѣстнаго въ хроникѣ Петербурга клуба—Англійскаго Собранія.

Вышеуказанные каналы стали заключаться въ трубы съ начала XIX вѣка. Прежде всего исчезъ кусочекъ Адмиралтейскаго канала на Петровской площади, затѣмъ ту же участь испыталъ Ново-Голландскій каналъ и позднѣе всѣхъ, когда въ 40-хъ годахъ былъ устроенъ Конно-Гвардейскій бульваръ, Пеньковъ каналъ. И, проходя въ настоящее время по широкому красивому Конно-Гвардейскому бульвару, петербуржець, конечно, не думаетъ, что онъ идетъ по маленькому островку, на которомъ въ Петровскіе дни—„пожарнаго страха ради“ устраивали амбары для храненія лѣса...

Покидая Адмиралтейскій островъ, Петровскую морскую слободу, мы должны полюбоваться дивнымъ твореніемъ Фальконета, французскаго скульптора, воздвигшаго, по повелѣнію Екатерины II, памятникъ Петру I. Основаніемъ для этого памятника послужила естественная скала, найденная въ окрестностяхъ Петербурга и помощью особаго довольно простаго изобрѣтенія доставленная въ Петербургъ.

Съ этимъ памятникомъ связана одна изъ немногочисленныхъ легендъ, сохранившихся отъ стараго Петербурга.

Какой-то маіоръ Батуринъ явился къ другу императора Александра I, князю Голицыну, въ 1812 году и передалъ ему, что его, Батурина, преслѣдуетъ одинъ и тотъ же сонъ—онъ видитъ себя на Сенатской площади, видитъ, какъ памятникъ Петра Великаго съѣзжаетъ со своей скалы и направляется по петербургскимъ улицамъ къ Каменному острову, гдѣ жилъ тогда императоръ. Батуринъ, влекомый какой-то чудной силою, несется за нимъ, видитъ, какъ всадникъ подѣ-

ѣзжаетъ къ подъѣзду дворца, какъ навстрѣчу ему выходитъ государь, и слышитъ, какъ памятникъ говоритъ императору: „Молодой человѣкъ, до чего ты довелъ Россію? Но помни, пока я стою на своемъ мѣстѣ, моему городу нечего опасаться“. Сказавъ эти слова, всадникъ возвращается на свой пьедесталь.

Пораженный разсказомъ Батурина, князь Голицынъ передалъ этотъ разсказъ Императору Александру I; и поэтому хотя многія государственныя сокровища и учрежденія, изъ боязни возможнаго нашествія Наполеона, потомъ стали увозиться во внутрь Россіи статуя Петра Великаго была оставлена въ покоѣ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Первоначальныя предположенія о 2-ой Адмиралтейской части. Заповѣдная березовая роща.—Невскій проспектъ—мѣсто инославныхъ церквей.—Мойка и Екатерининскій каналъ—границы 2-ой Адмиралтейской части.—Застройка ея.—Пожары 1736 и 1761 годовъ.—Населеніе Мѣщанскихъ улицъ по описанію Гоголя.—Справка о петербургскихъ вывѣскахъ.—Перемѣна названія Большой Мѣщанской на Казанскую.—Казанскій соборъ.—Памятники Кутузову и Барклай де Толли.—Попъ съ рогами.—Демонстраціи на Казанской площади.—Театральная площадь и Большой театръ.—Екатерининская карусель.—Первый комедіальный домъ.—Справка о торговлѣ крѣпостными.—Синій мостъ.—Дворецъ Чернышева—будущій Маріинскій дворецъ.—Дворецъ просвѣщенія—книжный магазинъ сначала Плавильщика, затѣмъ Смирдина.—Общія замѣчанія о постройкахъ по набережной Мойки.—Домъ, въ которомъ умеръ Пушкинъ.—Отдѣленіе охранки.—Литературные дома.—Домъ „Пиковой дамы“ Пушкина.

Пространство между Мойкою и Фонтанкою первое время хотѣли считать въ административномъ отношеніи одной нераздѣльною 2-ю Адмиралтейской частью. Но застройка и заселеніе этого уголка Петербурга пошли столь быстрымъ темпомъ, что 2-ая Адмиралтейская часть раздѣлилась рѣкою Кривушами, нынѣшнимъ Екатерининскимъ каналомъ, на двѣ полицейскія части—2-ую Адмиралтейскую (нынѣ Казанскую) и 3-ю Адмиралтейскую (нынѣ Спасскую). Конечно, первоначальное предположеніе объ устройствѣ 2-ой Адмиралтейской части такъ и осталось предположеніемъ.

Въ 1721 году должно было „поставить караулъ на лугу, который между прешпективной и сада Ея Величества Государыни Екатерины Алексѣевны и отъ Фонтанной рѣки до Мыи рѣчки“. Такимъ образомъ, все пространство по лѣвую сторону нынѣшняго Невскаго проспекта (идя отъ Адмиралтейства), отъ Мойки и до Фонтанки и должно принадлежать къ садамъ императрицы, и здѣсь посторонніе, простой обыватель не смѣлъ даже прогуливаться—предупреждать такія прогулки и долженъ былъ устраиваемый караулъ. Заодно, этотъ же караулъ долженъ былъ наблюдать и за той березовой рощицею, которая начиналась у нынѣшней площади Казанскаго собора, перекидывалась чрезъ Глухой протокъ или Кривуши (Екатерининскій каналъ) и оканчивалась близъ нынѣшняго Аничкова дворца, наиболѣе возвышенной точки этой мѣстности, стоявшей, положимъ, всего на всего на 10,5 фута надъ уровнемъ моря. Петръ Великій скоро запри-мѣтилъ эту рощицу и велѣлъ считать ее заповѣдною; но... но великъ былъ соблазнъ для поселенныхъ здѣсь же, неподалеку, переведенныхъ изъ Рос-сіи плотниковъ, столяровъ и прочихъ мастеровыхъ людей, жившихъ въ Переведенской слободѣ, разбитой въ 6 улицъ, на пространствѣ между нынѣшнею Казан-ской улицею и Екатерининскимъ каналомъ. И таяла мало-по-малу березовая рощица, а свѣжіе пни, появля-вшіеся то тутъ, то тамъ, чуть ли не каждое утро, свидѣтельствовали о произведенной порубкѣ. Былъ сдѣланъ повальный обыскъ, и вышло рѣшеніе, рѣшеніе быстрое, безъ дальнѣйшихъ проволочекъ, и жестокое не только по нашему времени, но показавшееся тако-вымъ и для ближайшихъ сотрудниковъ Петра I: „по-вѣсить всѣхъ, у кого найдены срубленные деревья“. Императрица Екатерина I сумѣла — повѣствуетъ пре-

даніе—умягчить царя: виновники избѣгли вистѣлицы, но зато ихъ безпощадно били батогами на большой дорогѣ, носившей гордое названіе „большая перспектива“—нынѣшній Невскій проспектъ. Да, большая дорога, большая перспектива, въѣздъ въ городъ, но вовсе не главная улица столицы, вовсе не главная артерія жизни Петербурга. Таковою эта перспектива сдѣлалась только со второй половины XVIII вѣка, и то только въ той части, которая заключалась между Полицейскимъ и Аничковымъ мостами. Про эту часть Невского проспекта можно было восклицать такими стихами—они принадлежатъ профессору 30-ыхъ годовъ XIX столѣтія С. Петербургскаго университета Н. Бутырскому:

„Не млечный ли здѣсь путь лежитъ,
Гдѣ слиты межъ собой свѣтила?
Иль, поясь развернувъ, харить
Киприда съ неба уронила
И вѣчную своихъ ланить
Весну сюда переселила?
Волнуеть сердце, взоръ манить
Волшебная богатства сила!

Но за Аничковымъ мостомъ „Невскій проспектъ“ терялъ свой торжественный видъ, превращаясь въ обыкновенную грязную улицу съ деревянными флигелями, плохой мостовой, масляными фонарями и неблагозвучными прозвищами“, какъ, напримѣръ, Вшивая биржа,—такъ звался роскошный въ настоящее время перекрестокъ Невского и Владимирскаго проспектовъ. А получилъ онъ такое названіе вотъ почему: здѣсь на перекресткѣ ожидали работу дрягили и носильщики, сюда же приходилъ и уличный парикмахеръ. Онъ сажалъ своихъ кліентовъ тутъ же на тумбу тротуара и стригъ, волосы падали на тротуаръ, и появилось вышеприведенное названіе. Общее состояніе этой мѣст-

ности довольно ярко характеризовалось слѣдующей, напримѣръ, выпискою: „удивительно, какія обширныя пространства находятся посрединѣ города, между домами или, правильнѣе, между улицами. Возьмите, напримѣръ, мѣста за домами по берегамъ Фонтанки и по Невскому проспекту между Аничкинымъ и Знаменскимъ мостами. Это не дворы, а поля, равнины, на которыхъ можно выстроить заштатный городишко“.

Такія строчки писали въ 1842 году, но еще въ 1866 году петербургскій оберъ-полицмейстеръ долженъ былъ издавать приказъ по полиціи такого содержанія. „Стража отъ Аничкина моста до станціи Николаевской желѣзной дороги должна быть усилена въ ночное время для пресѣченія грабежей, и кромѣ того подчаски ежедневно должны обходить Знаменскую площадь по очереди въ теченіе всей ночи“.

Знаменская площадь въ 1866 году была чуть ли не окраиной, понятно, что въ 30-ыхъ годахъ XVIII столѣтія окраиной считался и Невскій за Полицейскимъ мостомъ.

Александръ Дюма - отецъ, посѣтивъ Петербургъ въ 60-хъ годахъ XIX вѣка, обратилъ вниманіе, что на Невскомъ проспектѣ, тогда уже главной улицѣ, существуетъ рядъ инославныхъ церквей, а потому назвалъ Невскій проспектъ —улицею вѣротерпимости; рептильные писатели воспользовались этимъ названіемъ, чтобы выставить на видъ доблести русскаго правительства, — вотъ насколько оно свободомысляще, разрѣшало на главной улицѣ строить церкви, тогда какъ на западѣ церкви не главенствующей религіи загонялись въ закутки. Но изъ вышеизложеннаго ясно, что мѣста для инославныхъ церквей отводились на Невскомъ проспектѣ лишь потому, что Невскій и былъ закоулкомъ, захолустьемъ. И вотъ въ какой хронологической послѣ-

довательности стали отводить мѣста. 27 декабря 1727 года было объявлено вице-канцлеромъ и оберъ-гофмейстеромъ барономъ Андреемъ Остерманомъ Высочайшее повелѣніе объ отводѣ въ С.-Петербургѣ на Адмиралтейской сторонѣ, для построенія Евангелической церкви, школы и пасторскаго дома мѣсто (нынѣ кирка св. Петра), черезъ 5 лѣтъ тотъ же Остерманъ, но уже не баронъ, а за свои заслуги пожалованный въ графы, увѣдомилъ о дозволеніи построить французскую церковь на берегу рѣки Мѣи, еще черезъ годъ, въ 1733 году, вышло разомъ два разрѣшенія: 17 мая этого года занять мѣсто позади построенной вновь нѣмецкой церкви для шведской церкви, а 1 ноября нидерландскій министръ Шварцъ получилъ дозволеніе купить для голландской реформаторской церкви въ С.-Петербургѣ домъ и дворъ генерала Лефорта на Адмиралтейской сторонѣ, за зеленымъ мостомъ, гдѣ начинается перспектива, и, наконецъ, 13 сентября 1738 года было отведено мѣсто, немного подальше, за Кривущами, для католическаго костела, нынѣ церкви св. Екатерины.—Сообщимъ нѣсколько словъ о постройкѣ католической церкви, такъ какъ факты, приводимые нами, имѣютъ значеніе не только для католической церкви, но и, вообще, для всѣхъ инославныхъ церквей. Получивъ мѣсто, католическіе патеры сейчасъ же обратились съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ построить на отведенномъ участкѣ вмѣсто церкви временные деревянные жилые дома, временные потому, что на Невскомъ проспектѣ, къ этому времени, уже были воспрещены деревянные постройки. Построивъ эти дома, патеры начали ихъ эксплуатировать, а получаемый доходъ прикапливать на постройку церкви. Точно также поступали и французы, и шведы, и голландцы. Между прочимъ, въ домахъ католической церкви поселился первый торговецъ ка-

нарейками, а позднѣе эти дома, вслѣдствіе бывшихъ въ нихъ магазиновъ, получили даже особое специфическое названіе—„нюрнбергской линіи“. Церкви сначала строились деревянныя, маленькія, современемъ перестраивались и, обыкновенно, знаменитостью того времени: такъ, католическій костелъ строилъ архитекторъ де-ла-Меттъ, одинъ изъ первыхъ зодчихъ своего времени, церковь св. Петра перестраивалъ въ современный видъ другой, тоже большой, архитекторъ, Александръ Брюлловъ, а запрестольный образъ рисовалъ его родной братъ, творецъ „Послѣдняго дня Помпеи“, Карлъ Брюлловъ.

Границы II Адмиралтейской части въ настоящее время естественны: съ одной стороны—Мойка, съ другой—Екатерининскій каналъ, но при основаніи Петербурга и Мойка или Мья и Кривуши (нынѣшній каналъ) вытекали въ видѣ болотистыхъ ручейковъ изъ огромнаго болота, бывшаго приблизительно тамъ, гдѣ теперь возвышается храмъ Спаса на крови. Нужно было осушить это болото, и Петръ Великій приказываетъ въ 1711 году прокопать Мойку до соединенія съ Фонтанкой. Это соединеніе углубило и расширило финскую Мью, а съ 1735 года начались и болѣе усиленныя заботы объ этой рѣчкѣ: 9 іюня 1735 года послѣдовало повелѣніе, воспреещающее бросать соръ въ Мойку, а съ 18 марта 1736 года пошло устройство на обоихъ берегахъ Мойки деревянной набережной. Работы по устройству набережной производились полицмейстерской канцеляріей наемными людьми и закончились къ 1739 году, когда набережныя были переданы подъ надзоръ живущему на нихъ обывателю, на котораго и была возложена обязанность ремонта. Очистка Мойки въ 1736—1739 гг. удалась,—по крайней мѣрѣ, современники восторгались и видомъ, и водою Мойки: послѣдняя была

точь-въ-точь какъ невская. А 25 сентября 1847 года появилось категорическое воспрещеніе водовозамъ брать воду для питья изъ Мойки. Въ сто десять лѣтъ петербуржцы успѣли вполнѣ основательно загрязнить Мойку. Укажемъ еще и такую подробность: кажется, въ 1866 году было возбуждено въ первый разъ ходатайство о разрѣшеніи устроить на Мойкѣ катокъ.

17 мая 1764 года генераль-фельдцейхмейстеръ, бывшій слуга Елизаветы Петровны, Вильбоа вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ объ устройствѣ рѣчки Кривуши въ Екатерининскій каналъ, такой ширины и глубины, чтобы по нему могли свободно ходить барки съ припасами и строительными матеріалами. Въ проектѣ предполагалось въ рядѣ мѣстъ спрямить Кривуши, но съ этимъ не согласилась Императрица Екатерина II, повелѣвшая вести каналъ, слѣдуя за всѣми изворотами маленькой рѣчки Кривуши,—каналъ и самъ сталъ кривулями. Работа продолжалась до середины 80-ыхъ годовъ XVIII столѣтія—каналъ соединили съ Мойкою и сдѣлали набережную лишь по Аларчинъ мостъ, въ дальнѣйшей части каналъ обдѣлывался уже по вступленіи на престолъ Императора Александра I, въ 1806 г. И этотъ каналъ петербуржцы очень скоро привели въ такой же видъ, какъ Мойку: вода въ этомъ каналѣ стала, по увѣреніямъ заграничныхъ газетъ, экстрактомъ изъ дохлыхъ кошекъ и собакъ. И съ 1869 г. (появленіе проекта инженера Мюсарда; о немъ смотри ниже) чуть ли не каждый годъ появлялся проектъ за проектомъ засыпки канала, и въ то же время 16 апрѣля 1882 года было разрѣшено устроить по Екатерининскому каналу пароходство. Правда, пароходство это воспретили, потому что нашли ѣзду по Екатерининскому каналу небезопасной для здоровья. Брызги воды могутъ попадать на пассажира и награждать его все-

возможными бактеріями, начиная отъ сыпного тифа и кончая холерою.

Таковы границы этого участка. Застраиваться онъ началъ въ трехъ мѣстахъ,—по Мойкѣ, по набережной потянулись сперва дачи богатыхъ людей, затѣмъ появились строенія царскихъ конюшенъ, и, наконецъ, стала возникать Переведенская слободка на томъ мѣстѣ, на какомъ мы указали выше. Между этими тремя группами построекъ не было никакой связи, эти постройки велись самостоятельно, какъ Богъ положить на душу. Конюшни были заложены еще въ царствованіе Екатерины I, и затѣмъ онѣ перестраивались, увеличивались и при Аннѣ Іоанновнѣ, и при Екатеринѣ II и, наконецъ, при Александрѣ I, а зданіе конюшеннаго музея возникло лишь въ 1860 году. При Аннѣ Іоанновнѣ былъ устроенъ чуть ли не на углу Невскаго довольно большой манежъ; вмѣсто нынѣшнихъ многоэтажныхъ домовъ конюшеннаго вѣдомства и придворнаго оркестра протянулись линіи низенькихъ, неказистыхъ мазанковыхъ жилищъ конюшенныхъ служителей. Принимать современный видъ придворныя конюшни стали при Екатеринѣ II, хотя площадь образовалась значительно раньше, въ 1736—37 гг. Конюшни, каретные и вообще экипажные сараи строились, на выписку лошадей изъ-за границы не жалѣли денегъ, тутъ же хранились и богатѣйшіе экипажи, вызолоченныя кареты, рыдваны и т. п. — А въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ сажень пестрѣла своими соломенными, гонтовыми крышами, деревянными постройками, похилившимся хибарками—Переведенская слободка. За ея постройкою никто не смотрѣлъ, никто не наблюдалъ. Но когда вспыхнулъ пожаръ въ 1736 году, онъ истребилъ „Переведенскую“ слободу и онъ же заставилъ спохватиться и обратить вниманіе на строительство въ этой части города.—

18 августа 1736 года появляется одно изъ первыхъ распоряженій „объ осмотрѣ архитекторами погорѣлыхъ зданій въ С.-Петербургѣ и о составленіи проектовъ новыхъ построекъ“, 28 іюня 1737 года слѣдующее— „о строеніи каменныхъ зданій за рѣчкою Мьею на каменныхъ фундаментахъ, на погорѣлыхъ мѣстахъ“, но, видимо, это распоряженіе не достигало своей цѣли, и 27 октября того же года появляется указъ „о сломаніи въ С.-Петербургѣ по берегамъ Мьи деревяннаго строенія“. Эти частичныя распоряженія смѣняются, наконецъ, двумя послѣдовательными, общаго характера, а именно: 20 августа 1739 года появился указъ объ устроеніи Переведенской и Новой слободъ между рѣкою Фонтанкою и Мойкою и о наименованіи улицъ, каналовъ, мостовъ и площадей, и 12 декабря того же года до извѣстной степени повтореніе этого указа — „объ устройствѣ мѣстъ между рѣками Фонтанкою и Мойкою до Невской перспективы по плану“. Въ чемъ же выражаются эти распоряженія, на что главнымъ образомъ обращено все вниманіе? Ясный, вполне опредѣленный отвѣтъ находимъ въ слѣдующемъ мѣстѣ приводимаго нами указа: „повелѣно по Мойкѣ рѣчкѣ отъ Конюшеннаго двора до Невской перспективы обывательскіе тѣсныя дворы назначить въ ломку, а на пространныхъ опасное и тѣсное строеніе перенести и гдѣ великія и безпрерывныя связи въ тѣсныхъ и нерегулярныхъ строеніяхъ есть, то между оными на нѣсколько сажень и нынѣ выломать, дабы тѣмъ не столь могла отъ огня гибель казеннымъ Вашего Императорскаго Величества строеніямъ“. На два мѣста особенно обратила вниманіе коммиссія строеній — одно около конюшенъ, другое—напротивъ Новой Голландіи; здѣсь не только предполагается сдѣлать тѣ или иныя мѣропріятія, но и дѣлаются. О

виновницѣ всего этого несчастія, о самой „Переведенской слободѣ“ разговоры ведутся не особенно большіе; здѣсь комиссія разбиваетъ 6 новыхъ улицъ, надѣляетъ болѣе или менѣе правильной формы домовые участки и приписываетъ полиціи сдавать эти участки тѣмъ обывателямъ, кои согласны и могутъ строить каменное строеніе по планамъ. И въ результатъ отъ такого формальнаго отношенія, 26 мая 1761 года, т. е. черезъ 25 лѣтъ уже не въ Переведенской слободкѣ, а въ Мѣщанскихъ улицахъ вспыхнулъ пожаръ. На пожарѣ, который начался въ 11 часу утра и закончился въ 9 часу вечера, присутствовала сама Императрица Елизавета Петровна и распорядилась мѣрами для тушенія горѣвшаго и спасанія имущества. „Ея Величество неоднократно посылать изволила ординарца, дабы къ тушенію отъ всѣхъ командъ приложено было возможное стараніе“. Елизавета Петровна пребыла на пожарѣ до 7 часовъ вечера и уѣхала, когда опасность уже миновала. Глубоко потрясенная этимъ зрѣлищемъ ужаснаго пожара, Елизавета Петровна приняла рядъ мѣръ, чтобы помочь погорѣльцамъ. Прежде всего были прекращены всѣ дворцовыя и казенныя работы, за исключеніемъ постройки Зимняго дворца, и эта послѣдняя постройка продолжалась лишь потому, что „уже весьма мало работы и матеріаловъ потребно“, затѣмъ приказано было переписать весь имѣющійся на-лицо казенный строительный матеріалъ и раздавать его погорѣльцамъ по заготовительной стоимости, причемъ разрѣшено было разсрочивать уплату; далѣе, издавались строжайшія мѣры противъ промышленниковъ, повышавшихъ цѣну на строительный матеріалъ и такую „безсовѣстною корыстью причиняющихъ обществу напрасный убытокъ“. Изъ боязни, что и съ раздачею казеннаго матеріала могутъ произойти злоупотребленія, было назначено для

этой раздачи особое лицо, подчиненное непосредственно лишь Сенату и снабженное интересною инструкціею, въ которой, между прочимъ, говорилось: „Требователямъ тѣхъ матеріаловъ не токмо никому, во время раздачи оныхъ, никакихъ обидъ, а особливо взятокъ, ни подъ какимъ видомъ ни чинить, но наикрайне стараться всякое тѣмъ погорѣвшимъ въ ихъ требованіи скорѣе удовольствіе и снисхожденіе оказывать“. Всѣ эти приведенныя мѣропріятія были отличны отъ тѣхъ, что употреблялись 25 лѣтъ передъ этимъ, въ 1736 году, хотя должны были, конечно, повториться и тѣ, которыя уже были сдѣланы, но, какъ показали опытъ, не достигли своей цѣли,—была выработана инструкция „о строеніи на погорѣвшихъ мѣстахъ каменныхъ домовъ“. Эта инструкция повторила то, о чемъ говорили вышеприводимые нами указы Анны Іоанновны. Мѣщанскія улицы на этотъ разъ были разбиты уже такъ, какъ онѣ существуютъ въ наши дни, т. е., пробита главная улица, тогда она звалась Большая Мѣщанская, теперь прозывается Казанской, параллельно ей еще двѣ Мѣщанскія: Малая и Средняя, и рядъ поперечныхъ переулковъ, выходящихъ на Екатерининскій каналъ. Мѣстность эта долгое время носила спеціальнѣйшій характеръ ея обывателя: здѣсь селился, главнымъ образомъ, нѣмецъ-ремесленникъ, который такъ геніально охарактеризованъ Гоголемъ въ его повѣсти „Невскій проспектъ“: „еще съ двадцатилѣтняго возраста, съ того счастливаго времени, въ которое русскій живетъ на фуфу, уже Шиллеръ размѣрилъ всю свою жизнь и никогда ни въ какомъ случаѣ не дѣлалъ исключенія. Онъ положилъ вставать въ семь часовъ, обѣдать въ два, быть точнымъ во всемъ и быть пьянымъ каждое воскресенье. Онъ положилъ себѣ въ теченіе 10 лѣтъ составить капиталъ изъ пятидесяти ты-

сячь, и уже это было такъ вѣрно и неотразимо, какъ судьба, потому что скорѣе чиновникъ позабудетъ заглянуть въ швейцарскую своего начальника, нежели нѣмецъ рѣшится перемѣнить свое слово. Ни въ какомъ случаѣ не увеличивалъ онъ своихъ издержекъ, и если цѣна на картофель слишкомъ поднималась противъ обыкновеннаго, онъ не прибавлялъ ни одной копѣйки, но уменьшалъ только количество, и хотя оставался иногда нѣсколько голоднымъ, но скоро, однако, привыкалъ къ этому. Аккуратность его простиралась до того, что онъ положилъ цѣловать жену свою въ сутки не болѣе двухъ разъ, а чтобы какъ-нибудь не поцѣловать лишній разъ, онъ никогда не клалъ перцу болѣе одной чайной ложечки въ свой супъ“...

Такъ вотъ такіе нѣмцы густо заселяли Мѣщанскія улицы, обвѣшивая или, вѣрнѣе, облѣпляя стѣны домовъ самыми разнообразными вывѣсками. Оказывается, въ жизни Петербурга вывѣскамъ пришлось играть не совсѣмъ маленькую роль: еще 19 октября 1753 года С.-Петербургскій генераль-полицмейстеръ получилъ изустный высочайшій указъ: „по знатнымъ улицамъ мастеровымъ людямъ никакихъ вывѣсокъ отнюдь не имѣть!“ Генераль-полицмейстеръ тотчасъ передалъ этотъ указъ для неотложнаго исполненія полиціи, которая нѣсколько дней подъ рядъ занималась уничтоженіемъ вывѣсокъ; но, по нашему обыкновенію, объ указѣ скоро забыли, и вывѣски снова стали появляться „на знатныхъ“ улицахъ; такъ, въ 1760 году „недавно прибывшій сюда изъ-за моря художникъ, называемый Карлъ-Людвигъ Веберъ, который лудитъ по желѣзу и мѣди оловомъ (такимъ образомъ, мы видимъ, что луженіе оловомъ считалось когда-то художествомъ), извѣщалъ, что онъ живетъ въ Большой Морской—она была и въ то время знатной улицею—и имѣлъ у воротъ вывѣску“. Но эта вывѣска и

ей подобныя все же были, такъ сказать, контрабандными, оставаясь таковыми вплоть до 1770 года, когда появился другой высочайшій указъ—„о позволеніи мастеровымъ людямъ и художникамъ прибывать вывѣски на дома и имѣть квартиры въ домахъ на знатныхъ улицахъ“. Этимъ послѣднимъ указомъ, собственно говоря, узаконивалось то, что существовало въ дѣйствительности. Хотя мастеровымъ и было запрещено жить на главныхъ улицахъ, но они жили на нихъ и не могли прятаться по закоулкамъ, куда врядъ ли такъ охотно пошелъ бы покупатель. Но все-таки запрещеніе имѣть вывѣски оказало свое вліяніе, и до насъ дошло немного свѣдѣній о вывѣскахъ XVIII вѣка. Кажется, любимую вывѣскою для ренсковыхъ погребовъ были рисунки „араповъ“ или, какъ ихъ тогда звали, „черныхъ людей“, кондитера рисовали надъ своими кондитерскими „вазы“, а нѣкоторые торговцы и тогда уже вывѣшивали громадныя металлическія изображенія своего производства, на примѣръ — желѣзную перчатку. Прогрессъ въ вывѣскахъ сталъ замѣчаться съ 1845 года. Въ этомъ году обозрѣватель петербургской жизни писалъ: „Петербургскія вывѣски находятся въ періодѣ совершенствованія и иллюстрируются атрибутами, соответствующими каждой изъ нихъ: портной составляетъ буквы изъ фигуръ, взятыхъ съ модныхъ картинокъ; чайный магазинъ рисуетъ китайцевъ, свѣчная лавка украшаетъ буквы связками стеариновыхъ свѣчей“. Появленіе какой-нибудь вывѣски въ то время было, до извѣстной степени, событіемъ. Такъ, въ 1848 году „С.-Петербургскія Вѣдомости“, издаваемая Академіей Наукъ, отмѣчали, что „недавно на Невскомъ проспектѣ явилась небывалая вывѣска: щитъ прекраснаго розоваго цвѣта, украшенный серебромъ и золотомъ“, — подъ этой вывѣской, оказывается,

открывался новый магазинъ папиросъ и табаку фабриканта Спиглазова, фабрика котораго, кстати сказать, помѣщалась на Васильевскомъ Островѣ, въ той квартирѣ, которую занималъ до своей смерти „дѣдушка“ Крыловъ. Къ числу курьезовъ среди вывѣсокъ того времени, можно отмѣтить появленіе на домѣ той же Петропавловской церкви вывѣски, кажется, первой по времени открытія косметической лавки Герке: „Лавка отъ пудры и помады для Иванъ Герке“. Бывали курьезы и другою сорта: такъ, Ѡаддей Булгаринъ писалъ въ 1838 году: „Около двухъ лѣтъ проходя ежедневно по Невскому проспекту, за Аничковымъ мостомъ, мы видѣли золотого орла надъ вывѣскою табачнаго магазина съ надписью — В. Жуковъ. Мы думали, что это—магазинъ Василя Григорьевича Жукова (извѣстнаго табачнаго фабриканта николаевскихъ временъ). Однажды подойдя поближе, мы удивились, удостовѣрясь, что это не орелъ, а левъ, осыпанный табачными листьями, и такъ искусно, что въ 10 шагахъ кажется орломъ съ распростертыми крыльями, а торговля совсѣмъ не извѣстнаго Жукова, а его однофамильца“. Наконецъ, укажемъ на еще одинъ позабытый фактъ, которому удивлялись даже во время его существованія. Въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія, во всѣхъ частяхъ Петербурга на мелочныхъ лавкахъ была выставлена цифра № 1. „Что это значитъ?“—спрашивали въ 1831 году. Объясненіе оказалось довольно интереснымъ. Императоръ Николай Павловичъ, какъ-то проѣзжая по улицамъ Петербурга, обратилъ вниманіе на безобразную вывѣску, украшавшую одну изъ мелочныхъ лавокъ, и распорядился, чтобы написали образцовую вывѣску. Ее написали и для образца поставили цифру 1. Но такъ какъ этотъ образецъ былъ „апробованъ“, т. е., высочайше утвержденъ, то послѣдующіе

живописцы вывѣсокъ не посмѣли цифру 1 замѣнять на соотвѣтствующей вывѣскѣ порядковой, и мелочная лавка Петербурга стала нумероваться номеромъ первымъ.

Большая Мѣщанская улица измѣнила свое названіе на Казанскую сравнительно недавно, и произошла эта замѣна потому, что Большая Мѣщанская начиналась отъ Казанскаго собора.

Казанскій соборъ связанъ съ извѣстною иконою Казанской Божіей Матери. Эта икона будто бы явилась въ Казани въ 1579 году, затѣмъ сопровождала князю Пожарскому въ его походахъ противъ поляковъ, потомъ стала семейной реликвіей дома Романовыхъ и, наконецъ, по повелѣнію Петра Великаго, въ 1710 году была доставлена въ Петербургъ. Первое время икона помѣщалась на Петербургской Сторонѣ, въ Посадской улицѣ, въ церкви Рождества Богородицы, затѣмъ въ Троицкомъ соборѣ и, наконецъ, по приказанію Анны Іоанновны, 2 іюля 1737 года изъ Троицкаго собора икона была доставлена въ только-что приготовленный къ освященію новый храмъ, построенный по проекту русскаго архитектора М. Земцова на нынѣшней Казанской площади. Храмъ этотъ, судя по нѣкоторымъ даннымъ, походилъ на другую церковь постройки М. Земцова—на Симеоновскій храмъ. Освященіе произошло 3 іюля 1737 года, и храмъ просуществовалъ до 14 августа 1813 года, когда его стали разбирать, такъ какъ уже былъ законченъ и освященъ 15 сентября 1811 г. Казанскій соборъ, который строился по проекту замѣчательнаго русскаго архитектора Воронихина. Существуетъ преданіе, что Воронихинъ составилъ свой планъ по образцу, начертанному для парижскаго дома инвалидов другимъ русскимъ архитекторомъ—Баженовымъ, тоже большимъ талантомъ, но до настоящаго времени

плохо нами изученнымъ. Кромѣ того, по своему фасаду соборъ до извѣстной степени напоминаетъ римскую церковь св. Петра. И, наконецъ, необходимо отмѣтить, что соборъ не законченъ, что колоннада, идущая со стороны Невского проспекта, должна была идти и съ другой стороны, но на эту колоннаду не хватило денегъ, и что, наконецъ, застроенъ павильонами и другими постройками принадлежащій собору скверъ, расположенный по другую сторону Казанской улицы и окруженный рѣшеткою по рисунку Воронихина. Но все же, несмотря на подражаніе въ проектѣ, несмотря на его незаконченность, храмъ производитъ сильное впечатлѣніе и является однимъ изъ лучшихъ памятниковъ русской церкви классическаго образца, если такъ можно выразиться. Конечно, это—не родная, русская церковь, не церковь сѣдого Новгорода, варварской Москвы или далекаго сѣвера, это не та церковь, которая уже однимъ своимъ внѣшнимъ видомъ пробуждаетъ какое-то странно-пріятное чувство въ душѣ. Нѣтъ, чувству мало говорить Казанскій соборъ. Отъ него вѣетъ холодомъ спокойной логической мысли. Онъ дѣйствуетъ красотой и гармоническою законченностью линій, строгостью очертаній и замѣчательною согласованностью частей постройки.

Во внутренности соборъ является музеемъ художественныхъ произведеній и реликвіей. Здѣсь находится гробница героя отечественной войны — князя Голенищева-Кутузова, здѣсь со стѣнъ вѣютъ французскія знамена, наконецъ, иконостасъ сдѣланъ изъ серебра, которое отнято донскими казаками отъ убѣгавшихъ французовъ. Много образовъ кисти Боровикова, Шебуева, Брюллова и другихъ выдающихся творцовъ русскаго искусства!

Въ день чествованія 25-лѣтія отечественной войны—

25 декабря 1837 года—стоявшая до этого времени посреди площади деревянная, выкрашенная колонна-obeliskъ исчезла, и вмѣсто нея появились два памятника героямъ той же войны. Работы по сооруженію памятниковъ начались со середины 1837 года. О ходѣ этихъ работъ газеты того времени извѣщали петербуржцевъ довольно подробно: „Памятники фельдмаршаламъ, князьямъ Кутузову Смоленскому и Барклаю-де-Толли предъ Казанскимъ соборомъ нынѣ окончены, и отлитыя изображенія сихъ двухъ героевъ, прославившихъ военное время императора Александра I, поставлены на пьедесталь въ теченіе прошедшаго мѣсяца (іюня). Площадь вокругъ памятниковъ очищена, лѣса сняты, но изваянія скрыты до сихъ поръ отъ нетерпѣливыхъ взоровъ досками. Князь Смоленскій изваянъ въ колоссальномъ видѣ, въ фельдмаршальскомъ мундирѣ по формѣ въ 1812 году существовавшей, черты лица разительно сходны — правою рукою онъ придерживаетъ плащъ, накинутый на мундиръ, а лѣвою, въ которой фельдмаршальскій жезль, указываетъ вдаль. У ногъ его французское знамя, поверженное въ прахъ. Вышина монумента 5 аршинъ и 5 вершковъ, мѣди въ немъ 400 пудовъ. Памятникъ поставленъ на гранитный пьедесталь, вышиною въ 12 аршинъ, такъ что вышина всего монумента составитъ около 6 сажень. Князь Барклай-де-Толли изображенъ также въ колоссальномъ видѣ въ фельдмаршальскомъ мундирѣ. Памятникъ князю Барклаю-де-Толли нѣсколько выше памятника князю Кутузову, на 6 вершковъ, потому что Барклай былъ ростомъ выше Кутузова. Надъ памятниками трудились Б. И. Орловскій и В. П. Якимовъ, первый лѣпилъ ихъ, второй отливалъ“.

Сокрытые досками отъ взора любопытствующихъ памятники простояли сравнительно долго, почти пол-

года, и—продолжаемъ выписку изъ современныхъ извѣстій—„въ то самое время, когда послѣдовалъ первый изъ ста одного выстрѣла, которымъ сопровождалось торжество 25 декабря, упали завѣсы съ памятниковъ, и лики знаменитыхъ героевъ отечественной войны открылись благодарному потомству!“

Объ экзекуціи на будущей Казанской площади, во времена Петра I, мы уже рассказали выше; въ дни „Благословеннаго“, какъ было принято еще недавно выражаться, т. е., во время царствованія Александра I, вскорѣ послѣ освященія Казанскаго собора, пронесся слухъ, что у одного изъ поповъ Казанскаго собора, (а по штату полагалось при соборѣ 4 священника) выросли рога, и этотъ попъ со страха будто бы запрятался въ соборъ. Кто пустилъ этотъ слухъ, для какой цѣли—неизвѣстно; но весь Петербургъ, и пѣшкомъ, и въ каретахъ направился къ собору. Стеченіе публики было огромное, но „попа съ рогами“, конечно, не оказывалось, хотя все духовенство Казанскаго собора было налицо и, поскольку могло, успокаивало публику, доказывая всю бессмысленность этого слуха. Вплоть до поздней ночи толпился на площади народъ. Въ это время чуть ли не сама полиція стала распространять новую версію,—„попа съ рогами“ успѣли спрятать въ Александро-Невскую лавру. Въ лавру было идти поздно, а когда на утро передъ закрытыми монастырскими воротами собрались жаждущіе сильныхъ ощущеній и хотѣли даже выломать ворота лавры,—на сцену появились заранѣе заготовленные пожарные, и потоки холодной воды остудили разгоряченныхъ обывателей, часть которыхъ познакомилась съ кутузкою.

Съ 6 декабря 1876 года Казанская площадь стала служить мѣстомъ публичныхъ демонстрацій, о первой изъ нихъ мы скажемъ нѣсколько словъ позже, въ

той главѣ, когда будемъ касаться рабочаго движенія. Здѣсь же считаемъ умѣстнымъ привести справку и о другихъ демонстраціяхъ, не носящихъ спеціально рабочій характеръ, а бывшихъ скорѣе демонстраціями студентовъ. Укажемъ еще, что въ противовѣсъ этимъ демонстраціямъ на Казанской площади былъ даже разбитъ скверъ, устроенъ фонтанъ, насажены цвѣтники—устройствомъ сквера уменьшали размѣръ площади и тѣмъ самымъ думали предупредить возможность публичныхъ демонстрацій. Внѣшній характеръ демонстраціи на Казанской площади носили въ большинствѣ случаевъ одинъ и тотъ же: на площадь Казанскаго собора приходила учащаяся молодежь, рабочіе, сочувствующая интеллигенція. Нѣсколько лицъ просило духовенство собора отслужить панихиду по рабу или рабѣ божіей такой-то,—называли то или другое имя, конечно, безъ фамиліи. Но духовенство оказывалось въ высшей степени проницательнымъ и отказывалось служить панихиду. Объ этомъ отказѣ оповѣщали собравшихся,— раздавалось стройное пѣніе „Вѣчной памяти“ и похороннаго марша, и собравшаяся молодежь стремилась продемонстрировать по Невскому проспекту, но появлялись жандармы, конные городовые, предусмотрительно припрятанные въ сосѣднихъ домахъ, дворники, передѣтые городовые, шпіоны; толпу начинали разсѣивать, подвергали избіенію, наиболѣе подозрительныхъ арестовывали. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ отсидки слѣдовалъ приговоръ особаго совѣщанія при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ о высылкѣ въ болѣе или менѣе отдаленную губернію, на болѣе или менѣе продолжительный срокъ... Вотъ и все.

4 марта 1897 года произошла особенно внушительная демонстрація по поводу мучительной смерти Маріи Федосѣевны Вѣтровой, — курсистки высшихъ женскихъ

курсовъ. Она была обвинена въ пропагандѣ среди рабочихъ, арестована въ ночь на 22-е ноября 1896 г. и заключена въ домъ предварительнаго заключенія. Затѣмъ 2 января 1897 года, „черезъ двѣ недѣли послѣ общаго выпуска на волю“, ее перевели въ Петропавловскую крѣпость, гдѣ Вѣтрова, 12 февраля того же года, облила себя керосиномъ изъ лампы и подожгла. Послѣ сутокъ мученія она умерла. Но о ея смерти сообщаютъ роднымъ только черезъ 2 недѣли, обставляютъ эту смерть какими-то необыкновенными таинственностями, и въ результатъ упорно начинаетъ циркулировать слухъ, что Вѣтрова покусилась на самоубійство послѣ изнасилованія ея жандармскимъ офицеромъ. Естественнымъ послѣдствіемъ этого слуха и была демонстрація на Казанской площади. Черезъ 4 года, послѣ Вѣтровской демонстраціи, въ тотъ же день 4 марта 1901 года была демонстрація по поводу „сдачи студентовъ въ солдаты“. Въ этой демонстраціи принимали участіе не только представители молодежи, но и лица, которыхъ заподозрить въ неблагонадежности ни въ коемъ случаѣ нельзя было. Такъ велико было негодованіе противъ мѣры, принимаемой министерствомъ народнаго просвѣщенія. Число арестованныхъ въ эту демонстрацію достигло 760 человѣкъ. За 40 лѣтъ, съ 1846 года, на Казанской площади чуть ли не ежегодно, а иногда и по нѣсколько разъ въ годъ были демонстраціи, въ которыхъ въ той или иной формѣ, болѣе громко или болѣе робко, стремился вырваться на волю протестъ русской, оскорбленной, угнетенной души.

Въ данной мѣстности есть еще одна площадь, которая заслуживаетъ безусловно вниманія,—теперь эта площадь носитъ названіе Театральной, а въ былые дни она звалась площадью Карусели. Появилась эта площадь и идущая отъ нея Театральная улица сравни-

тельно недавно, улица была устроена въ 1756 году. Поцѣлуевъ мостъ построенъ впервые лишь въ 1768 г., до этого года на этомъ мѣстѣ былъ только переѣздъ черезъ Мойку; какъ переѣздъ, такъ и мостъ, получили свое названіе отъ находящагося же здѣсь рядомъ Поцѣлуева кабака, а этотъ послѣдній назывался такъ, конечно, не потому, что въ немъ ужъ слишкомъ усилненно цѣловались, а потому, что одинъ изъ первыхъ владѣльцевъ этого кабака былъ купецъ Поцѣлуевъ.

Площадь карусели заставить насъ переселиться на мгновеніе въ торжественный вѣкъ Екатерины II. „Сего іюля мѣсяца 16 числа 1766 года—читаемъ мы въ современныхъ изданіяхъ—былъ карусель передъ Зимнимъ Ея Императорскаго Величества домомъ, въ нарочно построенномъ амфитеатрѣ. Оное дѣйствіе происходило при Высочайшемъ присутствіи Ея Императорскаго Величества Нашей Всемиловѣйшей Государыни и Его Императорскаго Высочества Государя Цесаревича и при многочисленномъ собраніи всей публики, въ такомъ великолѣпнѣ, богатствѣ и вкусѣ, каковыхъ зрители не ожидали“.—Каруселью называлось соединеніе четырехъ кадрилей, т. е., группъ всадниковъ, соотвѣтственно одѣтыхъ, которые проѣзжали въ извѣстномъ порядкѣ по аренѣ, показывали нѣкоторыя упражненія или, какъ теперь говорятъ, школу высшей ѣзды. Но посмотрите, какъ своеобразно описывается эта карусель репортеромъ Екатерининскаго вѣка: „сверхъ чаянія всѣ зрители увидѣли проливающуюся гору богатства и изобилія въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ и всякаго рода кавалерскихъ и конныхъ золотыхъ и серебряныхъ уборахъ, въ древности Россійскихъ сокровищъ всегда сохраняемыхъ, и къ симъ увидѣно было богатство новыхъ украшеній и искусство въ изобрѣтеніяхъ, которыми четыре кадрили были различены.

Каждая представляла намъ народъ свой въ той степени, въ которой старые и новые писатели упоминають ихъ славнѣйшія ополченія. Сіе величественное представленіе, дѣйствуемое знаменитымъ проворствомъ выбравшихся кавалеровъ, сколь много ни восхищало духъ благородныхъ зрителей и удивляло весь народъ великолѣпіемъ, но не меньше вело его на ту же цѣль нѣжностію и пріятствомъ, когда всѣ увидали въ такомъ же ополченіи и съ такими же кавалерійскими доспѣхами дамъ благородныхъ въ брони военной, на колесницахъ, по древнему обыкновенію каждаго народа устроенныхъ, которые богатствомъ и аллегорическими фигурами, а при томъ и хитростію художниковъ воображали зрителямъ духъ побѣдоносца. Указавъ на участіе въ карусели дамъ, авторъ описанія напрягъ всѣ свои силы и возможности, чтобы дать достойное предмета описаніе: „Одѣяніе кавалеровъ богато блистало драгоценными камнями, но на дамскихъ уборахъ сокровища являлись неисчетныя, словомъ, публика увидѣла брилліантовъ и другихъ родовъ камней на цѣну многихъ милліоновъ. Кадрилія Славенская представляла древность своего народа, всегда храбро воюющаго, и изобиліе тѣхъ богатствъ, которыя Сѣверъ раздаетъ въ другія части свѣта; а Кадрилія Римская изображала живо древнюю гордость и величество сихъ побѣдителей и неисчерпаемое изобиліе богатства, которымъ отъ добычи побѣжденных сей народъ въ свѣтѣ возносился. Кадрилія Индійская одѣта была во всемъ томъ, что свойственно ихъ вкусу и подземному въ натурѣ его богатству. А въ Кадриліи Турецкой украшеніе состояло въ такомъ нарядѣ, каковое кажется видѣть только должно въ натурѣ сего народа и его природной осанкѣ, когда онъ образъ тщеславія показать стремится. Словомъ, въ явленіи и дѣйствіи сего каруселя публика

увидѣла нечаянно то, чего она прежде въ мысли представить себѣ не могла. И сіе было такое зрѣлище, которое къ достопамятству на будущія времена всеконечно описать надлежитъ особливою книгою, дабы вкусъ и увеселеніе нынѣшняго вѣка въ царство нашей премудрой Монархини, въ которыхъ полезное съ пріятнымъ столь тѣсно, разумно и величественно соединено, извѣстны остались отдаленнымъ потомкамъ, что и исполнено будетъ“. Несмотря на такое категорическое удостовѣреніе,—описание карусели и рисунковъ ея не было сдѣлано, не сохранилось даже болѣе или менѣе подробнаго разсказа. Мы узнали только, что изъ зрителей или, вѣрнѣе, зрительницъ были выбраны судьи, которые и присудили первую награду будущему графу Алексѣю Орлову. Но подготовленіе къ этой карусели и самое ея выполненіе взяло много времени, заставило обратить сюда все вниманіе и отвлекло послѣднее отъ кровавыхъ недавнихъ событій, отъ которыхъ Екатерина II и стремилась отвлечь петербургскую публику. Вѣдь, слишкомъ недавно сложилъ свою голову на плахѣ молодой безумецъ Мировичъ, а въ тяжеломъ мрачномъ казематѣ Шлиссельбурга, по приказу свыше, былъ убитъ во время возстанія Мировича и несчастный, полусумасшедшій наслѣдникъ Россійскаго престола Іоаннъ Антоновичъ. Это возстаніе Мировича, эти разговоры объ Іоаннѣ IV были совсѣмъ непріятны для Екатерины II, и она хотѣла заставить ихъ умолкнуть; для того, надо полагать, Иванъ Ивановичъ Бецкій, великій мастеръ на всякія хитрости, маскарады, увеселенія и почитаемый кромѣ того за великаго педагога, и выдумалъ вышеописанную карусель. Устроенный для нея амфитеатръ нѣкоторое время находился на Дворцовой площади, но такъ какъ онъ стѣснялъ ѣзду, то его и рѣшили перенести. Между тѣмъ, на нынѣшней площади Боль-

шого и Маріинскаго театровъ издавна существовали народныя развлеченія; „29 августа 1763 года англійскій берейтеръ Батесъ, неподалеко отъ Морской церкви св. Николая, дѣлать будетъ на лошадахъ верхомъ разныя штучки“. И рѣшили пріятное соединить съ полезнымъ,—освободить и Дворцовую площадь, и дать простому народу болѣе удобно наслаждаться незатѣйливыми шукарями,—амфитеатръ карусели перенесли на эту площадь. А присутствіе карусели на этой площади дало поводъ и къ постройкѣ здѣсь же, во 2-ой Адмиралтейской части, постоянного театра. Вѣдь, первый театръ появился въ Петербургѣ здѣсь же, во 2-ой части. 24 апрѣля 1723 года послѣдовало повелѣніе „о постройкѣ на берегу рѣки Мѣи деревяннаго комедіальнаго дома“,—комедіальный домъ построили очень скоро и въ концѣ декабря того же года принялись въ этомъ построенномъ домѣ „устроить для пріѣзда Императора съ семействомъ особой свѣтлицы на казенный счетъ“,—очевидно, подъ свѣтлицею понимали царскую ложу. Комедіальный домъ просуществовалъ до 12 февраля 1733 года, когда, за ветхостью, его повелѣли сломать, а мѣсто отдать для застройки желающимъ. Комедіальный домъ сдѣлался ненужнымъ, такъ какъ при каждомъ изъ дворцовъ стали устраиваться свои собственные театры,—„происходящіе при дворѣ ея императорскаго величества зимнія увеселенія, чѣмъ ближе къ концу подходятъ, тѣмъ болѣе отличаются своимъ великолѣпіемъ и возбуждаютъ общее удивленіе,—такъ начиналъ свою рецензію театральнѣйшій рецензентъ 1755 года и продолжалъ: и какъ при высочайшемъ покровительствѣ нашей всемилостивѣйшей монархини, со времени благополучнѣйшаго ея императорскаго величества вступленія на престолъ, науки и художества часъ отъ часу начали приходить въ вящее приращеніе, такъ, музыка и театраль-

ное искусство нынѣ до такой степени совершенства доведено“... Далѣешло описаніе, какъ давалась опера „Цефаль и Прокрисъ“, „при участіи шестерыхъ молодыхъ людей россійской націи“. Въ этой рецензіи гораздо меньше преувеличеній, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ,—дѣйствительно, театральныя придворныя представленія въ царствованіе Елизаветы Петровны достигли значительнаго прогресса, дѣйствительно, принимая во вниманіе вкусы того времени, они отличались великолѣпіемъ, пышностью, но едва ли петербургскіе обыватели были такъ рады и такъ довольны этими представленіями. Вѣдь, эти театральныя представленія, если и были для императрицы забавой и увеселеніемъ, то для ея вѣрноподданныхъ являлись новою повинностью. Чуть ли не два раза въ годъ, а иногда и чаще, появлялся высочайшій указъ правительствующему сенату о назначеніи въ императорскомъ оперномъ домѣ трехъ представленій въ недѣлю, а именно,—по средамъ — итальянскихъ интермедій, по вторникамъ и пятницамъ—французскихъ комедій. Мѣнялись дни представленій, измѣнялись самыя представленія; вмѣсто итальянской интермедіи шла россійская трагедія,—но сущность дѣла оставалась та же самая: посѣщеніе императорскаго театра было обязательно, и манкированіе могло вызвать „Высочайшій гнѣвъ“. Но, попавъ въ оперный императорскій домъ, зритель долженъ былъ подчиниться ряду установившихся правилъ; вотъ одно изъ нихъ: „о пропускѣ въ оперный домъ во время французскихъ комедій лейбъ-гвардіи штабъ и оберъ-офицерскихъ и напольныхъ полковъ штабъ офицерскихъ женъ, которыя прежде помѣщались вверху, въ партеръ“. Существовало какъ бы особое мѣстничество: мѣста занимались соотвѣтственно рангу и чинамъ и, можетъ быть, не одна

красавица, вмѣсто того, чтобы наслаждаться, какъ „природный русскій теноръ Марко Португальскій выводитъ рулады“, сгорала отъ зависти, что ея подруга сидитъ ближе къ царской ложѣ, а ей приходится „помѣщаться вверху“. А наряды... Боже, сколько заботъ, сколько тревоженій вызывали эти наряды—„въ темно-цвѣтныхъ платьяхъ вообще не показываться при дворѣ“, „робы имѣть величиною по меньше тѣхъ, что на большихъ куртагахъ бываютъ“; все нужно было помнить, все нужно было предусмотрѣть и—хоть зеркало, этотъ вѣрный спутникъ женской жизни, ясно, убѣдительно говорилъ, что нарядъ не къ лицу, свѣтлое платье выказываетъ ярко всю некрасивость фигуры, но темнаго надѣтъ нельзя... Не меньше горя и заботъ причиняли украшенія. Бриллиантовъ у нашихъ предковъ было немало, и мы очень часто можемъ прочесть такія извѣщенія: „будучи при дворѣ ея императорскаго величества, на комедіи въ оперномъ театрѣ княгиня Катерина Дмитріевна Голицына обронила отъ серьги бантъ бриллиантовый, съ тремя подвѣсками и тремя сквозными камнями, называемыми грушки, которые осыпаны мелкими сквозными бриллиантами“... Находились ли потери, мы не знаемъ. Но, вкусивши сладкаго плода, не захочется горькаго. И, побывавши хоть разъ въ театрѣ, послушавши хоть разъ музыку придворнаго капельмейстера г. Арая, посмотрѣвши, „на махины и декорации, которыя г. Валери къ великому удовольствію представлялъ зрителямъ, невольно тянуло въ театръ, на театральныя зрѣлища. А выстроенный на Царицыномъ лугу, на берегу рѣки Мыи небольшой деревянный театръ (память о немъ сохраняется въ названіи „Театральный“ одного изъ находящихся здѣсь мостиковъ) не удовлетворялъ количеству желавшихъ попасть на представленія зрителей. Нужно было вы-

строить побольше театръ и устроить его такъ, чтобы народъ посѣщалъ. Поэтому весьма понятно желаніе воспользоваться тѣмъ мѣстомъ, къ которому народъ привыкъ: и вотъ вмѣсто карусели, по проекту Тишбейна, съ 1777 года генераль-инженеръ Деденевъ начинаетъ воздвигать каменный театръ, который и открылся 24 сентября 1783 года. Какъ и подобаетъ, этотъ театръ неоднократно горѣлъ, ремонтировался, перестраивался, къ нему приложилъ руку и Тома-де-Томонъ, который, осматривая его послѣ пожара, упалъ съ лѣсовъ и получилъ такія тяжкія поврежденія, что отъ нихъ вскорѣ умеръ. Послѣ перестройки Тома-де-Томона были перестройки въ 1811 году архитекторомъ Модюи, въ 1826 году Кавосомъ и, наконецъ, въ 1891 году Большой театръ стали перестраивать въ консерваторію. Зачѣмъ понадобилась эта перестройка, понять до сего времени мудрено. Маріинскій театръ, находящійся на той же самой площади, визави Большого театра, былъ построенъ въ царствованіе императора Николая I, какъ театръ-циркъ, и только послѣ пожара въ 1859 году былъ передѣланъ специально въ театръ, а послѣ переустройства Большого театра въ консерваторію сталъ играть роль единственнаго Императорскаго опернаго и балетнаго театра.

Недалеко отъ описываемаго нами театра, почти въ то же время, находился очень любопытный „маленькій дворикъ“ при дворѣ „дома надворнаго совѣтника Вахтина, 2-ой адмиралтейской части, противъ Каменнаго театра, близъ Поцѣлуева моста“. У насъ имѣются данныя предполагать, что на мѣстѣ этого дома въ настоящее время помѣщается громадное зданіе страхового общества „Россія“. Хозяинъ, надворный совѣтникъ Вахтинъ, нашелъ выгоднымъ эксплуатировать этотъ дворикъ на нашъ современный взглядъ совершенно невозможнымъ спо-

собою—за особую плату на этотъ дворикъ ставились для продажи крѣпостные люди разными лицами. Такъ, какой-то „служитель Иванъ Борисовъ продавалъ здѣсь — оптомъ или гуртомъ, не знаемъ, какое выраженіе болѣе подойдетъ,—дворовыхъ людей, дѣвокъ, мальчика и мужа съ женою“, безымянно продавались тутъ же: „добраго поведенія люди: 1) кучеръ съ женою, собою видной и обученъ ѣздить парадомъ въ шорахъ, 2) токарь, который изъ костей, мѣди и изъ разныхъ деревъ точить всякія штуки, 3) парикмахеръ, 4) поваръ, 5) дворникъ; далѣе, какой-то „парикмахеръ“,—очевидно, по комиссіи, такъ какъ трудно предположить, чтобы парикмахеръ былъ изъ дворянъ и обладалъ правомъ владѣнія людьми,—продавалъ семью людей: мужика 45 лѣтъ, у него сынъ 17 лѣтъ, двѣ дочери 19 и 12 лѣтъ, жена 35 лѣтъ, также мужика съ бабою 50 и 55 лѣтъ“ и, наконецъ, какой-то таможенный канцеляристъ Иванъ Семеновъ предлагалъ „хорошаго поведенія взрослыхъ двухъ дѣвокъ, семью людей и еще мальчика 17 лѣтъ“. Такимъ образомъ, на этомъ дворѣ надворнаго совѣтника Вахтина мѣнялся не только товаръ, но и самые люди.

Это случайное обстоятельство — нахожденіе дома Вахтина около Большого театра—позволяетъ намъ продлить нашу справку и дать читателю хоть нѣкоторое представленіе о томъ бытовомъ явленіи, которое было вплоть до 1861 года. Въ Петербургѣ былъ еще рядъ мѣстъ, гдѣ шелъ спеціальнѣйшій торгъ людьми. Такъ, на „Лиговскомъ каналѣ, между торговою банею и кузницами, въ домѣ Недосѣкина жилъ какой-то жилецъ, довольно успѣшно торговавшій цѣлый 1792 годъ дѣвками, причемъ кромѣ взрослыхъ дѣвокъ у него продавались „подростки 14 и 11 лѣтъ“; въ Большой Коломнѣ было мѣсто для продажи людей—„отъ Усачева

кабака, теперь тутъ Усачевъ переулокъ, идущій отъ Большой Садовой къ Фонтанкѣ, въ 3-ьемъ переулкѣ, домъ № 1097, по правую руку, второй домъ“. Здѣсь продавались, главнымъ образомъ, „чухны“: „продаются два мальчика 19 и 13 лѣтъ, изъ коихъ первый годенъ въ рекруты, да дѣвка 20 лѣтъ, знающая шить, мыть и гладить бѣлье, кушаніе готовить и говорить по-нѣмецки. Всѣ они изъ чухонъ“. Далѣе: на одной изъ такихъ же окраинъ, въ малой Коломнѣ на Бугоркѣ—такъ звалась нынѣшняя площадь съ церковью Воскресенія Христова, въ эту площадь упирается Торговая улица, — былъ маленькій каменный домъ спасскаго дьячка, т. е., дьячка церкви Спаса на Сѣнной. И въ этомъ домѣ, въ теченіе ряда лѣтъ, можно было „извѣститься“ о продажѣ дворовыхъ людей. Такимъ образомъ, спасскій дьячекъ былъ комиссіонеромъ по продажѣ крѣпостныхъ людей. Этого несоотвѣтствія—духовное званіе и торговля людьми, которое не можетъ не поразить современнаго читателя, — не замѣчали наши предки. Очевидно, домъ спасскаго дьячка (домъ этотъ былъ каменный) выдѣлялся изъ ряда хибарокъ, ютившихся по краю Козьяго болота, къ спасскому дьячку ходило много лицъ за разными требамъ, слѣдовательно, могъ зайти и нуждавшійся, на примѣръ, „въ дѣвкахъ“;— спасскій дьячекъ и указывалъ адресъ одного изъ своихъ прихожанъ, который не прочь былъ продать одну или нѣсколькихъ дѣвокъ изъ имѣвшейся у него дворни. Вообще, лица, продававшія людей, искали для своей продажи, или, вѣрнѣе, для объявленія о продажѣ, такія мѣста, которыя посѣщались усиленно и въ которыхъ, такимъ образомъ, вполне естественно, можно было найти скорѣе покупателя. Поэтому-то въ Петербургѣ стала развиваться комиссіонная продажа, и комиссіонерами сдѣлались сторожа и мелкіе чиновники

различныхъ казенныхъ учрежденій, какъ-то: банковъ, почты, сената и т. п., гдѣ всегда бывало скопленіе публики. Избирались для комиссіонной продажи и такія мѣста, которыя, на нашъ взглядъ, совершенно не допускали и мысли о продажѣ,—школы. Большую извѣстность въ этомъ отношеніи приобрѣло начальное училище при церкви Николы Морского, нынѣ Никольскій Морской соборъ. Это училище было извѣстно подъ кличкою „Морской школы“ или школы на морскомъ дворѣ. Здѣсь мнѣ удалось зарегистрировать продажу съ 1794 по 1798 годъ, причемъ предлагался на продажу самый разнообразный товаръ, начиная отъ „добропорядочной дѣвушки, которая говорить по-французски и по-нѣмецки“, вплоть до мужика 40 лѣтъ, годнаго въ дворники и во всякую работу“.

Набережная Мойки является замѣчательно интересною въ историческомъ отношеніи: здѣсь можно и, собственно говоря, слѣдовало бы говорить чуть ли не о каждомъ домѣ, начиная съ нынѣшней „Интендантской Академіи“, вверхъ по теченію: здѣсь и знаменитый Юсуповскій особнякъ, это не родовой домъ Юсуповыхъ, онъ имъ достался по женѣ отъ Потемкина, здѣсь и бывшие полковые „Семеновскій“ и Морской дворы, здѣсь... но, къ сожалѣнію, недостатокъ мѣста заставляетъ только указывать да давать хоть небольшія историческія справки.

Пожаръ 1761 года, какъ мы и указали выше, истребилъ бывшя Мѣщанскія улицы, но не дошелъ до углового мѣста по Вознесенскому проспекту и площади Синяго моста. Мѣсто это принадлежало графу Чернышеву. Такимъ образомъ, графъ хотя и не пострадалъ отъ пожара, но инструкція о деревянныхъ домахъ касалась его непосредственно, и, какъ слѣдствіе ея, на страницахъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ появилось

слѣдующее извѣщеніе: „На Адмиралтейской сторонѣ, у Синяго моста, въ домѣ дѣйствительнаго камергера оберъ-прокурора Правительствующаго Сената и кавалера его сіятельства графа Ивана Григорьевича Чернышева продано быть имѣть съ мѣста хоромное строеніе, а именно господскій домъ со службами, конюшня и каретный сарай“. Такимъ образомъ, не будь описаннаго пожара, графъ Чернышевъ не продалъ бы своего дома на сносъ, и еслибы Елизавета Петровна не присутствовала лично на пожарѣ, то, можно утверждать категорически, не были бы приняты такія экстраординарныя мѣры, на эту мѣстность не обратили бы такого вниманія, не стали бы такъ заботиться о ея благоустройствѣ, и едва ли графъ Чернышевъ, какъ говорили въ то время, „сореvнующа общему благу“ или, попросту говоря, желая угодить императрицѣ и тѣмъ получить какую-либо милость, рѣшился выстроить на этомъ мѣстѣ великолѣпный дворецъ, заказавъ его проектъ знаменитому въ то время архитектору Валленъ де-ля-Моту.

Постройка, по обыкновенію того времени, тянулась долго: расчетливый добрый хозяинъ, желая имѣть хорошо выстроенный домъ, растягивалъ постройку на 4 года; въ первый годъ устраивали фундаментъ и давали ему выстояться цѣлую зиму, на другое лѣто возводили стѣны, накрывали крыши, и постройка сохла до слѣдующей, третьей весны, когда ее штукатурили, наконецъ, въ слѣдующій, четвертый годъ дѣлалось внутреннее устройство дома. Поэтому вполне естественно, что 26 мая 1766 года Императрица Екатерина II на возвратномъ пути изъ Екатерингофа заѣхала посмотреть строящійся домъ графа Чернышева; 4 апрѣля 1768 года графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышевъ праздновалъ свое новоселье въ высочайшемъ присутствіи. Домъ былъ огроменъ по размѣру—101 жилой и 34 не-

жилыхъ покоя—и великолѣпнѣ по убранству; на парадномъ ходѣ, между прочимъ, была роскошная широкая лѣстница изъ дивнаго итальянскаго мрамора. Къ сожалѣнію, мы не могли найти полнаго описанія дома, имѣются лишь нѣкоторыя детали. Скоро графъ охладѣлъ къ своему дому, и домъ сталъ сдаваться подѣ разныя торговыя учрежденія; 28 ноября 1797 года былъ рѣшенъ Павломъ I вопросъ о покупкѣ дома графа Чернышева для принца Конде, на фасадѣ дома прибили уже лилію, но, видимо, у казны не хватило 100 т. рублей, которыя были обѣщаны графу, и домъ остался за нимъ; съ 1808 по 1810 годъ въ домѣ графа, въ виду переустройства Адмиралтейства, помѣщается Адмиралтейская Коллегія, и, наконецъ, въ 1813 году домъ былъ окончательно пріобрѣтенъ казною, департаментомъ удѣловъ, и первое время эксплуатировался отдачею внаймы. Такъ, весь бельэтажъ снимало танцевальное мѣщанское Общество, вполнѣдствіи прославившееся подѣ названіемъ „шустеръ-клубъ“. Это Общество зимою давало маскарады, на которыхъ молодежь танцевала, а болѣе пожилые люди занимались карточной игрою, и, можетъ быть, въ той самой комнатѣ, гдѣ Императрица Екатерина II въ самой изысканной компаніи играла на мелкіе брилліанты въ ломбертъ, сидѣли нѣмцы-ремесленники за кружками пива съ трубками гамбургскаго табаку и тоже играли, но уже по маленькой въ вистъ, а по паркету двухъ большихъ залъ, гдѣ когда-то скользили въ менуэтѣ напудренные съ фижмами дамы, гдѣ когда-то, быть можетъ, въ величавомъ польскомъ выступалъ самъ великолѣпный князь Таврическій, носились въ безшабашномъ, сравнительно недавно разрѣшенномъ, вальсѣ Лизхенъ и Каролинхенъ съ подмастерьями сосѣднихъ булочныхъ и колбасныхъ...

12 марта 1824 года вышло приказаніе составить смѣту для передѣлки этого дома подъ школу подпрапорщиковъ, куда школа и была переведена 19 іюля 1825 года и оставалась въ этомъ зданіи до 17 августа 1839 года;—не забудемъ, что въ этой школѣ воспитывался нашъ величайшій поэтъ М. Ю. Лермонтовъ. Старшая дочь императрицы великая княжна Марія Николаевна уже должна была вступить въ бракъ. Необходимо было приготовить приличное для новобрачныхъ помѣщеніе—нужно было выстроить новый дворецъ. Подходящимъ мѣстомъ и признали бывший дворецъ графа Чернышева. До сихъ поръ эта мѣстность, несмотря на ея центральное положеніе, не могла похвастаться особымъ благообразіемъ: Синій мостъ былъ мостомъ того же типа, какъ и сосѣдній Красный, т. е., довольно узкій, Мойка также текла здѣсь своей мутной грязной водою. А между тѣмъ, съ окончаніемъ постройки Исаакіевского собора, позади его должна была бы образоваться обширная площадь, которую можно было бы расширить, запрятавъ Мойку подъ широкій мостъ, и вмѣсто стараго дома Чернышева, прикупивъ сосѣднія мѣста, выстроить дворецъ по послѣднему слову архитектурнаго искусства, на которое былъ способенъ вполнѣ получившій въ то время весьма громкую извѣстность, собственно говоря вполнѣ рядовой, неотмѣченный вовсе хотя бы и искоркой таланта, но, конечно, хорошій и покладистый строитель архитекторъ нѣмецъ Штакеншнейдеръ.

И старый Чернышевскій дворецъ, созданіе одного изъ интереснѣйшихъ художниковъ сѣдой старины, испыталъ участь, столь обычную старымъ постройкамъ: застучалъ молотъ, заработали кирки и подъ звуки заунывной русской пѣсни, трудомъ русскихъ каменщиковъ, стали разбираться старыя крѣпкія стѣны, выламывались рамы, разбивались затѣйливыя украшенія

барокко, расчищалось мѣсто для новаго созданія новаго времени.

Въ 1845 году былъ законченъ Маріинскій дворецъ, въ которомъ и поселилась новобрачная чета Лейхтенбергскихъ. Впослѣдствіи этотъ дворецъ былъ приобрѣтенъ въ казну, и въ немъ имѣлъ свои засѣданія Государственный совѣтъ.

Противоположный дворцу, тоже угловой на Мойку и Вознесенскій проспектъ, небольшой, трехъэтажный, приземистый, съ балкономъ домикъ заслуживаетъ большаго вниманія. Въ 1809 году въ этомъ домѣ открылась книжная торговля и библіотека нѣкоего Лешковскаго. Торговля прогорѣла и была приобрѣтена Васильемъ Плавильщиковымъ въ 1812 году и съ этого времени до 1832 года сперва Плавильщиковъ, а потомъ его наслѣдникъ и преемникъ Смирдинъ, содержали свой книжный магазинъ, библіотеку и свое издательство. 19 февраля 1832 года Смирдинъ праздновалъ свое новоселье въ новомъ домѣ, принадлежавшемъ Лютеранской киркѣ св. Петра. „Въ обширной свѣтлой залѣ нижняго этажа, русскія книги, въ разнообразныхъ красивыхъ переплетахъ, со вкусомъ размѣщены по отдѣленіямъ въ высокихъ, лакированныхъ шкафахъ изъ краснаго дерева, на коихъ бюсты великихъ писателей напоминаютъ благотворные плоды просвѣщенія, пользу и славу наукъ,—такъ описывали современники магазинъ Смирдина—залъ украшенъ роскошною мебелью, для отдохновенія посѣтителей. Пріятно видѣть сей магазинъ еще первый въ свемъ родѣ и пріятно надѣяться, что люди, столь много жертвующіе на приобрѣтеніе блестящихъ, модныхъ бездѣлокъ, не поскупятся жертвовать на полезнѣйшее для нихъ, привлекаясь красотою заведенія г-на Смирдина и удобствомъ къ полученію всѣхъ лучшихъ и новыхъ произведеній отечественной

словесности. А. Ф. Смирдинъ давно уже приобрѣлъ право и на уваженіе, и на признательность соотечественниковъ. Примѣръ его доказалъ, что не одни писатели могутъ споспѣшествовать успѣхамъ просвѣщенія, человѣкъ съ умомъ, дѣятельностью и усердіемъ къ общему благу можетъ во всякомъ званіи способствовать пользѣ отечества. Читатели русскихъ книгъ обязаны г. Смирдину за множество прекрасныхъ и дешевыхъ изданій. Не исчисляя подробно изданныхъ имъ книгъ, укажемъ только на Россійскую Исторію Карамзина, Сочиненія Державина, Баллады Жуковского и Басни Крылова. Сіи творенія, украшающія нашу словесность, драгоцѣнны для всѣхъ просвѣщенныхъ россіянъ и становятся необходимостью для каждаго любителя словесности Отеческой. Безусловно, Смирдинъ занимаетъ среди дѣятелей книжнаго рынка второе мѣсто послѣ Н. И. Новикова, и, благодаря ему, русская литература и журналистика сдѣлали значительный успѣхъ. (Позволимъ себѣ замѣтить въ скобкахъ, что во временно, къ сожалѣнію, прекратившемся журналѣ „Русскій Библіофилъ“ должно было появиться особое, специально посвященное Смирдину обширное наше изслѣдованіе).

Минуя угловой домъ на Мойкѣ и Новый переулокъ, гдѣ долгое время было англійское собраніе,—также любопытная страничка изъ жизни Петербурга,—громадный, недавно построенный домъ-ресторанъ „Контанъ“, о которомъ можно и когда-нибудь будетъ написана цѣлая книга, пройдя мимо цѣлаго квартала, занятаго благотворительно-просвѣтительными учрежденіями — училищемъ глухонѣмыхъ, воспитательнымъ домомъ, Николаевскимъ институтомъ, когда-то домами Бутурлина, графа Бобринскаго, а ранѣе князя Григорія Орлова и графа Кирилла Разумовскаго, только указавъ на домъ Строгонова, на углу Невскаго, яркій и очень

хорошо сохранившійся образецъ творчества Растрелли въ пору его расцвѣта, наконецъ, отмѣтивъ, что по Мойкѣ, за домомъ Голландской церкви, было зданіе главной Полицмейстерской Канцеляріи (опять-таки объ одномъ этомъ зданіи и занимаемомъ имъ учрежденіи нужно писать не одинъ томъ), мы, пройдя домъ Министерства Иностранныхъ дѣлъ, бывшую опекунскую комиссію и еще раньше домъ барона Черкасова, пѣвческую капеллу, домъ стараго Демута, одной изъ первыхъ знаменитыхъ гостиницъ Петербурга, дойдемъ, наконецъ, до дома, на стѣнѣ котораго имѣется лаконическая надпись о томъ, что въ этомъ домѣ умеръ Пушкинъ...

Злая иронія судьбы не щадила поэта и послѣ смерти. Одно время въ его квартирѣ помѣщалось с.-петербургское отдѣленіе „охранки“. Квартира Пушкина и—охранка. Какъ ярко, колоритно сказывается въ этомъ фактѣ вся наша некультурность, вся наша отсталость. Только сравнительно недавно мы стали прибывать къ стѣнамъ домовъ мраморныя доски, увѣковѣчивающія память того или иного культурнаго дѣятеля нашей родины. Такъ, на углу Литейнаго проспекта и Бассейной сохранился до сихъ поръ вполне литераторскій домъ—онъ принадлежалъ Краевскому, издателю и редактору „Отечественныхъ Записокъ“ и „Голоса“, въ немъ жили и умерли Некрасовъ и Пироговъ; на 1-ой линіи Васильевского Острова почти рядомъ дома, въ которыхъ умерли Крыловъ и Костомаровъ...

На Литейномъ проспектѣ, напротивъ Симеоновской улицы, возвышается любопытной архитектуры домъ графини Юсуповой. Онъ нѣсколько мрачнаго, таинственнаго вида. И вотъ съ этимъ домомъ связываютъ твореніе Пушкина „Пиковая дама“. Говорятъ, что въ этомъ домѣ жила „пиковая дама“. Дѣйствительно, своею внѣшностью домъ этотъ могъ служить достойнымъ

жилищемъ бывшей когда-то „Московской Венеры“. Въ этихъ большихъ окнахъ такъ удобно могла прятаться бѣдная Лиза, когда она съ непонятнымъ для себя волненіемъ смотрѣла на молодого офицера на противоположной сторонѣ улицы, кутающагося въ плащъ. Наконецъ, въ этомъ домѣ, судя по его внѣшности, должна существовать та узенькая витая лѣстница, по которой въ темную ночь Германъ пробирался, чтобы узнать роковую тайну.

Но увы! Этотъ домъ оконченъ постройкою въ 1859 г., т. е., спустя 22 года послѣ смерти Пушкина. Въ дни Пушкина на мѣстѣ этого великолѣпнаго дома, такъ гармонирующаго съ героиней „Пиковой Дамы“, были жалкія деревянныя лачужки.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Перузина.—Что звалось этимъ именемъ. — Анализъ плановъ Перузины 1738, 1750, 1754, 1804 и 1829 годовъ. — Царскіе сады. — Лѣтній дворецъ. — Михайловскій замокъ. — Превращеніе его въ Инженерный замокъ. — Аничковъ дворецъ. — Метаморфозы съ нимъ. — 12-ти кратная продажа и покупка дворца. — Маскарады во дворцѣ. — Фонтанка. — Заботы объ ея благоустройствѣ. — Устройство гранитнаго берега. — Вода въ Фонтанкѣ. — Кривуши. — Екатерининскій каналъ. — Проектъ Мюссарда. — Планъ Садовой улицы. — Новый Морской рынокъ. — Образованіе Сѣнной площади. — Вяземская лавра. — Дачные участки по рѣкѣ Фонтанкѣ. — Домъ Воронцова. — Пажескій корпусъ. — Театръ Козасси. — Александринскій театръ. — Росси — архитекторъ площадей. — Истопникъ царскихъ печей Алексѣй Милютинъ. — Гостиный дворъ. — Участокъ городской думы. — Городское самоуправленіе. — Первые выборы городского головы. — Наказъ 1767 года. — Жалованная грамота 1785 года.

„Перузина“ — неправда ли, это названіе напоминаетъ болѣе жгучую Италію, чѣмъ туманную Ингерманландію съ апатичными финнами? Но, между тѣмъ, такъ звалась во времена шведскаго владѣнія часть стараго Петербурга, а именно — мѣстность между Мойкою и Фонтанкою, нынѣшнія Казанская и Спасская части, и слово „перузина“ — слово вполнѣ финское, и на рускомъ языкѣ означаетъ землю, которая имѣетъ твердый грунтъ. Перузина была тою частью Петербурга, которая сравнительно менѣе другихъ подвергалась опасности наводненій. Но „Перузиною“ звалась не только вся мѣстность, но и шведское помѣстіе, находившееся

около тѣхъ мѣстъ, гдѣ теперь высится Инженерный замокъ. Это помѣстье Петръ Великій подарилъ своей супругѣ, и здѣсь возникъ первый Лѣтній дворецъ—маленькій домикъ, постройка котораго относится приблизительно къ 1713—1715 гг. Около лѣтняго домика былъ разбитъ и садъ-огородъ. Онъ тянулся по Мойкѣ вплоть до нынѣшняго Конюшеннаго моста, т. е. долженъ былъ быть гораздо больше, чѣмъ вышелъ въ послѣдствіи. Кратковременность царствованія Екатерины I, I послѣдующій отъѣздъ въ Москву Петра II, конечно, не способствовали усиленію строительной дѣятельности въ Петербургѣ. Оживился Петербургъ лишь съ переѣздомъ Анны Іоанновны, оживленіе коснулось и описываемой нами мѣстности, планъ которой, датированный 1738 годомъ, мы и приводимъ здѣсь (см. въ концѣ книги планъ подъ № 10. 1—1—1—означаетъ Невскую перспективу). Переѣхавъ Аничковъ мостъ, путешественникъ попадалъ на довольно длинную гать (3), такъ какъ тутъ по берегу Фонтанки было непролазное болото. Такое же болото (5) мы видимъ приблизительно на мѣстѣ нынѣшней Михайловской улицы и Гостиного двора. Все остальное пространство вправо отъ Невскаго проспекта вплоть до заборовъ царскихъ садовъ (по нынѣшней Итальянской улицѣ, на планѣ 6, 6, 6) представляло собой болотистый лѣсъ, уже въ достаточной степени вырубленный. Недалеко отъ Аничкова моста возвышалось небольшое зданіе — гауптвахта (4), которая была устроена въ самые первые дни царствованія Екатерины I, когда императрица боялась нашествія изъ Москвы сторонниковъ сына Алексѣя Петровича, будущаго императора Петра II, и вотъ была устроена гауптвахта, чтобы осматривать всякаго пріѣзжающаго—не забудемъ, что въ то время былъ всего на всего одинъ въѣздъ въ Петербургъ черезъ

Аничковъ мостъ, — и подозрительныхъ людей брать подъ арестъ. Эта гауптвахта просуществовала до 90-хъ годовъ XVIII столѣтія, когда Екатерина II подарила ее Приказу Общественнаго Призрѣнія, который и сталъ продавать земельный участокъ гауптвахты. Участокъ приобрѣлъ русскій поэтъ Державинъ. Державинъ былъ не только поэтомъ, не только министромъ и государственнымъ дѣятелемъ, но былъ или, вѣрнѣе, пытался быть „коммерческимъ человѣкомъ“ и занимался скупкою и перепродажею земельныхъ участковъ въ Петербургѣ. Теперь на этомъ мѣстѣ возвышается громадный домъ Лихачева: въ 80-хъ годахъ прошлаго столѣтія въ этомъ домѣ были меблированныя комнаты, въ которыхъ передъ 1-ымъ марта 1881 года поселился Тригони. Здѣсь былъ арестованъ Желябовъ, глава русскихъ террористовъ, и самъ Тригони.

Возвращаемся къ плану. Одна группа строеній на этомъ участкѣ расположилась какъ бы тремя отдѣльными усадьбами по теченію рѣчки Кривуши. Ближе къ Невской перспективѣ находился конюшенный запасный и фуражный дворъ (7). Онъ помѣщался на томъ кварталѣ нынѣшней Михайловской площади, [гдѣ теперь стоитъ Михайловскій театръ, причемъ на мѣстѣ театра тянулись длинные сѣнные сараи. Фуражъ на этомъ дворѣ сохранялся потому, что дворъ былъ изолированъ, и въ случаѣ пожара огонь не могъ сильно распространиться; кромѣ фуража, дворъ этотъ предназначался и для житья нѣкоторыхъ служащихъ Конюшеннаго вѣдомства; усадьба, обозначенная на нашей выкопировкѣ № 8, предназначалась для садовниковъ; зданія подъ № 9 были, какъ кажется, грунтовые сараи для вишенъ, абрикосовъ, персиковъ и т. п. За этими сараями шелъ садъ (10) — въ немъ бросается въ глаза 5 прудовъ, изъ которыхъ одинъ срединный былъ

больше других; эти пруды были вырыты въ цѣляхъ осушенія этой мѣстности, а также для того, чтобы служить пріютомъ для живой рыбы, привозимой къ царскому двору съ Каспія, Волги и Дона. Остальныя строенія группируются уже по берегу Фонтанки; изъ нихъ заслуживаютъ особаго вниманія оранжереи (12) и слоновый дворъ (13).

Первая изъ оранжерей—большая—Петровскаго времени. 2 мая 1714 года былъ отданъ приказъ о постройкѣ оранжереи, а 21 марта 1723 г. Петръ уже обѣдалъ въ этой вполне устроенной оранжерей. Въ ней культивировались различныя рѣдкости, а въ началѣ царствованія императрицы Анны Іоанновны—ананасы. И едва ли не однимъ изъ первыхъ посѣщеній императрицы Анны Іоанновны по ея прибытіи въ Петербургъ была императорская оранжерея: „Изволила Ея Императорское Величество въ оранжереи поѣхать и тамъ иностранныя плоды съ превеликимъ удовольствіемъ осмотрѣть, а особливо понравился Ея Императорскому Величеству изъ сихъ плодовъ ананасъ называемый, которыхъ два Ея Императорское Величество снять изволили“. Петербургскіе царскіе садовники не довольствовались культурою ананасовъ, они достигли того, что у нихъ зацвѣли и дали плодъ и бананъ, и финиковая пальма. Впослѣдствіи, въ царствованіе императрицы Екатерины II, эти оранжереи были перенесены съ берега Фонтанки на вышеупомятый конюшенный запасный дворъ, гдѣ они и просуществовали вплоть до постройки Михайловскаго дворца, нынѣ Русскаго музея.

Слѣдующимъ интереснымъ зданіемъ является уже указанный слоновый дворъ. Первый слонъ въ Петербургъ былъ приведенъ въ 1714 году, и Веберъ, голландскій резидентъ, въ своихъ „запискахъ“ очень картинно описываетъ, какъ вели этого слона по Россіи и какъ

изумлялись ему крестьяне. Второй слонъ былъ отправленъ изъ Астрахани въ 1723 году и причинилъ адмиралтейскому вѣдомству большія хлопоты—пришлось для этого звѣря строить особое судно. При Аннѣ Іоанновнѣ количество слоновъ увеличилось, и въ 1736 году приблизительно тамъ, гдѣ теперь циркъ Чинизелли, построенъ былъ новый слоновый дворъ.

Слѣдующій планъ этой мѣстности, нами найденный, относится къ 1750 году (см. въ концѣ книги планъ № 11). Сравнивая его съ только-что разсмотрѣнною выкопировкою 1738 г., замѣтимъ прежде всего слѣдующее обстоятельство: болотный лѣсъ между Невскимъ проспектомъ (1—1—1) и заборомъ царскихъ садовъ (6—6—6) значительно уменьшился, вмѣсто него уже появились цѣлые кварталы, предназначенные и отчасти застроенные (19, 20). Такимъ образомъ, произошло первое измѣненіе въ первоначальномъ планѣ устройства этой мѣстности: она предназначалась для царскихъ садовъ, предполагалось даже помощью особаго караула воспрепятствовать обывателю ходить по этой мѣстности; но за 25 лѣтъ успѣли объ этомъ позабыть и отвели часть мѣстности подъ застройку, а на другой части, означенной на нашей выкопировкѣ подъ № 18 и находящейся между Фонтанкой, Екатерининскою и Итальянскою улицами и Невскимъ проспектомъ, рѣшили „сдѣлать ягдгартенъ для гоньбы и стрѣлянья оленей, кабановъ и зайцевъ и для того оное мѣсто изровнять и насадить деревьевъ, а противъ дорогъ каменные стѣнки“.

Мѣсто, выбранное для ягдгартена, освѣщаетъ для насъ очень интересную подробность, которой обыкновенный обыватель и не подозреваетъ и которую, къ сожалѣнію, почему-то обходятъ молчаніемъ новѣйшіе описатели стараго Петербурга. Разсматриваемая нами

мѣстность—теперь центръ Петербурга; мы думаемъ, что она была таковою всегда, а, между тѣмъ, въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны эта мѣстность считалась такою окраиной, что на ней можно было устроить ягдгартенъ для гоньбы кабановъ!

Слѣдующій планъ, подлежащій нашему разсмотрѣнію, уже упоминаемый нами не разъ перспективный планъ Махаева 1753 года (см. въ концѣ книги планъ № 12). Сравнимъ приведенную выкопировку изъ этого плана съ ранѣе сдѣланными выкопировками 1750 и 1738 годовъ. Уже съ перваго взгляда видно, что въ царскихъ садахъ произошла значительная перемѣна. Начала производить эту перемѣну уже императрица Анна Іоанновна, а именно, при Екатеринѣ I садъ по берегу Мойки (10—10—10) былъ, собственно говоря, огородомъ; Анна Іоанновна приказала: „вмѣсто того подъ наши огородныя овощи для поварни нашей учредить гряды въ томъ огородѣ, который за улицу противъ Итальянскаго дома“ (на мѣстѣ нынѣшней Марининской больницы на Литейномъ проспектѣ). Огородъ былъ перенесенъ, но какое назначеніе долженъ былъ получить этотъ садъ, не было опредѣлено. Но на него, въ недолгое свое правленіе, обратила вниманіе Анна Леопольдовна, приказавшая построить здѣсь небольшой домикъ: какъ разъ возлѣ воротъ сада, на противоположной сторонѣ Итальянской улицы, былъ домъ Румянцева, и въ немъ обиталъ саксонско-польскій при русскомъ дворѣ резидентъ, красивый графъ Линаръ, плѣнившій Анну Леопольдовну. Удобство расположенія сада возлѣ этого дома давало возможность правительницѣ часто видѣться здѣсь съ Линаромъ, причемъ зачастую входъ въ садъ постороннимъ лицамъ былъ воспрещаемъ. Къ числу этихъ постороннихъ относился и супругъ правительницы Антонъ Ульрихъ

Брауншвейгскій. Когда онъ желалъ войти въ садъ, то находилъ двери просто-на-просто запертыми, а стоявшій часовой хладнокровно заявлялъ, что никого не велѣно пускать. То же самое постигало и великую княжну Елизавету Петровну, когда ей приходило желаніе не во-время пройти черезъ садъ. Укажемъ еще, что при Аннѣ Іоанновнѣ въ 1737 году вышелъ приказъ „наловить соловьевъ въ Московской губерніи 50, въ Псковской и Новгородской тоже 50“ и привезти ихъ „за добрымъ призрѣніемъ“ въ Санктъ-Петербургъ, гдѣ и пустить ихъ въ Третій садъ, а черезъ годъ, въ 1737 году вышло распоряженіе „о запрещеніи ловить соловьевъ около С.-Петербурга и во всей Ингерманландіи подъ жестокимъ штрафомъ“, — боялись, что обыватель поймаетъ соловьевъ изъ Третьяго сада.

Вступивъ на престолъ, Елизавета Петровна занялась серьезно этимъ садомъ и другими; прежде всего она дала наименованіе своимъ садамъ: нынѣшній Лѣтній былъ названъ Первымъ; садъ, расположенный по Фонтанкѣ вокругъ Лѣтняго дворца, получилъ названіе Второго сада, наконецъ, садъ на Мойкѣ сталъ зваться Третьимъ садомъ. Сначала этотъ Третій садъ думали засадить липами, которыхъ было много въ первомъ саду: въ 1744 году требовалось для посадки въ Третій садъ 10.000 липовыхъ деревьевъ, но вскорѣ раздумали, и въ 1747 году „въ новостроющійся садъ, что при третьемъ огородѣ, потребно нынѣшнею зимою поставить кленовыхъ 25.000 деревъ“. Такимъ образомъ, тѣ клены, которыми и въ настоящее время любуются въ саду русскаго Музея, насчитываютъ почти 160 лѣтъ. Кромѣ клена, въ Третій садъ были насажены и фруктовыя деревья, съ которыми было много хлопотъ у Елизаветы Петровны. „Ея Императорское Величество—читаемъ мы въ журналѣ генераль-адъютантовъ — соизволила ука-

зять, что проходящіе черезъ садъ рвутъ яблоки и другіе фрукты, въ которомъ своевольствѣ своею Высочайшею Императорскою особою усмотрѣть изволили“. Очевидно, любители фруктовъ не постѣснялись рвать фрукты въ присутствіи Императрицы. Но, кромѣ этого своевольства, было и еще одно зло, о которомъ сохранилась очень характерная помѣтка въ цитированномъ нами уже журналѣ генераль-адъютантовъ: „5 мая 1751 года Императрица указала, что какъ во дворцѣ въ садахъ, такъ и около дворцовъ никакой нечистоты отнюдь не допускать“. Какая была нечистота — читатель можетъ узнать, прочитавъ повелѣніе, датированное въ томъ же журналѣ 11 іюля 1751 года. Всѣ эти обстоятельства вызвали предположеніе — прорыть по Итальянской улицѣ между Кривушами и Фонтанкою особый каналъ, чтобы такимъ образомъ отдѣлить царскіе сады совершенно отъ города. Недостатокъ денегъ не позволилъ прокопать каналъ.

Очевидно, въ концѣ 40-хъ годовъ XVIII столѣтія на пустомъ еще пространствѣ между Третьимъ садомъ (10—10) и Лѣтнимъ дворцомъ (17) появились два парные пруда (21—22) и между ними и Мойкою былъ разбитъ цвѣтникъ (24), который имѣлъ специальное названіе „Променадъ“. Остатки этихъ двойныхъ прудовъ имѣются и сейчасъ въ саду Русскаго Музея въ видѣ небольшого запущеннаго пруда.

На пространствѣ между вышеописанными прудами и нынѣшними Михайловской площадью, Итальянской и Караванной улицами былъ разбитъ лабиринтъ, необходимая принадлежность каждаго благоустроеннаго сада XVIII вѣка. Лабиринтомъ называлось особое расположеніе дорожекъ сада и запутываніе ихъ такъ, чтобы гуляющій заблудился въ нихъ и съ трудомъ нашелъ выходъ. Лабиринтъ (22) значится уже на Махаевскомъ планѣ, но, кажется, въ это время онъ еще не существо-

валъ, а былъ только въ проектѣ, но это обстоятельство не мѣшало составителямъ плана показать его какъ будто бывшимъ въ дѣйствительности, точно также, какъ мѣстность по берегу Фонтанки (23) показана незастроенной—будто здѣсь по луку отъ Невскаго проспекта до главныхъ воротъ Лѣтнаго дворца только проходила дорога, (16—16) будущая Караванная улица. Между тѣмъ, имѣются данныя, что въ этой мѣстности существовали уже постройки, но были однако, изданы указы, повелѣвавшіе снести всѣ эти постройки въ предосторожность отъ пожаровъ. Указы эти не проводились въ жизнь, составитель плана 1753 года не забылъ ихъ, и на планѣ берегъ Фонтанки свободенъ отъ построекъ. Эти два обстоятельства — нанесеніе на планъ лабиринта не существовавшаго и, наоборотъ, непоказаніе существовавшихъ построекъ ясно показываютъ, какъ осторожно нужно относиться къ планамъ XVIII вѣка.

Невскій проспектъ (1—1) на планѣ 1753 года показанъ уже въ достаточной степени застроеннымъ. Постройки эти начинаются отъ нынѣшней Екатерининской улицы; кварталъ Невскаго отъ Большой Садовой до Екатерининскаго канала не только разбитъ на дворовые участки, но и въ большей степени застроенъ. На планѣ 1753 года этихъ дворовыхъ участковъ показано числомъ 11, на современныхъ планахъ ихъ 10; такимъ образомъ, есть несоотвѣтствіе въ числѣ участковъ, но это несоотвѣтствіе только кажущееся: дѣло въ томъ, что одинъ изъ дворовыхъ участковъ плана 1753 года былъ отведенъ впослѣдствіи подъ Михайловскую улицу. Слѣдовательно, число дворовыхъ мѣстъ на Невскомъ проспектѣ, отъ Екатерининскаго канала до Садовой улицы, остается неизмѣннымъ съ 1739 года до нашихъ дней,—измѣнились лишь владѣльцы.

Теперь обратимся къ плану той же мѣстности 1804 г.

(см. въ концѣ книги планъ № 13). На этомъ планѣ царскій участокъ вполне отмежеванъ отъ остального города: по правой сторонѣ нынѣшней Итальянской улицы (отъ Екатерининскаго канала) шелъ сплошной высокій каменный заборъ, дѣлая значительный уголъ на современной Манежной площади; затѣмъ этотъ заборъ поворачивалъ по лѣвой (отъ Невскаго проспекта) сторонѣ Караванной улицы и подходилъ къ набережной Фонтанки, приблизительно тамъ, гдѣ теперь циркъ Чинизелли. Такой же, но нѣсколько меньшей высоты заборъ тянулся и вдоль Екатерининскаго канала. Въ этомъ заборѣ на нынѣшнюю Манежную площадь было устроено трое, стоящихъ рядомъ, высокихъ воротъ—двое изъ нихъ находятся въ настоящее время въ Гатчинѣ. Третьи же должны были быть отправлены въ подарокъ Константину Павловичу въ Варшаву, но распоряженія о перевозкѣ такъ затянулись, что подошло польское возстаніе 1831 года, а тамъ и смерть Константина Павловича, и ворота не были отосланы и, неизвѣстно куда, исчезли. Черезъ эти ворота съ Манежной площади попадали въ длинную такъ-называемую „кленовую аллею“, находившуюся между манежомъ и берейторскою школою. Въ настоящее время этой аллеи нѣтъ,—она застроена постройками инженернаго вѣдомства. Но кленовая аллея была при Николаѣ Павловичѣ пожалована городу, слѣдовательно, инженерное вѣдомство захватило ее самовольно. Городъ началъ процессъ, который окончился въ 1885 году восстановленіемъ правъ города; инженерное вѣдомство было обязано снести свои постройки; однако, было заключено какое-то соглашеніе, и „кленовая аллея“ погибла навсегда. Черезъ эту кленовую аллею доходили до двухъ павильоновъ, позади которыхъ былъ обнесенный каналами плацъ-парадъ; между павильонами находился первый подъемный мостъ; на

плацъ-парадѣ возвышался монументъ Петра 1 работы Растрелли—отца (этотъ монументъ на томъ же самомъ мѣстѣ находится и сейчасъ). За плацъ-парадомъ шелъ параллельно Мойкѣ „Воскресенскій каналъ“, который соединялъ пруды Третьяго сада (21, 21) съ Фонтанкою. Этотъ каналъ въ настоящее время скрытъ подъ Замковою улицею; уничтоженъ онъ въ 60-хъ годахъ или, кажется, даже позже, точная дата мною еще не разыскана. Отъ Воскресенскаго канала къ Мойкѣ, параллельно Фонтанкѣ, по нынѣшней Садовой улицѣ шелъ „Церковный каналъ“; на островкѣ между этими каналами и возвышался Михайловскій замокъ. Третій садъ (10) еще имѣетъ на планѣ 1804 года тотъ видъ, какъ и на планѣ 1754 года, но лабиринта (22) плана 1754 года не имѣется на планѣ 1804 г. — часть его отошла подъ манежъ, часть превратилась въ обыкновенный садъ. Нынѣшняя Михайловская площадь и мѣсто, занятое Русскимъ Музеемъ, были застроены оранжереями, грунтовыми сараями (12, 12): Кварталь, на которомъ въ настоящее время стоитъ Михайловскій театръ и частные дома (7), былъ еще обнесенъ заборомъ; тутъ были и дома садовниковъ, и фуражные сараи. Въ Третьемъ саду (10), на границѣ съ вышеуказанными участками, видны два дома; на ихъ мѣстѣ въ настоящее время воздвигается „дворецъ искусствъ“.

Обращаемся, наконецъ, къ разсмотрѣнію послѣдняго плана—плана Шуберта 1829 года (см. въ концѣ книги планъ № 14); этотъ планъ отличается отъ современнаго, во-первыхъ, тѣмъ, что на немъ не пробита Михайловская улица, а, во-вторыхъ, нѣкоторые кварталы, застроенные въ настоящее время, показаны незастроенными.

При первомъ взглядѣ на этотъ послѣдній по времени планъ ясно, что та идея, которая видна во всѣхъ предшествовавшихъ планахъ, или забыта, или сознательно

измѣнена на совершенно противоположную. Въ тѣхъ планахъ эта мѣстность разъединялась на двѣ половины: одна — для обывателей между Итальянской улицею и Невскимъ проспектомъ, другая — царская, отъ Итальянской до Марсова поля и дальше. Эти двѣ половины между собою ничего общаго не должны были имѣть. Царскіе сады должны были быть изолированы. Такъ было до начала XIX вѣка, когда царскіе сады присоединили къ городу. Для этого продолжили Садовую (26, 26) до Марсова поля (въ первый разъ эта улица была открыта для провоза тѣла умершаго Императора Александра I) и провели новую улицу, носящую названіе Инженерной, (25, 25, 25), затѣмъ разбили бульваръ по Фонтанкѣ и устроили Михайловскую площадь съ Михайловскимъ скверомъ (12). Михайловская площадь, какъ видно изъ приведенныхъ плановъ, была занята садовыми постройками, здѣсь были оранжереи, грунтовые сараи и прочіе. Строя Михайловскій дворецъ, Росси, чтобы открыть видъ на этотъ дворецъ, долженъ былъ образовать площадь. Но онъ не занялъ подъ площадь всего освободившагося пространства отъ Екатерининскаго канала до Садовой улицы: очевидно, такая площадь была бы велика для дворца, а, кромѣ того, Росси приходилось прятать имѣвшіяся уже по линіи дворца хозяйственные постройки; также нужно было позаботиться о хозяйственныхъ службахъ дворца, которыя тоже не стоило выдвигать на первый планъ. И Росси отдѣляетъ часть имѣющагося пространства подъ площадь, гдѣ долженъ быть разбитъ скверъ, а изъ остальной части выдѣляетъ два квартала: одинъ — между Екатерининскимъ каналомъ и площадью, другой — между послѣднею и Садовой улицею. Эти кварталы предназначались для частныхъ домовъ, причемъ владѣльцы ихъ давали подписку, что будутъ строить дома по фасаду, выработанному

Росси. Такова была забота Росси объ ансамблѣ. И какъ будто нарочно мы нарушаемъ этотъ ансамбль — сперва перестройкою одного бокового флигеля Михайловскаго дворца въ этнографическій музей — получилось „нѣчто“, теперь воздвигаемъ „дворецъ искусствъ“, который своимъ боковымъ фасадомъ, выходящимъ на Инженерную улицу, напоминаетъ какія-то не то конюшни, не то манежъ. Площадь испорчена. И появляется вопросъ, почему все это сдѣлано? Но разумнаго отвѣта найти невозможно, точно также какъ не найдешь разумнаго отвѣта на вопросъ, почему произведены были тѣ манипуляціи съ Инженернымъ замкомъ, о которыхъ сейчасъ мы скажемъ нѣсколько словъ.

Вступивъ на престолъ, Екатерина I стала возводить для себя лѣтній дворецъ въ Лѣтнемъ саду по набережной Невы при впаденіи въ нее Лебяжьяго канала. Дворецъ этотъ былъ законченъ оберъ-гофъ-интендантомъ Мошковымъ уже въ царствованіе Анны Іоанновны, которая избрала этотъ дворецъ для своего лѣтняго пребыванія. Весьма понятно, что Елизавета Петровна, вступивъ на престолъ, не пожелала пользоваться дворцомъ своей кузины — въ этомъ дворцѣ все слишкомъ напоминало Елизаветѣ Петровнѣ о дняхъ ея униженія. По приказанію Императрицы, на мѣстѣ[?] перваго скромнаго дворца Екатерины I Растрелли возвелъ громаднѣйшій новый деревянный дворецъ. Дворецъ этотъ имѣлъ посреди своего фасада лишній этажъ, сравнительно съ прочими частями, по сторонамъ шли флигеля отдѣльными выступами. Передъ дворцомъ по Мойкѣ былъ распланированъ особый садъ, носившій названіе „Променадъ“; къ этому саду изъ дворца выходила просторная красивая терраса, украшенная мраморными вазами; въ саду было три фонтана. Отъ лѣваго флигеля дворца шла черезъ Мойку галлерей, верхняя часть которой

представляла собою открытую, изящно декорированную террасу, внизу же былъ большой залъ, гдѣ неоднократно давались оживленные обѣды и происходили придворные балы. Черезъ эту залу или посредствомъ верхней террасы можно было пройти въ Лѣтній садъ. Въ 1754 году въ этомъ дворцѣ родился такъ долго жданный Елизаветой Петровной внукъ Павелъ Петровичъ, а еще черезъ 8 лѣтъ Императрица Екатерина II принимала поздравленія дипломатическаго корпуса со вступленіемъ на престолъ. Но очень скоро Екатерина II перестала жить въ этомъ дворцѣ, онъ былъ для нея непріятенъ по многимъ воспоминаніямъ. Дворецъ сталъ отдаваться для житья близкимъ Екатеринѣ II лицамъ: здѣсь жилъ и графъ Григорій Орловъ, а чтобы ему удобнѣе было наблюдать солнечное затменіе, надъ дворцомъ сдѣлали обсерваторію; здѣсь отводилась резиденція и великолѣпному князю Таврическому, пока не сталъ готовымъ его Таврическій дворецъ, а 28 ноября 1796 года появился указъ новаго Императора Павла I о немедленной сломкѣ Лѣтняго деревяннаго дворца и о постройкѣ взамѣнъ его Михайловскаго замка. Приступивъ къ устройству своего замка поздней осенью, Павелъ I не захотѣлъ считаться съ условіями климата: 13 января 1797 года стали рыть рвы подъ фундаментъ, а 26 феврала состоялась торжественная закладка Михайловскаго замка. Въ іюль 1797 года уже приступили къ каменной кладкѣ, было вызвано до 500 каменщиковъ, которые и успѣли до заморозковъ возвести большую половину зданія, прикрытую къ зимѣ временною крышею: 7 сентября 1798 года уже заговорили о стропилахъ и въ то же время вызывали поставщиковъ желѣза и кровельщиковъ; 31 мая 1799 года торговались желающіе устраивать „плотничною работою куполь церкви со спицомъ“, осенью этого года приступили ко

внутреннимъ работамъ, а 6 ноября 1800 года были разосланы повѣстки на освященіе, которое и состоялось 8 ноября въ день архистратига Михаила. Павелъ поспѣшилъ освященіемъ своего Михайловскаго замка— послѣдній былъ далеко не готовъ во внутреннемъ своемъ убранствѣ, такъ что жить въ немъ было еще невозможно, и лишь 1 февраля 1801 года Павелъ перѣхалъ на постоянное житіе. 12 марта того же года онъ былъ убитъ въ своей спальнѣ...

Съ Михайловскимъ замкомъ связаны имена двухъ архитекторовъ: русскаго Баженова и итальянца Бренна. Кто изъ нихъ составлялъ проектъ этой павловской затѣи, до сихъ поръ остается невыясненнымъ, и мы боимся, что вслѣдствіе пережитой нами разрухи, когда въ достаточной степени пострадали архивныя дѣла, этотъ вопросъ объ имени строителя замка останется невыясненнымъ. Точно также, пожалуй, не выяснится и точная цифра, затраченная на постройку: постройка велась съ самыми невѣроятными тратами, не стѣснялись ни передъ чѣмъ; по предварительнымъ подсчетамъ, сумма расходовъ не менѣе 5 милліоновъ,—эта сумма истрачена была для того, чтобы дать возможность россійскому императору прожить въ своемъ новомъ дворцѣ менѣе двухъ недѣль! Послѣ страшной ночи на 12 марта 1801 года весьма понятно, что императоръ Александръ, если и не принимавшій физически участія въ убійствѣ своего отца, то знавшій о немъ, не захотѣлъ оставаться въ Михайловскомъ замкѣ, и 23 марта 1801 года былъ данъ послѣдній нарядъ дворцоваго караула—дворецъ пересталъ быть дворцомъ. До 1816 года въ Михайловскомъ замкѣ помѣщали всякія учрежденія, для которыхъ не находилось другого мѣста: въ 1802 году сюда помѣстили капитулъ россійскихъ орденовъ; въ 1809 году былъ переведенъ находившійся

на Васильевскомъ Островѣ Государственный архивъ; въ 1811 году здѣсь стали давать помѣщенія магометанамъ для совершенія ихъ богослуженія, затѣмъ здѣсь же были первое время—институтъ слѣпыхъ, комиссія духовныхъ училищъ, происходили засѣданія Общества любителей словесности и, наконецъ, отводились квартиры частнымъ лицамъ—дочери протоіерея Самбургскаго, генералу Дибичу, знаменитой Татариновой, которая устраивала тутъ же свои хлыстовскія радѣнія... Шли годы. Подросталъ великій князь Николай Павловичъ и былъ назначенъ генераль-инспекторомъ инженернаго вѣдомства. Инженерное вѣдомство расцвѣло. До сихъ поръ оно находилось въ пренебреженіи и не имѣло даже постоянного опредѣленнаго помѣщенія; теперь, когда во главѣ былъ назначенъ великій князь Николай Павловичъ, стали искать это особое помѣщеніе и нашли, что для инженернаго управленія или, какъ оно звалось,—инженерный департаментъ,—вполнѣ подходит Михайловскій замокъ, который и передали инженерному департаменту. Первое время относились болѣе или менѣе осторожно къ драгоценностямъ замка, но такое церемонное отношеніе продолжалось недолго: болѣе дорогія вещи—камины, картины, вазы—гофъ-интендантская контора удержала при сдачѣ замка, а тяжеловѣсныя и громоздкія украшенія, какъ, напри-мѣръ, мраморныя колонны, стѣны изъ ляписъ-лазури, инженерное вѣдомство, „признавая непригодными для официальныхъ помѣщеній“, назначало въ продажу съ торговъ. Конечно, приэтомъ выказывалась очень трогательная заботливость о казенномъ интересѣ: вызывались оцѣнщики, составлялись подробныя описи, дѣлалась широкая публикація о продажѣ, отъ которой ждалась „немалая“ прибыль. Но подходили торги, они бывали безрезультатны, такъ какъ оцѣночной суммы

никто не давалъ: закипала тогда канцелярская работа, составлялись новыя отношенія о необходимости понизить оцѣнку и дѣйствительныя драгоцѣнности шли за безцѣнокъ...

Если при созданіи своего замка Павелъ не церемонился — архитекторъ Бренна имѣлъ распоряженіе брать нужный матеріалъ для постройки отовсюду, гдѣ только найдетъ, — то не церемонились и при разгромѣ замка. Разгромъ, или, вѣрнѣе, „грабежъ“ шелъ дневной; нельзя въ настоящее время безъ содроганія читать сохранившіяся архивныя дѣла, въ которыхъ запечатлѣна въ мельчайшихъ подробностяхъ исторія распродажи украшеній Михайловскаго замка... И, главное, нельзя подыскать никакого болѣе или менѣе понятнаго объясненія этому явленію. Въ самомъ дѣлѣ, почему послѣдовало приказаніе „на занятіе большого столоваго зала, прилегающей маленькой тронной и парадной комнатъ“ для помѣщеній инженерной мастерской и модельной. Большая столовая и маленькая тронная Павла Петровича, распоряженіемъ его сыновей (Александра I и Николая I), превращаются въ столярныя мастерскія! Неужели для послѣднихъ нельзя было найти другого болѣе подходящаго мѣста!

Кромѣ Михайловскаго замка, въ былой финской Перузинѣ, было еще два царскихъ дворца: Михайловскій, построенный для самаго младшаго брата Александра I, великаго князя Михаила Павловича, — дворецъ этотъ еще при царскомъ режимѣ получилъ достойное назначеніе: его обратили въ національный музей, музей русскаго національнаго искусства, — и Аничковъ дворецъ.

Исторія этого послѣдняго, пожалуй, будетъ любопытнѣе исторіи Михайловскаго замка и является интереснѣйшей страничкой изъ жизни Петербурга.

Въ 1739 году на мѣстѣ нынѣшняго Аничкова дворца было мѣсто купца Лукьянова. Купецъ Лукьяновъ—какимъ образомъ онъ получилъ это мѣсто, купилъ ли его или владѣлъ имъ на захватномъ правѣ, мы не знаемъ,—не успѣлъ еще обстроить свой участокъ: по линіи будущаго Невскаго проспекта, тогда Невской перспективы, тянулся небольшой заборъ, мѣстами покривившійся, мѣстами растасканный сосѣдями; на берегу Фонтанки, которая здѣсь вдавалась большимъ рукавомъ въ материкъ, далеко отъ своего русла, въ безпорядкѣ были нагромождены строительные матеріалы (ими торговалъ купецъ Лукьяновъ) и чернѣла караулка сторожа; около нынѣшняго дворца, какъ самой возвышенной точки, на 10¹/₂ футовъ выше уровня моря, виднѣлись хозяйственные постройки, между ними и изба, занятая штабомъ Преображенскаго полка, поставленнаго здѣсь на постой; за ними, далеко простиралось обычное петербургское болото съ кочками, вырубленными пнями, да съ кустами жидкой березки, ольхи и вырастающими грядю маленькими елочками. Но настала ночь съ 24 на 25 ноября 1741 г., и Елизавета Петровна, арестовавъ правительницу Анну Леопольдовну и малолѣтняго Іоанна Антоновича, возшла на прародительскій престолъ. Съ этою ночью связано слѣдующее преданіе—говорится, что Преображенскій соборъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ былъ штабъ или съѣзжая лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка, куда и поѣхала Елизавета Петровна въ ночь на 25 ноября, гдѣ она нашла 1-ю роту своихъ преображенцевъ, получившихъ затѣмъ наименованіе лейбъ-компанейцевъ. Но такъ ли это?

Прежде всего, если обратиться къ плану 1738 года, то мы увидимъ, что съѣзжая Преображенскаго полка помѣщалась, именно, на мѣстѣ купца Лукьянова; далѣе,

если вспомнить хронологію царствованія дочери Петра Великаго, то мы увидимъ, что и постройка Аничкова дворца и забота о немъ началась и раньше и была болѣе интенсивной, чѣмъ забота о Преображенскомъ соборѣ: все это позволяетъ думать, что преданіе о мѣстѣ устройства Преображенскаго собора не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. За своими будущими лейбъ-компанейцами Елизавета Петровна ѣздила не на Литейную сторону, а туда, гдѣ по ея приказанію стали строить для ея любовника, тайнаго супруга, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, Аничковъ дворецъ. Съ постройкою дворца не вполнѣ ладилось. Сдѣлавшій проектъ дворца русскій архитекторъ Земцовъ умеръ, и можно сказать, почти не приступалъ къ постройкѣ. Дворецъ достраивалъ тотъ же знаменитый архитекторъ Елизаветинскаго времени Растрелли. Несмотря на сильное желаніе Елизаветы Петровны видѣть дворецъ какъ можно скорѣе оконченнымъ, постройка его замедлилась и только 17 марта 1751 года произошло освященіе церкви. Въ теченіе первыхъ 26 лѣтъ своего существованія Аничковскій дворецъ принадлежалъ графу А. Г. Разумовскому, затѣмъ пять лѣтъ имъ владѣлъ братъ Разумовскаго, бывшій малороссійскій гетманъ Кирилль Григорьевичъ, отъ котораго дворецъ перешелъ, черезъ посредство покупки Екатериною II, Потемкину; Потемкинъ продалъ царскій подарокъ купцу-откупщику Шемякину; тогда Екатерина снова купила дворецъ и вторично подарила его Потемкину, который владѣлъ имъ меньше года и опять-таки продалъ его Екатеринѣ II. Это была, такимъ образомъ, третья купля-продажа. Съ этого времени дворецъ оставался въ дворцовомъ вѣдомствѣ и сдѣлки съ дворцомъ совершались между лицами, принадлежащими ко двору. До 1794 года дворецъ звался Аничковымъ

дворцомъ, затѣмъ въ теченіе 15 лѣтъ онъ былъ мѣсто-
пребываніемъ кабинета, а съ 1809 по 1812 годъ при-
надлежалъ любимой сестрѣ императора Александра I,
великой княгинѣ Екатеринѣ Павловнѣ. Дворецъ былъ
назначенъ ей въ приданое при выходѣ ея замужъ за
принца Георгія Ольденбургскаго. Овдовѣвъ, Екатерина
Павловна вторично вышла замужъ за короля Виртем-
бергскаго и продала дворецъ департаменту удѣловъ, а
съ 1817 года во дворцѣ поселился великій князь Ни-
колай Павловичъ, который, вступивъ на престолъ, оста-
вилъ за собою Аничковскій дворецъ, получившій на-
званіе Собственного Его Императорскаго Величества
дворца; шесть лѣтъ съ 1855 по 1861 годъ дворецъ
звался Николаевскимъ, а затѣмъ получилъ свое старое
наименованіе.

Такимъ образомъ, за свое сравнительно недолгое
существованіе этотъ дворецъ перемѣнилъ 12 разъ и
своихъ владѣльцевъ, и свое названіе. И если подсчи-
тать суммы, затраченныя на его постройку, на ремонтъ,
необходимо сопровождавшій каждую изъ этихъ пере-
мѣнъ владѣльцевъ, наконецъ, тѣ суммы, которыя пла-
тились при перекупкѣ дворца, то въ конечномъ резуль-
татѣ выйдетъ, пожалуй, сумма болѣе значительная,
чѣмъ та, которая, какъ мы указали, была затрачена на
Михайловскій замокъ.

И для какихъ только цѣлей ни служилъ Аничковъ
дворецъ: въ 1790 году, напримѣръ, въ немъ помѣ-
щался Константинопольскій трактиръ. Затѣмъ здѣсь
жили и посланники чужестранныхъ державъ: такъ, въ
1755 году здѣсь проживалъ графъ Эстергази, который
27 сентября 1755 года „для публичнаго изъясненія
того участія, которое пріемлетъ римскій Императорскій
дворъ въ радости Ея Императорскаго Величества Все-
милостивѣйшей Государыни о вождельнномъ рожденіи

и нынѣ благополучно совершившемся первомъ годовомъ празднествѣ рожденія Его Императорскаго Высочества Великаго князя Павла Петровича“, давалъ „въ вечеру балъ съ масками съ вечернимъ столомъ въ домѣ его сіятельства графа А. Г. Разумовскаго, куда званы были по билетамъ первыхъ шести классовъ знатныя персоны числомъ до 350 персонъ“. Но Эстергази не удовлетворился этимъ маскарадомъ и 2 октября того же года далъ уже публичный маскарадъ, „въ которомъ находилось около 2 тысячъ масокъ, которыя съ такимъ же удовольствіемъ трактваны были, какъ и прежде и въ шести разныхъ покояхъ приготовлены были столы съ вечернимъ кушаньемъ“.

21 іюля 1775 года общество россійскихъ купцовъ „дѣлало своимъ иждивеніемъ въ такъ-называемомъ Аничковомъ домѣ маскарадъ и вечерній столъ по случаю празднованія мира съ турками. „Къ оному маскараду приглашены были черезъ билеты не только всѣ знатныя особы и дворянство, но и чужестранное купечество, такъ что число масокъ болѣе 2.500 считалось. При наступленіи ночи на дворѣ помянутаго дома появилось окруженное трофеями вензелевое Ея Императорскаго Величества побѣдоносной Императрицы и основательницы мира Екатерины II имя въ устроенномъ изъ площадекъ увеселительномъ саду съ преизрядною иллюминаціею. Въ то же самое время и лежащій позади дома большой садъ со всякими онаго переходами, прудами, перспективами, партерами и работами преизрядно былъ иллюминированъ. Сей садъ служилъ прогуливающимъ маскамъ прохладительною прогулкою, которыя (т. е. маски) выходили на свѣжій воздухъ изъ весьма теплыхъ отъ множества людей скопившихся заловъ; причемъ они пользовались также увеселеніемъ безпрестанно играющей полевой и охот-

ничьей музыки и угощаемы были тамъ, равно какъ и въ залахъ, разными прохладительными напитками. Около полуночи открытъ былъ особливой залъ съ изрядно изготовленнымъ столомъ на нѣсколько сотъ кувертовъ и продолжавшійся какъ во время ужина, такъ и послѣ онаго балъ простирался до самаго утра съ великимъ увеселеніемъ и къ общему всѣхъ удовольствію“.

Наконецъ, въ 1790 году Аничковъ дворецъ арендовалъ извѣстный антрепренеръ конца Екатерининскаго вѣка, французъ Ліонъ, который устраивалъ маскарады въ галлерей, находящейся въ бывшемъ Аничковомъ дворцѣ.—„За входъ—говорилось въ объявленіи—платить по 1 рублю. Тутъ же можно достать также всякіе напитки, маскарадныя платья, маски и перчатки за сходную цѣну. Начало будетъ въ 8 часовъ пополудня“.

Но, кромѣ маскарадовъ, Аничковъ дворецъ служилъ прибіжищемъ и для всевозможныхъ артистовъ: тотъ же Ліонъ давалъ вокальный и инструментальный концертъ изъ трехъ оркестровъ; балансеръ Трони показывалъ свое искусство въ балансированіи на веревкѣ; г-нъ Лейдлофъ „прибывъ на сихъ дняхъ, извѣщалъ, что онъ будетъ имѣть честь здѣшней высокопоставленной публикѣ показывать опыты чрезмѣрной своей силы, коими онъ въ Дрезденѣ, Берлинѣ, Варшавѣ, Ригѣ и Ревелѣ приобрѣлъ себѣ похвалу и зрителей своихъ въ крайнее приводилъ удивленіе“, и, наконецъ, 9 октября 1790 года давала концертъ г-жа Шульцъ, ученица г. Моцарта, которая обѣщала сыграть одинъ концертъ своего сочиненія, а другой—своего учителя“.

Передъ главнымъ подъездомъ Аничкова дворца былъ вырытъ большой прудъ, который имѣлъ соединеніе съ Фонтанкою, такъ что изъ Фонтанки можно

было подплыть на лодкахъ къ самому дворцу. Прудъ этотъ былъ окруженъ особою галлереею, засаженной цвѣтами и деревьями—что-то вродѣ висячаго сада.

Фонтанка—по-фински звалась Кемейки, а по-русски первоначально „Безымянный Ерикъ“—слишкомъ много было въ Петербургѣ рѣкъ и рѣчекъ, и русскій чело-вѣкъ, попавшій велѣніемъ грознаго царя изъ цен-тральной Россіи въ эти топи и болота, потерялъ счетъ этимъ рѣчкамъ (ихъ было до 19), придумывалъ каждой изъ нихъ названія, сообразно ихъ индивиду-альнымъ свойствамъ—къ тому же всѣ онѣ слишкомъ походили другъ на друга—махнулъ рукой и окрестилъ Фонтанку просто-на-просто Безымяннымъ Ерикомъ, хотя ширина этого ерика была 80 и болѣе сажень и отъ него отходили въ сторону многочисленные протоки и заводи, а въ своемъ теченіи онъ образовывалъ рядъ остро-вовъ. Весною и при сильныхъ морскихъ вѣтрахъ, когда вода гналась по этому безымянному протоку, острова скрывались подъ водою; въ рѣдкія, жаркія лѣта они покрывались густою поемною травою. Когда же черезъ Безымянный Ерикъ перекинули трубы, чтобы вода изъ Лиговскаго канала могла забить въ фонта-нахъ Лѣтняго сада, само собою названіе Безымянный Ерикъ стало замѣняться сперва Фонтанною рѣкою, а затѣмъ и просто Фонтанкою. Измѣнивъ свое названіе, Безымянный Ерикъ сталъ измѣнять и свою внѣшность. Еще при Петрѣ Великомъ Фонтанка во многихъ мѣ-стахъ была сужена: такъ, напримѣръ, все теперешнее пространство набережной Фонтанки и начало Моховой улицы отнято отъ рѣки. Здѣсь были вбиты въ воду сваи, завалена земля. Точно также и каменный храмъ во имя св. Симеона Богопріимца устроенъ большею по-ловиною своею на сваяхъ. 14 января 1780 года былъ изданъ указъ объ обдѣлкѣ береговъ Фонтанки грани-

томъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ было приступлено къ работамъ, которыя и закончились въ 1789 году, причемъ длина береговъ Фонтанки опредѣлилась въ 6 верстъ; каждая сажень каменной одежды стоила отъ 182 руб. до 300 рублей. Устроивъ каменные берега Фонтанки Екатерина II указомъ отъ 25 іюля 1785 года повелѣла „объ отдачѣ отстроенныхъ береговъ Фонтанки въ вѣдомство с.-петербургской управы благочинія“; такимъ образомъ, дальнѣйшая забота о ремонтѣ была возложена на городъ. Наиболѣе значительный ремонтъ былъ сдѣланъ въ 1848—49 годахъ, когда, по официальнымъ даннымъ, было истрачено 85 т. рублей. Разговоръ о ремонтѣ начался съ 1841 года: министерство внутреннихъ дѣлъ нашло, что гранитные берега Фонтанки болѣе или менѣе обветшали на всемъ ихъ протяженіи, но сумма, потребная на ремонтъ, испугала и министерство, и городъ. Пока шла переписка, гдѣ и какъ найти средства, прошло 8 лѣтъ, въ 1847 году начали устраивать гранитный тротуаръ отъ Аничкова моста, а въ 1859 году можно было прочесть слѣдующую замѣтку: „говорятъ, что по всему протяженію рѣки Фонтанки будетъ устроена такая же фигурчатая рѣшетка, какъ на Мойкѣ.“ Фонтанка должна была служить своего рода каналомъ, чтобы барки съ съѣстными припасами болѣе удобно доставлялись въ центральныя части города, удаленныя отъ Невы. Поэтому заботы объ углубленіи Фонтанки начались очень давно: первый такой указъ относится къ 7 августа 1743 года. Наиболѣе радикальныя мѣры принялъ Николай I, утвердивъ въ 1826 году 15 іюля предположенія генерала Базена о чисткѣ рѣки Фонтанки помощью землечерпательныхъ машинъ, приводимыхъ въ дѣйствіе парами. Затѣмъ слѣдующая большая чистка была произведена въ 1850 г., причемъ гордость россиянь могла быть удовле-

творена еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что машина, употребленная для чистки, была россійскаго изобрѣтенія, привилегію на которую взялъ президентъ вольно-экономическаго Общества князь В. В. Долгоруковъ. Машиной этою въ то время, какъ и слѣдовало ожидать, восторгались и указывали, что „отъ простого ручного черпака до англійскихъ паровыхъ землечерпательныхъ машинъ все было испытано по этому предмету (т. е. по чисткѣ рѣкъ) съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ“, но результатовъ удовлетворительныхъ не достигли, а вотъ появился русскій изобрѣтатель, и „счастливая выдумка эта извѣстна уже въ чужихъ краяхъ, мы слышали, писалось въ то время— что на нее скоро возьмутъ привилегію и въ Парижѣ для введенія при очисткѣ французскихъ портовъ“.

Въ 1793 году бытоописатель Петербурга Георги писалъ про Фонтанку: „вода течетъ въ ней самая чистая, невская“; въ 1859 году одна изъ прусскихъ газетъ увѣряла, что петербуржцы, пользуясь водою изъ Фонтанки и другихъ каналовъ, пьютъ „экстрактъ изъ дохлыхъ кошекъ и собакъ“, а 13 іюля 1865 года оберъ-полицмейстеръ С.-Петербурга издалъ приказъ „о воспрещеніи брать воду для питья изъ Фонтанки ниже моста Симеоновскаго“, водовозы же того времени должны были красить бочки въ желтый цвѣтъ, если въ нихъ вода бралась изъ Фонтанки. Такъ основательно загрязнили воду петербуржцы менѣе чѣмъ въ сто лѣтъ, спуская въ Фонтанку всякія нечистоты, хотя указъ 9 іюня 1735 года, подъ угрозою жестокаго штрафа, повелѣвалъ „содержать рѣку въ чистотѣ“ и „никакой соръ никому не метать въ нее“.

Укажемъ на еще одну интересную бытовую подробность: съ 1745 года вплоть до 50—60-хъ годовъ прошлаго столѣтія чуть ли не ежегодно дѣлались под-

твержденія о воспрещеніи открыто купаться въ Фонтанкѣ. „Въ проѣздѣ мой по столицѣ, заявлялъ оберъ-полицмейстеръ въ 1843 году, замѣтилъ я, что многіе изъ жителей осмѣливаются открыто купаться въ рѣкахъ, не смотря на то, что для сего есть нарочито устроенныя ванны“. Полицмейстеръ старался, но, видимо, безуспѣшно, внушить публикѣ, что „такое своеволие, нарушая всякое приличіе, наноситъ непріятность проходящей публикѣ“. Въ заключеніе своего указа полицмейстеръ, по обыкновенію, грозилъ строгими наказаніями.

Другую границу Перузины составляла незначительная рѣчка — финское названіе ея позабыто, а русскіе обозвали эту рѣчку въ виду ея кривизны и поворотовъ — „Кривушами“. Въ царствованіе Екатерины II рѣшено было спрямить эти кривизны и, пользуясь рѣчкою, провести внутренній каналъ изъ Мойки въ Фонтанку. Проектъ составлялъ генералъ Вильбоа; Екатерина II согласилась на необходимость превратить Кривушу въ каналъ, но высказалась противъ выпрямленія, а приказала вести каналъ по теченію рѣчки. Послѣ многихъ лѣтъ работы въ царствованіе Императрицы Екатерины II, появился каналъ, по которому могли ходить свободно барки съ припасами и со строительными матеріалами и вода котораго могла окрестными жителями употребляться въ питье. Екатерининскій каналъ былъ загрязненъ обывателемъ еще скорѣе, чѣмъ Фонтанка, и уже въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія была признана необходимость засыпки этого канала; въ газетахъ того времени мы читаемъ такія строчки: „Екатерининскій каналъ давно уже служить предметомъ, возбуждающимъ ропотъ мѣстнаго населенія столицы. Вся эта часть канала заражаетъ воздухъ зловоніемъ отъ застоя нечистотъ“.

14 мая 1869 года Императоръ Александръ II разсматривалъ чертежи проекта Мюссарда засыпки Екатерининскаго канала и, высочайше одобrivъ мысль, выразилъ полное свое сочувствіе и желаніе видѣть этотъ проектъ осуществленнымъ.

Проектъ Мюссарда! Большинству обывателей Петербурга это имя ничего не говоритъ, а между тѣмъ это былъ грандіозный проектъ: Екатерининскій каналъ долженъ былъ быть засыпанъ и на его мѣстѣ разбить бульваръ подъ общимъ названіемъ бульваръ Императора Александра II. Часть бульвара отъ Невскаго проспекта до Театральнаго моста—Императорскій бульваръ—представила бы собою аллею памятниковъ всѣмъ вѣнценосцамъ Россіи, начиная съ Рюрика и кончая Александромъ Вторымъ; всѣхъ бюстовъ было шестьдесятъ четыре и они должны были быть разставлены въ десяти саженьяхъ одинъ отъ другого; самые бюсты бронзовые, пьедесталы изъ граненаго гранита. Высота бюстовъ приблизительно 6 аршинъ. У сліянія Екатерининскаго канала съ Мойкою предполагалось воздвигнуть грандіозный монументъ—апоеозъ Россіи. На гранитномъ монолитѣ—изъ бронзы—эмблема Россіи, а рядомъ двѣ женщины—одна съ крестомъ, другая съ якоремъ—символы вѣры и надежды. Бульваръ долженъ былъ стать: „длиннымъ, кипучимъ жизнью и дѣятельностью, народомъ и движеніемъ базаромъ“, по обѣимъ сторонамъ бульвара находились бы „артистическіе красивые кіоски для продажи разныхъ предметов“. Кіоски предполагалось дѣлать разныхъ стилей и придавать имъ также эмблематическую форму; напримѣръ, кіоски для продажи учебныхъ пособій должны были изображать „ангела, ведущаго за руки ребенка“, и т. п. Передъ Сѣнною площадью, на бульварѣ забилъ бы высокій фонтанъ, по самому бульвару былъ бы устроенъ конно-

железный путь. Была составлена особая комиссия для разсмотрѣнія этого проекта, комиссия нашла, что не хватаетъ денегъ для его осуществленія, и благополучно похоронила этотъ проектъ.

На Сѣнной—повторяемъ, по этому проекту, долженъ былъ забить фонтанъ; такимъ образомъ, и проектъ Мюссарда заботился о благоустройствѣ Сѣнной.

Первое извѣстіе о Сѣнномъ рынкѣ мы находимъ въ 1736 году. 19 ноября этого года было издано распоряженіе о переводѣ сѣнныхъ лавокъ съ новаго морского рынка на другія мѣста. Гдѣ помѣщался первоначальный Морской рынокъ и что съ нимъ случилось—пожаръ 1736 года,—мы уже указали въ главѣ объ Адмиралтейскомъ островѣ. Возобновить этотъ рынокъ торговцамъ не разрѣшили, а приказали перенести свою торговлю на обширный пустырь, находившійся позади Гостиного, тогда еще деревяннаго двора. Торговцы здѣсь и размѣстились на пространствѣ между нынѣшними Чернышевымъ и Мучнымъ переулками, Садовой улицею и Екатерининскимъ каналомъ. Такимъ образомъ, возникъ новый Морской рынокъ, на которомъ, какъ и на старомъ, были торговцы сѣномъ и дровами. Но близость такихъ легко воспламеняющихся продуктовъ, какъ сѣно и дрова, заставили торговцевъ Гостиного двора опасаться возможности пожара; эти торговцы и подняли тревогу, въ результатъ чего явился вышеуказанный приказъ 19 ноября. Возникъ вопросъ, куда же перевести торговцевъ сѣномъ? Надо было отыскать для нихъ подходящее мѣсто. Если мы обратимся къ плану 1738 года, то увидимъ, что нынѣшняя Садовая улица доходила въ то время лишь до теперешняго Апраксина переулка. По Фонтанкѣ были дачные участки, нарѣзанные еще при Петрѣ Великомъ. Черезъ эти участки, не доходя немного до Невского проспекта, про-

ходилъ болотистый рукавъ Фонтанки, впадающей въ послѣднюю около Семеновскаго моста. Между нынѣшнею Гороховою улицею, Мучнымъ переулкомъ, съ одной стороны, и Садовой улицею и Екатерининскимъ каналомъ—съ другой, была расположена „Новая Слободка“. Все же остальное пространство, отъ границъ вышеупомянутыхъ дворовыхъ участковъ по р. Фонтанкѣ вплоть до Вознесенскаго проспекта, представляло собою болотистый, далеко не вырубленный лѣсъ. На Вознесенскомъ проспектѣ уже возвышалась небольшая деревянная Вознесенская церковь, противъ которой, между нынѣшнимъ Вознесенскимъ переулкомъ и Екатерининскимъ каналомъ, было кладбище. Пока шелъ разговоръ о вырубкѣ болотистаго лѣса и о регулированіи этой мѣстности, торговцы съномъ, которыхъ полиція дѣятельно выживала съ новаго Морского рынка, переехали на землю, бывшую во владѣніи кн. Юсупова, туда, гдѣ сохранился остатокъ когда-то громаднаго сада—Юсуповъ садъ. И дѣйствительно, чуть не весь XVIII вѣкъ юсуповскій участокъ носить названіе „Старой Сѣнной“; такъ, еще въ 1784 году мы читаемъ слѣдующее объявленіе — „книгопродавца Клена, въ Большой Садовой, въ Старой Сѣнной, на Юсуповой землѣ“. Но на планѣ Петербурга, извѣстномъ подъ названіемъ перспективнаго и изданномъ въ 1754 году (см. въ концѣ книги планъ № 15), мы уже видимъ и нынѣшнюю Сѣнную площадь, и продолженіе Садовой улицы вплоть до Вознесенской перспективы, а также Спасскій и Демидовъ переулки,—послѣдній въ то время не имѣлъ никакого названія; Спасскій же звался Рогачевымъ переулкомъ, потому что на углу его къ Сѣнной площади съ 1737 года, а можетъ быть и нѣсколько раньше, былъ выстроенъ бригадиромъ Иваномъ Рогачевымъ каменный двухъэтажный домъ,

впослѣдствіи, къ началу 90-хъ годовъ XVIII вѣка перестроенный въ четырехъэтажный, или же Конный переулокъ, тѣмъ самымъ указывая, что здѣсь же, на углу его и Сѣнной площади, былъ торгъ лошадьми — первоначальная Конная площадь. (Замѣтимъ, что громадный четырехъэтажный домъ Рогачева съ дворовымъ участкомъ продавался въ 1792 году за 10.607 р. 94 к.; такова была его оцѣнка, показывающая, какъ дешево были земля и дома въ старомъ Петербургѣ).

Изъ сравненія вышеупомянутыхъ двухъ плановъ становится яснымъ, что образованіе Сѣнной площади надо отнести къ 40-мъ годамъ XVIII вѣка. Слѣдующимъ толчкомъ къ развитію торговли на этой площади былъ пожаръ Морского рынка, происшедшій 16 мая 1782 года. Описанія Морского рынка не сохранилось, но по тѣмъ отрывочнымъ даннымъ, которыя намъ удалось разыскать, видно, что въ Морскомъ рынкѣ шла самая разнообразная торговля. Въ немъ былъ и „холщевый рядъ“, гдѣ продавались „выбойки, набойки, китайка и холстъ“. Этотъ рядъ послѣ пожара перенесли „въ Гостиный дворъ противъ бывшаго дома Воронцова (нынѣ Пажескій корпусъ) надъ водошною линіею, въ верхній этажъ“. Такимъ образомъ, въ Гостиномъ дворѣ въ 1782 году была „водошная“ линія. Затѣмъ въ Морскомъ рынкѣ упоминается: „овощная, кафтанная, шорная, лоскутная и чулочная линіи“ и ряды: „башмачный, сапожный, кожевенный, кроватный, каретный, мясной, рыбный, хлѣбный, мучной и табачный“, словомъ, на Морскомъ рынкѣ торговали всѣмъ, чѣмъ придется. Послѣ пожара часть Морского рынка была взята подъ постройку Ассигнаціоннаго, нынѣ Государственнаго банка, а часть все-таки оставили для торговли желѣзомъ и москательными товарами. Москательный рядъ, на мѣстѣ нынѣшняго Москательнаго

переулка, возникъ около 1795 года. Немного ранѣе, въ 1791 году, здѣсь же по Садовой, на углахъ Мучного переулка и Гороховой улицы, были открыты переведенныя съ биржи свѣчныя лавки, часть которыхъ существуетъ и по-днесъ. Послѣ пожара Морскимъ рынкомъ, по старой памяти, стали называть нынѣшній Апраксинъ рынокъ, который въ это время сталъ разрастаться. Тогдашній владѣлецъ рынка, графъ Матвѣй Ѳедоровичъ Апраксинъ, сдавалъ „желающимъ лавки на первый годъ бесплатно, съ тѣмъ, чтобы второй годъ платили за наемъ каждой по 100 р., на третій по 200 р., а на четвертый по 300 рублей и выше сей цѣны никогда болѣе“. Этими льготными условіями воспользовался рядъ торговцевъ, вплоть до Ивана Мартынова, который „на Морскомъ рынкѣ въ курятномъ ряду, въ Апраксиномъ переулкѣ, продавалъ въ 1791 году „для собачей травли живыхъ зайцевъ по 6 р. пара, для кушанія сѣрыхъ куропатокъ и для приплода живыхъ павлиновъ по 25 р. пару“. Остальные торговцы переселились съ Морского рынка частью на самую Сѣнную площадку, частью въ окружавшіе дома. На самой Сѣнной раскинули свои шалаши торговцы съѣстными продуктами, занявъ лѣвую сторону (считая отъ Невскаго проспекта), на правой же должны были торговать пріѣзжающіе въ городъ крестьяне съ возовъ. Торговцамъ другихъ товаровъ полиція не позволяла устраивать лавки на самой площади, и въ крайнемъ домѣ, по нынѣшней Садовой улицѣ, противъ церкви, возникъ желѣзный рядъ, а надъ нимъ, уже съ 1785 года, стали открываться книжныя лавки. Тутъ же по близости, въ 1788 году, какой-то серебреникъ открылъ торговлю „своей работы церковными сосудами, крестами, хорошаго писанія иконами въ ризахъ, по умѣренной цѣнѣ“. Наконецъ, на Сѣнной площади, какъ это ни покажется

страннымъ, появился первый въ Петербургѣ „англійскій магазинъ“, открытый купцомъ Б. Гевксфордомъ въ 1786 году. Магазинъ этотъ просуществовалъ на Сѣнной площади до начала девяностыхъ годовъ восемнадцатаго столѣтія, когда его перевели на Невскій проспектъ. Вообще, въ это время Сѣнная площадь не считалась захолустьемъ, здѣсь долгое время жилъ датскій посланикъ, снимая домъ купчихи Голубцовой—домъ этотъ такъ и звался датскій домъ.

Въ началѣ 80-хъ годовъ XVIII вѣка появились и тѣ дома, которые пріобрѣли въ послѣдствіи печальную славу „Вяземской Лавры“. Первымъ владѣльцемъ этого обширнаго участка былъ купецъ Краснощековъ. Его фамилія встрѣчается на планѣ 1738 года, рядомъ съ нимъ, ближе къ Обухову мосту, виденъ участокъ Обухова, но, кажется, Краснощековъ купилъ и этотъ участокъ, такъ что „въ 1777 году у него былъ „каменный домъ съ большимъ дворовымъ мѣстомъ, съ разными каменными и деревянными строеніями, съ садомъ, прудомъ съ живою рыбою и пивоварнею“. Доходъ съ этого участка достигалъ значительной по тому времени суммы 1,300 р. Но съ Краснощековымъ произошла какая-то исторія; магистратъ публиковалъ, чтобы „купца Ивана Краснощекова-Большого“ никто у себя въ домѣ не держалъ, а имѣніе его было назначено продать съ публичнаго торга, и купилъ его на торгахъ дѣйствительный статскій совѣтникъ Маркъ Ѳедоровичъ Полторацкій—любопытная личность XVIII вѣка. Установить точно дату покупки намъ не удалось, но уже въ 1783 году М. Ѳ. Полторацкій сдавалъ въ наемъ „подъ нѣмецкій трактиръ особый домъ, въ которомъ было жилыхъ комнатъ 60, да внизу жилыхъ людскихъ 3, сараевъ 8, ледниковъ 4, конюшенъ на 50 стойлъ и притомъ три двора, „порознь раздѣлен-

ныхъ". Сдавалось это имѣніе за 2 т. р. въ годъ. Затѣмъ на его же землѣ въ одномъ изъ флигелей въ 1786 году открылось народное училище. Въ 1790 году появляется новый каменный домъ съ 4 флигелями, съ просторнымъ огородомъ и сквознымъ, съ Сѣнной площади на Фонтанку, мѣстомъ. Въ 1797 году на участкѣ уже не Полторацкаго, а его вдовы сдаются только-что отстроеныя торговыя бани. Впослѣдствіи, уже въ XIX вѣкѣ, этотъ обширный участокъ раздѣлился на болѣе мелкіе, за однимъ изъ которыхъ сохранилось названіе „Вяземская Лавра“, описанной Крестовскимъ въ его романѣ „Петербургскія Трущобы“.

Дальнѣйшая судьба Сѣнной площади слѣдующая. До 1826 года пользованіе Сѣнной площади было бесплатное; съ этого же года площадь была раздѣлена на участки, которые сдавались желающимъ по жребію съ платою по 50 к. въ годъ за участокъ. Приѣзжіе крестьяне продолжали съ воевъ торговать бесплатно. Въ слѣдующемъ году (1827 г.) обратили вниманіе на Сѣнную площадь не только съ экономической точки зрѣнія, но и съ эстетической. По крайней мѣрѣ, въ „Сѣверной Пчелѣ“ читаемъ такую замѣтку: „Долгое время дѣланы были разныя попытки для введенія чистоты на Сѣнной площади, гдѣ продаются огородныя овощи, наконецъ, теперь достигли совершенно сей цѣли, огородивъ мѣста, назначенныя для этого торга, перилами, раскрашенными киноварью, закрывающими весь складъ зелени отъ проѣзжающихъ и украшающихъ площадь яркимъ своимъ цвѣтомъ: чисто, удобно, опрятно!“ Порядокъ сдачи участковъ по жребію практиковался до 1851 года, когда эти участки стали сдавать съ торговъ. Городская касса стала получать значительныя поступленія, но внѣшній видъ Сѣнной былъ такъ же безобразенъ, какъ и въ XVIII вѣкѣ; безъ всякаго порядка, безъ

всякаго плана были раскинуты шалаши-балаганы торговцевъ. Попытки урегулировать постройки и привести площадь въ порядокъ начались съ 60-хъ годовъ: въ 1860 году частные предприниматели предложили городу построить за свой счетъ рынокъ съ правомъ эксплуатировать его въ теченіе 30 лѣтъ. Городъ не согласился на это предложеніе, найдя, что гораздо выгоднѣе будетъ самому устроить рынокъ, и съ этого времени стали появляться одинъ за другимъ проекты рынка на Сѣнной площади, причемъ часть этихъ проектовъ дѣлалась по приказанію тогдашняго начальства города. Одинъ изъ такихъ проектовъ — проектъ архитектора Рахау — даже былъ утвержденъ Императоромъ Александромъ II въ 1868 г. Но, несмотря на обиліе проектовъ, дѣло постройки крытаго рынка на Сѣнной площади не подвигалось вплоть до 1882 года, когда дума, наконецъ, согласилась на проектъ архитектора Китнера, и 18 ноября 1885 года произошло освященіе вновь отстроенныхъ и существующихъ по-днесъ двухъ послѣднихъ корпусовъ Сѣннаго рынка.

На нашей выкопировкѣ указаны, кому принадлежали участки между Фонтанкою и Садовой улицею. Эти участки были разбиты въ 1713—1714 г.г. Раздача участковъ производилась со спеціальною цѣлью привести эту мѣстность въ состояніе, возможное для жилья. Лица, получившія такіе „дачные участки“, обязывались ихъ осушить, построить домъ, разбить садъ, устроить пруды. Работа закипѣла — застучалъ топоръ, вѣковые сосны пошли на бревна для хоромъ, для свай, которыми укрѣплялись трясины; дѣлались „деревянные мостовыя“, пробивались затѣйливо извивающіяся дорожки, а если среди болотнаго лѣса случайно попадался экземпляръ дуба или клена, то онъ огораживался, на основаніи 2-хъ повторныхъ указовъ Петра I, особою изго-

родью или тщательно пересаживался на болѣе подходящее мѣсто. Нельзя было, получивъ даромъ участокъ, поблагодарить и успокоиться—ненарокомъ Петръ Великій могъ въ своей одноколкѣ заѣхать въ гости, посмотреть, какъ устроился на новомъ мѣстѣ получившій подарокъ, и, если Императоръ находилъ, что усердія выказано мало—судъ и расправа были короткими: Петръ Великій не разставался съ своею дубинкою.

Мы указали на участокъ гр. Апраксина, нынѣшній Апраксинъ, рядомъ съ нимъ, ближе къ Невскому проспекту, былъ участокъ гр. Чернышева, который впоследствии продалъ свой участокъ купцу Щукину; отсюда появился затѣмъ Щукинъ дворъ, купленный Екатериною II для главнаго правленія народныхъ училищъ, впоследствии реформированнаго въ министерство народнаго просвѣщенія. Слѣдующимъ участкомъ (къ Невскому проспекту) былъ участокъ Михаила Ларіоновича Воронцова, впоследствии графа, женатаго на двоюродной сестрѣ императрицы Елизаветы Петровны, Аннѣ Карловнѣ Скавронской. Домъ былъ освященъ въ присутствіи Императрицы, пожаловавшей хозяину 40 т. рублей на новоселье, а 4 августа 1763 года состоялся указъ о покупкѣ въ казну этого дома (построеннаго Растрелли) за 217.321 р.—здѣсь Пажескій корпусъ. Наконецъ, мы подходимъ къ участку, съ котораго и начали нашъ рассказъ,—къ участку Аничкова дворца. Толчокъ къ дальнѣйшему болѣе быстрому образованію нынѣ существующей Александринской площади послужилъ указъ Павла I отъ 3 апрѣля 1799 года, которымъ отдавался въ вѣдѣніе театральной дирекціи участокъ Аничкова сада. Трудно представить, что стала бы дѣлать театральная дирекція съ этимъ земельнымъ участкомъ, который въ настоящее время представляет собою Александринскую площадь, если бы на помощь

не пришелъ предприимчивый иностранецъ Антонъ Казасси, служившій смотрителемъ при сборахъ и раздачахъ входныхъ билетовъ въ театръ. А билеты дѣлались металлическіе, капельдинеры получали запечатанные кружки, куда и опускали зрители жестянки-билеты; на утро кружки распечатывались, и касса театра, такимъ образомъ, провѣрялась.

Казасси и пришелъ на помощь театральной дирекціи: онъ приобрѣлъ у послѣдней „театральный павильонъ“, стоявшій чуть ли не по срединѣ пожалованнаго участка, съ помощью архитектора Бренна передѣлалъ его, и появился Малый театръ, предшественникъ Александринскаго; послѣдній открылся вмѣсто театра Казасси 31 августа 1832 года. Театръ этотъ постройки Росси, архитектора, которому Петербургъ обязанъ не только постройкою ряда блестящихъ зданій, но и ряда дивныхъ площадей. Мы уже упоминали про Биржевую, Дворцовую, теперь должны указать и на Александринскую. Здѣсь Росси построилъ Александринскій театръ, позади его громадныя зданія министерствъ, Ново-Театральную улицу, площадь у Чернышева моста. Большинство петербуржцевъ такъ привыкли къ этой мѣстности, проходя ежедневно по ней, что не обращаютъ вниманія, да и хмурая петербургская погода не соотвѣтствуетъ строго классическому стилю главныхъ зданій этой послѣдней площади,— для нея нужно яркое солнце, радостно смѣющееся широкимъ потокомъ лучей, да безпредѣльная высь голубыхъ, лазурныхъ небесъ. Во всякомъ случаѣ, эта площадь, особенно, если бы были построены всѣ зданія, а не появлялись въ углахъ площади постройки совершенно иныхъ стилей, должна считаться одною изъ красивѣйшихъ площадей города.

Въ то время, когда еще не было Екатерининскаго

канала, а вмѣсто него прихотливо извивался маленькій ручеекъ, называвшійся Кривуши, на мѣстѣ нынѣшней Перинной линіи было большое болото. Засыпано оно было только въ царствованіе блестящей Семирамиды сѣвера, Екатерины II. Михайловской улицы не было. На ея мѣстѣ были разбиты два земельныхъ участка, одинъ—на Невскую перспективу, другой—на Итальянскую улицу. На Невской перспективѣ участокъ въ концѣ 40-хъ годовъ XVIII вѣка принадлежалъ бургомистру Петербурга, Саввѣ Яковлевичу Собакину, богатому выходцу изъ Осташкова, городка Тверской губерніи. Но въ Петербургѣ былъ и другой Собакинъ, дворянинъ, большой баринъ. И стало ему непріятно, что имѣется какой-то купчишка, бургомистръ, который носитъ одинаковую съ нимъ фамилію. И вышло административное распоряженіе—запретить осташковскому купчинѣ именоваться его прозвищемъ Собакинъ, а зваться по отчеству Яковлевымъ; и появился Савва Яковлевичъ Яковлевъ, родоначальникъ извѣстной фамиліи Яковлевыхъ, петербургскихъ милліонеровъ.

Ключокъ земли между Кривушами и болотомъ по нынѣшней Перинной линіи былъ возвышеннѣе, суше,—его и выпросилъ себѣ царскій истопникъ Алексѣй Милютинъ у грозной царицы Анны Іоанновны, выпросилъ не только для жилья, но и „для великаго интереса государству“. Здѣсь Милютинъ хотѣлъ открыть фабрику парчи и позумента. А парча и позументы нужны были для придворнаго платья. Долженъ былъ и петербургскій дворъ блистать своею роскошью. Такая фабрика уже была въ Петербургѣ на Фонтанкѣ, приблизительно тамъ, гдѣ теперь такъ-называемый прачешный домъ; но эту фабрику открыли иноземцы, а теперь за это дѣло взялся истинный русскій — царскій истопникъ. Какъ же не поощрить истопника! Ему и отвели уча-

стокъ — который и въ наши дни, отчасти, сохранилъ фамилію первоначальнаго владѣльца: здѣсь Милютины ряды.

Всеистребляющее время, наша россійская халатность, наше варварство не сохранило въ цѣлости документы, по которымъ можно было бы детально прослѣдить, какимъ образомъ участокъ Милютина разбился на рядъ участковъ, какимъ образомъ здѣсь появился „серебряный рядъ“, сторѣвшій въ началѣ царствованія Екатерины II и временно, до отстройки послѣ пожара, пріютившійся въ домѣ армянскаго купца Ивана Лазарева, — тамъ, гдѣ теперь армянская церковь, какимъ образомъ здѣсь построилъ свой домъ Сила Глазуновъ, купецъ и поставщикъ лошадей въ гофъ-курьерскую контору (этотъ Глазуновъ не имѣлъ ничего общаго съ тѣми Глазуновыми, которые торговали книгами и снабжали городъ Петербургъ „городскими головами“), какъ, наконецъ, угловой участочекъ, неправильный по формѣ, съ какими-то странными границами, попалъ въ руки гильдейскаго общества петербургскихъ купцовъ. Последнее совершилось, нужно думать, тогда, когда стали строить Гостиный дворъ. 2 іюля 1748 года повелѣно было строить этотъ Гостиный дворъ, 21 мая 1751 года данъ приказъ оберъ-архитектору Растрелли „тому гостинному двору чертежи учинити“. 14 сентября 1752 года повторено полицмейстерской канцеляріи озаботиться изготавленіемъ плановъ для предположеннаго къ постройкѣ въ С.-Петербургѣ каменнаго Гостиного двора. — Но, несмотря на эти высочайшія повелѣнія, первыя каменные лавки въ нынѣшнемъ Гостиномъ дворѣ, сооруженномъ по проекту архитектора де ла Мота, стали строиться не ранѣе 1758 года, причемъ весь Гостиный дворъ строился по частямъ: послѣднія каменные лавки были заложены въ 1785 году. Постройку производили сами

купцы и, по всей вѣроятности, чтобы удобнѣе было наблюдать за этою постройкою, захватили, а, можетъ быть, и купили у Милютина часть его участка. По крайней мѣрѣ, въ 1788 году городской или, вѣрнѣе, купеческій домъ существовалъ на мѣстѣ нынѣшней думы, что видно изъ такого современнаго извѣстія: „въ построенномъ отъ общества С.-Петербургскаго купеческаго домѣ, состоящемъ въ III Адмиралтейской части, противу каменнаго Гостиного двора подъ № 825, отдается въ наемъ во 2 и 3 этажахъ довольное число покоевъ. Желаящіе нанять всѣ вмѣстѣ или порознь о цѣнѣ освѣдомиться могутъ въ томъ же домѣ у городскихъ старостъ каждый день, въ 10 часовъ пополудни“.

Прошло 10 лѣтъ, и осенью 1799 года были сдѣланы вызовы желающихъ „учинить постройку с.-петербургскаго ротгауза и на ономъ назначенной башни ниже, т. е. дешевле 98 тыс. рублей“. 98 тысячъ рублей въ тѣ времена представляли громадныя деньги. Такимъ образомъ, въ короткое царствованіе Павла Петровича было построено нынѣшнее зданіе городской думы или, какъ тогда звали, ротгауза съ ея характерною башнею. Въ 60-хъ годахъ возникла маленькая часовня „Иверской Божіей Матери“ между Гостинымъ дворомъ и зданіемъ думы — въ наши дни, въ дни кроваваго переворота октября 1917 года, за эту часовню въ паническомъ страхѣ старалась укрыться толпа гражданъ свободной Россіи, пришедшая къ зданію своего городского самоуправления, избраннаго на основаніи равнаго, всеобщаго, тайнаго голосованія, когда раздались выстрѣлы большевиковъ...

Равное, всеобщее, тайное голосованіе позволяетъ вспомнить старину и привести на справку описаніе первыхъ выборовъ въ городское управленіе... Это было

давно, 150 лѣтъ тому назадъ. Январское утро (15 января 1767 года) только-что забрезжило, только стали загораться яркимъ краснымъ сіяніемъ востокъ. Морозило. И въ тихомъ предутреннемъ воздухѣ звучно раздавались шаги одинокихъ прохожихъ. На ближайшей высокой колокольнѣ церкви Рождества Пресвятыя Богородицы, помѣщавшейся на мѣстѣ нынѣшняго Казанскаго собора, звучно ударилъ сторожъ полчаса, — заиграли куранты — было половина восьмого утра, и, несмотря на такой ранній часъ, широкій высокій подъѣздъ графскаго Строгановскаго дома на Невской перспективѣ у Полицейскаго моста былъ уже раскрытъ настежь. И къ этому подъѣзду одна за другою подъѣзжали кареты цугомъ. Форейторы съ гикомъ останавливали цугъ кровныхъ рысаковъ, съ запятокъ поспѣшно соскакивали рослые гайдуки, отворяли вызолоченную съ рѣзьбою снаружи и съ живописью — буколическаго сюжета — изнутри дверь кареты и, бережно поддерживая подъ локти, взводили владѣльца кареты на ступеньки подъѣзда. Дверь кареты захлопывалась, медленно поворачивался цугъ, пищали колеса по снѣгу, и экипажъ, неспѣша, заворачивался на нынѣшнюю Мойку, тогдашнюю Мью, гдѣ и становился въ очередь. Вскорѣ вся набережная Мойки была заполнена ожидающими экипажами. Раздѣвшись въ передней, прѣхавшіе гости входили въ богатую большую залу — дивное твореніе графа Растрелли. На противоположной входу стѣнѣ въ богатѣйшей золоченой рамѣ, причудливо задрапированной ліонскимъ бархатомъ, привѣтливо улыбался портретъ россійской самодержицы — еще очень недавно незначительной принцессы захудалаго германскаго рода — Екатерины II. Войдя въ залъ, гости дѣлали низкій, по всѣмъ правиламъ того времени, поклонъ портрету. Подъ портретомъ стоялъ столъ, крытый

алымъ сукномъ, на столѣ, посрединѣ, возвышалась массивная, серебряная чернильница съ серебрянымъ же перомъ. Около чернильницы лежалъ въ дорогомъ вызолоченномъ переплетѣ недавно отпечатанный манифестъ объ образованіи комиссіи для составленія новаго уложенія. Манифестомъ, кромѣ выясненія общей цѣли созыва комиссіи, предписывалось „для того, чтобы Намъ (т. е. Екатеринѣ II) лучше узнать можно было нужды и чувствительные недостатки нашего народа, прислать депутатовъ изъ всѣхъ уѣздовъ и городовъ нашей имперіи въ первопрестольный нашъ городъ Москву черезъ полгода послѣ дня обнародованія въ каждомъ мѣстѣ сего манифеста“. По правую и лѣвую сторону чернильницы возвышалось пять баллотировочныхъ ящиковъ, обитыхъ также краснымъ сукномъ съ галунами. Передъ каждымъ ящикомъ находилось по драгоцѣнной вазѣ, въ которой лежали шары для баллотировки, а за ящикомъ по два серебряныхъ блюда съ графскими вензелями. На эти блюда должны были высыпать послѣ баллотировки при подсчетѣ баллотировочные шары...

Въ залѣ, между портретомъ и входомъ, были поставлены бархатные стулья и пять рядовъ бархатныхъ же зеленыхъ скамеекъ. Садиться на эти стулья и скамейки можно было безъ чиновъ, но съ соблюденіемъ слѣдующаго обряда—впереди должны были сѣсть люди женатые, имѣющіе дѣтей, за ними садились бездѣтные женатые, затѣмъ вдовы и въ самомъ концѣ холостые. Приѣхавшіе чины были жители I Адмиралтейской части С.-Петербурга, долженствовавшіе избрать 18 избирателей „городского головы и депутата въ комиссію“. Весь Петербургъ былъ раздѣленъ на 5 частей, которыя и должны были избрать 105 избирателей; послѣдніе, собравшись вмѣстѣ, избирали изъ своей среды город-

ского голову, депутата и пять лицъ для составленія наказа этому депутату.

Собрались жители. Вышелъ прокуроръ и взялъ манифестъ. Шумно поднялись гости и стоя прослушали новую милость новой царицы, всего пять лѣтъ, послѣ сверженія своего мужа, императора Петра III, вошедшей на Россійскій престолъ. Прокуроръ читалъ медленно, внятно, стараясь, чтобы слова манифеста надолго запали въ сердца присутствовавшихъ. Кончилось чтеніе манифеста. Начались выборы и продолжались они до третьяго часа пополудни. Первымъ избраннымъ оказался графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ, впослѣдствіи побѣдитель турецкаго флота при Чесмѣ. А 27 января 1767 года были произведены выборы перваго городского головы С.-Петербурга. Имъ оказался генераль-маіоръ с.-петербургскій оберъ-комендантъ Николай Ивановичъ Зиновьевъ, депутатомъ въ комиссію по составленію наказа—купцы: Григорій Ивановъ, Семенъ Галактіоновъ, Иванъ Щукинъ (его имя сохранилось по-днесъ въ названіи Щукина двора); генераль-маіоръ Данила Афанасьевичъ Мерлинъ и сенаторъ Адамъ Васильевичъ Олсуфьевъ.

Наказъ депутату отъ Петербурга состоялъ изъ 35 пунктовъ. Онъ указывалъ на главнѣйшія нужды города. Первый пунктъ, между прочимъ, гласилъ: „и для свозу всякія нечистоты и сору особыя, внѣ города же, мѣста, отъ заразы воздуха неопасныя, назначены были“; 150 лѣтъ тому назадъ первые выборные города Петербурга указывали на необходимость урегулировать „вывозъ нечистотъ“, выражаясь по современному, на необходимость устройства канализаціи,—увы, и черезъ 150 лѣтъ канализаціи въ Петербургѣ нѣтъ; 7-мъ пунктомъ наказа констатировалось, что рѣки и каналы „теряютъ свою глубину, чистоту и доброту воды, ибо всякій

хламъ и нечистоту бросаютъ въ нихъ жители, особливо въ зимнее время на ледъ вывозятъ безстрашно“. Какъ характерно для отдаленнаго отъ насъ времени это слово „безстрашно“ и какъ родна, близка и понятна намъ и эта жалоба! Она вполне соотвѣтствуетъ нашему времени. Далѣе, и въ 8-мъ пунктѣ могутъ обратить вниманіе слѣдующія указанія: „искорененіе всѣхъ обмановъ и воровства, праздношатающихся бродягъ, тунеядцевъ и иныхъ людей, подозрительныхъ и обществу вредныхъ, какъ здѣшнихъ подданныхъ, такъ и иностранцевъ“...

И если проанализировать весь наказъ, данный въ 1767 году, то, исправля лишь устарѣлый языкъ, смѣло можно дать этотъ наказъ гласнымъ, засѣдающимъ въ Петербургской думѣ въ 1917—18 годахъ.

Первымъ городскимъ головою, какъ мы и указали, оказался выбраннымъ лицо чиновное, знатное—петербургскій оберъ-комендантъ. Этимъ выборомъ, произведеннымъ, конечно, согласно указанію Екатерины II, какъ бы подчеркивалось значеніе и важность должности городского головы столицы. Но, несмотря на это подчеркиваніе, на практикѣ должность первыхъ городскихъ головъ свелась исключительно къ представительству. Жалованная грамота 1785 года, казалось, должна была произвести сильный поворотъ въ дѣятельности городскихъ управленій. Какъ никакъ, но этою грамотою вводился принципъ самоуправленія: каждое сословіе, которое жило въ городѣ, а такихъ сословій насчитывалось шесть, собравшись въ свою сословную думу, избирало отъ себя одного гласнаго, одного представителя и защитника своихъ интересовъ, а всѣ сословія, соединившись въ одну общую думу, избирали отъ себя городского голову. Но россійскій обыватель не имѣлъ никакого намѣренія и желанія служить по вы-

борамъ, наоборотъ, всѣми силами стремился избавиться отъ ненавистой ему службы, причемъ для достиженія избавленія не останавливался и передъ преступленіемъ. Служба по выборамъ была ни дѣломъ чести, ни дѣломъ защиты своихъ интересовъ—общественное самосознаніе еще не было развито,—наоборотъ, служба по выборамъ считалась тягостью, разореніемъ. Это обстоятельство является очень характернымъ для нашей исторіи. И шестигласная дума въ россійской дѣйствительности выродилась въ особую канцелярію при губернаторѣ и полицмейстерѣ, потерявъ всякое общественное значеніе. Въ Петербургѣ ненормальность положенія особенно бросалась въ глаза, и эту ненормальность пытались исправить рядомъ измѣненій городского положенія специально для Петербурга.

Наступила „эпоха великихъ реформъ“. Эти реформы должны были коснуться и городского управленія, предполагалось къ изданію городское положеніе 1870 г. Безусловно, этимъ положеніемъ къ дѣлу управленія города привлекалось гораздо большее число лицъ, правда, абсолютное и относительное большинство изъ нихъ должно было принадлежать къ классу имущихъ, но, во всякомъ случаѣ, изъ числа этихъ имущихъ могли появляться и появлялись идеологи обездоленныхъ, настоящіе городскіе дѣятели. И вмѣсто того, чтобы давать правильное, дальнѣйшее развитіе идеи самоуправления, — власть государства встала сначала на путь новеллъ и разъясненій, помощью которыхъ умалялась, сводилась на-нѣтъ дѣятельность городского управленія, а затѣмъ, въ царствованіе Императора Александра III, и къ открытому, прямому корректированію положенія 1870 года въ смыслѣ расширенія правъ или, вѣрнѣе, „безправія“ администраціи и сокращенія правъ обывателя.

Находясь постоянно подъ бдительнѣйшимъ надзо-

ромъ всевозможныхъ начальствъ, испытывая постоянно недостатокъ въ финансовыхъ средствахъ, Петербургская дума, только въ нѣкоторыхъ сторонахъ своей дѣятельности или, вѣрнѣе, дѣятельности своихъ комиссій, могла достигъ нѣкоторыхъ, и то относительныхъ, результатовъ; и, конечно, прежде всего должно быть съ благодарностью вспомнано имя М. Стасюлевича, бывшаго безсмѣннымъ предсѣдателемъ комиссіи по народному образованію и поставившаго городскую школу на высокую ступень. Но въ общемъ картина городского самоуправления Петербурга рисуется въ мрачныхъ тонахъ — кумовство, борьба не партій и общественныхъ группъ, а лицъ, связанныхъ общностью мелкихъ личныхъ интересовъ: сан-галлисты и глазуновцы, трактирщики и дѣятели взаимнаго кредита, — и надъ всѣми этими стремленіями обще-признанный стимуль: „урвать“.

И „рвали“... Когда будетъ безпристрастно, на основаніи фактическихъ данныхъ и документовъ, рассказана исторія петербургскаго самоуправления, наши потомки, — которые, конечно, только и увидятъ эту исторію, ахнутъ отъ изумленія и не повѣрятъ даже самымъ точнымъ, провѣреннымъ даннымъ...

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Литейная часть.—Причина ея возникновенія.—Русская или Дворцовая Слободка.—Вопросъ о размѣщеніи полковъ въ Петербургѣ и вопросъ о воинскомъ постое.—Образованіе и устройство Преображенской слободки.—Литейный проспектъ.—Улучшеніе его.—Спиртокалильное освѣщеніе.—Омнибусы.—Открытіе коночнаго движенія.—Домъ Михельсона.—Архитекторъ Пель.—Литейный домъ.—Его ломка.—Уголокъ Гагаринской набережной.—Запасный дворцовый дворъ или дворецъ.—Поставка припасовъ ко двору Елизаветы Петровны.—Партикулярная верфь.—Невскій потѣшный флотъ.—Прогулка по Невѣ.—Набережная Фонтанки.—Когда она появилась.—Домъ Остермана—бывшее III отдѣленіе—бывшій департаментъ полиціи.—Воспоминанія Поливанова.

Въ первые годы существованія Петербурга, мы часто наталкиваемся на распоряженія Петра Великаго о присылкѣ въ Петербургъ пушекъ и артиллерійскихъ припасовъ, но, какъ только положеніе Петербурга окрѣпло, опасность шведскихъ нападеній исчезла,—приказанія о присылкѣ только припасовъ смѣняются предварительными распоряженіями по устройству въ Петербургѣ литейнаго дома и вообще артиллерійскихъ мастерскихъ. 2 декабря 1711 года Петръ Великій распорядился высылкою въ Петербургъ изъ Москвы токарнаго мастера Шеппера съ инструментами и матеріалами, также и плавильной печи. 13 сентября 1712 года послѣдовало другое аналогичное распоряженіе о присылкѣ изъ Москвы въ С.-Петербургъ пушечныхъ мастеровъ. Во главѣ артиллерійскаго вѣдомства стоялъ Яковъ Вилимовичъ Брюсъ.

Исполняя повелѣніе Петра Великаго объ учрежденіи въ С.-Петербургѣ артиллерійскихъ мастерскихъ, а въ частности Литейнаго дома, и, подыскивая для послѣдняго мѣсто, А. В. Брюсъ весьма естественно долженъ былъ обратить вниманіе на нынѣшнюю Литейную сторону. Мѣсто у современнаго Литейнаго моста было во всѣхъ отношеніяхъ подходящее: съ Новгородской дороги сюда была приложена давнымъ-давно боковая дорога,—слѣдовательно подвозъ матеріаловъ изъ внутренней Россіи былъ обезпеченъ; затѣмъ самая мѣстность была нѣкогда занята шведскою мызою, слѣдовательно, расчищена и укрѣплена, не надо было тратить денегъ и труда на ея осушеніе; наконецъ, эта часть была сравнительно удалена отъ зарождающагося города — Петербургской Стороны и Васильевского Острова и, слѣдовательно, опасность взрывовъ, неизбежная при артиллерійскомъ дѣлѣ, устранялась. Можно съ вѣроятностью допустить, что всѣ эти соображенія привели генерала Я. В. Брюса къ тому, что въ 1711 г.—по словамъ перваго лѣтописца Петербурга Богданова—былъ заложенъ старый Литейный дворъ. Закладывая его, генераль Я. В. Брюсъ предполагалъ, конечно, устроить вокругъ этого Литейнаго дома особую литейную слободку изъ артиллерійскихъ мастеровъ и служителей; для основанія этой слободы, на мѣстѣ нынѣшняго дома предварительнаго заключенія, онъ сталъ строить, немного позднѣе, въ 1713 году, домъ для себя лично, причемъ домъ этотъ долженъ былъ быть покрытъ черепицею, которую предполагалось пріобрѣсти на учрежденномъ уже въ Петербургѣ заводѣ.

Но надеждамъ Я. В. Брюсса не было суждено исполниться. Литейную сторону облюбовалъ не одинъ онъ, на нее обратилъ вниманіе и цесаревичъ Алексѣй Петровичъ. Послѣднему приходилось уступить желанію

царя-отца, покинуть любимую Москву и переселиться въ ненавистный Петербургъ. Но, какъ бы руководясь изрѣченіемъ народной мудрости: изъ двухъ золъ выбирать наименьшее—цесаревичъ, желая и въ Петербургѣ быть подальше отъ своего державнаго отца, избралъ себѣ мѣсто на Московской сторонѣ, на нынѣшней Шпалерной улицѣ. Здѣсь цесаревичъ надѣялся легче избѣгнуть постоянного надзора, а затѣмъ, можетъ быть, было принято во вниманіе и то обстоятельство, что отсюда удобнѣе и скрыться бѣгствомъ во внутрь Россіи,—не нужно будетъ искать случая переплывать черезъ Неву. Вслѣдъ за цесаревичемъ стали просить и получали мѣста на той же Литейной сторонѣ приближенные Цесаревича и его служащіе. Такимъ образомъ, должна была образоваться не артиллерійская слободка, какъ проектировалъ Я. В. Брюсъ, а дворцовая или, какъ ее именovali первые обитатели, „Русская Слободка“. Здѣсь жили люди старинные, которые обращали свой взоръ не за море, не „въ Нѣметчину“, а вглубь Россіи, въ Москву и съ нетерпѣніемъ ожидали лишь того момента, когда, наконецъ, ими будутъ править по старому. Это обстоятельство не ускользнуло отъ бдительнаго взора Петра, и онъ въ самомъ началѣ рѣшилъ принять мѣры: рядомъ съ дворцомъ цесаревича было отведено мѣсто для любимой сестры и сторонницы всѣхъ затѣй Петра Великаго, — Наталіи Алексѣевны. Защитники стараго строя не могли уединиться и на Московской сторонѣ. Прошло всего три года, какъ зародилась мысль о заселеніи нынѣшней Литейной части, и, несмотря на такой незначительный промежутокъ времени, проведеніе этой мысли въ жизнь дало блестящіе результаты. Въ 1714 году нынѣшняя Литейная часть имѣла приблизительно слѣдующій видъ: при въѣздѣ на теперешній Литейный мостъ возвышался

деревянный Литейный амбаръ, который былъ построенъ просто изъ бревенъ, на-верху имѣлъ шпиль съ двуглавымъ орломъ; въ такомъ видѣ этотъ Литейный домъ просуществовалъ до 1733 года, когда его начали перестраивать въ каменный. Нынѣшней Воскресенской набережной еще не существовало, застраивалась только одна правая сторона Шпалерной улицы, которая носила разныя названія—Верхняя набережная, Литейная набережная и, наконецъ, въ царствованіе Николая Павловича—Воскресенская Шпалерная набережная. И на этой первой улицѣ, набережной Литейной части, первую постройкою, приблизительно тамъ, гдѣ теперь выстроенъ домъ предварительнаго заключенія, былъ домъ съ черепичной крышею графа Якова Вилимовича Брюса; далѣе, за нимъ слѣдовалъ рядъ дворцовъ, а именно: первымъ былъ дворецъ Прасковьи Θεодоровны, затѣмъ дворецъ царицы Марьи Матвѣевны, далѣе—дворецъ цесаревича Алексѣя Петровича, а рядомъ съ нимъ, на углу нынѣшняго Воскресенскаго проспекта,—дворецъ Наталіи Алексѣевны. Такимъ образомъ, на правой сторонѣ Шпалерной улицы было, не считая Пушечнаго двора, который стоялъ на мѣстѣ нынѣшняго окружнаго суда, 5 дворовыхъ участковъ. Число этихъ дворовыхъ участковъ таково же и въ настоящее время, такъ что можно считать, что за истекшія двѣсти лѣтъ не было измѣненія въ границахъ участковъ. Въ другихъ, нынѣ существующихъ улицахъ Литейной части, не было, конечно, такой сплошной застройки: направленія улицъ уже были отмѣчены, разбиты и дворовые участки, но дома попадались изрѣдка, являясь какъ бы оазисами среди кое-гдѣ невырубленнаго лѣса и топкаго болота. Такъ, между Захарьевской и Сергіевской, на берегу протока, занимавшаго середину Воскресенскаго проспекта, былъ домъ

оберъ-гофмаршала двора цесаревича Алексѣя Петровича — Левенвольда; за Воскресенскимъ проспектомъ, по Захарьевской и Сергіевской улицамъ, были нарѣзаны мелкіе участки низшимъ дворцовымъ служителямъ, по 5 участковъ на каждую улицу. За этими участками на Захарьевской улицѣ были конюшни Алексѣя Петровича, при Императорѣ Петрѣ II—дворцовыя, при Елизаветѣ Петровнѣ — отданныя лейбъ-компаниі, въ настоящее время—Кавалергардскаго полка. Наконецъ, самымъ послѣднимъ домомъ на Шпалерной былъ такъ называемый въ наши дни Круглый домъ кавалерійской школы,—домъ приверженца царевича и въ то же время какъ будто и сторонника Петровскихъ реформъ, Кикина. Послѣ казни Кикина домъ, какъ мы и говорили выше, былъ конфискованъ: въ немъ была помѣщена первоначальная кунсткамера, а при Елизаветѣ Петровнѣ штабъ и церковь конной гвардіи. Мѣсто Таврическаго дворца также было застроено, здѣсь находилось подворье на случай пріѣздовъ въ Невскую столицу митрополита Стефана Яворскаго. Остальная часть Литейной, къ нынѣшнему Невскому проспекту, это время была еще совершенно не застроена, но на нее уже обратилъ вниманіе Петръ Великій, и въ камеръ-фурьерскомъ журналѣ мы то и дѣло наталкиваемся на слѣдующія отмѣтки: „29 сентября 1714 года Петръ ѣздилъ смотрѣть мѣсто за рѣчкою и за домомъ Ея Величества“, или „30 сентября 1714 года Его Величество ѣздилъ за рѣчку (т. е. за Фонтанку) и солдаты расчищали мѣсто“. Домъ Ея Величества, о которомъ упоминаетъ камеръ-фурьерскій журналъ, носилъ названіе Итальянскаго дворца, находился на мѣстѣ нынѣшняго Екатерининскаго Института и былъ заведенъ въ 1712 году, тогда же Петръ Великій предложилъ здѣсь на Литейной слободѣ участокъ и Шереметеву.

Подъ 19 октября 1719 года мы находимъ такую характерную помѣтку: „Изволили осматривать мѣсто на Московской сторонѣ подѣ селитьбу полковъ гвардіи“. Вотъ когда появилась мысль о размѣщеніи полковъ гвардіи на Московской сторонѣ, т. е. тамъ, гдѣ и въ настоящее время находятся казармы трехъ полковъ: Преображенскаго, Семеновскаго (для этихъ двухъ полковъ Петръ Великій и могъ осматривать мѣсто) и Измайловскаго (какъ извѣстно, этотъ послѣдній былъ образованъ въ царствованіе Анны Іоанновны). Въ архивахъ не сохранилось никакихъ данныхъ о дальнѣйшихъ распоряженіяхъ Петра Великаго въ этомъ направленіи, хотя, намъ кажется, Петръ не ограничился лишь осмотромъ мѣстности. На это наводитъ насъ слѣдующее обстоятельство. Сохранилась „Роспись дворамъ, которые построены отъ реки Невы впервой, второй и третей линіи разныхъ чиновъ людей 1722 году апреля 18 дня“ и въ ней отмѣчено, что въ 3 линіи 6 мѣсто занималъ „Дворъ, на которомъ содержится преображенской лазаретъ, строеніе деревянное“. Такимъ образомъ, мы видимъ, что уже въ 1722 году въ Литейной части, на нынѣшней Сергіевской улицѣ, на Фурштадтской, т. е., на правой отъ Литейнаго проспекта сторонѣ, былъ выстроенъ Преображенскій лазаретъ. Какая его дальнѣйшая судьба, къ сожалѣнію, для насъ неизвѣстно, также какъ мы не можемъ опредѣлить болѣе точно и его мѣстонахожденіе. Но, во всякомъ случаѣ, упоминаніе въ росписи 1722 года лазарета Преображенскаго полка позволяетъ высказать предположеніе, что Петръ Великій не ограничился однимъ осмотромъ; онъ хотѣлъ приступить къ выполненію всего плана поселенія гвардейскихъ полковъ, но это выполненіе было только начато.

Своимъ осмотромъ мѣстности для постройки казармъ гвардейскимъ полкамъ Петръ Великій положилъ

начало многочисленнымъ правительственнымъ распоряженіямъ по тому же вопросу, т. е., по вопросу о казармахъ, причемъ участь этихъ правительственныхъ распоряженій была одинакова съ распоряженіемъ Петра: они издавались, но не приводились въ исполненіе вплоть до 1739 года. 19 февраля 1725 года, т. е. черезъ три недѣли послѣ вступленія на престолъ, Императрица Екатерина I издастъ повелѣніе „о строеніи полковыхъ дворовъ“; это повелѣніе въ болѣе конкретной формѣ — назначается мѣсто для построенія гвардейскихъ полковъ по сторонамъ большой перспективы — повторяется черезъ годъ — 24 февраля 1726 года. Но вмѣсто того, чтобы провести это распоряженіе въ жизнь, въ томъ же году, 16 сентября 1726 года, появляется новое распоряженіе: „объ отводѣ мѣстъ въ С.-Петербургѣ на Московской сторонѣ за Фонтанною рѣкою для устройства квартиръ гвардейскимъ полкамъ“. Въ только-что приведенномъ распоряженіи, какъ и въ ранѣе цитированныхъ, дѣлалось указаніе лишь на отводъ мѣстъ, но 4 сентября 1732 года въ указѣ Анны Іоанновны предписывалось „въ 1733 году не только начать, но и окончить постройку солдатскихъ казармъ, — „и для того — говорилось въ указѣ — нынѣшнею осенью и будущею зимою въ пристройныхъ мѣстахъ потребные лѣса заготовлять, а весною сплавлять солдатами“. Казалось, что, считая вполне опредѣленнымъ указаніе на самый приступъ къ работамъ, можно допустить, что эти работы производились. Но этого подтвержденія мы не находимъ въ архивныхъ данныхъ, наоборотъ, послѣдующія распоряженія свидѣтельствуютъ, что и указъ Анны Іоанновны отъ 4 сентября 1732 года не былъ приведенъ въ исполненіе. Мы нашли случайное одно указаніе, что къ исполненію этого указа хотѣли приступить, что-то дѣлали, по крайней мѣрѣ въ 1735 году:

„Отъ полковой канцеляріи лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка чинится извѣстно, что на отведенномъ ей мѣстѣ на рѣкахъ Фонтанкѣ и Глухой, противъ церкви Вознесенія Господня, полковой дворъ съ канцеляріей и цейхгаузомъ и прочимъ до того принадлежащимъ строеніемъ по учиненному рисунку построить надлежитъ“. Очевидно, этотъ вызовъ подрядчиковъ на постройку полкового двора находится въ связи съ вышеприведеннымъ указомъ Анны Іоанновны о постройкѣ въ теченіе 1733 года казармъ, но, очевидно, также, что въ 1733 году казармы не были построены, если только въ 1735 году приступали къ вызову подрядчиковъ. Полковой домъ или съѣзжая изба л.-гвардіи Преображенскаго полка, какъ мы и указали выше, помѣщалась на мѣстѣ будущаго Аничкова дворца еще въ 1741 году. Наконецъ, 13 мая 1738 года, появился еще одинъ послѣдній, но тоже невыполненный указъ: „Объ отводѣ мѣстъ для построенія казармъ и дворовъ лейбъ-гвардіи 3-мъ пѣхотнымъ полкамъ“, а послѣ него состоялось 12 декабря 1739 года повелѣніе „о построеніи въ С.-Петербургѣ для гвардейскихъ полковъ вмѣсто казармъ слободокъ“. Это послѣднее повелѣніе было наконецъ-таки приведено въ исполненіе.

Такимъ образомъ, въ продолженіе 20 лѣтъ (съ 1719 по 1739 г.) появилось пять законодательныхъ актовъ о размѣщеніи полковъ гвардіи въ С.-Петербургѣ. На этомъ примѣрѣ особенно ясно видно, какъ осторожно нужно относиться къ опубликованнымъ законодательнымъ актамъ первой половины XVIII вѣка: большинство изъ нихъ представляютъ одни предположенія, благопожеланія и только. Но, во всякомъ случаѣ, мы видимъ усиленную заботу правительства такъ или иначе разрѣшить тяжелый вопросъ о воинскомъ постойѣ въ столицѣ. Параллельно съ этой заботой правитель-

ства наблюдается, съ другой стороны, очень интересное стремленіе петербургскихъ обывателей сложить съ себя тяготу этого постоя. За промежутокъ времени съ 1714 по 1739 годъ намъ удалось отмѣтить 23 законодательныхъ акта, давшихъ ту или иную льготу по воинскому постою. Разсматривая эти льготы, мы видимъ, что онѣ дѣлятся на двѣ большія группы: къ первой принадлежатъ такія льготы, существованіе которыхъ можно объяснить желаніемъ, дѣйствительно, облегчить повинность, льготы второй группы давались исключительно или какъ милость, или же вслѣдствіе протекціи, близости ко Двору и т. п. Первую льготу получили въ 1714 году „иноземные служители морского дѣла“, но эта льгота была дана имъ въ силу заключеннаго контракта, по которому ихъ дома должны были быть свободными отъ солдатскаго постоя. Затѣмъ стали освобождать дома придворныхъ служителей, но правительство ограничивало эту льготу только тѣми домами, въ которыхъ придворные служители сами жили. Эта льгота была распространена и на дома пасторовъ лютеранскаго и католическаго исповѣданія, дома иностранныхъ министровъ, дома англійскихъ купцовъ. Иногда эта льгота бывала временной, давалась, такъ сказать, на срокъ:—напримѣръ, 4 іюля 1735 года послѣдовало освобожденіе отъ постоя дома адмирала Гордона, временно занятаго почтовою конторою вплоть до постройки каменнаго почтоваго дома или, напримѣръ, 23-го ноября 1739 года эту же льготу получилъ придворный живописецъ Ив. Вишняковъ, причемъ ему были зачтены въ постой живущіе у него ученики живописи. Всѣ эти льготы были до извѣстной степени понятны — владѣльцы домовъ несли ту или иную службу государству, но, повторяемъ, были гораздо болѣе многочисленные случаи избавленія отъ постоя въ знакъ милости.

Центромъ одной изъ слободъ, въ настоящее время не существующей, былъ Преображенскій соборъ. Неправильное преданіе, какъ мы и отмѣтили выше, связываетъ закладку собора съ знаменитой ночью на 25 ноября 1741 года: будто сюда, на мѣсто съѣзжей избы и пріѣхала Елизавета за своими лейбъ-компанцами. Но это не такъ, и мѣсто какъ подъ церковь Преображенскаго полка, такъ и подъ весь полкъ было отведено еще въ 1739 году по лѣвую сторону Литейнаго проспекта, приблизительно между нынѣшними Кирочною и улицею Жуковскаго; другой границею были Лиговскій каналъ и Преображенскій плацъ, только за послѣднее время начатый застройкою.

Литейный проспектъ—главная артерія Литейной части—до конца 40-хъ годовъ XIX столѣтія представлялъ изъ себя захудалую улицу, съ небольшими деревянными, по большей части, домами, съ деревянными же тротуарами; около нихъ были вырыты небольшія полузасыпанныя канавки, назначеніе которыхъ было проводить дождевую воду и которыми обыватели пользовались для разныхъ хозяйственныхъ цѣлей—выливались помои, бросался разный мусоръ. Мостовая Литейнаго проспекта тоже не отличалась особымъ благоустройствомъ, и, наконецъ, Литейный проспектъ являлся тупикомъ, такъ какъ онъ упирался въ Литейный домъ, находившійся, какъ и указано выше, на берегу Невы на въѣздѣ на Литейный мостъ. Такое плачевное положеніе Литейнаго проспекта было, несмотря на то, что еще въ 1733 году было издано первое распоряженіе о застроеніи Литейной части, а черезъ 7 лѣтъ въ 1740 году повелѣно было „строить по большой Литейной улицѣ большіе регулярные дома“. И черезъ 100 лѣтъ, въ 1840 году, о Литейной улицѣ появились такіа строчки: „Литейная улица соперничаетъ

съ Невскимъ. Въ послѣднія 10 лѣтъ Литейная застроилась множествомъ прекрасныхъ домовъ, и магазинная торговля въ ней развилась въ высокой степени. Какъ квартиры въ ней дешевле, чѣмъ на Невскомъ, то дешевле и товары“. Въ 1848 году появилось воспрещеніе деревянныхъ построекъ, а въ 1849 году дѣлались опыты освѣщенія „спирто-скипидарной жидкостью“. Этому освѣщенію когда-то сулили громадную будущность и всевозможными способами пропагандировали не только въ Петербургѣ, но и во всей Россіи. При этомъ освѣщеніи лампа представляла изъ себя металлическую коробку, въ стѣнку которой ввинчивалась трубка со свѣтильною, трубка на верхнемъ концѣ своемъ имѣла нѣсколько дырочекъ. Въ лампу вливалась смѣсь спирта со скипидаромъ (въ отношеніи 78 къ 22), трубка подогревалась, жидкость, поднимаясь по свѣтильнѣ, обращалась въ газъ и горѣла. Свѣтъ получался, по мнѣнію автора проекта, восхитительный. Но, вообще, освѣщеніемъ Литейная улица не могла похвастаться, газовое освѣщеніе долго не вводилось на ней, а отсюда появлялись жалобы слѣдующаго рода: „Когда проѣзжаешь вечеромъ по Морской и Невскому проспекту, освѣщеннымъ газомъ, душѣ какъ-то весело! Лишь только миновалъ перекрестокъ, гдѣ начинается Литейная и Владимірская, какъ будто свалился въ яму—фонари, кажется, показываютъ только то мѣсто, гдѣ должно быть освѣщеніе“. Въ 1847 году и въ Литейной части, а, слѣдовательно, и на Литейномъ проспектѣ, показались омнибусы—первый рейсъ содержали „синія каретки“, которыя ходили „отъ конца Бассейной и Лиговки по Литейной—черезъ Семеновскій мостъ—по Большой Садовой до Покрова. Цѣна за рейсъ 10 коп., время проѣзда 1 ч. 5 м. Первое время ходили только три каретки, съ 9 мѣстами внутри каждая. Въ каретки

впускали—какъ заявляли въ то время—только „прилично одѣтыхъ“. Омнибусы того времени различались цвѣтомъ каретъ: такъ, кромѣ синихъ каретъ, по Литейному проспекту ѣздили „желтаго цвѣта съ голубыми обводами“, они начинали ходить отъ Преображенскаго собора до Офицерской улицы. Движеніе начиналось въ 8 ч. утра и заканчивалось въ 11 ч. вечера; эти кареты, кажется, первыми ввели на зимнее время линейку на полозьяхъ, а въ 1849 году приняли, какъ писалось въ то время, видъ оригинальный—„имъ дана форма вагоновъ желѣзной дороги, они отчасти походятъ и на садовой павильонъ, влекомый лошадьми“. 5 октября 1875 года омнибусы на Литейномъ проспектѣ смѣнились конно-желѣзной дорогою, или, по, просту, конкой, открывшей движеніе до Технологическаго Института.

Изъ домовъ Литейнаго проспекта нужно указать на домъ героя Михельсона, взявшаго въ плѣнъ Пугачева. Домъ его помѣщался гдѣ-то между Симеоновскою и Сергіевскою улицами и былъ сквознымъ на Моховую. Затѣмъ долженъ обратить на себя вниманіе домъ, нынѣ принадлежащій департаменту удѣловъ. Въ 1804 году это мѣсто принадлежало „булочнаго цѣха мастеру Федору Верфу“ и оцѣнивалось въ 15.000 р., въ 30-ыхъ до 40-ыхъ годовъ участокъ принадлежалъ гр. Орлову и, наконецъ, перешелъ къ Пашкову, при которомъ, какъ кажется, и былъ построенъ современный домъ. Въ 184⁹/₉ годахъ здѣсь помѣщалось благородное собраніе. Укажемъ еще, что архитектору Пелю принадлежить на Литейной рядъ построекъ. Онъ былъ, видимо, любимымъ архитекторомъ этой мѣстности.

4 марта 1851 года началась ломка стараго Литейнаго дома. Исчезъ свидѣтель чуть-ли не первыхъ годовъ жизни Петербурга. А черезъ нѣсколько лѣтъ къ освободившемуся Литейному проспекту былъ переведенъ

Воскресенскій мостъ и открылось сообщеніе съ Выборгской Стороной.

Литейный каменный домъ былъ начать постройкою 23 октября 1732 года; въ этотъ день приступили къ сломкѣ Петровскаго деревяннаго литейнаго дома, принять же былъ каменный домъ въ артиллерійское вѣдомство 4 ноября 1738 года, т. е., этотъ литейный домъ строился безъ нѣсколькихъ дней 6 лѣтъ. При этой постройкѣ былъ рядъ любопытнѣйшихъ инцидентовъ, ясно показывающихъ, въ какихъ трудныхъ условіяхъ протекала постройка въ Петербургѣ. Перестроенный литейный домъ былъ въ 2 этажа съ деревянною башнею, длиною въ 30 сажень, шириною 11 сажень $1\frac{1}{2}$ аршинъ, высотой 5 сажень и 1 футъ. Почему въ одномъ и томъ же описаніи ширину измѣряли аршинами, а высоту—футами, мы не знаемъ. Этотъ, домъ изображенъ на извѣстной гравюрѣ Галактіонова, приложенной къ книгѣ Свиньина „Достопамятности Петербурга“.

Уголь Литейной части, носящей названіе Гагаринской набережной, испыталъ громаднѣйшія измѣненія. Почти весь XVIII вѣкъ онъ представлялъ собою особый островокъ, образованный Невоею, Фонтанкою и нарочито прорытымъ изъ Невы, около нынѣшняго Литейнаго моста, въ Фонтанку, по современному Косому переулку, каналомъ. Хотя этотъ каналъ прорывали не съ спеціальною цѣлью образовать островокъ, а только для того, чтобы помощью воды можно было дѣйствовать машинами Литейнаго и Пушечныхъ дворовъ, но, получивъ такой островокъ, весьма естественно рѣшили придать ему спеціальное назначеніе. И какъ это часто замѣчается въ исторіи стараго Петербурга, не могли придти къ одному опредѣленному рѣшенію. Есть нѣкоторыя указанія, что графъ Брюсъ хотѣлъ здѣсь устроить пороховыя мельницы

и оружейный дворъ, и Петръ Великій, какъ будто, и одобрялъ намѣреніе графа Брюса. Но положеніе островка, какъ разъ напротивъ Лѣтняго дворца Екатерины **II**, какъ бы предназначало этотъ островокъ быть запаснымъ или сытнымъ дворомъ: если здѣсь сдѣлать складъ провіанта для царскихъ дворцовъ, устроить и пивоварни, и квасныя, и медоварныя заведенія, устроить сушильни для рыбы, амбары для муки, погреба, — то доставка припасовъ въ царскіе дворцы будетъ болѣе, чѣмъ легка. И Петру Великому предложили воспользоваться этимъ островкомъ для означенной цѣли. Передъ своимъ отъѣздомъ въ 1716 году за границу Петръ Великій не принялъ еще опредѣленнаго рѣшенія, но все-таки повелѣлъ начатую уже постройку Запасного дворца оставить до своего возвращенія. По возвращеніи Петра Великаго изъ-за границы постройка Запасного двора или, какъ тогда звали, дворца пошла усиленнымъ темпомъ, и въ 1721 году подбивали сваи и укрѣпляли землю подъ каменными погребами. Памятуя любовь Петра Великаго къ водѣ и каналамъ, можно предположить, что это новое царское сооруженіе не могло обойтись безъ устройства канала и, дѣйствительно, смотря на прилагаемую выкопировку плана 1753 года (см. въ концѣ книги планъ № 16), мы видимъ, что къ Запасному двору (Е) шелъ изъ Фонтанки каналъ (Г), образуя на этомъ Запасномъ дворѣ особую гавань. По этому каналу изъ Невы, черезъ Фонтанку, должны были заходить барки съ припасами и приставать на Запасномъ дворѣ чуть-ли не прямо къ амбарамъ. Такимъ образомъ, должна была облегчаться разгрузка барокъ. Кромѣ того, на Запасномъ дворѣ были выкопаны пруды для живой рыбы.

Красивая, высокая, статная Елизавета Петровна, въ молодости любившая танцовать и бывшая едва ли не

первою въ танцахъ среди своихъ современницъ, смѣнила развлеченіе танцами на наслажденія гастрономическія: обѣды и особенно ужины при дворѣ Елизаветы Петровны изумляли и обиліемъ кушаній, и тщательностью ихъ изготовленій, и богатствомъ сервировки — интересенъ сервизъ съ изображеніемъ Царскаго, или, какъ звали тогда, Царскаго Села.

Въ 1757 году къ Высочайшему двору было поставлено 24.930 пудовъ 5 фунтовъ мяса, 105.560 штукъ домашней птицы, 23.486 штукъ дичи, 515.343 штуки разной рыбы, 586.653 яйца, т. е. въ среднемъ въ день выходило до 68 пудовъ мяса, 300 штукъ домашней птицы и 1.500 яицъ! Конечно, это количество съѣла не одна Елизавета и ея приближенные, обѣдомъ кормились и всѣ служащіе, и рядъ лицъ, не имѣвшихъ никакого отношенія ко двору, а затѣмъ громадное количество и воровалось и только показывалось въ отчетахъ. Одной говядины вышло около 16 пудовъ, телятъ было потреблено 3.069 штукъ, изъ домашней птицы особенно много пошло русскихъ куръ — 75.800 штукъ — и цыплятъ — 14.765 штукъ; изъ лѣсной дичи предпочтеніе отдавалось тетеревамъ и рябчикамъ, затѣмъ потреблялись дрозды, свиристели, молодые голуби и сѣрыя куропатки; живыхъ стерлядей было съѣдено 5.268 штукъ. Но если количество потребленнаго можетъ показаться колоссальнымъ, то не менѣе удивить и дешевизна продуктовъ. При тогдашнихъ цѣнахъ (цѣны же на продукты для Высочайшаго двора, само собою понятно, конечно, были выше базарныхъ) можно было хорошо поѣсть. Цѣны на говядину колебались отъ 82 до 93 копѣекъ за пудъ; самый лучшій молочный теляенокъ стоилъ 3 р. 50 к., а нѣжный барашекъ — только 1 р., изъ домашней птицы дороже всего была индѣйка — 93 к., зато живая курица расцѣнивалась въ 27 к., мерзлая

въ 13¹/₂ к., заяць стоилъ 25 к., поросенокъ къ Рождеству—только 20 к., а окорокъ на Пасху—всего-на-всего 93 к. пудъ. Понятно, что для указаннаго выше количества припасовъ старый петровскій запасный дворъ оказался малымъ, недостаточнымъ, и съ 1747 года стали сооружать новый, выше по Невѣ, перейдя Воскресенскій проспектъ.

Съ рыбою, особенно, много было хлопотъ въ то время: доставить живую стерлядь съ Волги-Матушки или съ Бѣлаго озера было мудрено, еще мудренѣе было сохранить ее живою,—и поставщикъ живой рыбы пользовался всякими льготами. Расцѣнка живой рыбы была слѣдующая:—стерлядь въ 1³/₄ аршина стоила 2 руб., аршинная—1 р. 87 к., а шестивершковая, такъ называемая порціонная,—только 35 к., сравнительно дорога была щука, за 1 аршинъ съ четвертью давали 1 р. 22 к., сотня ершей стоила 43 коп. Въ 1753 году на рыбный столъ истратили 9.267 р. 71³/₄ к., а въ 1763 году была произведена любопытная попытка культивированія стерляди въ Невѣ. 4-го ноября 1763 года было впущено въ Неву 1800 штукъ 7-ми вершковыхъ стерлядей и былъ отданъ строгій приказъ о „неловленіи маломѣрныхъ стерлядей въ Невѣ, о приносѣ крупныхъ стерлядей въ 10 и болѣе вершковъ въ главную дворцовую канцелярію и о непродажѣ сей рыбы партикулярнымъ людямъ“.

Недалеко отъ этого запаснаго двора было другое учрежденіе Петра Великаго, расположенное тоже на островкѣ и если не вполне исчезнувшее послѣ смерти великаго преобразователя, то въ достаточной степени захирѣвшее. Островкомъ былъ нынѣшній Соляной городокъ, училище барона Штиглица, земледѣльческій музей,—каналъ шелъ по Рыночной улицѣ, загибалъ на Гагаринскую и по Пантелеймоновской снова впадалъ

въ Фонтанку. Посреди этого островка былъ еще одинъ срединный каналъ. Здѣсь помѣщалась партикулярная верфь Петра Великаго, о которой первый историкъ Петербурга Богдановъ писалъ: „Партикулярная верфь, то есть судовой дворъ, построень на рѣкѣ Фонтанкѣ противъ Лѣтняго дворца въ 1718 году, на которомъ строятъ всякія мелкія суда парусныя, гребныя, буера, доншхоуты, шлюпки, баржи, рябчики и щерботы“.

Петръ Великій мечталъ сдѣлать изъ своихъ петербуржцевъ опытныхъ „морскихъ волковъ“, которые ѣздили бы исключительно по водѣ, для этого и было роздано „безденежно 90 мѣстамъ и лицамъ 141 судно на сумму въ 125.199 рублей въ вѣчное потомственное владѣніе“ съ однимъ только условіемъ—починку судовъ владѣльцы брали на себя, а также давали подписки, что когда суда придутъ въ ветхость, то новыя будутъ сдѣланы за ихъ счетъ „не меньше, а больше—мочно“, т. е. тѣ, которые хотѣли построить суда больше, имѣли на это полное право, и для постройки таковыхъ судовъ и была образована „Партикулярная верфь“.

Снабдивъ петербуржцевъ судами, устроивъ для нихъ верфь, гдѣ эти суда могли ремонтироваться и покупать, давъ подробную инструкцію, какъ управлять судами, Петръ Великій сталъ устраивать неоднократно экзерциціи своего Невскаго, потѣшнаго флота. Вотъ описаніе экзерциціи отъ 23 іюля 1721 года: „Утромъ проѣхалъ графъ Пушкинъ и объявилъ, что Его Величество Царь намѣренъ устроить послѣ обѣда увеселительное катаніе по Невѣ на всѣхъ здѣшнихъ баркахъ и верейкахъ, на которыя приказалъ пригласить и Его Высочество (т. е. герцога Голштинскаго). Онъ, т. е. Пушкинъ, хотѣлъ заѣхать за нами, когда выкинуть флаги. Здѣсь такъ заведено, что если въ двухъ или трехъ опредѣленныхъ мѣстахъ города вывѣшиваются

флаги, то всѣ барки и верейки, или, смотря по флагу, всѣ яхты, шорншхауты и буера должны собираться у крѣпости. Для неявившихся по этому знаку наложенъ большой штрафъ. Послѣ обѣда въ назначенный часъ явился графъ Пушкинъ и мы отправились, взявъ съ собою, какъ барку, такъ и обѣ наши верейки. Подѣхавъ къ рѣкѣ, мы увидѣли, что всѣ уже довольно далеко, почему велѣли грести сильнѣе и скоро догнали флотилію. Впереди ея шелъ адмиралъ „маленькаго флота“, который составляютъ всѣ небольшія суда, имѣвшій на своемъ суднѣ для отличія большой флагъ. Прочія суда должны слѣдовать за нимъ и не имѣютъ права его обгонять. Царь ѣхалъ недалеко позади на баркѣ царицы; онъ стоялъ у руля, а царица съ обѣими принцессами, своими дамами и камеръ-юнкерами сидѣла въ каютѣ. Проплывъ довольно далеко, адмиралъ повернулъ назадъ, а всѣ слѣдовавшіе за нимъ остановились и выжидали, пока онъ не прошелъ мимо... Чудный видъ представляла наша флотилія, состоявшая изъ 50 или 60 барокъ и вереекъ, на которыхъ всѣ гребцы были въ бѣлыхъ рубашкахъ (на баркахъ ихъ было по 12 человѣкъ, а на самыхъ маленькихъ верейкахъ—не менѣе 4 чел.). Удовольствіе отъ этой прогулки увеличивалось еще тѣмъ, что почти всѣ вельможи имѣли съ собою музыку; звуки множества волторнъ и трубъ безпрестанно оглашали воздухъ“.

Съ кончиною Петра Великаго это его учрежденіе—Невскій флотъ—уничтожилось, хотя въ послѣдствіи нѣсколько разъ—именно при вступленіи на престолъ и Анны Іоанновны, и Елизаветы Петровны—покушались возобновить „Невскій флотъ“, но всѣ старанія оставались тщетны. А въ 1782 году на мѣстѣ партикулярной верфи стали возводить каменный соляной городокъ, который испыталъ ту же участь, что и партикулярная

верфь: просуществовавъ около ста лѣтъ, онъ, послѣ уничтоженія соляной монополіи, пересталъ удовлетворять своему назначенію и сталъ постепенно отдаваться другимъ учрежденіямъ и въ послѣднее время былъ занятъ помѣщеніями техническаго общества, военно-педагогическаго музея, сельскохозяйственнаго музея и, наконецъ, центрального училища техническаго рисованія барона Штиглица.

Набережная Фонтанки между Симеоновскою и Пантелеймоновскою улицами, теперь плѣняющая насъ своими дивными постройками стиля *empire*, чуть ли не весь XVIII вѣкъ являлась настоящими задворками: фасады домовъ выходили на Моховую, по которой и былъ проѣздъ, а по Фонтанкѣ, долго не замощеной, проходили лишь пѣшеходы, да ѣздили домохозяева за своими хозяйственными нуждами; изъ Фонтанки бралась вода, на ледъ Фонтанки же свозился мусоръ и нечистоты, несмотря на строжайшіе указы, воспрещавшіе подобную свозку. Обратили вниманіе на Фонтанку только въ послѣдніе годы XVIII столѣтія, когда на мѣстѣ нынѣшняго Инженернаго замка, а тогда уже пришедшаго въ ветхость дворца Императрицы Елизаветы Петровны, Павелъ I распорядился возведеніемъ своего мрачно-таинственнаго, окруженнаго каналами съ подъемными мостами, Михайловскаго замка. Набережная Фонтанки въ Литейной части сдѣлалась мѣстностью наболѣе близкою къ мѣстопробыванію Императора, дворовые участки скупилъ приближенные ко двору и тогда только стали воздвигаться одна за другою тѣ постройки, которыя въ большинствѣ случаевъ сохранились безъ измѣненій до нашихъ дней Тотъ же всемогущій случай, который игралъ чуть ли не главную роль при застройкѣ всего Петербурга, оказалъ свое вліяніе и на застройку набережной Фонтанки.

Четвертый домъ по набережной Фонтанки, четвертый отъ Пантелеймоновской улицы по направленію къ Симеоновскому мосту, есть знаменитый домъ III отдѣленія, а затѣмъ департамента полиціи. Участокъ, занимаемый этимъ домомъ, состоялъ изъ двухъ примыкающихъ другъ къ другу дворовыхъ участковъ, и былъ сквознымъ съ Фонтанки на Пантелеймоновскую улицу. Первымъ владѣльцемъ этого участка былъ екатерининскій вельможа Талызинъ, сестра котораго, выйдя замужъ за графа Остермана, принесла ему въ приданое это мѣсто. Графъ Остерманъ, выстроивъ домъ, владѣль имъ недолго и 3 іюня 1806 года продалъ его за 100.000 р. императорскому военно-сиротскому дому для помѣщенія воспитанницъ дѣвичьяго отдѣленія. Но и это отдѣленіе просуществовало недолго, и домъ перешелъ въ руки флигель-адъютанта, князя Александра Яковлевича Лобанова-Ростовскаго. Покупка состоялась 21 октября 1816 г. за 225 т. р.; такимъ образомъ, въ теченіе 10 лѣтъ стоимость дома увеличилась въ $2\frac{1}{4}$ раза. Князь, женатый на богатѣйшей невѣстѣ Россіи, графинѣ Клеопатрѣ Ильинишнѣ Безбородко, произвелъ капитальный ремонтъ дома, придалъ ему сохранившуюся до нашего времени внѣшность и жилъ до тѣхъ поръ, пока не былъ устроенъ для него архитекторомъ Монфераномъ роскошный дворецъ противъ Исаакіевского собора, нынѣ занятый военнымъ министерствомъ. Князь А. Я. Лобановъ-Ростовскій былъ однимъ изъ интереснѣйшихъ представителей россійскихъ коллекціонеровъ, причемъ онъ собиралъ, главнымъ образомъ, все, что касалось Маріи Стюартъ. У князя была дивная коллекція портретовъ несчастной шотландской королевы. Почему князь специализировался въ этой области, откуда у русскаго царедворца появился культъ Маріи Стюартъ, мы не знаемъ, но, во

всякомъ случаѣ, это обстоятельство небезынтересно для исторіи нашей культуры. Не успѣвъ выѣхать изъ дома одинъ коллекціонеръ, какъ на мѣстѣ его поселился другой. Князь Лобановъ продалъ свой домъ 18-го іюля 1819 года графу Виктору Павловичу Кочубею, умершему въ этомъ домѣ 3 іюня 1834 года. Сынъ графа Кочубея былъ страстнымъ нумизматомъ, владѣльцемъ богатѣйшей нумизматической коллекціи. И въ барскомъ особнякѣ, въ кабинетѣ сына владѣльца, собирались немногочисленные нумизматы 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Здѣсь они цѣлыми часами просиживали надъ какой-нибудь монетою, присланной имъ изъ Казани или Астрахани; здѣсь они любовались дѣйствительно богатѣйшимъ собраніемъ графа Кочубея и старались на основаніи маленькаго потертаго куска металла возстановить прошлое, давно сошедшую со сцены дѣйствія историческую жизнь.

9 мая 1838 года домъ графа Кочубея былъ приобрѣтенъ правительствомъ для шефа жандармовъ. Въ него переселилось третье отдѣленіе. Самъ домъ не испыталъ измѣненій—воздвигался лишь рядъ надворныхъ построекъ, строилось большое зданіе для архива, строились помѣщенія для служащихъ, для арестованныхъ; архитекторомъ былъ Садовниковъ. Наконецъ, 22 декабря 1875 года было освященіе церкви св. Екатерины...

Исторія III отдѣленія — дѣло будущаго историка, намъ нужно только желать, чтобы хотя тѣ документы, которые удалось сохранить, не пропали бы безслѣдно.

„Моя камера—писалъ въ своихъ воспоминаніяхъ Поливановъ—представляла изъ себя большую комнату въ два окна, стекла которыхъ оказались, однако, матовыми, но я это замѣтилъ не сразу. Между оконъ стоялъ письменный столъ съ ящикомъ, а передъ нимъ стулъ. Вмѣсто обычной лампы на столѣ стояла стеариновая

свѣча. Полъ былъ деревянный крашеный. Налѣво отъ двери находилась круглая желѣзная печь, а у правой стѣны помѣщалась вполнѣ приличная желѣзная кровать съ мѣдными шариками на столбикахъ въ головахъ и ногахъ. Постель была покрыта хорошимъ байковымъ одѣяломъ. Даже дверь съ обычной мѣдной ручкой не имѣла бы вида тюремной двери, если бы въ ней не было прорѣзано четырехугольное отверстіе со стекломъ, забранное внутри мѣдной рѣшеткой, а снаружи закрывавшееся черной заслонкой. Меня попросили раздѣться, дали хорошее тонкое бѣлье съ клеймомъ Ш. К. Ж., т. е. штабъ корпуса жандармовъ, туфли и щегольской синій халатъ на красной подкладкѣ. Но рядомъ съ этими внѣшними признаками европейской культуры были знаки вполнѣ азіатскаго деспотизма.

„Проходя мимо двери № 1—пишетъ тотъ же авторъ—я былъ удивленъ тѣмъ, что она была не только заперта, но и запечатана. Замокъ былъ обвязанъ бичевкой, концы которой были припечатаны на четвертушкѣ бумаги. Ничего подобно ни у меня, ни у моего сосѣда въ № 3 не было, и кто сидѣлъ въ № 1, я и до сихъ поръ не знаю“.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Деревня Вихтула, переименованная въ Виктори. — Заложение Александро-Невской Лавры. — Подмонастырская слободка. — Главный соборъ Лавры. — Его художественныя богатства. — Кладбище Лавры. — Бичевникъ. — Краткая справка о Смольномъ монастырѣ. — Раскопка изъ-подъ навоза каменной набережной. — Кирасиры Миниха. — Образование коннаго полка. — Слободка этого полка. — Дальнѣйшія перемѣщенія полка. — Волково кладбище. — Литературныя мостки.

Одна изъ тропъ старой новгородской дороги, приблизительно около нынѣшней Кирочной улицы, черезъ болотистый лѣсъ, круто повернувъ направо, приводила къ маленькой финской деревушкѣ Вихтула, расположенной при впаденіи въ Неву одной изъ безконечныхъ Черныхъ рѣчекъ, считавшихся на первоначальной территоріи Петербурга въ большомъ количествѣ. Вскорѣ послѣ завоеванія Петербурга и финская деревушка Вихтула, и окружающіе ее лѣса, и земли, и рыбныя и прочія угодья поступили въ собственность царскаго любимца — Александра Даниловича Меншикова, будущаго герцога Ингерманландскаго... Земли, конечно, были только приписаны, онѣ не устраивались, такъ какъ ни самъ Петръ Великій, ни его ближайшій помощникъ по устройству Петербурга, Меншиковъ, не знали, насколько крѣпко положеніе царскаго парадиза Санктъ-Питер-Бурха.

И только со взятіемъ Выборга, по образному выраженію Петра Великаго, была положена крѣпкая подушка въ основаніе столицы Россійской Имперіи, а съ 1712 года въ Петербургъ, какъ мы и говорили выше, переселяется царская семья; Петербургъ дѣлается „резиденціей“, дѣлается столичнымъ городомъ и, какъ таковому, ему, конечно, полагалось имѣть своего патрона, своего покровителя, святого.

И такой покровитель уже былъ... Вѣдь, завоеваніемъ устья Невы русскіе возвращали себѣ старыя вотчины. Изъ рукъ захватчиковъ-шведовъ отнималась старая русская земля, та земля, которая во времена господства Новгорода звалась Воткинской пятиной, въ которой 15 іюля 1240 года великимъ княземъ св. Александромъ Невскимъ были разбиты меченосцы... И уже въ ноябрѣ 1710 года митрополитъ Стефанъ издалъ указъ, чтобы при богослуженіи молитвенно поминался св. Александръ Невскій, какъ предстатель за Невскую страну, возвращенную царскимъ оружіемъ отъ шведовъ; отсюда весьма естественно, что, во имя своего святого Александра, Меншиковъ могъ предложить кусокъ изъ пожалованной ему вотчины. И деревушка Вихтула показалась очень подходящимъ мѣстомъ, тѣмъ болѣе, что названіе этой деревни тотчасъ передѣляли въ „Виктори“, что значитъ побѣда, тѣмъ самымъ намекая, что Александръ Невскій будто бы одержалъ здѣсь свою знаменитую побѣду — побѣда была одержана, какъ точно указано въ лѣтописи, при устьѣ Ижоры рѣки, т. е. гораздо выше по Невѣ. Но, конечно, такими мелочами въ то время не стѣснялись, и если при основаніи Рима могла быть волчица, то, конечно, основанію Петербурга могла предшествовать знаменитая побѣда Александра Невскаго.

Въ 1712 году была заложена, а 25 марта 1713 года освящена деревянная церковь во имя Благовѣщенія

Пресвятой Богородицы, а рядомъ съ монастыремъ, по берегу Невы, образовалась такъ-называемая подмонастырская или Невская слободка. Образованіе этой слободки вполнѣ естественно и понятно. При постройкѣ Невскаго монастыря—который строился очень долго—потребно было большое количество рабочаго люда: этотъ рабочій людъ и строилъ себѣ хибарки, какъ по Черной рѣчкѣ, такъ и по Невѣ; затѣмъ къ рабочимъ присоединился торговый людъ, далѣе, въ этой же мѣстности были найдены большія залежи глины, и здѣсь появились одни изъ первыхъ кирпичныхъ заводовъ. Когда появилась эта слободка, кто былъ первымъ инициаторомъ и первый устроилъ свое незатѣйливое жилище,—мы не знаемъ, но можемъ руководствоваться слѣдующими датами: прежде всего, временемъ основанія Александро-Невскаго монастыря. Въ журналѣ Петра Великаго за іюль 1710 года записано: „Государь, будучи въ Петербургѣ, осматривалъ мѣста, гдѣ быть какимъ строеніямъ и надъ Невою рѣкою при С.-Петербургѣ, на устьѣ рѣчки Черной усмотрѣлъ изрядное мѣсто, которое называлось Виктори, гдѣ указалъ строить монастырь во имя Святой Троицы и св. Александра Невскаго и на томъ мѣстѣ, въ присутствіи Его, Государя, и при немъ обрѣтающихся министровъ и генералитета, архимандритъ, назначенный въ тотъ монастырь, Θεодосій, водрузилъ крестъ съ такимъ написаніемъ: „Во Имя Отца и Сына и св. Духа повелѣніемъ Царскаго Пресвѣтлаго Величества на семъ мѣстѣ имѣетъ создаться монастырь“ и была поставлена на томъ мѣстѣ часовня“. Затѣмъ, второе указаніе мы находимъ въ полномъ собраніи законовъ подъ 9 октября 1713 года „о продажѣ кирпичныхъ сараевъ, построенныхъ отъ канцеляріи каменныхъ дѣлъ частнымъ людямъ, съ предоставленіемъ каждому свободы дѣлать кирпичи и продавать по вольной цѣнѣ“. Продажа кир-

пичныхъ сараевъ въ частныя руки безусловно должна была послужить толчкомъ къ заселенію этой мѣстности; можетъ быть, съ этою продажею была связана и первая распланировка этой мѣстности,—говоримъ, можетъ быть, потому что точныхъ данныхъ пока не нашли. Такимъ образомъ, съ нѣкоторою вѣроятностью можно допустить, что заселеніе этой части Невскаго берега произошло въ 1710—1713 годахъ; къ этому выводу приходитъ и П. Н. Петровъ, говорящій, что „съ учрежденіемъ Невскаго монастыря архимандритъ Θεодосій, для строительныхъ работъ вызвавъ изъ приписныхъ къ его обители деревень рабочихъ людей, образовалъ съ перваго же времени, т. е. никакъ не позднѣе 1712 года, подмонастырскую слободу по Невѣ“.

А строительныя работы предполагались огромныя: архитекторъ Трезини уже составилъ особый замысловатый планъ предполагаемаго монастыря, основаніемъ котораго долженъ былъ быть крестъ. Планъ этотъ былъ выгравированъ, разсылался за границу, раздавался пріѣзжимъ знатнымъ иностранцамъ, чтобы они, восхищаясь грандіозностью постройки, прославляли русскаго царя... Строились стѣны вокругъ лавры, воздвигались большіе храмы, 30 августа 1724 года были перенесены сюда мощи св. князя Александра Невскаго, которыя впоследствии, при Елизаветѣ Петровнѣ, были заключены въ серебряную раку, сдѣланную изъ чистаго серебра. Надпись для этой раки сочиняли въ академіи де сіянсъ, т. е. въ Императорской Академіи Наукъ, чуть ли не всѣ наличные русскіе академики, причемъ Елизавета Петровна „аппробовала“ сочиненіе „знаменитаго русскаго піиты“, какъ въ то время звали Ломоносова.

Если для Елизаветы Петровны была недостаточно дорога та рака, въ которую были положены мощи святого покровителя С.-Петербурга, то для Семирамиды

Сѣвера, Екатерины II, оказался и малъ, и некрасивъ первоначальный соборъ, а поѣтому соборъ—во имя святой Троицы—30 августа 1774 года былъ снова заложенъ и освященъ лишь 30 августа 1790 года, когда въ него изъ церкви св. Александра Невского были перенесены и мощи... Иконостасъ собора былъ сдѣланъ изъ бѣлаго итальянскаго мрамора. Вокругъ мѣстныхъ иконъ—красный сибирскій агатъ; нижній цоколь клиросовъ—синяго итальянскаго мрамора. Надъ южными воротами—благословляющій Спаситель Ванъ-Дейка, надъ сѣверными—Богоматерь съ предвѣчнымъ Младенцемъ кисти Куверчино. На правомъ клиросѣ средняя икона—Божіей Матери съ предвѣчнымъ Младенцемъ, а верхняя—Спасителя, приѣмлющаго поруганіе, на лѣвомъ клиросѣ—Божія Матерь, а надъ нею Воскрешеніе Лазаря кисти художника Бассано; на восточной стѣнѣ—Воскресеніе Христова Рубенса, ему же приписывается „Снятіе со креста“ за лѣвымъ клиросомъ и, наконецъ, образъ Благовѣщенія кисти Рафаэля Мэнгса. Въ ризницѣ Лавры хранится много драгоценностей: тутъ есть золотой крестъ вѣсомъ 1 фунтъ 82 золотника, крестъ этотъ датированъ, на немъ выбить 1660 годъ; затѣмъ имѣются антиминсы XII, XIII и XIV вѣка, рядъ дискосовъ и потировъ, золотыхъ съ брилліантами, одинъ изъ нихъ—даръ Екатерины II—въ 16 фунтовъ; хранится въ музеѣ та трость Петра изъ слоновой кости съ набалдашникомъ,—выточилъ этотъ набалдашникъ самъ Петръ,—которая нерѣдко жестоко ходила по спинамъ приближенныхъ Петра; затѣмъ здѣсь же имѣется кровать Петра Великаго, его маршальскій жезлъ, янтарная трость Екатерины II.

Около лавры раскинулось лаврское кладбище. По мысли Петра Великаго, это кладбище предназначалось для знатныхъ и богатыхъ людей. Первое время здѣсь хоронились особы царскаго дома—здѣсь нашла вѣчный

покой любимая сестра Петра Великаго, Наталія Алексѣевна, сторонница всѣхъ петровскихъ преобразованій, устроившая, между прочимъ, первый театръ въ Петербургѣ; здѣсь лежитъ и жена брата Петра — царица Прасковья, ея дочь Екатерина, дочь Петра III — Анна Петровна и дочери Александра I — Марія и Александра. Сюда же, по повелѣнію Петра Великаго, былъ перенесенъ прахъ скончавшагося въ Москвѣ графа Шереметева. Затѣмъ, здѣсь же на кладбищѣ, кромѣ аристократовъ крови, хоронили и многихъ аристократовъ ума: здѣсь лежатъ „дѣдушка“ Крыловъ, его другъ Гнѣдичъ, здѣсь же стоитъ надгробный памятникъ, въ видѣ гробницы, Фонвизина. Здѣсь же на этомъ лаврскомъ кладбищѣ нашли успокоеніе и рядъ художниковъ музыки. Да, безусловно, это кладбище не такъ демократично, какъ Волково, оно не имѣетъ дорогихъ русскому сердцу литературныхъ мостковъ (о нихъ смотри ниже, въ этой же главѣ), но на немъ такая масса высоко-художественныхъ памятниковъ нашихъ лучшихъ скульпторовъ, что въ этомъ отношеніи лаврское кладбище является какъ бы своеобразнымъ музеемъ скульптуры, хотя мы не берегли этотъ музей, не заботились о немъ, — были попытки, но онѣ разбивались о косность и жадность заправиль лавры, о пренебреженіе властью имущихъ.

Ниже лавры и монастырской слободки по теченію Невы на планѣ 1738 года показанъ рѣдкій уже вырубленный лѣсъ, идущій по направленію нынѣшней Рождественской части, и рядъ дачныхъ участковъ, которыхъ до нынѣшняго Смольнаго монастыря значится числомъ семь. Всѣ эти участки выходили на Неву. Этимъ послѣднимъ обстоятельствомъ, т. е. тѣмъ, что владѣльцы участковъ считали одной изъ границъ берегъ Невы, поднимался бесконечно долго длившійся

вопросъ о бичевникѣ, къ разсмотрѣнію котораго мы и переходимъ.

„Великій государь указалъ по прежнимъ Его Царскаго Величества указамъ, опубликованнымъ въ народъ съ барабаннымъ боемъ, въ прошломъ 718 году 10 сентября, да 720 году августа 8 чиселъ, повелѣно, дабы къ бичевнику никакія суда не приставали и не становились, а становились бы на якоряхъ далѣе отъ пристаней сажень 10 и больше“. Этотъ именной указъ, данный генераль полицмейстеру Девіеру, былъ опубликованъ, надо полагать, также съ барабаннымъ боемъ 24 іюня 1721 года.—Черезъ три года—31 января 1724 года—дѣлается новое распоряженіе объ опредѣленіи въ С.-Петербургъ къ бичевнику одного человѣка для надзора—очевидно, было признано, что изданіе запрещенія недостаточно, необходимо принять болѣе реальныя мѣры надзора; но и назначеніе спеціальнаго лица не дало какихъ-либо осязательныхъ результатовъ, по крайней мѣрѣ, на это мы находимъ указаніе въ слѣдующихъ строкахъ императрицы Екатерины II: „однакожь къ неудовольствію Нашему убѣдились Мы, что не только того не исполняется, да и бичевники, наипаче же Невскій совсѣмъ запущены и застроены“. Въ цитируемомъ указѣ Екатерины II говорится о всемъ Невскомъ бичевникѣ, тѣмъ самымъ какъ бы дѣлается ссылка на предшествующее распоряженіе императрицы Елизаветы Петровны отъ 14 сентября 1754 года, касавшееся части бичевника отъ Литейнаго Двора до Смольнаго монастыря. „Ея Императорское Величество указать изволила отъ Литейнаго Двора до Смольнаго Ея Императорскаго Величества двора по берегу Невы рѣки дрова и лавки немедленно очистить и впредь ничего тутъ не класть, о чемъ по дежурству въ журналъ и записано“. Последняя при-

писки, указывающая, что распоряженіе было дано дежурному адъютанту, какъ бы свидѣтельствуешь, что императрица Елизавета, во время своей поѣздки въ Смольный институтъ, самолично могла удостовѣриться, что указы ея отца, Петра Великаго, не исполняются.

Такимъ образомъ, за 45 лѣтъ, считая съ указа Петра I 1720 года по послѣднее распоряженіе императрицы Екатерины II, датированное 1765 годомъ, шла усиленная застройка невскаго берега. Но какъ это ни странно, начало этой застройки положилъ самъ же Петръ Великій, устроивъ на берегу Невы „Смольный дворъ“ и рядомъ съ нимъ свой лѣтній дворецъ, впоследствии ставшій дворцомъ его дочери Елизаветы Петровны и извѣстный подъ именемъ Смольнаго дворца. Устроилъ эти свои постройки Петръ Великій, конечно, не случайно. Подчеркнемъ еще и еще разъ, что Петръ Великій при устройствѣ Петербурга всегда стремился использовать тѣ мѣста, на которыхъ при шведскомъ владѣніи уже обосновался человѣкъ и которыя, такимъ образомъ, до извѣстной степени были культивированы.

На шведскомъ планѣ полковника Кронъюрта, изданномъ академикомъ Кеппеномъ, на мѣстѣ Смольнаго монастыря изображенъ фортъ Сабина, находившійся почти напротивъ Ніеншанца и служившій передовымъ постомъ для шведовъ. При осадѣ Ніеншанца, нынѣшней Охты, этотъ фортъ Сабина, конечно, былъ уничтоженъ. Спустя много лѣтъ, въ 60-хъ годахъ XIX столѣтія, при случайной раскопкѣ земли около юго-западной башни нынѣшняго Смольнаго института, въ разведенномъ въ то время садикѣ, примыкавшемъ къ дому соборнаго духовенства, подъ полуаршиннымъ слоемъ земли или скорѣе кирпичной щебенки оказался слой костей четверти въ полторы, который шелъ кругомъ всей ямы,

раскопанной аршина два въ діаметрѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что это была общая могила или защитниковъ, или завоевателей укрѣпленія, находившагося на мѣстѣ Смольнаго. Къ форту Сабина шла, какъ мы уже указали, и единственная торная дорога, ведущая въ Новгородъ, а изъ него и въ Москву. Понятно, что Петръ Великій воспользовался этимъ мѣстомъ. Кромѣ того, въ выборѣ этого мѣста для устройства склада для смолы играли роль и слѣдующія причины: смола—горючій матеріаль, небезопасный отъ пожаровъ, очевидно, складъ смолы нужно устроить за городомъ; но въ то же время смола нужна для адмиралтейства, слѣдовательно, складъ смолы долженъ быть по близости рѣки, чтобы удобнѣе было подвозить смолу къ адмиралтейству и, наконецъ, въ-третьихъ, Александръ Васильевичъ Кикинъ, завѣдывавшій матеріальными складами флота, имѣлъ жительство неподалеку отсюда, слѣдовательно, предполагался и тщательный надзоръ надъ Смольнымъ дворомъ. Но, устроивъ послѣдній, Петръ Великій долженъ былъ занять пристанью часть бичевника.

При Елизаветѣ Петровнѣ, пока она была цесаревна, Смольный дворецъ представлялъ собою усадьбу хорошей помѣщицы; когда же Елизавета стала русской царицею, то она издала приказаніе на мѣстѣ Смольнаго дворца выстроить Смольный Ново-дѣвичій женскій монастырь. Начали строить монастырь, но въ царствованіе Елизаветы не успѣли закончить, а въ царствованіе Екатерины II постройки получили другое назначеніе—быть помѣщеніемъ Воспитательнаго общества благородныхъ дѣвицъ, чѣмъ былъ Смольный институтъ, и училищемъ для мѣщанскихъ дѣвицъ, которое помѣщалось въ называемой теперь Николаевской половинѣ того же института. Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ или, вѣрнѣе, уставъ его интересенъ для выясненія вопроса

объ отношеніи Екатерины II къ народному образованію. Начатый Растрелли здѣсь же Смольный соборъ, одна изъ самыхъ лучшихъ его построекъ, къ сожалѣнію, не была имъ закончена и испорчена архитекторомъ Старовымъ въ царствованіе императора Николая I.

Относительно раздачи участковъ по Невѣ наши свѣдѣнія очень скудны: мы знаемъ, что 19 декабря 1733 года состоялось распоряженіе о выдачѣ дѣйстви-тельному тайному совѣтнику князю Алексѣю Черкасскому данной на пожалованное ему мѣсто на Москов-ской сторонѣ; это пожалованное мѣсто было приобрѣтено затѣмъ въ казну для образованія слободки служителей конторы строеній, впослѣдствіи Рождественской слободки или Песковъ. Рядомъ съ мѣстомъ князя Черкаскаго были мѣста Александра Львовича Нарышкина, два мѣста какихъ-то купцовъ, далѣе—„прежде бывшая дача генерала Брюса и мѣсто купца Христофора Тесина: здѣсь былъ построенъ домъ для житья, устроены амбары для склада извести, которую Тесинъ выписывалъ изъ-за границы, — въ 1738 году у Тесина было „около 2 тысячъ бочекъ самой хорошей бѣлой негашеной голландской извести, по 1 р. 20 к. бочка“; кромѣ того, здѣсь же дѣйствовалъ небольшой заводъ канатовъ или, какъ тогда называли, „канатный амбаръ“. Съ конца царствованія императрицы Елизаветы Петровны, несмотря на запретительныя мѣры, заселеніе берега Невы отъ Смольнаго института до Невской слободки шло усиленнѣе, причемъ строился и богатый, и бѣдный. Въ 1761 году, напримѣръ, продавался „на берегу Невы у Охтинскаго перевозу противъ Конецъ (т. е. противъ такъ-называемаго Конецкаго огорода на Охтѣ) деревянный домъ генерала поручика Якова Андреевича Мордвинова на каменномъ фундаментѣ и погребахъ со службами и имѣющимся при домѣ лабазомъ“. Съ 1764 года въ теченіе

ряда лѣтъ продавали здѣсь свой домъ князя Голицыны, сначала отецъ князь Михайль Михайловичъ, а потомъ сынъ Александръ Михайловичъ. На участкѣ кн. Голицыныхъ былъ огородъ и, кромѣ того, были „построены лабазы для поклажи разнаго хлѣба“. Лабазы, какъ видимъ, являлись характерною особенностью этой мѣстности, были чуть ли не у каждого дома—они, такимъ образомъ, какъ бы прародители нынѣ существующихъ „Калашниковскихъ хлѣбныхъ амбаровъ“. Кромѣ хлѣба, въ XVIII вѣкѣ берегъ Невы занимался и подъ складъ дровъ.

Усмотрѣвъ нарушенія закона о бичевникѣ, выразивъ свое негодованіе, императрица Екатерина II рѣшила передать надзоръ за бичевникомъ по Невѣ „начальнику канцеляріи отъ строеній“; такимъ образомъ, была принята чисто формальная мѣра, которая, какъ это выяснилось въ 1804 году, не принесла никакихъ результатовъ. Опять подлежащее начальство рѣшило принять грозныя мѣры—„снести всѣ постройки“,—а чтобы ихъ въ будущемъ не устраивали, „сдѣлать при Невѣ берегъ, т. е. набережную отъ границъ города до охтенскаго переезда“.—Для этого послѣдняго въ смѣту городскихъ доходовъ положено было вносить ежегодно по 25 тыс. руб. Деньги вносились въ теченіе 28 лѣтъ, смѣта и отчетъ по ея исполненію утверждались каждый годъ—но берегъ или набережная не устраивались, и суммы, назначенныя на это устройство, ежегодно расходовались совсѣмъ на другія дѣла.—Въ 1821 году снова произвели осмотръ и опять-таки оказалась снова застройка берега, тогда рѣшили „весь берегъ отдать въ зависимость города съ тѣмъ, чтобы городъ отъ себя отдавалъ съ публичныхъ торговъ мѣста подъ складку лѣса“. Разсуждали, что такъ какъ городъ будетъ заинтересованъ въ доходности отъ сдаваемыхъ мѣстъ, то, очевидно, онъ будетъ тща-

тельно наблюдать за самовольцами, которые рискнуть застраивать берегъ. Но и эта мѣра не помогла, и въ 1826 году 19 октября послѣдовало еще одно повелѣніе „о чисткѣ береговыхъ мѣстъ по лѣвую сторону Невы для удобнѣйшаго приставанія барокъ“. Этимъ послѣднимъ законодательнымъ актомъ была признана собственность невскаго берега только за тремя владѣльцами—Алекسانдро-Невской лаврой, какъ имѣющей безспорные документы на владѣніе береговой полосой, Смольнымъ институтомъ, въ силу особыхъ Высочайшихъ повелѣній, и за пивнымъ дворомъ Крона, такъ какъ владѣльцы этого завода взаимнѣ береговой полосы уступили подъ улицу свою крѣпостную землю и даже вымостили ее. Всѣ остальные захваченные 16 владѣльцами участки были признаны подлежащими возврату городу.

Такова въ общихъ чертахъ очень любопытная исторія бичевника на лѣвомъ берегу Невы въ предѣлахъ нынѣшней Александро-Невской и Рождественской частей. Здѣсь Нева все еще до сихъ поръ не дождалась „гранитной набережной“, но попытки дѣлались: такъ, когда въ 1873 году стали сравнивать берегъ Невы противъ Кавалергардскихъ казармъ, то были замѣчены подъ навозомъ двѣ желѣзныя тумбы съ рѣшетками. Стали производить раскопки и открыли каменную набережную длиною около 28 сажень—постройку этой набережной относятъ ко времени Аракчеева: въ какія-нибудь 50—60 лѣтъ въ Петербургѣ сумѣли погребсти подъ навозомъ каменную набережную.

Мы уже указывали на первоначальную судьбу находящагося здѣсь дома Кикина въ связи съ устройствомъ въ немъ кунсткамеры. Въ царствованіе Петра II кунсткамера была переведена на Васильевскій Островъ, но домъ Кикина пустовалъ недолго; такъ какъ прави-

тель Петербурга того времени—Императоръ Петръ II, живя въ Москвѣ, не торопился съ возвращеніемъ въ Петербургъ—графъ Минихъ нашелъ этотъ Кикинскій домъ удобнымъ для своего Кирасирскаго полка. Весьма понятно, что кикинскій домъ, несмотря на всю его обширность для того времени, не могъ вмѣстить въ себя весь кирасирскій полкъ. Потребовались передѣлки, перестройки—произошелъ первый ремонтъ дома Кикина. Стоявшій до этого времени открытымъ, домъ былъ окруженъ рядомъ служебныхъ построекъ. На свободномъ пространствѣ между этимъ домомъ и Смольнымъ дворомъ появились обширныя конюшни для лошадей кирасирскаго полка. Наконецъ, недалеко отъ берега Невы были построены ряды домовъ для солдатъ. Работы велись усиленнымъ темпомъ, денегъ Минихъ не жалѣлъ, но въ конечномъ результатѣ, какъ это случалось очень часто въ Петербургѣ, оказалось, что Минихъ старался вовсе не для своего Кирасирскаго полка, а для новой войсковой части, вызванной къ жизни повелѣніемъ только-что вступившей на престолъ Анны Іоанновны.

У Императора Петра Великаго были два созданные имъ полка—Преображенскій и Семеновскій, тоже должно быть и у ея племянницы: появляется Измайловскій полкъ, носящій названіе третьей подмосковной Романовыхъ, и 1730 года дается собственноручная резолюція Императрицы слѣдующаго содержанія: „Бывшій лейбъ-Региментъ назвать конная гвардія, а въ рангъ быть противъ гвардіи, а быть въ полку унтеръ-офицерамъ и рядовыхъ тысячу человекъ. Анна“.

Появился новый полкъ и днемъ его образованія, опять-таки не безъ символа, былъ выбранъ день Благовѣщенія, 24 марта, а первымъ его подполковникомъ, фактическимъ полковымъ командиромъ,—звание пол-

ковникъ Императрица оставила за собою,—былъ назначенъ капитанъ-лейтенантъ отъ кавалергардіи, генераль и оберъ-шталмейстеръ Павелъ Ивановичъ Ягужинскій, одинъ изъ наиболѣе приближенныхъ лицъ къ Петру I, бывшій его любимымъ денщикомъ. Такимъ образомъ, съ учрежденіемъ перваго гвардейскаго коннаго полка связывали все, что могло напомнить о великомъ преобразователѣ Россіи. Графъ П. И. Ягужинскій не принималъ непосредственнаго участія въ формированіи конной гвардіи; его имя нужно было, какъ мы и указали выше, для престижа; всю черновую работу по созиданію полка вынесъ на своихъ плечахъ генераль-маіоръ фонъ-Трауфеттеръ. Работы было много и, что самое главное, Императрица Анна Іоанновна очень торопила съ созданіемъ новаго своего коннаго конвоя, а между тѣмъ аммуницію нужно было сдѣлать въ Ригѣ, лошадей выписать изъ Германіи, самый лейбъ-Региментъ, квартировавшій частью въ Московской, частью въ Пензенской губерніи, перевести сначала въ Ригу, тамъ обмундировать и затѣмъ направить въ С.-Петербургъ. И 16 сентября 1732 года „пріѣхали сюда—читаемъ мы въ современныхъ извѣстіяхъ—2 шквадрона (т. е. эскадрона) конной гвардіи, они приведены были обыкновенною музыкою отъ генераль-маіора князя Шаховскаго, яко подполковника, сего полку на лугъ, предъ лѣтній домъ, гдѣ Ея Императорское Величество оныхъ по особливому своему удовольствію смотрѣть изволила. Мундиръ сей гвардіи состоитъ въ васильковыхъ кафтаныхъ съ красными камзолами, которые у офицеровъ золотымъ позументомъ богато уложены. На ихъ лошадяхъ, которыя были вороныя и равной величины, имѣлись красные, золотомъ вышитые чепраки съ вензелевымъ Ея Императорскаго Величества Именемъ возвышенною работою вышито“.

Какъ характерно для столь отдаленнаго отъ насъ времени, что и вышивать вензель Императрицы приходилось „возвышенною“ работою!

Окончательное устройство слободы коннаго полка произошло въ царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны, въ теченіе 1741—1757 годовъ подъ руководствомъ архитектора Боевналя. Вотъ какъ описывалъ эту слободку первый историкъ лейбъ-гвардіи коннаго полка: „Слобода конной гвардіи образовывала четырехугольникъ, прорѣзываемый по прямому направленію отъ Литейнаго двора (который помѣщался на берегу Невы, гдѣ теперь выѣздъ на Литейный мостъ) до Смольнаго монастыря одною улицею Большою (нынѣ Шпалерная); какъ эта улица, такъ и 11 переулковъ, къ ней примыкавшихъ, застроены были 107 рейторскими избами и свѣтлицами, въ довольно значительномъ другъ отъ друга разстояніи, „пожарнаго страха для“, какъ говорили въ то время. Каменный домъ Миниха стоялъ какъ бы въ центрѣ слободы, и съ 1743 г. въ верхнемъ этажѣ этого дома была устроена церковь. Въ 1754 году часть земли коннаго полка отошла подъ Новодѣвичій монастырь, затѣмъ въ срединѣ 80-хъ годовъ XVIII столѣтія отъ конногвардейской слободы отрѣзали участокъ для дворца князя Потемкина (Таврическій дворецъ). Пла перестройка и всей конногвардейской слободки, исчезали деревянныя избы, вмѣсто нихъ строились каменные связи для нижнихъ чиновъ и особливые офицерскіе домики.

„Таврическій дворецъ всемилостивѣйше повелѣваемъ—писалъ Павелъ указомъ 12 апрѣля 1799 г.—отдать лейбъ-гвардейскому полку подъ казармы“.

Вся мелочность натуры Павла ярко вылилась въ этомъ фактѣ: дивный дворецъ богатѣйшаго убранства, полный художественныхъ красоть, обращается въ ка-

зарму лишь потому, что это былъ дворецъ князя Потемкина, котораго ненавидѣлъ Павелъ. Черезъ годъ приблизительно—11 іюня 1800 года вышло новое распоряженіе о распродажѣ въ частныя руки и всей Конногвардейской слободы. Значительная часть ея была приобрѣтена артиллерійскимъ вѣдомствомъ, появились знаменитыя Аракчеевскія казармы, существующія до сихъ поръ, стали застраиваться прилегавшія сюда части Песковъ. Затѣмъ конный полкъ временно и недолго занималъ тоже извѣстный историческій домъ Гарновскаго, около Измайловскаго моста, нынѣ Измайловскія казармы. Гарновскій, повѣренный и приближенный князя Потемкина, при Павлѣ былъ посаженъ въ крѣпость по подозрѣнію въ воровствѣ казенныхъ денегъ, домъ его взять былъ въ казну. Объ этомъ домѣ говоритъ Державинъ въ своей одѣ „Ко второму сосѣду“. Домъ Державина былъ рядомъ съ домомъ Гарновскаго,—теперь домъ Державина занятъ римско-католическою коллегіею. Съ похода 1807 года конногвардейскій полкъ возвратился на новое—въ этотъ разъ послѣднее помѣщеніе, а именно—въ казармы Кавалергардскаго полка, на нынѣшнемъ Конногвардейскомъ бульварѣ, Благовѣщенской площади. Эти казармы перестраивались дважды въ 1807 и въ 1844—47 годахъ, и вся мѣстность, прилегающая къ казармамъ, подверглась коренному переустройству.

3 апрѣля 1746 года тишайшая императрица Елизавета Петровна возвращалась изъ *partie de plaisir* изъ Екатерингофа. Былъ теплый весенній вечеръ. Карета императрицы медленно, тихо качаясь на большихъ ремняхъ вмѣсто рессоръ, двигалась по нынѣшнему Вознесенскому проспекту. У церкви Вознесенія императрица откинулась отъ открытаго окна къ спинкѣ кареты и закрыла лицо тончайшимъ изъ брабантскихъ

кружевъ платкомъ, „понеже около церкви духъ тяжелый происходилъ“. - А „духъ“ происходилъ оттого, что вокругъ церкви Вознесенія было кладбище, могилы дѣлались неглубокія и воздухъ былъ насыщенъ трупнымъ запахомъ. Черезъ 10 лѣтъ, въ 1756 году, писались такія донесенія: „Воздухъ заражается смрадомъ, такъ, что иногда съ великимъ терпѣніемъ свершается богослуженіе, особенно въ лѣтнее время, ибо смрадность эта возбуждаетъ нестерпимую тошноту“.

Тотчасъ послѣ своей прогулки (3 апрѣля 1746 г.), императрица Елизавета Петровна издала строжайшій указъ о регулированіи кладбища; большинство кладбищъ, бывшихъ у приходскихъ церквей, должны были быть закрыты, и генералъ-полицмейстеру было приказано отвести для погребенія мертвецовъ мѣста, отдаленныя отъ городскихъ жилищъ. Но потребовалось 10 лѣтъ, какъ это высочайшее строжайшее распоряженіе превратилось въ дѣйствительность; только 11 мая 1757 года сенатскимъ указомъ было отведено 3 мѣста, удобныя для заведенія кладбищъ: „по сую сторону Волковой деревни для жителей Адмиралтейскаго Острова“ (Волково кладбище), „въ сторону отъ Галерной гавани для жителей Васильевского Острова (Смоленское кладбище) и „по Выборгской дорогѣ“. И съ 1756 года стало существовать Волково кладбище, которое первоначально имѣло очень незначительные размѣры, а именно: 120 сажень длины и 80 сажень ширины. Конечно, такая незначительная площадь скоро была занята жильцами-покойниками, а такъ какъ вокругъ было много пустого мѣста, то кладбищенская площадь все росла и росла: въ 1810 году она уже занимала 42 тысячи кв. сажень, а въ 1870 г. свыше 85 тысячъ сажень. 29 марта 1793 г. около православнаго кладбища появилось единовѣрческое, здѣсь же существовало и лютеранское.

Съ середины 50-хъ годовъ прошлаго столѣтія одна за другой функціонировали безчисленныя кладбищенскія комиссіи. Они созывались изъ представителей министерства внутреннихъ дѣлъ, городской думы, духовенства, для того, чтобы предоставить „немедленно“ свои соображенія по устройству кладбищъ; потому что, — какъ особенно рельефно выразился военный генералъ-губернаторъ Игнатьевъ, — постепенно увеличивающійся во многихъ кладбищахъ недостатокъ свободныхъ мѣстъ для погребенія можетъ въ скоромъ времени дойти до того, что тѣла будутъ зарываемы близко къ поверхности земли въ тѣ же могилы, гдѣ находятся еще не сгнившіе гробы, и испаренія отъ гніенія тѣлъ могутъ заразить воздухъ.

Комиссіи работали, сочинялись доклады, печатались записки, проектировались разныя мѣропріятія, вполнѣ соотвѣтствующія всѣмъ требованіямъ гигіены; кромѣ комиссій проявляли инициативу и отдѣльныя лица, наконецъ, повторялись и высочайшія повелѣнія о закрытіи нынѣ существующихъ и устройствѣ загородныхъ кладбищъ — а возъ и нынѣ тамъ. Происходило все это, конечно, понятно почему: городское управленіе отводило земли для кладбища исключительно для погребенія умирающихъ и вовсе не для продажи этихъ мѣстъ — кладбищенское же духовенство сдѣлало изъ этихъ мѣстъ торговое, весьма выгодное предпріятіе. Устроило это предпріятіе духовное вѣдомство совершенно произвольно безъ какого-либо основанія, такъ какъ по этому поводу никогда не было дано ни высочайшаго повелѣнія, ни другого какого-либо законнаго распоряженія. Предпріятіе это превратилось, какъ свидѣлствуютъ факты, въ дневной грабежъ, причемъ усердствуютъ причты особенно богатыхъ, хорошо обезпеченныхъ кладбищъ. Но если и были заботы о санитарномъ благоустройствѣ

кладбищъ, то заботы „о благолѣпіи“ кладбища проявлялись очень рѣдко, и то со стороны лицъ и учреждений, постороннихъ кладбищенскому начальству. Последнее, наоборотъ, старалось не допускать нужнаго ремонта для какого-нибудь памятника, даже стремилось, чтобы памятникъ поскорѣе разрушился, и образовавшееся, такимъ образомъ, свободное мѣсто могло быть продано по повышеннымъ цѣнамъ. Пусть это памятникъ дивной красоты, пусть онъ—вдохновенное созданіе русскаго генія-скульптора—все это жалкія слова: за могилу можно выручить нѣсколько сотъ рублей.

На Волковскомъ кладбищѣ существуютъ такъ называемые Литературные мостки—здѣсь хоронили и хоронятъ нашихъ литераторовъ, ученыхъ, артистовъ. Здѣсь долженъ былъ бы образоваться нашъ Пантеонъ... но, Боже, въ какомъ жалкомъ убожествѣ содержатся эти Литературные мостки, эти могилы русскихъ великихъ людей!

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Отрывки изъ рѣчи Петра Алексѣева.—Первая рабочая демонстрація на Казанской площади 6 декабря 1876 года.—Воспрещеніе устройства промышленныхъ заведеній въ 1759 году.—Характеръ открываемыхъ и субсидируемыхъ учреждений.—Часовая фабрика.—Бронзовая фабрика.—Стеклянные заводы.—Фарфоровый заводъ.—Кирпичное производство.—Александровское село по Шлиссельбургскому тракту.—Мѣстоположеніе фабрикъ и заводовъ на Выборгской сторонѣ, Васильевскомъ Островѣ и въ Нарвской части.—Ростъ фабрикъ и рабочей арміи.—Статистическія данныя изъ рабочей статистики.—Санитарныя условія жизни рабочихъ.—Угловыя квартиры.—Профессиональныя условія.—Степанъ Халтуринъ.

...„Русскому рабочему народу остается только надеяться самимъ на себя и не отъ кого ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи... Она одна братски протянула намъ свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны Россійской Имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значитъ и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула къ намъ свою руку и отъ искренняго сердца желаетъ вытащить насъ изъ затягивающей пучины на благопріятный для всѣхъ стонущихъ путь. Она одна, не опуская руки, ведетъ насъ, раскрывая всѣ отрасли

для выхода всѣхъ нашихъ братьевъ изъ этой лукаво построенной ловушки до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ насъ самостоятельными проводниками къ общему благу народа. И она одна неразлучно пойдетъ съ нами до тѣхъ поръ, пока (говорить, поднявъ руку) подымется мускулистая рука миллионовъ рабочаго люда и ярмо деспотизма, огражденное солдатскими штыками, разлетится въ прахъ!“

Давая небольшую, далеко не полную справку о рабочемъ Петербургѣ, мы полагали, что всего приличнѣе начать эту справку отрывкомъ изъ первой рѣчи перваго рабочаго революціонера, малограмотнаго ткача Петра Алексѣевича Алексѣева, произнесенное имъ въ засѣданіи особаго присутствія Сената 10 марта 1877 г. Петръ Алексѣевъ былъ, правда, не петербургскимъ рабочимъ, онъ работалъ на московской фабрикѣ, судился по московскому дѣлу—но то, что онъ говорилъ, то, что онъ чувствовалъ, зародилось не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, въ петербургской рабочей средѣ зародилось рабочее движеніе и отсюда хлынуло оно во всѣ стороны, разлилось по всей великой Россіи... И если московскій рабочій первый возвысилъ свой голосъ и сказалъ про „ту мускулистую руку миллионовъ рабочаго люда“, которая должна была свергнуть ярмо деспотизма, то въ Петербургѣ организовалось и произошло первое публичное выступленіе рабочаго люда.

6 декабря 1876 года въ понедѣльникъ, въ тяжелый день по русскому повѣрью, въ день зимняго Николы, Казанскій соборъ былъ переполненъ молящимися, въ числѣ которыхъ рѣзко отдѣлялись, по словамъ обвинительнаго акта, по своей внѣшности, поведенію и отсутствію благоговѣнія молодые люди обоего пола, привлеченные, повидимому, въ храмъ какимъ-то постороннимъ молитвѣ побужденіемъ. Большинство изъ нихъ

принадлежало, судя по одеждѣ, къ учащейся молодежи— хотя формы въ то время не было, но учащаяся молодежь имѣла рѣзко бросающуюся въ глаза принадлежность—пледы. Эта молодежь стояла, разбившись на кучки, шепталась, переходила съ мѣста на мѣсто, какъ будто о чемъ-то сговариваясь, кто-то изъ нихъ дѣлалъ помѣтки въ записной книжкѣ. Дежурный городской Есипенко, вниманіе котораго было обращено на эту молодежь, уже собирался отправиться съ докладомъ къ приставу, но былъ оттиснутъ отъ двери. Толпа высыпала на обширный парпетъ, расположилась живописными группами по гранитнымъ ступенямъ и замерла въ ожиданіи. Изъ этой же толпы выдвинулся молодой человѣкъ. Обнаживъ голову, возбужденнымъ, возвышеннымъ тономъ, началъ онъ рѣчь о гнетѣ правительства, о его несправедливости, о ссылкѣ лучшихъ русскихъ людей, какъ Чернышевскій, о бѣдственномъ положеніи русскаго народа, у котораго продаютъ послѣднюю корову за недоимки. Недолго длилась возбужденная экзальтированная рѣчь. Раздались громкіе крики: „браво“, „браво“ и изъ толпы кверху взлетѣлъ какой-то красный комокъ—то былъ первый революціонный флагъ съ завѣтною надписью: „земля и воля“!

Первая демонстрація производилась слишкомъ примитивно, никто не догадался принести древко для знамени и, говоритъ обвинительный актъ, молодые люди подняли и подбрасывали небольшого роста парня въ полущубкѣ; парень, взлетая на воздухъ, держалъ флагъ, развернутый въ обѣихъ рукахъ,—надпись, такимъ образомъ, была видна издалека. А затѣмъ толпа сплотилась еще тѣснѣе и двинулась отъ собора по направлению памятника Кутузова. Впереди шла молодая женщина, блондинка, съ распущенными косами и кричала: впередъ за мною!

Но Есипенко уже успѣлъ добѣжать до участка и доложить приставу, послѣдній, пристегивая на ходу пашку, спѣшилъ на мѣсто происшествія, куда направлялись и другіе полицейскіе чины, слышались въ воздухѣ свистки; двинулись изъ толпы добровольцы и прежде всего носильщики, которые стояли обыкновенно у Казанскаго моста и которые понимали, что „тутъ бунтуютъ, видимъ—флагъ, значить, что не благополучно, а тутъ еще „земля и воля“. И подѣ руководствомъ полицейскихъ носильщики, дворники, извозчики, народъ все дюжій и здоровый, начали наводить порядокъ, разгонять толпу и арестовывать зачинщиковъ. И произошло нѣчто диковинное, нѣчто вполнѣ непонятное, несуразное съ точки зрѣнія полицейской „Зачинщики“ не были выданы толпою безпрекословно, по первому требованію начальства, наоборотъ, толпа стала защищаться, и „начальству“ и „добровольцамъ“ довольно сильно попало: „мнѣ тоже попало плюхи три-четыре, не знаю, чѣмъ били, но только не кулакомъ, потому очень чувствительно было“—жаловался одинъ изъ свидѣтелей. Конечно, выражаясь словами свидѣтелей со стороны обвиненія—„разумѣется, я раза два или три залѣпилъ кому-то; съ какой стати—меня будутъ бить, а я буду молчать“—а со стороны потерпѣвшихъ: „его били буквально два часа, били безъ всякой причины, били ужасно. Онъ просилъ оставить, но они продолжали бить. Мы кричали: господа, перестаньте бить. Потомъ его втолкнули въ камеру. Онъ былъ окровавленъ, кровь такъ и текла по его лицу“... И въ результатѣ отечественные юристы состряпали дѣло о преступной демонстраціи; дѣло разбиралось цѣлую недѣлю, съ 18 по 25 января 1877 года; къ нему было привлечено 21 человекъ, изъ нихъ 4 женщины, среди которыхъ была и дочь майора Софія Андреевна Иванова, извѣст-

ная въ послѣдствіи „народоволица“, получившая здѣсь свое боевое крещеніе. Обвинитель полагалъ, что „прібытіе обвиняемыхъ въ Казанскій соборъ съ цѣлью отслужить панихиду по умершимъ въ домѣ предварительнаго заключенія политическимъ арестантамъ является дѣйствіемъ прямо преднамѣреннымъ, въ которомъ усматривается стремленіе выразить правительству враждебныя чувства. Демонстрація была задумана отъ начала до конца; кромѣ того, все, что было задумано, приведено и въ исполненіе; не удалось только распространить безпорядокъ далѣе, т. е. выйти на Невскій проспектъ, одну изъ оживленнѣйшихъ улицъ Петербурга, и тѣмъ еще болѣе развить, хотя бы по внѣшности, движеніе, долженствовавшее имѣть окраску движенія рабочаго“.

И прокуроръ не ошибся: это была, дѣйствительно, первая рабочая демонстрація, прообразъ той рабочей демонстраціи 9 января 1905 года, которая составила новую эру въ дѣлѣ русской революціи.

Петербургъ долженъ былъ быть и „парадизомъ“, и новымъ Амстердамомъ или новою Венеціею, и пребываніемъ Семирамиды, словомъ, всѣмъ, чѣмъ угодно, но только не тѣмъ, чего требовала суровая дѣйствительность. Въ 1759 году, на примѣръ, воспретили въ ближайшихъ къ Петербургу мѣстахъ „учреждать вновь фабрики“ вслѣдствіе опасенія, что будутъ вырублены лѣса и Петербургъ останется безъ дровъ, по той же самой причинѣ съ фабрики Поппе, „дѣлавшей на армію разныхъ изъ латунной мѣди нужнѣйшихъ вещей и для народной пользы“ взяли подписку, что она „нужныя для себя дрова будетъ заготовлять подальше, чтобы ближайшія лѣса оставались къ удовольствію расходовъ въ Петербургѣ“. Къ этому времени цѣны на дрова въ Петербургѣ повысились, и обыватель вспоминалъ

недавнее еще время, всего 1739 годъ, когда подрядчики дровъ на Высочайшій Дворъ требовали „за полѣнные дрова по 81 коп., за плашныя ольховыя и березовыя по 1 р. 72 коп., за сосновыя и еловыя по 1 р. 69 к. сажень“, а гофъ-интендантская контора находила цѣны непомѣрно великими, и назначались новые торги...

Какъ видимъ, представленіе о важности промышленности, о необходимости промышленнаго развитія были дѣтски-элементарны, если они серьезно ставились въ связь съ недостаткомъ дровъ для отопленія обывательскихъ домовъ. Да и вообще въ XVIII вѣкѣ въ Петербургѣ если и стремились насаждать промышленность, то „особливую“, принаровленную къ вкусамъ власти имущихъ. И въ этомъ отношеніи являлись проекты одинъ другого фантастичнѣе, но несмотря на эту фантастику, находились немалыя средства. Въ 1764 г. въ Петербургъ прибыли изъ Берлина выписанные по личному желанію Екатерины II часовые мастера, которые и завели въ Петербургѣ первую часовую фабрику. Выписка этихъ мастеровъ сопровождалась совершенно особыми обстоятельствами. Нѣмцы предъявили такія необычайно тяжелыя условія, что канцелярія опекунства иностранныхъ дѣлъ, которая вѣдала въ то время всѣми подобными выписками различныхъ иностранныхъ культуртрегеровъ, не рѣшилась сама согласиться на ихъ условія, а возшла съ особымъ всеподданнѣйшимъ докладомъ. Императрица дала согласіе, и часовыхъ дѣлъ мастера пріѣхали въ С.-Петербургъ. Они получили 12-лѣтнюю привиллегію на производство часовъ, получили значительную денежную поддержку, право беспошлинной выписки частей часовъ изъ-за границы, бесплатныхъ учениковъ, изъ которыхъ должны были приготовить будущихъ русскихъ часовыхъ дѣлъ „Невтоновъ и Платоновъ“, наконецъ для нихъ былъ

нанять особый домъ на Васильевскомъ островѣ. Почему появился этотъ проектъ учрежденія въ Петербургѣ часовой фабрики? Для кого она была нужна?—Конечно, на эти вопросы нельзя дать какой-либо удовлетворительный отвѣтъ, и 12-лѣтняя привиллегія въ конечномъ результатѣ, какъ кажется, свелась лишь къ тому, что въ Эрмитажѣ сохранилось нѣсколько часовъ съ надписью этой фабрики. Не менѣе фантастиченъ былъ и другой проектъ—о бронзовой фабриктѣ. Этотъ проектъ зародился также въ царствованіе Екатерины II, для фабрики былъ построенъ особый домъ, впоследствии превращенный въ казармы финляндскаго полка, — результатъ дѣятельности этой фабрики былъ отрицательный. Далѣе, въ теченіе XVIII вѣка самимъ правительствомъ, сначала гофъ-интендантской контрою, впоследствии департаментомъ удѣловъ, открылась не одна фабрика на окраинахъ Петербурга; фабрики эти и заводы должны были работать чуть ли не исключительно на Высочайшій Дворъ, а потому они работали на государственныя средства. Изъ всѣхъ этихъ многочисленныхъ начинаній наибольшаго вниманія, конечно, заслуживаетъ учрежденіе фарфороваго и стеклянныхъ заводовъ. Сперва нѣсколько словъ о послѣднихъ. Первый частный стеклянный заводъ появился въ Петербургѣ на набережной Фонтанки, перейдя Семеновскій мостъ, приблизительно тамъ, гдѣ теперь проложена Бородинская улица, на землѣ Петербургскаго мѣщанскаго общества. Разрѣшая устроить стеклянные заводы въ самомъ городѣ, правительство тѣмъ самымъ высказывало большую заботливость объ обывателѣ—стекло для оконъ должно было быть мѣстнаго изготовленія, и, слѣдовательно, дешево по цѣнѣ. Но въ 1755 году послѣдовало „высочайшее повелѣніе о переводѣ этихъ заводовъ въ Ямбургъ“. Переводъ мотивировался тѣмъ

обстоятельствомъ, что эти заводы были въ пожарномъ отношеніи небезопасны для окружающихъ петербургскихъ построекъ. Но, несмотря на это высочайшее повелѣніе, заводовъ никто и не пытался переводить въ Ямбургъ, они существовали здѣсь до 1774 года, когда всѣ ихъ постройки были распроданы на сносъ.

Фарфоровый заводъ возникъ въ Петербургѣ въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, причемъ для основанія его былъ выписанъ за большія деньги нѣкто Гунгеръ, который оказался очень ловкимъ авантюристомъ, сумѣвшимъ выманить значительныя суммы денегъ, но не сдѣлавшимъ ничего для фарфороваго завода. Конечно, и эта затѣя, по всей вѣроятности, окончилась въ ничью, если бы на заводѣ не оказалось Виноградова, бывшаго сотоварища Ломоносова по заграничному ученію, талантливаго химика, страстно полюбившаго это дѣло и безраздѣльно отдавашаго себя на эту техническую работу. Заводъ всталъ на ноги и получилъ дальнѣйшее развитіе. Но въ чемъ заключался основной мотивъ открытія фарфороваго завода — мотивъ былъ очень простъ: во Франціи имѣется королевскій фарфоровый заводъ, славятся издѣлія англійскихъ заводовъ, наконецъ, есть заводъ и въ Берлинѣ, и въ Дрезденѣ — такъ какъ же не быть таковому въ Россіи, при дворѣ „дщери Петра Великаго“. И возникаетъ и культивируется производство, собственно говоря, не имѣющее достаточныхъ реальныхъ обоснованій для своего существованія. Точно также получаетъ широкое распространеніе шпалерная мануфактура, хотя, конечно, и шпалеры не очень-то были нужны для русской дѣйствительности XIII вѣка. И изъ производствъ, которые можно было считать необходимыми, являлось кирпичное производство. Кирпичные заводы устраивались вверхъ по Невѣ и нахо-

дились въ казенномъ вѣдомствѣ, въ вѣдѣніи такъ называемой „Каменной канцеляріи“. Можно почти безъ сомнѣнія утверждать, что казенные заводы функционировали неважно, поэтому 9го октября 1713 года рѣшили ихъ продать „частнымъ лицамъ съ предоставленіемъ каждому свободы дѣлать кирпичъ и продавать по вольной цѣнѣ“. Но, видимо, попавъ изъ казны въ частное владѣніе, они не смогли удовлетворять растущій съ каждымъ годомъ спросъ на кирпичъ и въ 1715 году, параллельно съ частными заводами, начинаютъ возникать казенные, главнымъ образомъ, Невскіе заводы, приписанные къ Адмиралтейству. Затѣмъ при болѣе или менѣе значительной постройкѣ—каждое вѣдомство устраивало свой кирпичный заводъ. Такой порядокъ безусловно стѣснялъ частную инициативу: главные каменные постройки производились все-таки казною; обыватель, несмотря на неоднократныя запрещенія, спокойно строилъ деревянныя хибарки и не на окраинахъ столицы, а въ самыхъ центральныхъ мѣстахъ. Такимъ образомъ, главный потребитель кирпича—казна—устраивалъ свои заводы, конкурировать съ нимъ частному заводчику было тяжело, и большихъ частныхъ кирпичныхъ заводовъ, особенно за первую половину XVIII вѣка, мы не встрѣчаемъ. Большинство заводовъ помѣщались по Невѣ рѣкѣ, по Шлиссельбургскому тракту—„по Невѣ рѣкѣ за Смоленскою-Ямскою“ или „по Невѣ рѣкѣ близъ церкви Спаса Преображенія“. Такимъ образомъ, образованіе фабрично-заводскаго центра по этому Шлиссельбургскому тракту началось очень давно. Еще въ царствованіе Императрицы Екатерины II была пріобрѣтена у князя Вяземскаго дача съ селомъ, носившемъ названіе Александровское, гдѣ была впослѣдствіи устроена Александровская мануфактура, на которую обратила особое вниманіе

Императрица Марія Θεодоровна, супруга Павла I. Начался производиться рядъ опытовъ соединенія промышленности и филантропіи; въ результатъ, конечно, страдала и промышленность, и филантропія, и казенные заводы и фабрики постепенно переходили въ руки частновладѣльцевъ. Во времена крѣпостного права ожидать особаго развитія фабрично-заводской промышленности не приходилось; ея ростъ, и довольно усиленный, пошелъ послѣ 1861 года. Вышеупомянутое село Александровское стало центромъ фабрикъ и заводовъ. Это село имѣло своеобразную фizioномію. Куда ни взглянешь—описывалъ одинъ изъ наблюдателей послѣдняго времени—всюду видишь огромныя пятиэтажныя зданія съ законѣлыми трубами, высоко подымающимися въ воздухъ. Начиная отъ Калашниковой пристани, тянутся по Шлиссельбургскому тракту, верстъ на 15, жилыя строенія, фабрики и заводы. Среди мѣстныхъ обывателей весь этотъ районъ подраздѣлялся на слѣдующія села: сперва идетъ Стеклянное, затѣмъ—Смоленское, потомъ—Фарфоровое и, наконецъ,—Александровское. Послѣднее фабрикуетъ весьма разнообразныя товары, начиная отъ предметовъ первой необходимости и кончая предметами роскоши. Здѣсь имѣются ткацкія фабрики, сталелитейныя заводы, химическія заводы, карточная фабрика, гдѣ печатаются игральныя карты для всей Россіи, императорскій фарфоровый заводъ, ситценабивная фабрика, спичечная фабрика и т. п. Около фабрикъ и заводовъ ютятся маленькіе сѣренькіе деревянные домики, гдѣ живутъ заводскіе и фабричныя рабочіе. Во всемъ этомъ фабричномъ районѣ насчитывается до 100.000 рабочихъ. Общій размѣръ производства простирается на многіе десятки милліоновъ. Въ длинныя зимніе вечера фабрики и заводы освѣщаются газомъ и электричествомъ.

При вечернемъ искусственномъ освѣщеніи каждая фабрика блеститъ тысячами огней, изливая яркій свѣтъ въ окна. Многочисленныя трубы села Александровскаго изо-дня въ день выбрасываютъ огромную массу дыма, который носится въ воздухѣ и садится на сосѣднія постройки. Все въ этомъ селѣ покрыто дымомъ и копотью: и фабрики, и домишки, гдѣ живутъ рабочіе, и, наконецъ, и сами рабочіе. Если наблюдать село Александровское въ будни—улицы его пустуютъ: рабочій людъ разбрелся по фабрикамъ и заводамъ, только дѣти бѣгаютъ по улицамъ, около воротъ, безъ всякаго призора. Фабриканты и заводчики въ селѣ не живутъ: они живутъ въ городѣ и бывають на фабрикахъ налетомъ. По воскреснымъ днямъ улицы оживляются, и особенно лѣтомъ буквально кипятъ фабричными. Рабочіе, мужчины и женщины, отъ нечего дѣлать, сидятъ или толкутся около своихъ воротъ, грызя подсолнухи. — Молодежь, нарядившись въ „спинжакъ“, козловые сапоги со скрипомъ, при часахъ съ серебряной цѣпочкой и съ гармоніею въ рукахъ отправляется гулять по набережной Невы (не забудемъ, что это описаніе относится къ срединѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія). Берегъ рѣки высокъ и съ него открывается великолѣпный видъ на Неву. Широкою лентою Нева несетъ быстрыя воды свои. Вдали, по ту сторону рѣки, виднѣется Охта, а еще далѣе пестрѣють каменные громады города. Кое-гдѣ по берегу разставлены скамейки. Гармоника—единственный и излюбленный музыкальный инструментъ среди рабочихъ; звуки ея не умолкають цѣлый день. Мѣстные трактиры переполнены посѣтителями—поклонниками Бахуса и любителями послушать трактирный органъ, который „на весь кварталъ симфоніей гремитъ“. По вечерамъ въ общедоступномъ народномъ театрѣ даются разныя зрѣлища

для рабочихъ. Часамъ къ восьми вечера улицы мало-по-малу пустѣютъ; рабочіе расходятся спать, такъ какъ въ пять часовъ утра загудятъ призывные свистки. По первому свистку рабочіе встаютъ, по второму готовятся на работу, по третьему всѣ должны быть на мѣстахъ. Каждый рабочій превосходно различаетъ свистокъ своей фабрики отъ сосѣднихъ. Вотъ раздастся на всю окрестность густой, могучій свистокъ, точно левъ рычитъ: это—Обуховскій сталелитейный заводъ; въ другомъ—точно сирена звучитъ въ воздухѣ карточная фабрика, и тысячи рабочихъ, точно пчелы въ улей, спѣшатъ—среди темноты еще не наступившаго утра—на фабрики и заводы.

Кромѣ села Александровскаго, фабрики и заводы въ Петербургѣ сконцентрировались еще на слѣдующихъ мѣстахъ: цѣлый рядъ крупныхъ фабрикъ и заводовъ разсѣянъ по территоріи Выборгской части, какъ, напримѣръ, Сампсоніевскія мануфактуры, Невская ниточная фабрика, сахарный заводъ Кенига, металлообрабатывающіе заводы: Лейснера, Нобеля, металлическій бывший Растеряева; здѣсь фабричный центръ города. Затѣмъ 2-ой участокъ Васильевского Острова, т. е. мѣстность между Малымъ проспектомъ, рѣчкою Смоленкою, включая островъ Голодай, весь Суворовскій участокъ, Кожевенная линія—сплошь заселены фабриками и заводами и представляютъ изъ себя фабричный центръ. Здѣсь, между прочимъ, находится и судостроительный Балтійскій заводъ. Наконецъ, находится много фабрикъ и заводовъ и въ 3-ьемъ участкѣ Нарвской части: здѣсь и Экспедиція государственныхъ бумагъ, и Резиновая мануфактура, и пивоваренные заводы Калинкина и Дурдина. Такимъ образомъ, фабрики и заводы какъ бы кольцомъ окружили городъ, захватывая административно-торговый центръ въ свои объятія.

Въ 1869 году общее число фабрикъ въ Петербургѣ было 355 съ 26.131 рабочимъ и съ оборотомъ въ 53.757.290 р., въ 1892 году, т. е. черезъ 25 лѣтъ, эти цифры соответственно увеличились до 355 заводовъ и фабрикъ, число рабочихъ стало 92.197 человекъ и оборотъ 189.539.500 рублей; въ 1912 году число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ, состоявшихъ подъ надзоромъ фабричной инспекціи, насчитывалось до 188.993 ч.; такимъ образомъ, почти за 50 лѣтъ число рабочей арміи увеличилось чуть ли не въ 9 разъ. Вотъ нѣсколько самыхъ элементарныхъ цифръ, которыя все-таки скажутъ болѣе многихъ страницъ краснорѣчивыхъ разсужденій. По главнымъ профессіямъ рабочіе Петербурга (данныя 1900 года) дѣлятся такъ: на первомъ мѣстѣ рабочіе по обработкѣ металловъ, ихъ около 18,3⁰/₀ всего рабочаго населенія, затѣмъ идутъ рабочіе по изготовленію одежды—10,9⁰/₀ и рабочіе по обработкѣ волокнистыхъ веществъ—10,1⁰/₀. Изъ всего рабочаго населенія Петербурга 16⁰/₀ падаетъ на женскій трудъ, и процентъ женщинъ работницъ систематически росъ въ Петербургѣ: за 12 лѣтъ съ 1881 года по 1900 годъ число женщинъ работницъ возрасло на 112⁰/₀. Вотъ еще какія данныя приводятъ изслѣдователи рабочаго населенія Петербурга: по возрасту огромное большинство рабочихъ Петербурга—народъ молодой, моложе 40 лѣтъ, и элементъ пришлый, родившійся внѣ Петербурга, причемъ до извѣстной степени не потерявшій связи съ деревнею и возвращающійся туда на старости лѣтъ или послѣ потери трудоспособности. Далѣе, въ Петербургѣ болѣе $\frac{1}{5}$ рабочихъ живетъ одиноко, оставляя семью на родинѣ. Заработная плата петербургскаго рабочаго считалась выше заработной платы рабочаго остальной Россіи и съ 1900—1905 г.г. колебалась отъ 312 р. 71 к. до 472 р. 1 к., при этомъ нужно помнить, что заработокъ

работника выше заработка работницы, и что заработная плата, выраженная въ абсолютныхъ цифрахъ, несомнѣнно, повысилась—но рядомъ съ этимъ и гораздо сильнѣе повышались цѣны на продукты, на квартиру: это повышение заработной платы, вообще, не обозначало улучшенія общаго быта рабочихъ.

А каковъ былъ этотъ бытъ въ недавнее время, ясно видно изъ оффиціально полицейскаго обслѣдованія Петербурга въ санитарномъ отношеніи. Это обслѣдованіе было сдѣлано въ 1897 году. „Годъ отъ года—писали оффиціальные полицейскіе врачи, очевидно, они смягчали, картину и дѣйствительность была болѣе мрачна—„по Обводному каналу, въ Александро-Невской части, устраиваются все новые заводы и фабрики требующіе тысячи рабочихъ. Въ виду этого, во всей прилегающей мѣстности скопилось столько рабочаго люда, что тѣснота въ домахъ переходитъ всякое вѣроятіе, чердаки, подвалы и вообще множество квартиръ заняты угловыми жильцами, число послѣднихъ доходитъ до десятковъ тысячъ въ 600 угловыхъ квартирахъ, кромѣ того, рѣдкая семейная квартира не отдѣляетъ одну, двѣ комнаты для постояльцевъ; между тѣмъ, всѣ дома и-квартиры, занятые угловыми жильцами, въ санитарномъ отношеніи представляютъ верхъ безобразія. Въ виду большой тѣсноты нашелся предприниматель (содержатель зоологическаго сада Ростъ), который купилъ 5-этажный корпусъ заброшенной ватной фабрики съ прилегающими къ ней служебными зданіями и устроилъ 79 квартиръ, изъ нихъ 70 занято нынѣ угловыми жильцами и артелями“.

А вотъ описаніе тѣхъ же авторовъ угловыхъ квартиръ Нарвской части: „угловыя квартиры обыкновенно помѣщаются въ худшихъ домахъ, и самыя худшія квартиры въ этихъ домахъ (подвалъ и чердакъ) отдаются

подъ углы. Квартыры эти состоятъ обыкновенно изъ 2—3 комнатъ, рѣдко изъ 5 и болѣе. Квартырная хозяйка иногда помѣщается въ одной комнатѣ съ жильцами, чаще же на кухнѣ—одна, или же сдаетъ въ кухнѣ еще одинъ или два угла. Окна въ этихъ квартирахъ запотѣвшія и грязныя отъ насѣвшей пыли и копоти; подоконники постоянно мокры отъ стекающей съ оконъ влаги; на полу и подоконникахъ валяется всякій хламъ и остатки пищи; стѣны обиты въ большинствѣ случаевъ изодранными обоями, испещренными узорами отъ раздавленныхъ клоповъ, къ которымъ обитатели угловъ, повидимому, относятся равнодушно; въ комнатахъ, гдѣ только возможно, наставлены кровати, число которыхъ доходитъ до 6 и болѣе; самовары, если таковыя имѣются, повидимому, никогда не чистятся; убогая посуда; чайникъ, нѣсколько чашекъ или кружекъ, двѣ-три тарелки или миски стоятъ на столахъ или въ маленькихъ стѣнныхъ шкапчикахъ, какъ попало, съ остатками бывшей трапезы. Воздухъ въ этихъ квартирахъ тяжелый, удушливый. Происходитъ это, главнымъ образомъ, отъ того, что квартиры не только не вентилируются открытіемъ форточки изъ боязни сильно охладить комнату или изъ-за того, что у окна помѣщается супружеская чета съ малолѣтними и грудными дѣтьми, но даже вентиляторы и всѣ щели усердно затыкаются тряпками. Одежда и постельныя принадлежности самихъ жильцовъ зачастую зловонны; очень часто можно видѣть цѣлые ряды просушиваемыхъ портянокъ, пеленокъ, мокрой одежды и т. п. Такимъ образомъ, доступъ чистаго воздуха возможенъ только черезъ дверь, но и послѣдняя зачастую выходитъ или въ душную кухню, или въ корридоръ, или же на площадку лѣстницы, гдѣ устроены простыя отхожія мѣста. Соблюденіе опрятности не лежитъ ни на

чьей прямой обязанности; изрѣдка хозяйка подмететъ квартиру и выброситъ негодные остатки трапезы своихъ жильцовъ; уборка же угла предоставляется самимъ жильцамъ, значительная часть которыхъ принадлежитъ къ фабричному, рабочему и т. п. люду. Большинство изъ нихъ—люди холостые или женатые (но жены послѣднихъ живутъ въ деревнѣ)—они почти все время проводятъ на работѣ съ ранняго утра, домой же забѣгаютъ пообѣдать да позднею ночью спать; такимъ образомъ, имъ въ будніе дни некогда заботиться о квартирѣ, привыкнувъ же къ извѣстной обстановкѣ, они и въ свободное время (въ праздники) мало заботятся о порядкѣ. Постельныя принадлежности у семейныхъ состоятъ обыкновенно изъ большой деревянной или желѣзной кровати, соломеннаго или мочальнаго матраца, изрѣдка перины, ситцеваго изъ разноцвѣтныхъ лоскутковъ одѣяла, двухъ-трехъ подушекъ и цвѣтныхъ занавѣсокъ, отдѣляющихъ кровать съ трехъ сторонъ. У холостыхъ постельныя принадлежности точно такія же, какъ и у женатыхъ, не имѣется только занавѣски. Нерѣдко можно встрѣтить, что у холостыхъ и вовсе не бываетъ постельныхъ принадлежностей.

Какъ на любопытный курьезъ можно указать, что первая стачка рабочихъ, окончившаяся ихъ побѣдой, произошла въ царствованіе Екатерины II, и тогда же появился русскій писатель Козловскій, доказывавшій необходимость 8-часового рабочаго дня и выставившій достигшую такой извѣстности въ послѣдствіи формулу: 8 часовъ работы, 8 часовъ отдыха и 8 часовъ сна. Но эти первыя ласточки не принесли весны. Рабочее движеніе до самаго послѣдняго время должно было таиться подъ спудомъ, въ подпольѣ, оно только по временамъ, какъ, на примѣръ, въ 1905 году, выходило наружу, на свѣтлый воздухъ и просторъ, но тотчасъ реакція заго-

няла его въ мрачное подземелье. Для профессиональных организацій законъ появился всего лишь 4 марта 1906 года и, по обыкновенію бывшаго русскаго правительства, во образѣ временныхъ правилъ. Изъ этихъ союзовъ наиболѣе крупный союзъ металлистовъ или, какъ онъ тогда звался, профессиональное общество рабочихъ металлистовъ, вообще же къ началу января 1914 года въ Петербургѣ было всего 19 профессиональных союзовъ, насчитывавшихъ около 28.000 членовъ, т. е. около $\frac{1}{10}$ части всѣхъ рабочихъ.

Говоря о рабочихъ кварталахъ Петербурга, начавъ наше описаніе рѣчью Алексѣева, мы закончимъ справкою или, вѣрнѣе, небольшой памяткой о Степанѣ Халтуринѣ.

Халтуринъ былъ организаторъ рабочаго движенія въ Петербургѣ, былъ организаторомъ Сѣверно-Русскаго Рабочаго Союза. Кромѣ того, онъ былъ тѣмъ „столяромъ“ въ Зимнемъ дворцѣ, которымъ было организовано динамитное покушеніе 5 февраля 1880 года. Халтуринъ подъ видомъ столяра проникъ во дворецъ и устроилъ въ подвальномъ этажѣ подъ царской столовой адскую машину, для которой въ теченіе ряда дней приносилъ во дворецъ динамитъ. Случайность—царь запоздалъ войти въ столовую—спасла еще разъ Александра II, благополучно миновалъ ареста и Халтуринъ. Но послѣ убійства генерала Стрѣльникова въ Одессѣ, послѣ храброй защиты при арестѣ, Халтуринъ подъ именемъ неизвѣстнаго погибъ на висѣлицѣ 22 марта 1882 года...

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Жемчужины стараго Петербурга. — Петербургскіе острова. — Аптекарскій островъ. — Воспрещеніе застройки. — Дача графини Лаваль. Императоръ Александръ I и Марія Нарышкина. — Императрица Елизавета Алексѣевна и офицеръ Охотниковъ. — Дача князя Лопухина. Ботаническій садъ. — Владѣльцы Крестовскаго острова. — Царевна Наталія Алексѣевна, Минихъ, Разумовскіе и Бѣлосельскій. — Петровскій островъ. — Судьба Екатерининскаго дворца, творенія Ринальди. — Елагинъ островъ. — Устройство его И. П. Елагинымъ. — Дворецъ постройки Росси. — Pointe. — Каменный островъ. — Его судьба.

Какъ будто спеціально для того, чтобы сильнѣе отъѣнить всю разницу рабочаго квартала отъ благоустроенной части города, природа, помѣстивъ эти рабочіе кварталы на восточной сторонѣ, на восточной окраинѣ Петербурга заняла самую крайнюю западную часть островами — Аптекарскимъ, Петровскимъ, Крестовскимъ, Елагинымъ и Каменнымъ островами, которые условно могутъ назваться жемчужиной стараго Петербурга; эти острова являются царственнымъ украшеніемъ Русской столицы, — такими уголками, пожалуй, не обладаетъ ни одна изъ столицъ Европы, и эти уголки пока еще не исполнѣ успѣлъ испортить безконечный въ своемъ умѣніи портить всероссійскій обыватель. Первый изъ острововъ, нынѣ связанный почти вплотную съ Петербургскою Стороною, — Аптекарскій. По-фински онъ звался Корпи-саари, что означаетъ и еловый, и вороній. Оба эти перевода Корпи-саари подходятъ къ нему: и

воронъ водилось на островѣ немало, и росла на немъ главнымъ образомъ ель. Русское названіе показываетъ, что на этомъ островѣ долженъ былъ быть аптекарскій огородъ. И, дѣйствительно, еще въ 1714 году Петръ отвелъ этотъ островъ подъ Медицинскій огородъ и воспретилъ производить всякое жилье на этомъ островѣ. Первое начинаніе Петра Великаго — Медицинскій огородъ — превратилось въ жизнь, и скромный петровский аптекарскій огородъ сдѣлался Ботаническимъ садомъ, представляющимъ гордость не только современнаго Петербурга, но и всей Россіи, являющимся однимъ изъ лучшихъ Ботаническихъ садовъ всего свѣта; второе же распоряженіе — воспрещеніе построекъ, — несмотря на то, что это воспрещеніе повторялось слѣдующими монархами вплоть до Павла I, не исполнялось, и обыватель самовольно селился на островѣ. Но такъ какъ застройка острова производилась безъ плана, селились тамъ, гдѣ было можно, гдѣ была увѣренность — не такъ скоро замѣтитъ начальство и не прогонитъ, то въ настоящее время планъ Аптекарскаго острова является однимъ изъ самыхъ неправильныхъ плановъ — улицы идутъ зигзагами, масса переулочковъ, тупиковъ. Новой планировки острова не производилось. Застройка главной артеріи острова началась, какъ мы и указали, съ Павла I и особенно усилилась въ царствованіе Александра I, который избралъ своею лѣтнею резиденціею Каменный островъ. Понятно, царедворцы поспѣшили занять мѣста поближе къ лѣтнему дворцу, и на Каменноостровскомъ проспектѣ стали вырастать одна за другою деревянныя дачи. Часть ихъ на лѣвой сторонѣ Каменноостровскаго проспекта осталась до нашихъ дней, но большинство построекъ исчезло, замѣнившись громадными, новаго стиля, доходными мѣстами. Исчезла и дача графини Лаваль, помѣщавшаяся на самой

окраинной части Аптекарскаго острова, впоследствии перешедшая во владѣніе петербургскаго книгопродавца и на нашихъ глазахъ разбитая на рядъ участковъ для продажи подъ застройку. Здѣсь на этой дачѣ была первая встрѣча самодержца Россіи Александра I съ очаровательной полькою Марією Александровной Чарторыжской, промѣнявшей свое гордое польское имя на не менѣе гордое, родовитое русское. Чарторыжская была въ замужествѣ за Нарышкинымъ. Полька побѣдила. Александръ сдѣлался ея вѣрнымъ рыцаремъ и не обращалъ вниманія на свою супругу Елизавету Алексѣевну, которая, — положимъ, — въ свою очередь рѣшилась утѣшиться съ офицеромъ Охотниковымъ. Существуетъ преданіе, что за оскорбленную братскую честь вступился великій князь Константинъ Павловичъ и подослалъ тайныхъ убійцъ къ Охотникову. Елизавета Алексѣевна, нарушивъ весь этикетъ, провела послѣднія мгновенія у постели умирающаго и изукрасила его могилу монументомъ...

Выдѣляется и еще одинъ участокъ — между нынѣшней Лопухинской улицею, у Невки, у самаго Каменноостровскаго моста. Этотъ громадный участокъ сперва принадлежалъ графу Григорію Григорьевичу Куселеву-Безбородко, отъ котораго перешелъ къ свѣтлѣйшему князю Лопухину — отчего рядомъ лежащая улица получила названіе Лопухинская — у послѣдняго этотъ участокъ въ 1848 году былъ купленъ купцомъ В. О. Грозовымъ. Въ 1811—12 годахъ на дачѣ князя Лопухина жилъ французскій посолъ Коленкуръ, а напротивъ, черезъ Невку въ Каменноостровскомъ дворцѣ, имѣлъ пребываніе императоръ Александръ I. Отношенія Россіи и Наполеона становились натянутыми, чувствовалось приближеніе грозы. И французскій посолъ, сидя у себя въ кабинетѣ или гуляя по аллеямъ своего парка, могъ

внимательно наблюдать за тѣмъ, что происходило въ Каменноостровскомъ дворцѣ, кто изъ министровъ или военнаначальствующихъ прїѣзжалъ къ императору и т. д.

Въ углу Аптекарскаго острова, тамъ, гдѣ Карповка вытекаетъ изъ Невки, гдѣ мѣстность была возвышеннѣе и суше, былъ заложенъ Аптекарскій огородъ. Судьба его полна любопытнѣйшихъ метаморфозъ, очень часто садъ приходилъ въ „конечный“—какъ тогда любили выражаться—упадокъ, но снова возрождался. Первымъ или однимъ изъ первыхъ директоровъ этого сада былъ „г-нъ докторъ и профессоръ Зигесбекъ“, посредственный ботаникъ, прославившійся лишь тѣмъ, что старался опровергнуть высказанныя Линнеемъ мнѣнія о полѣ растений и о построенной на этомъ системѣ и это главнымъ образомъ на томъ основаніи, что Богъ среди растительнаго царства никогда бы не допустилъ такой безнравственности, и что такая нецѣломудренная система никогда не могла бы быть изложена учащейся молодежи, не оскорбляя ее. А когда въ 1855 году былъ назначенъ управляющимъ садомъ баронъ В. К. Кистеръ, то онъ прежде всего исклопоталъ особое высочайшее повелѣніе, коимъ императорскому Ботаническому саду было запрещено пріобрѣтать покупкою дальнѣйшіе гербаріи, а затѣмъ баронъ Кистеръ держался того мнѣнія, что „чисто научныя занятія вовсе не дѣло Императорскаго сада, что садъ долженъ сосредоточивать всю свою дѣятельность въ практическомъ садоводствѣ и направлять всѣ силы и средства на достиженіе возможно полныхъ результатовъ по этой части, стараясь способы къ сему умножить также торговыми предпріятіями“. По инициативѣ директора Ботаническаго сада уничтожались всѣ ученые должности при садѣ, при которомъ предполагалось имѣть лишь чиновниковъ счетоводовъ да садовниковъ практиковъ!

Грустная, тяжелая картина — увы, къ которой мы слишкомъ привыкли и которая наблюдалась чуть ли не во всѣхъ проявленіяхъ русской жизни. И если Ботаническій садъ не погибъ, а наоборотъ, расцвѣлъ, то это произошло, во-первыхъ, потому, что для сада были и болѣе свѣтлые періоды, а затѣмъ потому, что при Ботаническомъ садѣ всегда были тѣ самоотверженные работники „чистой науки“, которые, несмотря на всевозможныя препятствія со стороны практической жизни, дѣйствовали во имя „идеи“, всею душою, всѣмъ сердцемъ вѣря въ конечное торжество этой идеи. Этимъ безкорыстнымъ труженикамъ науки Ботаническій садъ и былъ обязанъ тѣмъ, что онъ не сдѣлался огородомъ и оранжереями Министерства двора, а сталъ центромъ ученой дѣятельности и что „прозябословіе“, какъ говорили тогда, процвѣло и стало „чистою ботаникою“.

Съ 1823 по 1826 годъ въ саду производилась постройка оранжереи по проекту архитектора Шарлемона на сумму 500 т. ассигнаціями, что на современный счетъ составить около 178 тыс. руб. серебромъ; затѣмъ эти оранжереи перестраивались и улучшались, главная же перестройка была въ 1847—48 году, когда К. Тонъ перестроилъ пальмовыя оранжереи; нынѣ существующая оранжерея выстроена архитекторомъ Кистеромъ въ началѣ 90-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Въ 1853 году была выстроена оранжерея для *Victoria regia*, которая зацвѣла въ Европѣ въ первый разъ въ Россіи, въ Ригѣ въ оранжереяхъ Вагнера, а затѣмъ и въ Петербургѣ. Въ 1868 году привели въ порядокъ паркъ Ботаническаго сада, въ 1885—86 годахъ закончилось устройство набережной р. Карповки. За этотъ же промежутокъ времени существовавшія при Ботаническомъ садѣ учрежденія, какъ напримѣръ, гербарій, библіотека, расширялись, увеличивались и быстро стали возникать одно

за другимъ научныя, необходимыя для сада, учрежденія и лабораторія.

Ближайшимъ сосѣдомъ Аптекарскаго острова, хотя и не соединеннаго съ нимъ непосредственно, является Крестовскій островъ, носившій неблагозвучное финское названіе Ристи саари (что означаетъ крестъ островъ). Почему этотъ островъ получилъ такое названіе, мы не знаемъ, существуютъ два маловѣроятныхъ объясненія— первое, на этомъ островѣ былъ найденъ крестъ, второе— первоначальныя просѣки были устроены крестъ-на-крестъ. Но если мы не знаемъ, почему дано такое названіе, то изъ шведскихъ старинныхъ картъ мы можемъ увидать, что этотъ островъ былъ обитаемъ до Петра I. Въ самой высокой его части, гдѣ теперь перекинутъ небольшой мостъ на Каменный островъ, на дачѣ Елисеева въ 1702 году имѣлась рыбацья хижина. Петръ Великій подарилъ этотъ островъ своей любимой сестрѣ Наталіи Алексѣевнѣ и былъ у нея въ гостяхъ на островѣ 11 сентября 1715 года. Можно думать, что къ этому времени царица успѣла построить небольшой домикъ, носившій гордое названіе „дворца“. Видимо, Наталія Алексѣевна умерла, не успѣвъ сдѣлать значительныя постройки, и объ островѣ забыли до 4 декабря 1731 года, когда этотъ островъ былъ пожалованъ графу Миниху, который въ то время считался правителемъ Петербурга. Минихъ во времена Анны Іоанновны получилъ очень много земельныхъ участковъ въ Петербургѣ; у него былъ домъ на 1-й линіи Васильевского Острова, ему же принадлежало зданіе нынѣшняго Морского Корпуса, наконецъ, онъ осушилъ для своей дачи мѣстность около нынѣшняго Невскаго проспекта и Пушкинской улицы; понятно, что Минихъ обращалъ мало вниманія на пожалованный ему островъ, однако, одной изъ первыхъ заботъ его было перемѣнить названіе. И Крестов-

скій островъ все время царствованія императрицы Анны Иоанновны звался по имени владѣльца „Христофоровымъ“ островомъ.

Въ далекомъ, холодномъ Пелымѣ, Минихъ, быть можетъ, и вспоминалъ про свой Христофоровъ островъ который сталъ зваться первоначальнымъ названіемъ „Крестовскій“; въ 1743 году этотъ островъ былъ пожалованъ Алексѣю Разумовскому, который и подарилъ его своему брату Кириллу Григорьевичу, будущему малороссійскому гетману. Послѣдній, какъ кажется, сначала обратилъ усиленное вниманіе на островъ: въ 1748 году туда были перевезены два деревянные флигеля изъ петербургскаго на Мойкѣ дома, затѣмъ построень каменный дворецъ, существующій и донынѣ. Но гетманъ недолго жилъ въ Петербургѣ, а Крестовскій островъ изъ дачной резиденціи обратился въ арендную статью. Нужно думать, что въ 60-хъ годахъ XVIII вѣка появился недалеко отъ нынѣшняго Елагинскаго моста трактиръ; первыми содержателями трактира были нѣмцы, и за трактиромъ осталось прозвище „нѣмецкій“. Другой трактиръ—русскій—былъ на мѣстѣ нынѣшняго театра. Около этихъ трактировъ съ незапамятныхъ временъ петербургскіе нѣмцы производили празднованіе своего Кулерберга.

Къ концу XVIII вѣка Крестовскій островъ имѣлъ слѣдующій видъ—тамъ былъ барскій каменный домъ съ двумя флигелями, съ довольно большимъ садомъ и „унавоженнымъ“ огородомъ. Графъ К. Разумовскій содержалъ здѣсь довольно большое хозяйство, на огородѣ было „довольно лучшихъ сортовъ земляники и кустарныхъ ягодъ, т. е. малины, смородины, крыжовника“. Велось также и большое молочное хозяйство. Около нѣмецкаго трактира уже было построено нѣсколько дачъ, которыя и сдавались на лѣто; наконецъ,

на островѣ была и финская деревня, и рядъ нѣмецкихъ садовниковъ; на примѣръ, Нейманъ въ 1787 году, Эйлерсъ въ срединѣ 90-хъ годовъ XVIII столѣтія арендовали землю для садоводства и продавали и „цвѣтушіе гіацинты“ и „въ лучшемъ цвѣтѣ ценпофоліи розаны“. Въ началѣ 1803 года островъ былъ проданъ князю Бѣлосельскому на вотчинномъ правѣ за 120.000 рублей; изъ рукъ князя островъ перешелъ во владѣніе особой акціонерной англійской компаніи, которая предполагала заняться усиленною эксплуатаціей острова, но помѣшала сперва война, потомъ революція. Не можемъ не отмѣтить, что Крестовскій островъ является удобнѣйшимъ мѣстомъ для устройства города-сада. Для этого на-лицо всѣ подходящія условія. Съ Крестовскаго острова можно попасть на Петровскій и Елагинъ.

Петровскій островъ получилъ свое названіе отъ Петра Великаго, который взялъ его въ личное владѣніе. Сдѣлалъ это Петръ Великій, кажется, потому, что Петровскій островъ былъ самымъ низменнымъ, самымъ неудобнымъ, и, культивируя его, Петръ могъ, такимъ образомъ, дать яркій примѣръ, какъ нужно строиться на островахъ. Быть можетъ, у Петра было такое желаніе, но, построивъ небольшой домикъ, поселивъ около него нѣсколько семей самоѣдовъ, вывезенныхъ изъ Архангельской губерніи, да разведя многочисленныхъ павлиновъ, Петръ ничѣмъ не проявилъ особой заботливости объ островѣ. Послѣ смерти Петра, островъ перешелъ во владѣніе царицы Прасковьи Θεодоровны, затѣмъ Екатерины Іоанновны, но, кажется, эти владѣнія были совершенно номинальными: врядъ ли хозяева острова хоть одинъ разъ въ своей жизни навѣстили свой островъ. Съ конца 1738 года на Петровскомъ островѣ, въ виду его безопасности отъ пожаровъ, стали устраиваться различные амбары и магазины. Тутъ были

пеньковые амбары, мундирный магазинъ, а съ начала 50-хъ годовъ XVIII вѣка на Петровскомъ островѣ функционировало еще одно учрежденіе, имѣвшее большое значеніе въ XVIII вѣкѣ, — восковой заводъ, здѣсь воскъ бѣлился и дѣлались восковыя свѣчи, единственный матеріалъ для освѣщенія, употреблявшійся при дворцѣ и въ хорошихъ домахъ.

Екатерина II, какъ мы знаемъ, любила афишировать свое уваженіе, даже болѣе — преклоненіе передъ памятью Петра I. У Петра I на Петровскомъ островѣ былъ дворецъ: одного этого обстоятельства было достаточно для Семирамиды Сѣвера, чтобы архитекторъ Ринальди, любимецъ Екатерины II, въ то время получилъ приказъ составить проектъ, а графъ З. Г. Чернышевъ — порученіе озаботиться постройкою дворца; „6 февраля 1768 года было отпраздновано обѣдомъ и баломъ открытіе новаго дворца на Петровскомъ острову, выстроеннаго подъ наблюденіемъ графа Захара Григорьевича Чернышева“, — такую помѣтку сохранилъ камеръ-фурьерскій журналъ.

Дворецъ былъ построенъ, Екатерина II нерѣдко на шлюпкахъ первое время ѣздила на этотъ островъ въ дворецъ ѣсть уху изъ стерлядей, для которыхъ на островѣ были выкопаны пруды, а потомъ про дворецъ забыли и только въ 1801 году вспомнили, когда онъ былъ отданъ Вольно-Экономическому Обществу для производства агрикультурныхъ опытовъ. Общество дѣятельно принялось за опыты, устроило огородъ, питомникъ, а такъ какъ денегъ у Общества было мало, расходы же по содержанію дворца и огорода были значительны, то Общество рѣшило сдавать землю подъ застройку дачъ, и эта застройка началась приблизительно съ первыхъ годовъ царствованія Николая Павловича, который въ 1836 году отнялъ Петровскій островъ у

Общества и передалъ его наслѣднику престола. Островъ перешелъ въ вѣдѣніе гофъ-интендантской конторы, которая эксплуатировала его, какъ эксплуатировала и другія свои имущества, т. е. съ убыткомъ для царской фамиліи и съ личною прибылью для чиновниковъ. На островѣ сдавались мѣста подъ дачи, заводы, фабрики, безъ обращенія вниманія на какія-нибудь противопожарныя мѣры. Результатомъ этой халатности и былъ пожаръ въ 1912 году, истребившій дворецъ Екатерины II.

Черезъ второй Елагинъ мостъ мы попадаемъ на 4-ый изъ острововъ—Елагинъ островъ.

Въ одну изъ свѣтлыхъ майскихъ ночей 1703 года маленькій отрядъ преображенцевъ дѣлалъ рекогносцировку на островахъ дельты Невы. Осторожно шли русскіе солдаты по небольшому, крайнему ко взморью островку, пробираясь съ трудомъ въ болотистомъ лѣсу... Вдругъ послышался какой-то трескъ. Солдаты остановились, взяли ружья на прикладъ и стали всматриваться въ едва зеленѣющіе кусты, стараясь разглядѣть, гдѣ же притаились шведы. И вдругъ изъ-за большого повалившагося дерева, изъ кучи бурелома съ ревомъ поднялась фигура большого сѣраго медвѣдя.

„Фу, ты, пропасть,—вырвалось у одного изъ русскихъ,—думали шведа увидать, а на Мишку напоролись, значить, островъ этотъ не шведскій, а Мишкинъ.

Такъ и осталось за островомъ названіе—Мишкинъ. Больше никого, кромѣ испугавшаго ихъ Мишки, не нашли солдаты, не было на этомъ островѣ даже столь обычной въ этихъ мѣстахъ убогой хижины рыбака-финна, островъ былъ слишкомъ низмененъ, слишкомъ часто подвергался опасности отъ наводненій. По-шведски этотъ островъ звался Мистула, а мы, современные петербуржцы, знаемъ его подъ названіемъ Ела-

гина острова и уже много лѣтъ повторяемъ, что „Елагинъ островъ на всемъ своемъ протяженіи представляетъ прекраснѣйшій паркъ, въ роскошной зелени котораго возвышается лѣтній императорскій дворецъ. И трудно даже повѣрить, чтобы эта жемчужина петербургскихъ острововъ могла зваться „Мишинымъ островомъ“ и быть мѣстожителемъ сѣрыхъ медвѣдей“.

При Петрѣ Великомъ нынѣшній Елагинъ островъ выпросилъ одинъ изъ царскихъ любимцевъ, баронъ Петръ Павловичъ Шафировъ. Официально островъ пересталъ зваться Мишинымъ, а получилъ названіе по фамиліи владѣльца—Шафировъ островъ. Не успѣли привыкнуть къ этому новому названію, какъ владѣлецъ его впалъ въ опалу, былъ лишенъ своихъ владѣній, островъ перешелъ къ другому любимому деньщику Петра Великаго — къ Ягужинскому. Послѣдній не замедлилъ окрестить своимъ именемъ новое владѣніе, но петербуржцы не хотѣли звать островъ Ягужинскимъ — они именовали его по старому „Мишинъ островъ“. Отъ сына Ягужинскаго островъ былъ приобрѣтенъ А. П. Мельгуновымъ, первымъ русскимъ, подчеркиваемъ это слово, директоромъ Сухопутнаго Шляхетнаго Корпуса (нынѣ 1-й кадетскій корпусъ). До сихъ поръ, пожалуй, всѣ заботы владѣльца острова заключались въ перемѣнѣ наименованія острова; островъ оставался такимъ же дикимъ, необитаемымъ, можетъ быть, построилась караульня, да лѣтомъ косилось сѣно по лужайкамъ острова. А. П. Мельгуновъ обратилъ болѣе вниманія на этотъ островъ, предполагая устроить на немъ свое лѣтнее пребываніе. Уже въ 1763 году здѣсь были выстроены „жилые покои“, разбитъ огородъ. А въ 1765 году 27 іюля сама Екатерина II на шлюпкѣ посѣтила Мишинъ островъ, была на дачѣ „его превосходительства Андрея Петровича Мельгунова“. А. П.

Мельгуновъ владѣлъ этимъ островомъ до конца 70-хъ годовъ XVIII вѣка, въ это время онъ былъ назначенъ правителемъ ярославскаго намѣстничества и долженъ былъ покинуть Петербургъ. Уѣзжая, онъ продалъ островъ другому екатерининскому вельможѣ, приближенному къ Екатеринѣ II, ея статсъ-секретарю по приему прошеній, страстному театралу и поклоннику молодыхъ актрисъ, Ивану Перфильевичу Елагину. Прежде всего, островъ былъ обнесенъ высокимъ землянымъ валомъ въ предохраненіе отъ наводненія. Этотъ валъ былъ сдѣланъ настолько широкимъ, что на немъ были посажены деревья въ видѣ аллеи—аллея сохранилась до нашихъ дней, затѣмъ были прочищены рощи, прорыты пруды, засыпаны болота и воздвигнуть „по особливому плану“ приблизительно тамъ, гдѣ помѣщается дворецъ“, барскій домъ. Передъ домомъ, напротивъ Каменнаго острова, была устроена широкая набережная изъ дикаго камня, на которой возвышалось 12 пушекъ. Когда пріѣзжала императрица или другіе именитые гости, изъ пушекъ раздавалась пальба, а стоящій на пристани оркестръ встрѣчалъ пріѣзжавшихъ торжественнымъ маршемъ. Отъ Елагина островъ перешелъ на очень короткій срокъ во владѣніе гр. Орлова, а у послѣдняго онъ былъ купленъ Императоромъ Александромъ I за 350.000 руб. въ 1817 году, съ какого года островъ пересталъ быть частной собственностью; 3 февраля 1818 года императоромъ Александромъ I была поручена общая перестройка Елагина острова геніальному архитектору Росси. Послѣдній воспользовался уже существующими постройками и не обратилъ вниманія на Стрѣлку. Это понятно — на Каменномъ островѣ было лѣтнее мѣсто пребыванія императора Александра I, слѣдовательно нужно было устроить новый дворецъ поближе къ Каменноостровскому. Появился нынѣ существующій дво-

рець Росси — и здѣсь была лѣтняя резиденція Николая I.

Когда же появилось то увлеченіе Стрѣлкою, которое мы наблюдаемъ въ наши дни?

Оказывается, что этимъ занятіемъ — любоваться закатомъ солнца на стрѣлкѣ Елагина острова — петербуржцы начали заниматься съ 1847 года, и примѣръ этому показали дачники Каменнаго и Крестовскаго острововъ, которые стали собираться „по вечерамъ на сѣверо-западную оконечность Елагина острова любоваться патріархально закатомъ ингерманландскаго солнца“. Какъ видимъ, это занятіе было встрѣчено насмѣшкою, а затѣмъ оно понравилось, вошло въ моду и остается въ своей силѣ.

Послѣдній островъ, который намъ осталось рассмотреть — Каменный, — точно также перемѣнилъ рядъ владѣльцевъ; при Петрѣ Великомъ хозяиномъ его былъ первый канцлеръ графъ Головкинъ, который, искусно лавируя, благополучно продержался у кормила власти въ теченіе трехъ царствованій; но не такъ счастливъ былъ его сынъ, вице канцлеръ графъ Михаилъ Гавриловичъ Головкинъ, ближайшій сторонникъ принцессы Анны Леопольдовны, которой онъ посовѣтовалъ объявить себя императрицею. Государственный переворотъ 1741 года привелъ графа сначала въ тюрьму, затѣмъ — на эшафотъ на Сенатской площади, откуда, наконецъ, въ ссылку въ Чермани, такъ звалось пустынное зимовье Якутской области. Графъ М. Головкинъ былъ женатъ на Екатеринѣ Ивановнѣ Рамодановской, единственной внучкѣ „его высочества князя кесаря Петра Великаго“. Императрица Елизавета Петровна, утвердивъ приговоръ, послала сказать женѣ Головкина, что „непричастная къ преступленіямъ мужа, она сохраняетъ званіе статсъ-дамы, остается при всѣхъ своихъ правахъ

и можетъ пользоваться ими гдѣ и какъ угодно*. Но Екатерина Ивановна дала достойный отвѣтъ: „Любила я мужа въ счастіи, люблю его и въ несчастіи и одной милости прошу, чтобъ съ нимъ быть неразлучно“. Эта милость была дарована и графиня поѣхала вмѣстѣ съ мужемъ, прожила съ нимъ 14 лѣтъ и не только не позволила себѣ за эти долгіе годы заплакать при мужѣ, но послѣдній не слыхалъ отъ нея ни одной жалобы, ни одного слова укоризны.

Каменный островъ былъ конфискованъ. Дальнѣйшая судьба его такова. Островъ былъ подаренъ другому канцлеру, Бестужеву-Рюмину, у котораго этотъ островъ былъ купленъ Екатериною II и подаренъ наслѣднику престола Павлу Петровичу. Для него былъ построенъ архитекторомъ Баженовымъ дворецъ, въ которомъ Павелъ былъ ровно два раза въ своей жизни. Послѣ смерти Павла дворецъ полюбился Императору Александру I, который, какъ мы и говорили выше, избралъ его своею резиденціею.

П Р И Л О Ж Е Н І Я.

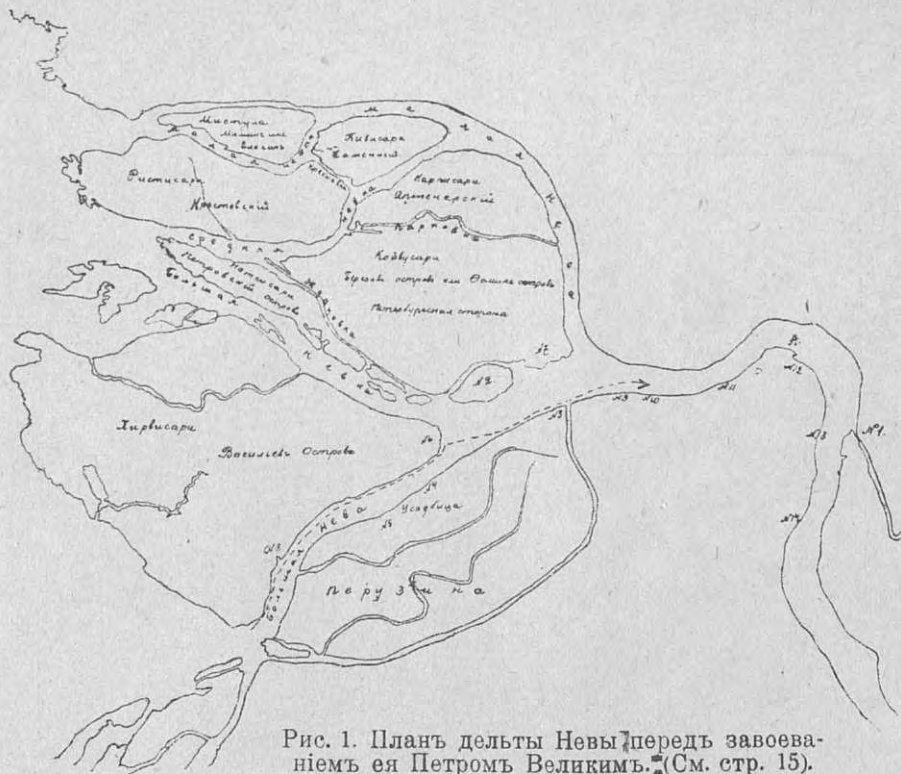

Рис. 1. Планъ дельты Невы, передъ завоеваніемъ ея Петромъ Великимъ. (См. стр. 15).

Рис. 2. Планъ части Петербургской Стороны съ крѣпостью. (См. стр. 56).

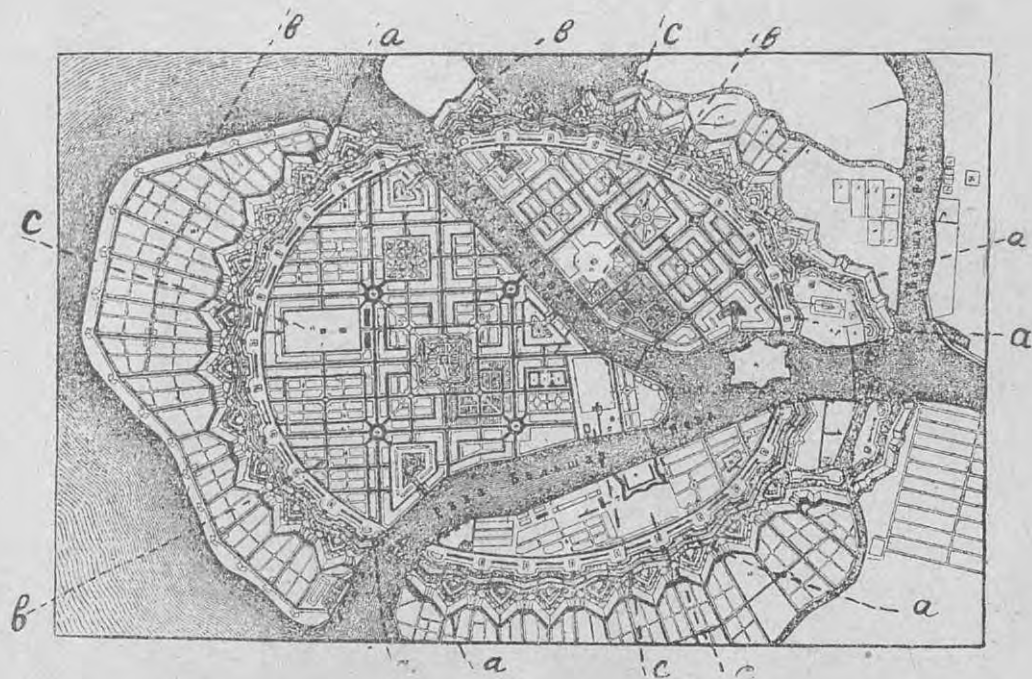

Рис. 3. Проектный планъ Васильевского Острова, составленный Леблонемъ.
(См. стр. 112).

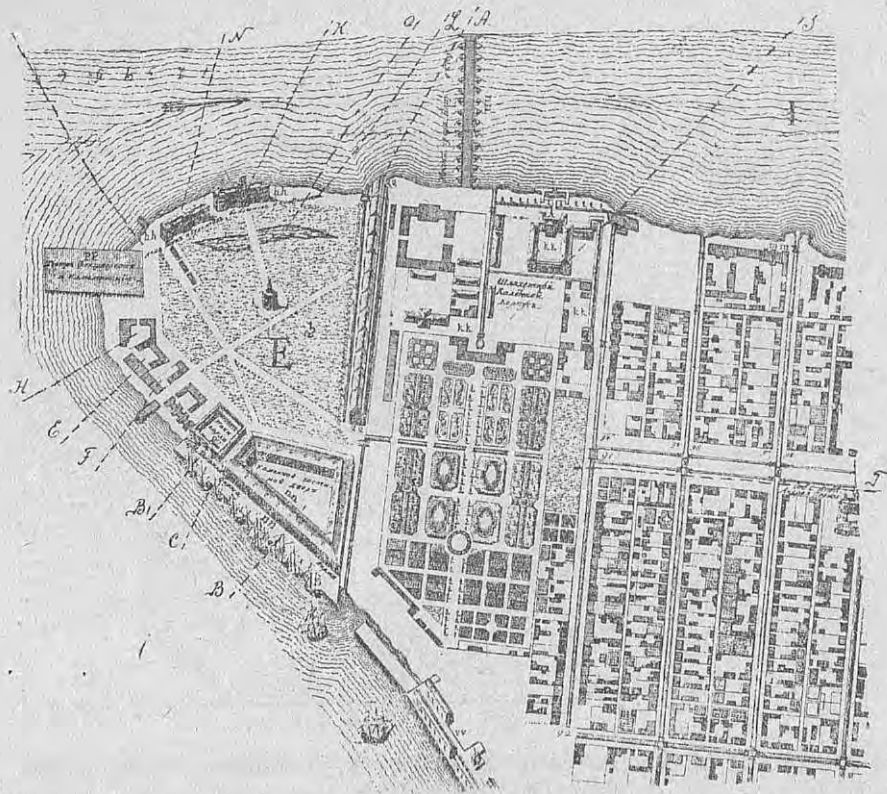

Рис. 4. Стрелка Васильевского Острова, по плану Махаева. (См. стр. 117).

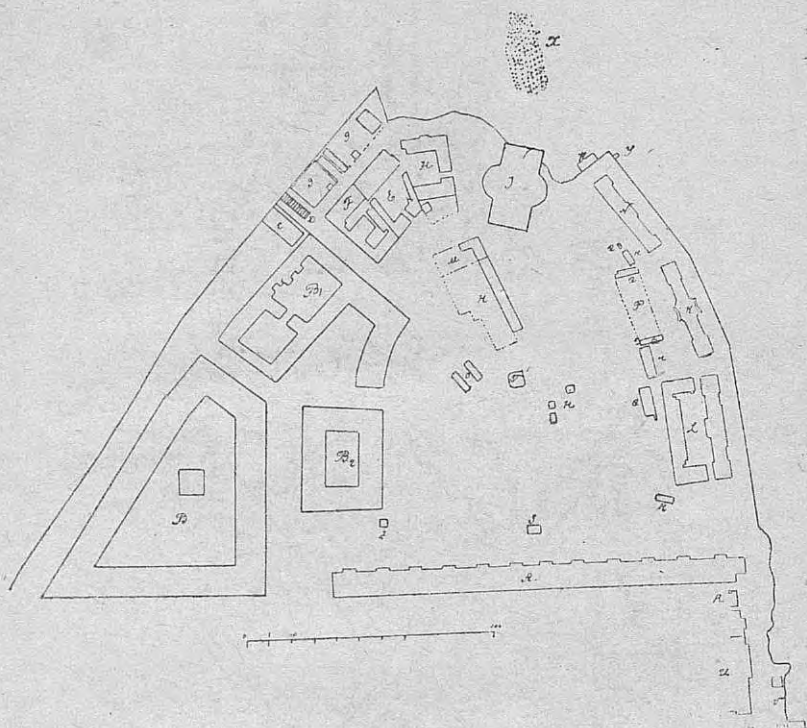

Рис. 5. Стрѣлка Васильевского Острова, по плану Гваренги, съ начатою постройкою биржи и полуциркульнымъ цейхгаузомъ.
(См. стр. 132).

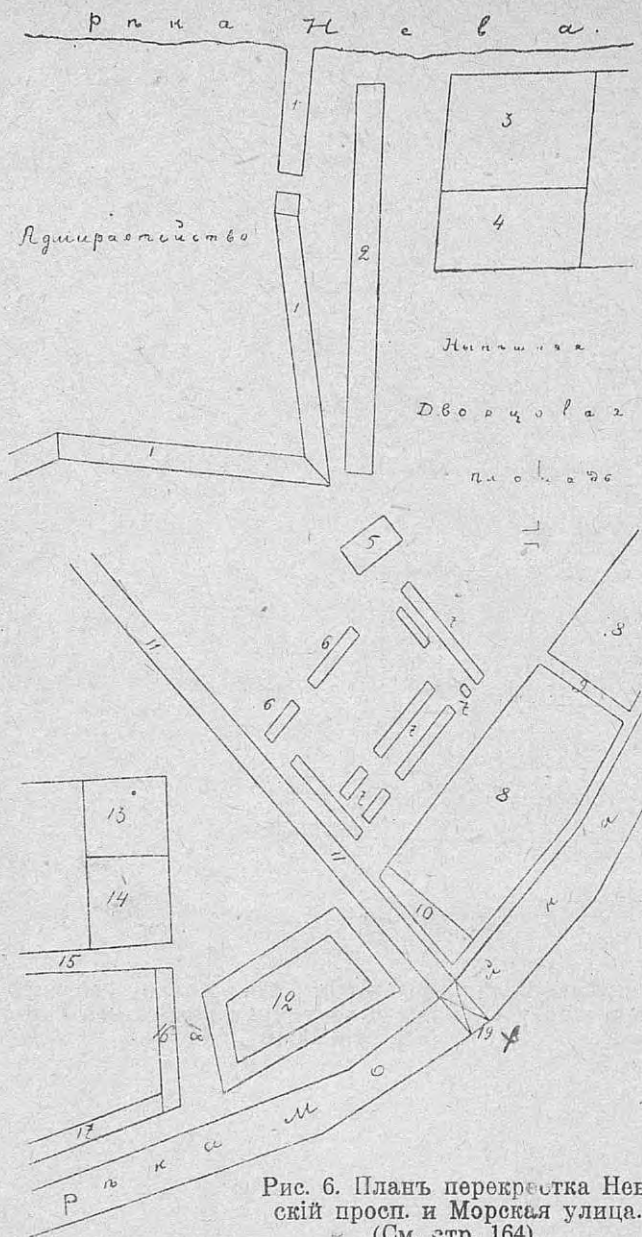
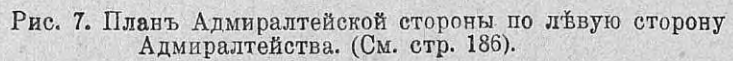

Рис. 6. Планъ перекрестка Нев-
скій просп. и Морская улица.
(См. стр. 164).

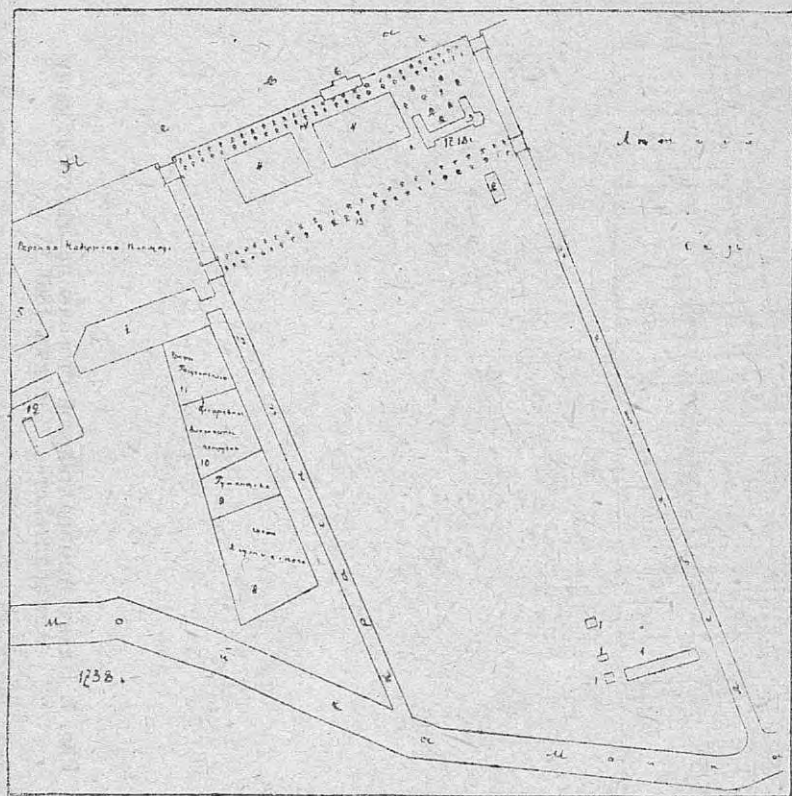

Рис. 8. Планъ Царицына Луга. (См. стр. 210).

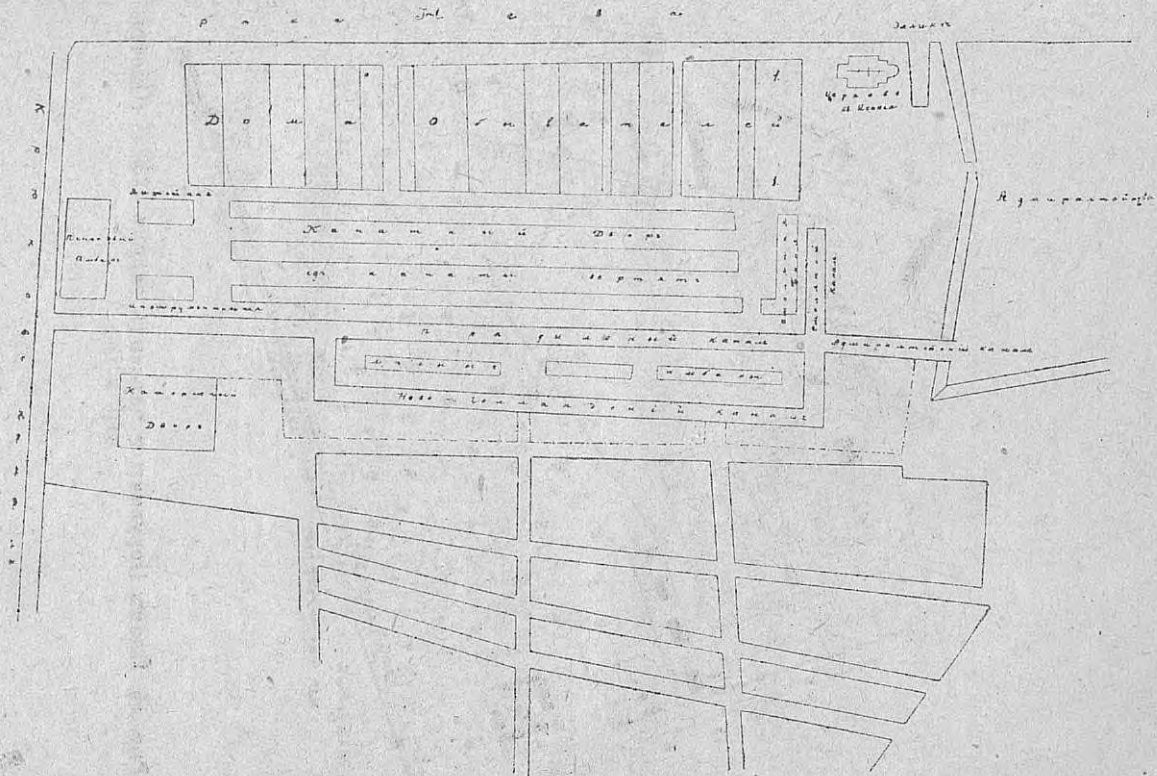

Рис. 9. Планъ Адмиралтейской части по правую сторону Адмиралтейства. (См. стр. 215).

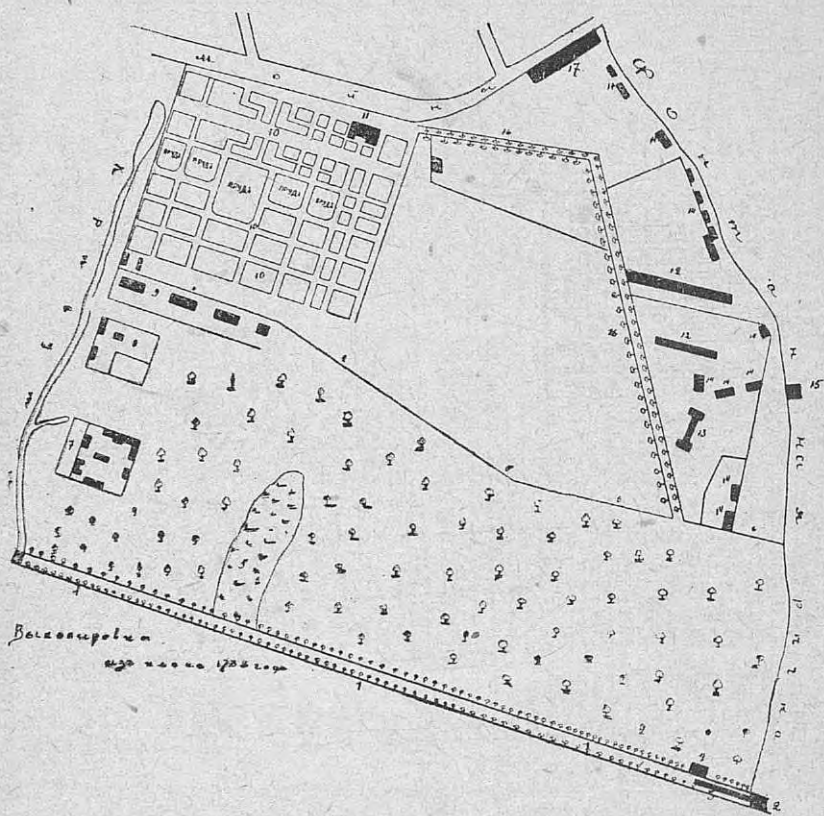

Рис. 10. Планъ Порубины и царскихъ садовъ 1738 г. (Смотри стр. 261).

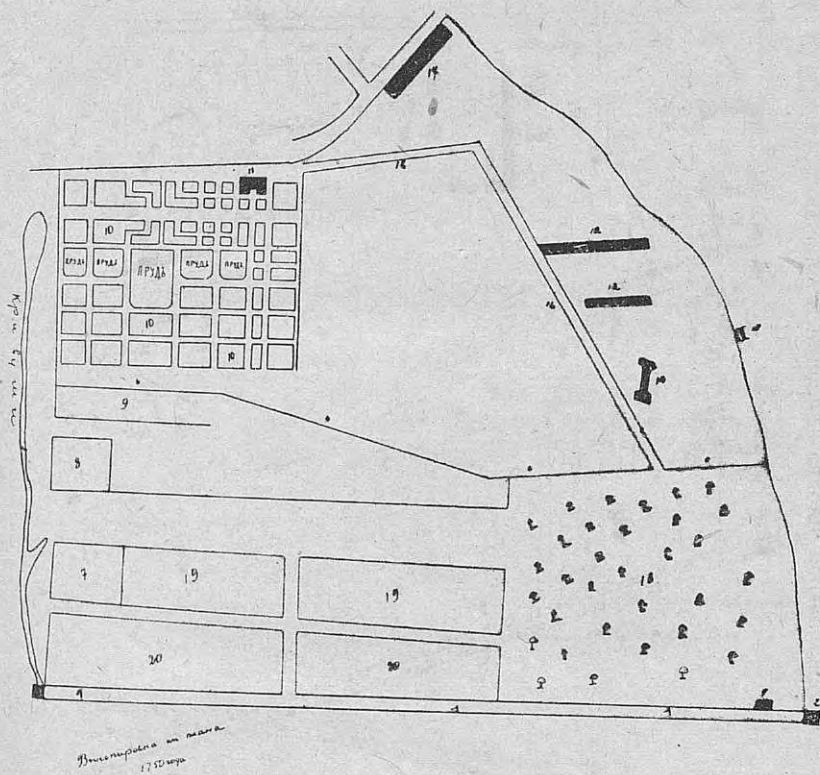

Рис. 11. Планъ Перузины и царскихъ садовъ 1750 г. (Смотри стр. 264).

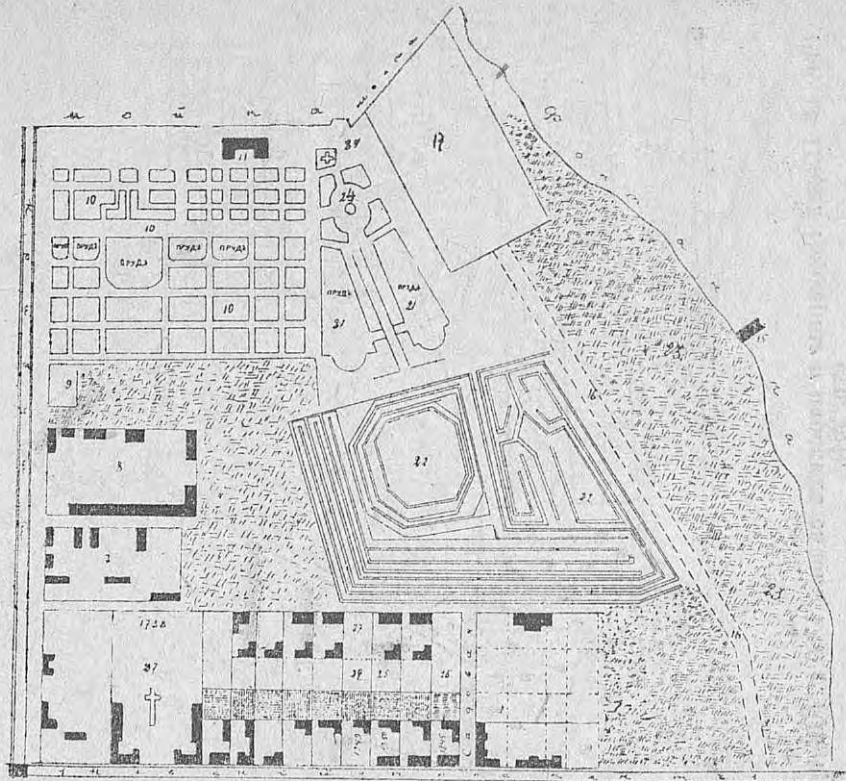

Рис. 12. Планъ Перузины и царскихъ садовъ, составленный Махавымъ.
(См. стр. 265).

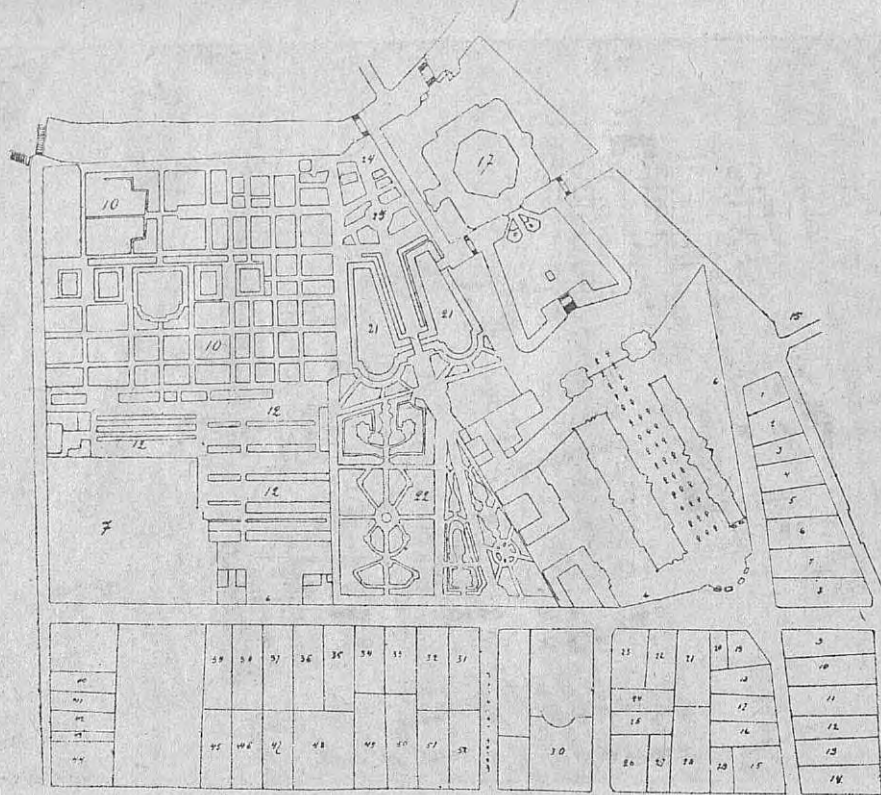

Рис. 13. Планъ Перузины и царскихъ садовъ 1804 года. (См. стр. 269).

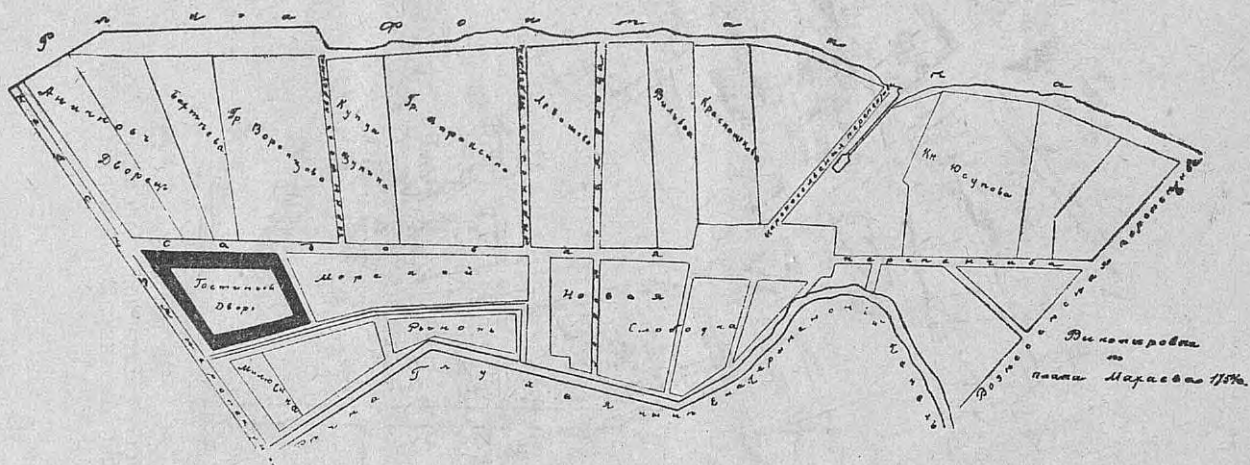

Рис. 15. Планъ Садовой улицы съ участками по Фонтанкѣ. (См. стр. 288).

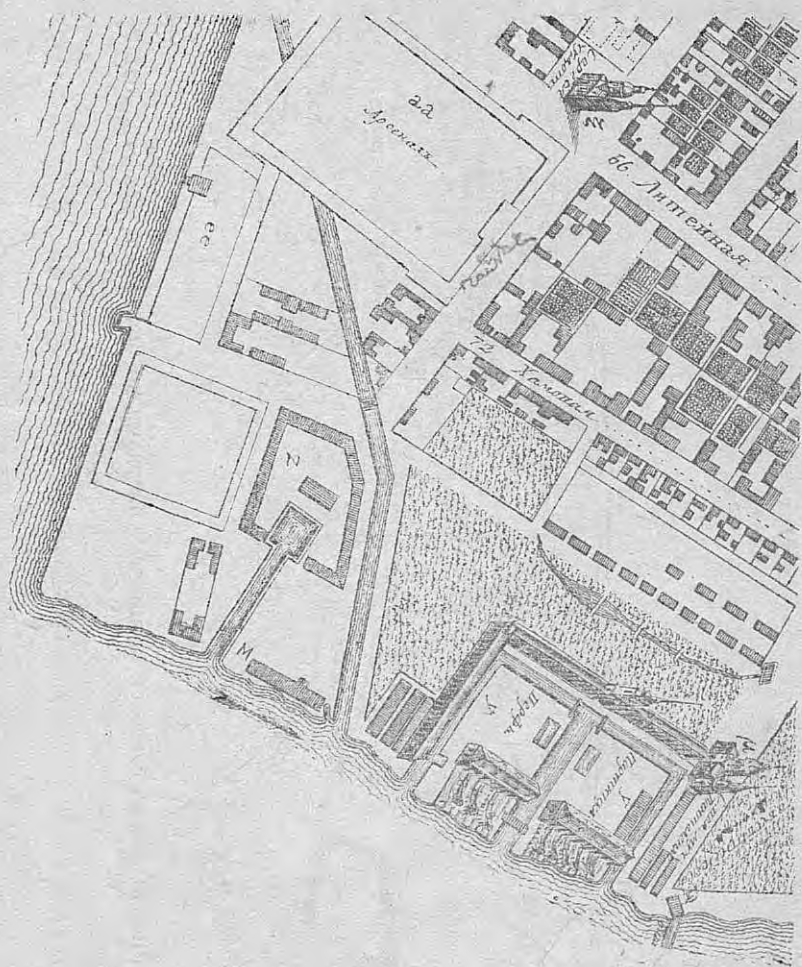

Рис. 16. Часть плана Литейной стороны съ Арсеналомъ, церковью св. Сергія, Партикулярной верфью. (См. стр. 318),

О г л а в л е н і е.

	Стр.
Отъ издательства	III—IV
Введеніе	5— 22
Глава I.—Петропавловская крѣпость	23— 54
„ II.—Петербургская Сторона	55 106
„ III.—Васильевскій Островъ	107—150
„ IV.—Адмиралтейская часть	151—184
„ V.—Адмиралтейскій Островъ	185—222
„ VI.—Вторая Адмиралтейская часть	223—259
„ VII.—Перузина	260—304
„ VIII.—Литейная часть	305—326
„ IX.—Александрo-Невская часть	327—345
„ X.—Рабочій Петербургъ	346—362
„ XI.—Жемчужины стараго Петербурга	363—376
Приложенія: Чертежи	377—394
Объявленія	396—400

ИЗДАНИЯ ТОВАРИЩЕСТВА „КОЛОСЪ“

(БЫВШ. „РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ“).

Петроградъ,
Литейный пр., 21.

Москва,
Б. Никитская, 22.

Ивановъ-Разумникъ.

**ИСТОРИЯ РУССКОЙ
ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ.**

5-е изданіе, дополненное и переработанное авторомъ.

СОДЕРЖАНІЕ ВЫПУСКОВЪ:

Часть I. Отъ Радищева до декабристовъ.

„ II. Отъ двадцатыхъ до сороковыхъ годовъ. Пушкинъ, Лермонтовъ.

„ III. Западники и славянофилы. Утопическій социализмъ. Петрашевцы, Бѣлинскій, Герценъ.

„ IV. Шестидесятые годы, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ. Кружки 60-хъ годовъ.

Часть V. Семидесятые годы. Лавровъ, Бакунинъ, Михайловскій. „Земля и Воля“ и „Народная Воля“.

„ VI. Отъ шестидесятыхъ годовъ къ восьмидесятымъ. Толстой, Достоевскій.

„ VII Девяностые годы. Марксизмъ. Чеховъ и Горькій.

„ VIII. Отъ девяностыхъ годовъ къ революціи 1917 г. Библиографія. Указатель именъ.

Каждая часть представляетъ собою законченное цѣлое.

Каждый выпускъ—размѣромъ около 10—12 печ. лист.

Поступили въ продажу I—VII вып.

Цѣна наждаго выпуска 4 руб.

Сданъ въ печать сборникъ

„ИСКУССТВО И НАРОДЪ“.

Подъ редакціей К. А. Эрберга.

ИЗДАНІЯ ТОВАРИЩЕСТВА „КОЛОСЪ“

(БЫВШ. „РЕВОЛЮЦІОННАЯ МЫСЛЬ“).

Петроградъ,
Литейный пр., 21.

Москва,
Б. Никитская, 22.

П Е Ч А Т А Е Т С Я

ПЕРВОЕ

== СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ ==

ЛЕОНИДА ЭММАНУИЛОВИЧА ШИШКО

подъ редакціей П. ВИТЯЗЕВА.

Все изданіе составитъ четыре тома, около 300 стр. каждый, и будетъ заключать въ себѣ всѣ наиболѣе яркія и характерныя работы одного изъ виднѣйшихъ теоретиковъ молодого народничества, каковымъ является для партіи соц.-рев. Л. Э. Шишко.

Въ настоящее собраніе сочиненій войдутъ:

Томъ I.—Біографія Л. Э. Шишко, составленная Ф. Волховскимъ. Статьи по вопросамъ экономики и исторіи.

Томъ II.—Статьи по вопросамъ программы и тактики.

Томъ III.—Статьи по исторіи русской общественности.

Томъ IV.—Статьи по исторіи русской общественности. Письма Шишко. Похороны. Рѣчи на могилѣ. Письма и телеграммы по случаю смерти. Библіографія.

Въ виду печатанія ограниченнаго количества экземпляровъ, принимается предварительная запись при условіи внесенія задатка въ 5 рублей, засчитывающагося при высылкѣ послѣдняго тома. Три первыхъ высылаются наложеннымъ платежомъ.

Вышелъ и разсылается подписчикамъ IV томъ слѣдующаго содержанія: I. Крестьянство и русская общественность.—Прошлое и настоящее. Крестьянское и народническое движеніе. По поводу сорокалѣтней годовщины освобожденія крестьянъ. II. Интеллигенція и революція.—Къ вопросу о роли интеллигенціи въ революціонномъ движеніи. Роль интеллигенціи въ освободительномъ движеніи. III. Личныя воспоминанія.—Сергѣй Михайловичъ Кравчинскій и кружокъ чайковцевъ. Изъ воспоминаній прошлаго. Къ характеристикѣ движенія начала 70-хъ годовъ. Михаилъ Рафаиловичъ Гоць. IV. Письма.—Письмо къ матери. Изъ писемъ къ І. Д. Смирнову. V. Приложенія.—Похороны Л. И. Шишко. Рѣчи на могилѣ. Письма и телеграммы. Библіографія.

Цѣна 8 руб. за томъ.

ИЗДАНИЯ ТОВАРИЩЕСТВА „КОЛОСЪ“

(БЫВШ. „РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ“).

Петроградъ,
Литейный пр., 21.

Москва,
Б. Никитская, 22.

„МЫСЛЬ“, АЛМАНАХЪ-ЖУРНАЛЪ, № 1.

Содержаніе: С. Есенинъ. „Пришествіе“.—Н. Венгровъ. „Земля въ солнцѣ“.—Victor. „Утро“.—Victor. „Море“.—В. Самборъ. „Петрограду“.—А. Ахматова. *.*.—А. Ремизовъ. „Странница“.—Е. Замятинъ. „Знаменіе“.—Н. Кузьминъ. „Человѣка надо“.—Н. Русановъ. „Крестьяне въ программахъ русскихъ социалстовъ послѣ 19 февраля“.—В. Лункевичъ. „О нашихъ дняхъ“.—Н. Кудринъ. „Февральская революція и октябрьскій переворотъ“.—В. Черновъ. „Охлосъ и демосъ“.—А. Гизетти. „Стихія и творчество“.—В. Черновъ. „Изъ политическаго дневника“.—А. Александровичъ. „О душѣ народной“.—Е. Головинская. „Солдатское слово объ игрѣ“.—Мих. Платоновъ. „Скифы-ли?“.

Цѣна 8 руб.

„БОЛЬШЕВИКИ У ВЛАСТИ“.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ.

Содержаніе: 1. Д. С. Розенблюмъ.—Соціально-психологическія основы большевизма. 2. В. М. Черновъ.—Внѣшняя политика большевизма. 3. О. Ртищевъ.—Партія стихійно-демобилизующейся арміи. 4. М. В. Вишнякъ.—Большевики и демократія. 5. Н. Д. Святицкий.—Большевики и Всероссийское Учредительное Собраніе. 6. П. В. Киржановъ.—Въ защиту мѣстнаго самоуправленія. 7. В. В. Лункевичъ.—Большевики и интеллигенція. 8. Д. Ф. Раковъ.—Финансовая политика большевистской власти. 9. Н. А. Николаевъ.—Кооперация и большевизмъ. 10. В. А. Панъ.—Экономическія послѣдствія основнаго закона о социализаціи земли. 11. Н. Д. Кондратьевъ.—По пути къ голоду. 12. М. Я. Гендельманъ (Якобій).—Большевизмъ и диктатура рабочаго класса.

Цѣна 10 рублей.

ДЕМОКРАТІЯ И ЕЯ ПОЛИТИЧЕСКІЯ ЗАДАЧИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

П. Сорокина, Сергѣя Маслова, М. Вишняка, Н. Печерина.

Цѣна 3 руб.

КРЕСТЬЯНСТВО И ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Л. Шашко, Н. Я. Быховскаго, Л. Брендстеда, Семена Маслова,
Н. Смирнова.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

ИЗДАНИЯ ТОВАРИЩЕСТВА „КОЛОСЪ“

(БЫВШ. „РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ“).

Петроградъ,
Литейный пр., 21.

Москва,
Б. Никитская, 22.

ТРУДОВОЕ КРЕСТЬЯНСТВО И ЕГО ЗАДАЧИ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Викт. Чернова, Н. Я. Выховскаго, А. Ф. Дѣдусеико.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

РАБОЧИЙ ВОПРОСЪ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

И. А. Прилежаева, С. Д. Масловскаго, Л. С. Зака.

Цѣна 2 руб. 50 коп.

Л. ШИШКО.

РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

Въ 3-хъ частяхъ.

Цѣна каждой части по 1 руб.

П. ЛАВРОВЪ.

КОМУ ПРИНАДЛЕЖИТЬ БУДУЩЕЕ.

Цѣна 1 руб. 40 коп.

Н. ПЕТРОВЪ.

МУНИЦИПАЛЬНЫЯ ЗАДАЧИ СОЦІАЛИЗМА.

Цѣна 4 рубля.

КРАСНЫЙ ЗВОНЪ.

СБОРНИКЪ СТИХОВЪ

С. ЕСЕНИНА, Н. КЛЮЕВА, П. ОРѢШИНА, А. ШИРЯЕВЦА

со вступительной статьей

ИВАНОВА-РАЗУМНИКА.

Обложка и концовка работы худож. А. Арнштамъ.

Цѣна 4 руб.

Алексѣй Ремизовъ.

СТРАННИЦА.

Повѣсть.

Цѣна 2 руб.

Войничъ. **ОВОДЪ.** Романъ.

Цѣна 3 руб.

По Беллами. **ЧЕРЕЗЪ СТО ЛѢТЪ.** Романъ.

Цѣна 2 руб.

К. Ф. Мейеръ.

НАРОДНЫЙ ВОЖДЬ ГЕОРГЪ ЕНАЧЪ.

Романъ (печатается).

ИЗДАНИЯ ТОВАРИЩЕСТВА „КОЛОСЪ“

(БЫВШ. „РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ“).

Петроградъ,
Литейный пр., 21.

Москва,
Б. Никитская, 22.

„КОРОБЕЙНИКЪ“.

Чтеніе для города и деревни.

Поступили на складъ:

Цѣна.

№ 1.	Н. А. Некрасовъ. — „Коробейники“	35 к.
№ 2.	Его-же. „Русскія женщины“	35 к.
№ 3.	Ө. М. Достоевскій. — 1) Мармеладовъ въ ка-
бакъ; 2) Смерть Мармеладова	50 к.
№ 4.	Л. Н. Толстой. — „Два старика“	40 к.
№ 5.	А. П. Чеховъ. — 1) „Унтеръ Пришибеевъ“;
2) „Хамелеонъ“	25 к.
№ 6.	Л. Н. Толстой. — „Упустишь огонь — не потушишь“	35 к.
№ 7.	Ө. М. Достоевскій. — Купецъ Скотобойниковъ
(изъ „Подростка“)	35 к.
№ 8.	Е. И. Замятинъ. — 1) „Письменно“; 2) „Кряжи“	35 к.
№ 9.	Н. С. Лѣсковъ. — „Лѣвша“	50 к.
№ 10.	А. Ремизовъ — „Никола Милостивый“	35 к.
№ 11.	И. С. Тургеневъ. — „Первая любовь“	85 к.

Печатаются:

- Г. И. Успенскій. — „Неизлѣчимый“.
- Н. С. Лѣсковъ. — „Цыганка“ (изъ „Очарованнаго странника“).
- М. Горькій. — Разказы.
- В. С. Слѣпцовъ. — Питомка.
- Ал. Н. Толстой. — Разказы.
- М. Е. Салтыковъ (Н. Е. Щедринъ). — Пропала совѣсть.
- М. Е. Салтыковъ (Н. Е. Щедринъ). — Развеселое житье.
- Н. С. Лѣсковъ. Скоморохъ Памфалонъ.
- А. П. Чеховъ. Бабы.
- А. П. Чеховъ. Разказъ старшаго садовника.

Склады изданій Коопер. Книгоизд. Т-ва „КОЛОСЪ“:

- 1) Петроградъ, Литейный просп., № 21 и 23.
- 2) Москва, Большая Никитская, д. № 22,
- 3) Екатеринбургъ, Главный просп., д. № 24—8.
- 4) Самара, Нижній-Новгородъ и др.

ИЗДАНИЯ ТОВАРИЩЕСТВА „КОЛОСЬ“

(бывш. „РЕВОЛЮЦИОННАЯ МЫСЛЬ“).

Петроградъ,
Литейный пр., 21.

Москва,
Б. Никитская, 22.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА ПЕРВОЕ

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ПЕТРА ЛАВРОВИЧА ЛАВРОВА

подъ редакціей

П. Витязева и А. Гизетти.

Въ цѣляхъ сдѣлать П. Л. Лаврова доступнымъ наиболѣе широкимъ слоямъ читающей публики, все собрание сочиненій П. Л. Лаврова разбито на 8 серій, объединенныхъ исключительно внутреннимъ содержаніемъ.

- I серія. Статьи по философіи, 6 выпусковъ.
II > Статьи по вопросамъ этики, 3 выпуска.
III > Статьи научнаго характера, 8 выпусковъ.
IV > Статьи историко-философскія, 10 выпусковъ.
V > Статьи по исторіи религіи, 2 выпуска.
VI > Статьи социально-политическія, 8 выпусковъ.
VII > Статьи историко-литературныя, 3 выпуска.
VIII > Опытъ исторіи мысли новаго времени, 10 выпусковъ.

Число выпусковъ по каждой серіи можетъ быть увеличено, въ зависимости отъ поступленія въ редакцію неизданныхъ произведеній Лаврова или вновь разысканныхъ статей его въ старыхъ изданіяхъ.

Одновременно съ печатаніемъ сочиненій П. Л. Лаврова, издательство дастъ IX, дополнительную серію статей о П. Л. Лавровѣ, куда войдутъ его автобіографія и бібліографія,—4 выпуска.

Каждая серія представляетъ собой вполне законченное цѣлое и будетъ выходить самостоятельными выпусками, около 10 печатныхъ листовъ въ среднемъ каждый выпускъ, со своей собственной нумераціей.

Къ концу каждой серіи отдѣльно издательствомъ будетъ данъ указатель собственныхъ именъ.

Предварительная подписка принимается какъ на всѣ серіи сразу, такъ и на каждую серію отдѣльно. При подпискѣ на всѣ серіи вносится задатокъ въ размѣрѣ 25 руб. и при подпискѣ на отдѣльную серію—5 руб., засчитывающіеся при высылкѣ послѣднихъ выпусковъ. Текущіе выпуски высылаются наложеннымъ платежомъ.

Подписчики пользуются 25-ти процентной скидкой съ номинальной стоимости каждого выпуска.

Вышли и поступили въ продажу: 2-й вып. I серіи, 1, 2 и 8 вып. III серіи, 1 и 9 вып. IV серіи и 1-й вып. V серіи.

Пріемъ заказовъ и подписки принимается издательствомъ «Колось»: Петроградъ, Литейный, 21.

Цена 15 руб.

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

ПЕТРОГРАДЪ.

Литейный проспектъ, д. 21.

МОСКВА.

Большая Никитская, д. № 22.